

OCR Ю.Н.Ш. yu_shard@newmail.ru

Июнь-Июль 2004 г.

В фигурные скобки {} здесь помещены
номера (для Предисловия — римскими цифрами)
страниц (окончания) издания-оригинала.

**ВИЗАНТИЙСКИЕ
ИСТОРИКИ,
ПЕРЕВЕДЕННЫЕ С ГРЕЧЕСКОГО
ПРИ
С. ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.**

**САНКТПЕТЕРБУРГ.
В ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДЕЛОВ.
1862**

От Санктпетербургского Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется, мая 21 дня 1862 года.
Цензор Архимандрит Сергей.

**РИМСКАЯ ИСТОРИЯ
НИКИФОРА ГРИГОРЫ,
НАЧИНАЮЩАЯСЯ
СО
ВЗЯТИЯ КОНСТАНТИНОПОЛЯ ЛАТИНЯНАМИ.**

**ТОМ 1.*
(1204—1341).**

Перевод
под редакцию бакалавра П. Шалфеева.

* Как сказано во вступительной статье «Никифор Григора и его Римская История», «История» Н. Григоры включает в себя 37 книг. Между тем в издание 1862 г., объявленном, как «Том 1», входит всего 11 книг. Мне, как неспециалисту по византийской истории, неизвестно был ли издан «Том 2», включающий в себя книги 12—37 (гг. 1342—1359) в переводе на русский язык. Ссылки на такое издание мне не встречались. Я думаю, что этого издания и вовсе не было (скорее всего из-за смерти переводчика 1-го тома П. И. Шалфеева, случившейся как раз в 1862 г., т. е. в год выхода 1-го тома. См. «Полный православный энциклопедический словарь», Т. 2, репр. изд., 1992 г.). Если я неправ, пусть меня поправят. — Ю. Ш.

НИКИФОР ГРИГОРА

И

ЕГО РИМСКАЯ ИСТОРИЯ.

Никифор Григора¹ родился около 1295 г. в Азии, в царствование Андроника старшего. Патриарх Филофей представляет его пафлагонцем², а сам он³ называет себя в своем разговоре «о Мудрости» ираклийцем. В самом деле, у него был дядя, Иоанн митрополит Ираклии, т. е. той, которая называется еще понтийскою и находится в пределах Пафлагонии. Под руководством этого-то родственника, Григора получил свое первоначальное образование. Он глубоко уважал и любил этого достойнейшего архипастыря и составил его жизнеописание⁴. О родителях же Григоры ничего неизвестно.

Из Ираклии перебравшись в Византию⁵, Григора поступил под руководство патриарха Иоанна Гликиса, ученейшего и красноречивейшего человека своего времени. Он так дорожил наставлениями и беседою патриарха, что и днем и ночью старался пользоваться {V} ими⁶; а патриарх настолько был доволен слогом своего слушателя, что изнуренный болезнью, поручил Григоре изложить свою последнюю волю⁷. Впрочем изложение Григоры не таково, чтобы им можно было всякому довольствоваться и чтобы трудно было в нем заметить значительные недостатки. Оно слишком изысканно, отличается напыщенностью и преувеличениями, частым повторением не только слов, но и мыслей, неупотребительными оборотами, солецизмами.

Как в красноречии Григора имел наставником Иоанна Гликиса, так в астрономии великого логофета, Федора Метохита⁸. И этот наставник Григоры был очень доволен своим слушателем; потому что не раз называл его наследником своей учености⁹, что выразил с особенною силою и в стихах, написанных Григоре из ссылки. Мало того. Метохит любил его, как родного сына. Возобновив с большими издержками монастырь Хоры, Метохит поместил здесь Григору в особом доме¹⁰, предоставил ему надзор за тамошними, особенно дорогими, вещами и, умирая, поручил обитель его попечению¹¹.

В свою очередь Григора учил детей Метохита, именно — сына и дочь, и объяснял им сочинения древних писателей, превращая, по его выражению, ночь трудных мест в день¹². Как видно, его уроки не пропали даром. В речи, которую однажды говорила дочь Метохита {VI} своему отцу, слишком заметно влияние Григоры,— подражание его речи со всеми ее достоинствами и недостатками¹³. К самому Метохиту он относился с глубоким уважением и имел на него влияние: однажды, когда Метохит глубоко был поражен предвестиями для себя тяжкого бедствия, Григора его утешил и успокоил своею речью¹⁴. По смерти Метохита, он сказал надгробное слово, в котором сквозь высокопарные и напыщенные фразы проглядывает неподдельное чувство¹⁵.

¹ Предлагаемое здесь жизнеописание Григоры, составлено по руководству Боивина; написанное им жизнеописание помещено в боннском издании 1829 г. (pp. XIX—XLIV).

² Antirrhet. XII cod. reg. 1996 fol. 283.

³ Истор. кн. 9, гл. 7.

⁴ Кн. 9, гл. 7.

⁵ В 1316 г.

⁶ Ист. кн. 8.

⁷ В 1320 г.

⁸ Истор. кн. 8, гл. 8.

⁹ Там же, гл. 5.

¹⁰ Кн. 9, гл. 13.

¹¹ Кн. 22, гл. 2.

¹² Кн. 8, гл. 5.

¹³ Кн. 8, гл. 6.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кн. 10, гл. 2.

При Андронике старшем, покровительствовавшем людям образованным, византийский дворец был приютом образования и учености¹. Здесь часто собирались ученые, рассуждали о предметах, стоивших того, и входили между собою в прения. Григора овладев знаниями Метохита, захотел, как он говорит, более совершенной беседы,— царя и собиравшихся у него ученых. Поэтому на 27 году жизни² он представился императору, в надежде приобрести его расположение и достигнул короткости в обращении с ним. Принятый очень благосклонно, Григора сказал императору похвальное слово, в котором восхвалял два достоинства его — мудрость и красноречие³. Можно было бы осудить Григору за непомерную лесть, слишком резко высказывающуюся в этом слове, как и в другом подобном⁴, если бы он в одном месте не высказал замечания, что по правилам реторики в похваль- {VII} ных словах можно говорить все, что угодно⁵. С течением времени он приобрел такую любовь императора, что некоторые стали завидовать молодому человеку, не имевшему еще никакого чина и никакой степени священства. Чтобы заградить уста завистникам Григоры, Андроник хотел облечь его саном хартофилакса, и даже приготовил для него знаки этого сана, как бы это было делом уже решенным. Но Григора отказался от предложенной чести в благодарственном и похвальном слове царю, где ссылаясь на свою неопытность и на свою любовь к ученым занятиям в уединении. Андроник хотел было принудить его принять назначение, но раздумал⁶. Под покровительством императора, он мог высказывать смело все, что находил справедливым и полезным. Так: однажды в собрании ученых во дворце, поддержанный Андроником, он пространно развил мысль об исправлении юлианского календаря⁷. С ним был вполне согласен и император, но привести эту мысль в дело не посмел, опасаясь церковных смут. Это была самая лучшая пора в жизни Григоры. Впереди ожидало его много огорчений.

В 1328 г. Андроник младший ночью, при помощи предателей, взял Константинополь⁸. Андроник старший после этого лишен был всякой власти. Дом Федора Метохита был растащен вместе и с фундаментом, а сам он сослан в Дидимотих, откуда возвратился домой уже чрез два года⁹. Григора, державшийся той же {VIII} партии, лишен был своего имущества, но впрочем не был сослан. Ему определено было меньшее наказание; потому что он жил спокойно, занимаясь ученостью и не вмешиваясь в политику. Этот год принес Григоре и другое горе — смерть дяди его Иоанна, митрополита ираклийского, после Бога, как выражается Григора, его попечителя с самого детства.

До воцарения Андроника младшего, у Никифора Григоры было много учеников. С переменою положения дел, он отдался весь скорби, так что, бросив занятия учителя и распростившись с своими слушателями, решился наложить на себя постоянное молчание. Быть может, он и остался бы при своей решимости, если бы неожиданные обстоятельства не возвратили его к прежнему образу жизни. Как это случилось, он сам пространно рассказывает в своем разговоре, под заглавием «Флорентиец или о Мудрости»¹⁰. Сущность рассказа вот в чем. Калабриец Варлаам, прибыв из Италии в Грецию, чтобы точнее изучить философию Аристотеля по греческим источникам, остановился сперва в Этолии. Здесь он принял одежду и обычаи грека, и выучился говорить по-гречески. Отсюда перебрался в Фессалонику, которая тогда славилась ученостью, и, оставаясь в ней долгое время, еще более овладел греческим языком. После того он слишком возмечтал о себе и начал презирать других. Но вот явился и в Византию. По прибытии сюда, первую его заботою было — приобрести себе, как можно более, учеников¹. Между тем в Византии было знаме- {IX} нито имя Федора Метохита, который тогда

¹ Кн. 8, гл. 8.

² В 1322 г.

³ Кн. 8, гл. 7.

⁴ Разумею слово, говоренное Григорой в ответ на предложение сана хартофилакса.

⁵ Кн. 10, гл. 8, стр. 514.

⁶ Кн. 8, гл. 9.

⁷ Кн. 8, гл. 13.

⁸ Кн. 9, гл. 6.

⁹ Там же; снес. гл. 7.

¹⁰ Кроме этого разговора и Истории, Григора написал много и других сочинений. Об них смотр. у того же Боивина и там же.

¹ Так говорит Григора в своем разговоре, но не так в своей Истории (кн. 19, гл. 1); здесь он замечает, что Варлаам, переселившись к римлянам, обратил на себя внимание государей и за то, что отличался ученостью, вошел у них в

только что возвратился из ссылки; не менее ходила слава и об учености Григоря. Варлаам начал их унижать и выставлять себя, даже привлек к себе расположение некоторых, с которыми долгое время жил пустыми мечтами. Наконец честолюбивый человек не вынес славы, какую пользовался Григора, и решился, по совету некоторых, вызвать Григору открыто помериться с ним силами. Григора, подавленный и собственным горем и трудною болезнью дорогого ему человека, Метохита, поначалу отказывался от состязания; но потом, по просьбе друзей и по настоянию какого-то важного лица², принял вызов. В происшедшем состязании он довел своего противника до того, что тот признался, что вовсе не знаком ни с астрономией, ни с грамматикой, ни с риторикой, ни с искусством поэзии. Кроме того Григора показал, что Аристотель, которого Варлаам, по его словам, знал в совершенстве, не раз противоречит сам себе. С отступлением Варлаама, выступил другой борец с защитой Аристотеля; но и он не имел успеха. Провозглашенный победителем³, Григора опять вошел в милость при дворе и занял прежнее почетное место. А Варлаам, видя свое унижение, удалился в Фессалонику. Так Григора возвратился к прежнему образу жизни, т. {X} е. к занятиям публичного профессора. К нему сходилось множество слушателей всякого звания, состояния и всех наций; так что родители и дети, и целые семейства граждан, были глубоко благодарны ему и смотрели на него, как на отца и руководителя ко всему хорошему. Его знали все и он слыл в народе под именем философа⁴; хотя, заметим мимоходом, его толки об оракулах вообще и в частности об оракулах, ходивших в его время, и т. п. не идут к лицу философа. Капперонерий заметил, что в построении фразы он подражал иногда Платону. Как бы то ни было, но к нему ежедневно собирались не только молодые люди, но и кончившие уже свое образование философы, астрономы, риторы и др. пожилые люди⁵.

Между тем Андроник старший умер. Григора сохранил к нему неизменную верность и преданность и после того, как тот стал жить частным человеком и был пострижен в монашество; он был постоянным его утешителем, провел с ним последний вечер пред его кончиной. На другой день похорон, по желанию дочери царя, сербской королевы, распоряжавшейся похоронами, он сказал надгробное слово⁶. Спустя 30 дней умер и Федор Метохит, незадолго пред тем возвратившийся из ссылки и живший в монастыре Хоры монахом. И над ним Григора сказал надгробное слово, вызвавшее рыдания родственников⁷. По смерти Андроника старшего Григора, как в былые времена, вошел в милость Андроника младшего, приобрел даже на него некоторое влияние и, по случаю смерти его матери-императрицы, говорил ему утешительную речь⁸.

Андроник старший был слишком далек от соединения с римскою Церковью. Поэтому при его жизни никто не осмеливался поднимать вопрос о соединении Церквей. После же смерти его он был возобновлен. В 1333 г. от папы Иоанна XXII явились в Византию послами два латинских епископа, для рассуждения о предметах спорных. Патриарх Иоанн Калека, который и сам не отличался даром слова, да и о большей части епископов своих знал, как о людях неученых, призвал к себе Никифора Григору, хотя тот был мирянин, как человека ученого и красноречивого, и советовал ему войти в состязание с латинянами. Григора поначалу советовал ограничиться молчанием; но после раздумал и по этому поводу говорил в собрании избранных епископов речь, в которой высказал, что не всякому следует позволять входить в прения с итальянцами,— что при состязании непременно нужно предполагать себе известную цель,— что следует быть в этом случае судьям, и это преимущество принадлежит грекам,— что спорные вопросы вероучения должны быть решаемы общим голосом предстоятелей Церкви,— что при рассуждении о Боге никак не следует допускать силлогистического метода доказывания,— что из самых свидетельств отеческих следует

большую милость,— особенно у Кантакузина, который его необыкновенно возвысил, дав ему назначение объяснить учение св. Дионисия и быть наставником Богословия (см. также Кантакуз. Ист. кн. 2, гл. 39).

² Григора в разговоре называет его Демаратом. Быть может, это — Кантакузин.

³ Григора часто хвалится этой победой в своей Истории. Кн. 11, гл. 10; кн. 18, гл. 7; кн. 19, гл. 1 и пр.

⁴ П. Филофей (In Antirrheticis) свидетельствует, что Григору называли σοφοῦ, φιλοσοφον и ἀστρονόμον.

⁵ Дом Григоря полон был книг, равно как математических инструментов и принадлежностей.

⁶ Кн. 9, гл. 14, кн. 10, гл. 1.

⁷ Кн. 10, гл. 2.

⁸ Кн. 10, гл. 6.

выбирать лишь особенно ясные,— что состязание в настоящее время ни к чему не поведет, так как еще недавно рассуждали об этих вопросах, и определенного {XII} древними отцами навсегда не следует подвергать новому обсуждению и т. д. С словами Григоры согласились ученейшие епископы, а за ними и другие. Таким образом греки уклонились от вызова, сделанного латинянами¹.

Спустя 7 лет после того, тот же Варлаам, возвратившись в Фессалонику из Авиньона, где был с тайным поручением от императора к папе², поднял большие смуты в греческой Церкви, которые принесли Григоре много огорчений. Варлаам, встретившись с греческими монахами, которые говорили о себе, что они телесными очами видят божественный свет, виденный апостолами на Фаворе, осудил их в ереси мессалиан и омфалопсихов. Их сторону принял знаменитый тогда Григорий Палама, причисленный впоследствии Церковью к лику святых. Под его защитою, монахи твердо отстаивали свои слова, что свет, который облистал учеников Христовых на Фаворе, есть и несотворенный и в тоже время видимый для глаза. В свою очередь Варлаам настаивал, что они своим мнением вводят двубожие — διθεϊς; ἄν. Император Андроник, для прекращения распри, решил созвать Собор, — и вот в 1341 г. в июне месяце собрались в софийском храме ученейшие из византийцев³. Григора, несмотря на множество приглашений, не мог явиться на Собор, по причине сильнейшей головной боли, о чем император, говоривший на Соборе речь, замечает сам Григора, очень жалел⁴. На третий или на четвертый день после Собора {XIII} император, почувствовав себя очень дурно, посылал спросить Григору, благоприятствует ли его выздоровлению положение звезд или нет; но не дождавшись ответа, впал в летаргию и умер 15 июня 1341 г. На третий день Григора, едва оправившийся от болезни, явился во дворец и по совету патриарха и вельмож, сказал в честь почившего императора речь⁵.

После этого византийцы занялись междоусобной войной, а Церковь продолжала терпеть от смут, поднятых Варлаамом. По удалении его в Италию⁶, принял на себя защищение его дела некто Григорий Акиндин⁷, и, хотя сряду (sic — Ю. III.) почти по смерти Андроника младшего, был осужден тем же соборным определением, каким и Варлаам, тем не менее продолжал обвинять Паламу. Григора, которого мирные советы не встречали себе сочувствия, удалился от придворного шума, стал жить уединенно и долго удерживался от всяких споров.

Между тем прибыл в Константинополь из Галлии один астролог и предсказал во дворце счастливый исход войны⁸. Григора, приглашенный императрицей во дворец и спрошенный о том, что он думает об этом предсказании, отвечал, что оно не имеет никакого осно- {XIV} вания. Императрица, расположенная к своему земляку, осталась очень недовольна ответом Григоры, и решила ему отомстить; впрочем тогда и виду не показала, что она недовольна. Григора же, возвратившись домой, опять предался уединению.

Между тем в 1345 г. п. Иоанн, составил Собор, осудил Паламу, а прежнее свое определение против Варлаама и Акиндина отменил. Но Акиндин недолго торжествовал. В 1346 г. Палама вошел по-прежнему в милость государыни, и, сколько по ее настоянию, столько же и по собственной ревности, постоянно писал сильные сочинения против патриарха и акиндиниан. Тогда Акиндин начал просить Григору, чтобы он принялся за опровержение Паламы. Неизвестно, имела ли действие его просьба; но то верно, что Григора принялся писать против Паламы по следующему, очень сильному для него побуждению. Императрица Анна, примирившись с Паламою, позвала к себе Григору в тех видах, что если он согласится с нею в

¹ Кн. 10, гл. 8.

² Odoric. Rayn. ad. an. 1339 n. 19; it. n. 23 et 31.

³ Кн. 11, гл. 10.

⁴ Что тогда сделано было на Соборе, определенно неизвестно; потому что писатели того века рассказывают дело различно. Кантакузин говорит, что побежденный Варлаам просил прощения и одобрил учение Паламы. Патриарх Иоанн (ар. L. Allat. de Eccl. Осс. et. Ор. р. cons, 1.2, с. 17),— что на Соборе был поднят вопрос о двух только предметах, именно — фаворском свете и молитве. Григора наконец,— что вопрос был об одной лишь молитве; а рассмотрение других предметов отложено было до другого времени.

⁵ Кн. 11, гл. 11.

⁶ Григора и Кантакузин согласно говорят, что Варлаам, недовольный, возвратился в Италию опять к латинским догматам и законоположениям.

⁷ Кн. 14, гл. 8.

⁸ Кн. 14, гл. 8.

отношении к Паламе, то она забудет старый гнев, если же нет, объявит Григору открытую вражду¹. Григора остался верен себе, и разгневанная императрица потребовала от него, чтобы он тотчас письменно изложил свое мнение. С сих-то пор Григора принялся и говорить и писать против Паламы и согласных с ним, за что, быть может, был бы и сослан, если бы не взял Византии Кантакузин. Пред тем императрица Анна, собрав во дворец епископов, державших сторону Паламы, лишила Иоанна Калеку патриаршества. Но с наступлением ночи, Константинополь был взят Кантакузиным². {XV}

Кантакузин гораздо прежде, чем достиг верховной власти, был в самых коротких отношениях к Григору. Он любил людей ученых и часто обращался с ними³. Взошедши на престол⁴, он сохранил прежние же отношения к Григору; но приняв сторону Паламы, обманул надежды его противника. Этот, заботясь о спасении друга,— так Григора говорит об императоре,— употребил все старание, чтобы привлечь его на свою сторону. Мало того. Узнав, что его противники и тайно и явно подстрекают Кантакузина, чтобы тот отправил его в ссылку, он решился открыто обличить его, чтобы или подействовать на него стыдом, или же самому расстаться с Византией. Но тот, верный себе, не оскорблялся словами человека разгневанного и рассуждал с ним спокойно, как равный с равным; так что многие дивились больше снисходительности императора, чем смелости Григоры. Не видя успеха здесь, Григора пошел другой дорогой. По отъезде Кантакузина в Дидимотих, Григора явился к его супруге Ирине, которая горевала, недавно лишившись сына. Это несчастье он отнес к заблуждению Кантакузина и успел в том убедить императрицу. Ее покровительством он естественно усиливал свою партию. Услыхав об этом, сторонники Паламы, и особенно п. Исидор, являются к Ирине и стараются убедить ее, чтобы она удержалась от всякого сношения с Григорой. Встретив себе отпор, они дали знать Кантакузину в Дидимотих. Тот, испугавшись бунта, прилетел в Византию, и успокоил ссорившихся, т. е. Исидора п. и Григору. После многих речей с той и другой стороны, Гри- {XVI} гора однакоже добился того, чтобы правила Исидора или Имнодии были преданы огню и чтобы была дана свобода слова тем, у которых была отнята. На этих условиях был заключен мир, который и отпраздновали роскошным пиром. Но мир был непродолжителен. Палама, которого не было на этом собрании, приглашенный потом из Дидимотиха, снова поднял дело. У императора опять составилось состязание, только без всякого успеха⁵.

Спустя года два под конец 1349 г. константинопольский патриарх Исидор умер. Кантакузин с своею супругою употребил все усилия, чтобы привлечь на свою сторону Григору, предлагали ему даже патриаршество. Но этим подали ему только повод увещевать их — переменить образ мыслей; предложенную же честь он отверг. Поэтому патриаршеский престол занял монах Афонской горы Каллист, человек неученый, ненавидевший акиндиниан. Наконец в 1351 г. Кантакузин, чтобы заставить акиндиниан молчать, положил созвать Собор⁶, впрочем не вселенский, как часто и незадолго пред тем обещал. Григора, услыхав об этом, явился к нему частным образом и всеми силами настаивал, чтобы он не предоставлял суда небольшому числу епископов, между которых была большая часть неученых. Но его длинная и суровая речь только еще более охладила к нему Кантакузина⁷. Видя опасность для Веры, Григора положил защищать ее, и, чтобы самую внешностью более походить на защитника веры, принял монашество. Это сделано было без всякой церемонии при посредстве одного иеромонаха; принимая из его рук монашеское облачение, Гри- {XVII} гора обещал с тех пор навсегда отказаться от жизни придворной¹.

В назначенный день во дворец собрались все епископы, державшие сторону Паламы². Туда же с своими сообщниками и учениками отправился и Григора. В числе державших его

¹ Кн. 15, гл. 7.

² В 1347 г. в феврале.

³ Кн. 19, гл. 1.

⁴ Кн. 16, гл. 5.

⁵ Кн. 15, гл. 5.

⁶ Кант. Ист. Кн. 4, гл. 23; Григор. Ист. кн. 18, гл. 3.

⁷ Кн. 18, гл. 4.

¹ Там же.

² В 1351 г. 27 мая.

сторону особенно выдавались три архиерея: митрополиты ефесский и ганский, епископ тирский, в то же время и представитель антиохийского патриарха, и еще два умных человека — Дексий и Афанасий. Часу во 2-м дня Григора явился во дворец, но не был допущен ликторами во внутренние покои и принужден был остаться на дворе, пока обедали у императора державшие сторону Паламы. Когда же после обеда, отправившись в триклиний Алексея³, те обсудили, что следовало делать, были впущены и акиндиниане. Все заседания, бывшие четыре раза в течение 15 дней, кончились вот чем⁴. Учение Паламы было утверждено. Варлааму и Акиндину провозглашена страшная анафема. У митрополитов ефесского и ганского силою отняты знаки их сана, исключая впрочем епископа тирского, который не присутствовал на последнем заседании. Ученики Григоры или были взяты под стражу, или же вынуждены отказаться от всякого общения с своим учителем. Григору впрочем пощадили; ему и некоторым другим дозволили отправиться домой. Соборное определение было обнародовано не вдруг, но спустя два месяца. Его подписали императоры — Иоанн Кантакузин и его зять Иоанн Палеолог, затем Каллист п. и другие епископы. Спустя не- {XVIII} много Кантакузин, во всем царском облачении, вошел в алтарь и собственными руками возложил это определение на престол, при одобрительных возгласах последователей Паламы и при их предсказаниях, что за эту заслугу Кантакузина Бог расширит пределы римской империи. Григора, как только услышал об этом, сказал: «когда увидите мерзость запустения на месте святом, тогда знайте, что приблизилось разрушение римской империи»⁵. За это и за другие вины на Григору, как и на других, было наложено молчание. Из них одни повиновались, другие, более смелые, заключены были в своих домах, чтобы ни с кем не могли говорить.

Но Никифор Григора и тогда не удержал ни своего языка, ни своего пера, и в письмах к своим трапезундским и кипрским друзьям⁶ обвинял византийскую Церковь в неправославии и увещевал их воздерживаться от нового учения. Он не затруднялся обвинять и государей. Вследствие этого он, заключенный в стенах своего дома в обители Хоры, поручен был строгому присмотру монахов. Монахи со всею точностью выполняли приказание держать его под стражей, забыв о благодеяниях этого старинного своего гостя и как бы второго ктитора обители после Федора Метохита. На это со всею горечью жалуется Григора в 2-й главе 22-й книги своей Истории. Между тем твердость Григоры подвергалась разного рода испытаниям. К нему обращались то с просьбами, то с угрозами. У него перебивали и сенаторы и епископы и сам патриарх, чтобы склонить его подписать новые определения, из которых, по их сло- {XIX} вам, были исключены двусмысленные и спорные выражения; но — безуспешно.

Наконец к нему был послан его старинный друг, знаменитый Кавасила, который, уступая Григоре в учености, превосходил его силою своего ума⁷. В товарищи ему был дан один из первых советников патриарха. Они подняли те же вопросы; но следствием длинного разговора их⁸ с Григорой было то же, что было следствием и прежних рассуждений. Они удалились ни с чем, пригрозив Григоре, что его Слова на праздники Святых будут преданы огню, а сам он после смерти будет брошен за городскими стенами без погребения. С этого времени заточение Григоры в его собственном доме стало еще суровее.

Но бдительность стражи сумела обмануть любовь одного старинного верного друга Григоры, если только не выдумано им то, что он говорит об Агафангеле, сыне Каллистрата. Именно, в конце 1351 г. 8 декабря во время всенощного бдения на зачатие Пр. Богородицы, когда в храме монастыря Хоры собралось великое множество народа, сюда вместе с другими проник и Агафангел, бывший когда-то учеником Григоры. Около второй стражи ночи он был впущен Григорой в спальню чрез окно. С трудом узнавший, потому что целых десять лет не видал отечества, он передал Григоре вкратке сперва то, что видел и слышал в отсутствие из отечества, а потом и то, что узнал по возвращении на родину и что в то же время касалось самого Григоры. Затем еще до рассвета удалился. Чрез пять месяцев по- {XX} сле того, под

³ В влахернском дворце.

⁴ Деяния этого Собора см. у Григоры в кн. 18—21.

⁵ Кн. 25, гл. посл.

⁶ Особенно к Георгию Лапиту. См. Кантак. Ист. кн. 4, гл. 24.

⁷ Кн. 21, гл. 5.

⁸ Он помещен у Григоры в 22, 23 и 24 книгах его истории.

конец весны¹, он явился опять и рассказал Григоре, что случилось в прошлом году дома и на войне. Таким образом, посещая от времени до времени Григору, он передал ему все, что ему интересно было знать. Из этих рассказов Агафангела Григора составил 5 книг Истории, изложенной в виде непрерывающегося разговора с тою целью, чтобы словами другого удобнее было и изобличать врагов и себя при случае похвалить.

С того времени, как известное соборное определение было обнародовано, и до того дня, когда Иоанн Палеолог, вошедши неожиданно в Византию, получил верховную власть, Григора, заключенный в своем доме, как в темнице, много вытерпел. Он сам жалуется, что был доведен до такой крайности, что, так как зима была слишком сурова, он не мог иначе согреть стакана воды, как выставляя его на окно под солнечные лучи². Он упоминает также, что, будучи вынужден ходить за водой к колодцу, однажды споткнулся ночью ногой о камень и потом, сделавшись болен, должен был пить грязную и гнилую воду, пока, благодаря Агафангелу, не достал другой³. К нему не смел ходить и священник; поэтому он приобщался заранее запасенными Дарами. Таким образом он был лишен не только телесного, но и душевного утешения. Он говорит также, что у него отняты были и книги Св. Писания, — что от двора у него были нарочитые с тем, чтобы склонить его отказаться от своих убеждений, если же не согласится, предложить ему на выбор — или все невыгоды темничного {XXI} заключения и, так сказать, медленной смерти, или же скорую насильственную смерть⁴.

При таких затруднениях, Григора однакож успел написать в это время 10 книг Византийской Истории. Он писал их с такою поспешностью, что употребил на то не более дней сорока⁵. Это — 18 книга и 9 следующих; в них, кроме других вещей, содержатся акты собора Паламы и рассуждение с Кавасилой. Далее, в них особенного внимания заслуживает завещание Григоры, состоящее из трех глав⁶. В первой Григора завещает со всею осторожностью сделать, как можно больше, списков с этих 10 книг и разослать их во все места к его друзьям. Во второй излагает веру, одобряет церковные постановления о Варлааме и Акиндине и признает в Евхаристии истинное тело и истинную кровь Господа. В третьей запрещает предавать погребению свое тело, что ему было уже обещано его противниками. Между прочим замечает, что все это писал урывками, тайком, на какой попало бумаге, не имея возможности исправлять или обрабатывать написанное; так как нужно было каждую минуту бояться, что заметят его работу. Поэтому неудивительно, если упомянутые 10 книг и менее других обработаны и много обнаруживают в Григоре едкой горечи и раздражительности. То же впрочем следует сказать и об остальных книгах, прибавленных после. Совсем не таковы 17 предыдущих книг; как видно, они составлены до вышеупомянутого Собора, когда Григора пользовался свободой и имел полную возможность их исправлять. {XXII}

В 1354 г. в начале весны сын Кантакузина Матфей был патриархом Филофеем коронован в влахернском храме и торжественно принят отцом в соучастники правления. Спустя немного дней, по поручению отца, он явился к Григоре, чтобы снова попытаться уговорить его. Он обещал ему награды и по-прежнему доступ во дворец. Не могли склонить его к тому, чтобы он оставил свои догматические мнения, Матфей старался убедить его по крайней мере в том, что причина общественных бедствий — не в императоре Кантакузине, а в определениях Промысла и судьбы. Григора напротив представлял ему сильнейшие доказательства на то, что все, что ни делают люди, делают не по предопределению Промысла или принуждению со стороны судьбы, а по собственной воле, и потому напрасно Кантакузин хочет убедить себя, что он грешил не свободно, а вынужденный судьбой. Видя непреклонность Григоры, Матфей удалился недовольный; а заключение Григоры стало еще суровее, так что, когда от сильнейшего землетрясения колебались стены его дома, он и тогда не посмел выйти за двери¹.

¹ В июне месяце.

² Кн. 28.

³ Кн. 27.

⁴ Кн. 27 и 28.

⁵ В июле и августе 1352 г.

⁶ Кн. 27.

¹ Кн. 28.

В конце того же года ² Византиею овладел Иоанн Палеолог. Григора, получив при этом свободу и избавившись от стражи, явился во дворец и, нисколько не стесняясь, распространился пред государем, не очень благосклонным к Паламе и его защитникам ³, о их мнимом неправомерии; увещевал государя вступить за Веру и выразил свою готовность заняться опровержением того, что было определено Кантакузиным и Паламою. Но Иоасаф (монашеское имя Кантакузина), узнав об этом, {XXIII} немедленно постарался выкупить Паламу, находившегося в плену у турков, чтобы он сам лично мог защищать свое дело; между тем внушил своей дочери Елене, супруге Иоанна Палеолога, чтобы и она своим влиянием позаботилась уничтожить усилия Григоры.

В следующем году прибыл послом в Византию один латинский епископ, пользовавшийся расположением Палеолога. О его имени Григора молчит, но хвалит его за ученость, как знатока св. Писания, получившего в латинских школах основательное богословское образование. Это, по всей вероятности, смирнский архиепископ Павел ⁴, который в исходе 1355 г. условился с Иоанном Палеологом касательно подчинения последнего апостольскому престолу. Согласно с его желанием послушать прения Паламы с Григорою ⁵, последний чрез великого логофета приглашен был во дворец, и пришел, не зная, зачем позван; потому что императрица Елена, благоприятствуя друзьям своего отца, запретила предупредить Григору о предположенном состязании. Григора уже в самом дворце узнал, что здесь — Палама. При этом известии он оторопел и едва было не вернулся назад; но сряду же ободрился и пошел вперед. У Палеолога находилась тогда и теща его, императрица Ирина; присутствовали также первые вельможи. Григора, приветствовав императора, сел. Когда Палама предложил вопрос о божественном существе и божественных действиях, Григора отвечал ему, что в Боге нет различия, и свой ответ постарался утвердить многими доказательствами. Все, что в этот раз было сказано Пала- {XXIV} мой и Григорой, последний обстоятельно изложил в двух разговорах, составивших 30 и 31-ю книгу его Римской Истории. Но против его рассуждения с Паламой в скором времени появилось немало опровержений под влиянием Кантакузина⁶.

Видя, что эти опровержения не действуют на Григору, Кантакузин решился еще раз попытать его; он пригласил Григору чрез своих друзей к себе на дом⁷. Григора в надежде на возобновление дружбы и на то, что Кантакузин переменит свой образ мыслей, не отказался и рано утром явился к нему. Сперва разговор шел веселый и дружелюбный, как между старыми друзьями. Потом, когда при имени Паламы Кантакузин и согласные с ним монахи стали хвалить Паламу и выражать к нему свое удивление, Григора так разгорячился, что, оставив приятельский тон речи, тотчас обратился к упрекам и брани. Оттого взаимное нерасположение Григоры и Кантакузина только усилилось. Об этом последнем рассуждении Григора написал четыре разговора, составивших столько же книг его Истории (32—35). Все они содержания догматического, исключая первый, которого начало — историческое.

Вероятно, около этого времени Иоасаф Кантакузин, просматривая книги Византийской Истории, которых автором слыл Григора, заметил в них как многое другое⁸, так особенно следующие слова: «при жизни им- {XXV} ператора Андроника он (т. е. Кантакузин) обращался к предвещателям из монахов горы Афона и спрашивал у них, получит ли он верховную власть или нет». Заметил также, что автор приписал монахам, населяющим Афон, величайшие пороки. Поэтому он и нашел нужным пригласить посторонних людей и их свидетельством обличить ложь. Таким образом были приглашены знатнейшие лица и почтеннейшие граждане Византии. Выслушав от чтеца упомянутые обвинения автора Истории, все они в один голос

² Осенью 1354.

³ Причину этого Григора указывает в 27 кн.

⁴ Впоследствии титулярный патриарх константинопольский.

⁵ Кн. 29, гл. посл.

⁶ Таково например в сатирическом роде сочинение Кавасилы: κατα; τω;ν Γρηγορα; ληρημάτων; или Επίτομος διήγησις τη;ς ε;πι; τοῦ παλατίῃς ε;νόπιον τοῦ βασιλεως γενομένης διαλέξεως τοῦ ε; 'ν α; γίοις πατρο;ς η; μω;ν Γρηγορίδς α;ρχιεπισκόπῃς Θεσσαλονίκης και; Γρηγορα; τοῦ φιλοσόφῃς; или еще: περι; τη;ς τοῦ Γρηγορα; ψευδογραφίας ο; μω; και; δι;σσεβείας.

⁷ В 1357 г.

⁸ Кантакуз. Ист. кн. 4, гл. 24 и 25.

сказали, что Григора «лжив, нагл и легкомыслен». Таким образом Григору осудили, не выслушав его оправданий. Он сильно оскорбился этим, признал суд над ним неправым и отвечал на него тем, что не все, носящее его имя, принадлежит ему — что написанное против соборского определения принадлежит ему, а написанное против Кантакузина, не знает чье, и, если бы попало в его руки прежде, чем дошло до ушей других, он непременно предал бы это огню. На это Кантакузин отвечал иронически, скорее смехом, чем опровержением. Григора впрочем в этом случае не лгал, если только его книги Византийской Истории, существующие в настоящее время, не отличны от написанных им; потому что в книгах, которые мы имеем теперь, ни слова нет о том, что Кантакузин обращался к предвещателям; об афонских монахах сказано много, но не то самое, что читал Кантакузин, даже такое, что относится к чести этих монахов и славе их горы ¹.

Отсюда видно, что книги Григоры были испорчены бесчестными людьми еще при его жизни. В последней книге {XXVI} своей Истории он жалуется на неблагородство своих противников, которые многое в его сочинении осторожно соскоблили ножом и исказили смысл слов, прибавляя к слову одну букву или несколько букв, либо заменяя одну букву другой, например φε;̣; υ̣ вместо ε;̣; υ̣, како;̣ υ̣ вместо кало;̣ υ̣, ката;̣ вместо лери;̣. Поэтому он просит читателей, чтобы они сличали экземпляры его книг, которых, говорит, очень много; так как во избежание подлога, он позаботился, чтобы, как можно больше, было списков, тщательнейшим образом переписанных.

Когда, где и какою смертью умер Григора, пока неизвестно. Его Римская История доходит до начала 1359 г. или до 64 г. его жизни. Можно предполагать, что в этом году он кончил и жизнь; но это одна догадка.— Выше было замечено, что противники Григоры однажды обещали лишить его погребения и что их волю сам Григора завещал выполнить. В самом деле, и их воля и завещание Григоры были в точности выполнены. По словам одного из почитателей Григоры «это тело великого проповедника истинной Веры долгое время было предметом позора и посмеяния,— тело того мужа, которого ни между философами нет выше, ни между аскетами строже, которого не было тверже в борьбе за Веру, в перенесении преследований со стороны врагов, унижения и тюремного заключения,— этого дивного, говорю, Никифора Григоры, в котором тем и другим именем Бог указал человека, имевшего одержать победы над врагами истины, при своей бодрственной и недремлющей душе»².

Но при всех своих достоинствах, Григора имел и свои важные недостатки. Он был суров, раздражителен, смел иногда до дерзости, честолюбив и настолько {XXVII} занят собой, что никогда не упускал случая выставить на вид свои достоинства и свое значение. Как историк, он не беспристрастен и не чужд духа партии; в хронологии недостаточно точен; допускает географические погрешности, иногда и исторические. Говоря сравнительно, в сочинениях исторического содержания его далеко превосходит Кантакузин. Впрочем в хронологии Григора более обстоятелен, тогда как Кантакузин упускает ее почти совсем из виду. Кантакузин нечто, по-видимому, намеренно прошел молчанием, о чем Григора не упустил случая рассказать. Сюда надобно отнести то, что Григора говорит о бесчеловечии Синадина в отношении к Андронику старшему, о рождении Иоанна Палеолога, о послых, приходивших от папы в Константинополь и мн. др. Обо всем этом Григора говорит прямо, как не скрывает и поражений, какие терпели византийцы от варваров. Между тем Кантакузин не упоминает ни о потере Никомидии, ни о потере Nikei. Кантакузин в своей Истории говорит об одних делах византийских, а Григора и о делах внешних. Вообще они пополняют друг друга, и историю одного следует читать не иначе, как сличая с историей другого.

Предлагаемый здесь перевод сделан с боннского издания 1829—1830 г., заключающего в своих 2-х томах 23 полных книги истории Григоры и две главы 24-й книги. остальные главы 24-й книги и все остальные книги от 25 до 37 включительно помещены в 3-м томе боннского же издания 1855 года.

~~~~~{XXVIII}

¹ См. кн. 14, гл. 7.

² Joan. Cyparissiota, Palamic. transgression. Serm. IV, c. 1.

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОГО ТОМА.

Книга 1-я. Дело историка. Похвала Истории. Историческая истина. Какие историки заслуживают порицания. Осуждение Андроником старшим историков, любящих злословить других и лживых. Автор делает общие замечания о своей истории (гл. 1). Начало повествования: Константинополь взят латинянами. Федор Ласкарь провозглашается в Никее императором. Алексей Комнин овладевает Трапезундом, Михаил Ангел Комнин — Фессалией и Эпиром. Латиняне разделяют между собою остальные провинции. Готовятся к походу в Азию. Терпят поражение от правителя болгар, Иоанна Асана. Балдуин взят в плен. Конец других вождей. Фракия и Македония терпят опустошение. Алексей Ангел, прежде император византийский, схвачен маркграфом Монтеферрата; с трудом освобождается; завидует своему зятю Феодору Ласкарю. Приобретает себе союзника в турке Ятатине. Антиохию осаждают турки. Быстрота движения Феодора. Ятатин выстраивается в бой и вступает в сражение. Храбрость латинских всадников и гибель их, почти всех. Ятатин убит Ласкарем. Победленным туркам дан мир. Алексей взят в плен. Снисходительность к нему победителя. Жены Феодора Ласкаря. . . . . стр. 1—21. {XXIX}

Книга 2-я. По смерти Ласкаря, преемником его власти делается зять его, Иоанн Дука. Вдовствующая императрица остается недолго жить после супруга. Похвала Феодору Ласкарю. Похвала Иоанну Дуке и сравнение его с Феодором. Роберт император византийский. Алексей и Исаак Ласкари недовольны, что им предпочтен Дука. Прибегают к оружию латинян, но терпят поражение от Иоанна Дуки. Латиняне теряют города в Азии (гл. 1). Феодор Ангел делается преемником брату Михаилу. Расширяет пределы своей власти. Овладевает самою Фессалоникою в отсутствие маркграфа монтеферратского. Провозглашает себя императором и помазуется на царство, вопреки закону, архиепископом Болгарии. Почему Болгария была названа Первою Юстинианою. Происхождение болгар, их переселение и переменное счастье. Феодор Ангел безнаказанно проходит области разоренные латинянами, болгарами и скифами. Опустошает все до Византии. Плачевное положение дел (2). Болгарин Иоанн Асан побеждает Феодора Ангела, берет в плен, ослепляет. Иоанн Дука устраивает флот. Овладевает островами Эгейского моря и Родосом. Переходит в Европу. Овладевает многими городами. Заключает мир с болгарями. Дочь Асана берет в супруги своему сыну. Терновский епископ делается самостоятельным. Император, возвратив все города от Византии до Стримона, возвращается в Никею (3). О Скифах необходимые сведения: страна Скифов; род жизни, умеренность, правдивость и другие добродетели; их различные имена; скифы — орудие гнева Божия; в разные времена они опустошили многие страны; усваивают нравы побежденных ими; европейские скифы, ближайšie к древней Скифии; переселение скифов в Азию, в Европу, в самую Африку; Скифия никому не бы-{XXX}ла подвластной; почему скифы легко делались победителями других народов (4). Иперборейские скифы спускаются к Каспийскому морю. Смерть их вожда Чингисхана. Его сыновья, Халай и Телепуга, разделяют войско. Телепуга ведет своих в Европу. Покоряет много народов. Скифы команы, боясь иперборейских скифов, переходят через Истр. Встречают благосклонный прием от Иоанна Дуки. Причисляются к римским легионам. Земли, отведенные им для поселения в Европе и Азии. Другая часть иперборейских скифов, последовавшая за Халаем, зимует у Тавра. Описание этой горы. Скифы проникают в самую Индию. Отсюда, обратившись назад, опустошают ближайšie земли. Наконец поселяются в Месопотамии. Беспокойный вожьд их посредством своих сатрапов покоряет персов, парфян и мидян. Свои владения ограничивает морскими берегами. Скифы сперва пренебрегают золотом и удовольствиями роскоши; а потом подвергаются общей слабости людей. На побежденных налагают дани. Усваивают образ жизни ассириян и персов, их веру и все их обычаи (5). Опасность туркам и арабам от соседства скифов. Посольство от турков к Иоанну Дуке о союзничестве. Необходимость приводить к соглашению обе стороны. Союз с турками чем был полезен римскому государству. Земледелием и скотоводством император доставил пользу и себе и бедным. Расположил к тому же своих родственников и вельмож. С какою целью. Какие чрез это приобретены богатства. Голод у турков. Римляне обогащаются деньгами турков. Корона царицы, названная яичною. Постановление императора касательно употребления заграничных одежд и материй, и его польза (6). Императрица, мать Феодора, упав с лошади, делается неспособною к {XXXI} деторождению. Вместе с супругом превосходно ведет дела. Храмы, ими построенные, Богоугодные заведения. Ирина умирает. Император вдовец берет за себя замуж алеманянку Анну, сестру сицилийского короля Манфреда. Влюбляется в учительницу и воспитательницу Анны Маркесину. Украшает ее царскими знаками. Предпочитает даже самой супруге.

Чувствует угрыzenie совести. Монахи, по приказанию настоятеля Влеммида, запирают храм пред Маркесиной. Похвала Влеммиду. Он преследует Маркесину. Маркесина вместе с придворными льстецами обвиняет его пред царем в оскорблении царского величества. Царь со слезами осуждает себя самого (7). Михаил, побочный сын Михаила Ангела, делается правителем Фессалии и Этолии. У него четыре сына. Обручает сына Никифора со внучкой царя, Марией. Немедленно нарушает союз и угрожает фракийским городам. Император идет с войском, и одни города ободряет, другие возвращает себе. Возобновляет союз с Михаилом. Дает ему титул деспота, как и сыну его, по родству. Михаил Палеолог обвиняется в домогательстве верховной власти. Оправдывает себя клятвой. Воины отпущены на зимние квартиры. Император, возвратившись в Азию, заболевает. Хворает целый год. Умирает и предается земле. Где. Каких лет. На каком году царствования. Продолжение жизни его сына, Феодора (8)... стр. 21—50.

Книга 3-я. Феодор Ласкарь наследует отцу. Отчего при жизни отца не был провозглашен императором. Делается им с общего согласия народа. По смерти Германа, рассуждает об избрании патриарха. Достояние всех Никифор Влеммид. Отказывается от предложенной чести. Избирается Арсений. Его достоинства. Государь утверждает избрание. Помазывается на царство новым патриархом. Переходит Геллеспонт с большим войском. Охотничьи служители включены в число воинов. Правитель болгар, чувствуя себя не в силах бороться с римлянами, восстанавливает союз и заключает мир с ними. Царь идет на Фессалию. Императора встречает супруга Михаила, Феодора. Достигнув примирения, она удаляется домой с невестой своего сына, Марией (гл. 1). Михаил Палеолог, правитель Nikeи, удаляется к туркам. Причина бегства. Иконийский султан поручает ему начальство над римским легионом и выставляет его против скифов. Родственник султана передается врагам. Турки терпят поражение. Палеолог, по приглашению царя, возвращается во дворец. Дает клятву. Получает сан коноставла. Болгарские дела. Кончина Асана. Его изнеженный и беспечный преемник, Миц. Престолом овладевает Константин Тих. Миц убегает в Азию. Отдает царю Месимврию. Получает от него поместье и ежегодное содержание. Тих чрез послов сватает за себя дочь императора, Феодору. Достигнув этого, первую супругу отвергает и заложницею отправляет в Nikeю. Царь заболевает. Перед смертью постригается в монашество. Раскаивается во грехах. Умирает (2). Георгий Музалон попадает во дворец. Больше всех любим Феодором младшим. Получает сан протовестиария. Женится на родственнице императора. Вместе с патриархом Арсением он назначается опекуном над Иоанном Ласкарем. Четыре дочери императора. Единственный сын. Клятва дважды дается и дитяти и опекуну. Вельможи обижаются предпочтением, оказанным Музалону. Музалон созывает их и хочет отказаться от опеки и управления. Ему не позволяют. Он требует новых клятв. Зависть знатных лиц. Бунт в войске. Поминовение по императору в 9-й день. Убиение Музалона и его двух братьев в храме. Страх женщин, священников и других. Арсений не знает, что делать. Человек простой и добродетельный, но совсем неспособный к государственному управлению. Обращаясь за советом к другим, поступает вопреки своему намерению — сохранить дитя (3). Михаил Палеолог пользуется общим расположением. Предуказания на его царствование. Знатность происхождения. Достоинства его деда и отца. Получает от патриарха ключи от царской казны. Подарками располагает к себе людей знатных, воинов и проповедников. По их желанию и с согласия патриарха получает верховную власть, до совершеннолетия законного наследника престола. Получает титул деспота (4). Михаил Ангел предполагает напасть на Фракию и Македонию. Собирает войско. Прибегает к союзничеству своих зятеев, принцепса Пелопонеса и короля Сицилии, Манфреда. Последние делят уже области, прежде чем успели их покорить. Против них посылается брат Михаила Палеолога, севастократор Иоанн. Имеет при себе военачальниками знатных лиц. Берет с собою фракийские и македонские полки. Располагается лагерем неподалеку от неприятеля. Неприятели осаждают Белград. Слишком надеются на свои силы. Презирают римское войско, неравное им по числу, но сильное божественною помощью. Михаил Ангел поддается обману перебежчика. Воображает, что его выдали союзники. Ночью оставляет их. Союзники, узнав об удалении Михаила, воображают, что он их выдал. При смятении делаются жертвою римских мечей. Принцепс Пелопонеса попадает в плен. Король Сицилии с немногими спасается бегством (5)..... стр. 50—73.

Книга 4-я. Михаил Палеолог провозглашается императором. Арсений поражен этим. Требует от Михаила новой клятвы. Возлагает на него корону. На каких условиях. Принцепс Пелопонеса выкупается из плена. Отданные им города, которых правителем поставляется Константин севастократор. Поражение пелопонесских латинян. Арсений удаляется от патриаршеского престола. Причина его удаления. На его место возводится Никифор. Палеолог напрасно осаждает Галату. Окружает Византию войском, от чего в ней — недостаток в необходимых вещах. Возвращается в Nikeю. Скифы занимают Ассирию и Аравию. Вторгаются в Азию за Евфратом. Овладевают столицей турков. Султан Азатин ищет убежища или помощи у Палеолога (гл. 1). Михаил Этолянин нарушает мир. Против него посылается Кесарь Стротигопул. Ведет с собой небольшое число воинов. Получает приказание мимоходом пригрозить византийцам. Где первый раз располагается лагерем. Кого встречает. О

божественном Провидении. У латинян силы небольшие. Они осаждают Дафнусию. Условия Кесаря с предателями касательно взятия города. Кесарь входит в город ночью. Пожар в разных концах города. Исчисление латинских императоров. Напрасная попытка Балдуина. Бегство. Флот, осаждавший Дафнусию возвращается в Византию. Принимает спасающихся бегством латинян. Отплывает в Италию. Михаил поражен вестью о взятии города. Вступает в него золотыми воротами. Впереди несут икону Одигитрии. Некрасивый вид городских развалин. Беспечность латинян. Император восстанавливает город. Арсений снова патриарх. Триумф Алексея Кесаря (2). О непостоянстве человеческого счастья. Слова Филиппа Македонского. Михаил Этолянин опустошает римские пределы. Побеждает {XXXV} Кесаря и берет живым в плен. Судьба человеческих дел. Кесарь возвращается, в обмен на сестру короля сицилийского, Манфреда, в Византию. Михаил Этолянин входит в родство с императором (3). Палеолог утверждает свою власть. Дочерей Феодора Ласкаря выдает замуж. Ослепляет их брата Иоанна. Арсений отлучает его от церковного общения. Не обращает внимания на его видимую покорность этому определению. Палеолог составляет против него собор архиереев. С какой стороны последние показывают себя. Обвинение, выставленное против Арсения. О турке Азатине. Арсений не является на собор и отвергает его. Осуждается. Преемником его делается Герман. Услуги, оказанные Германом Палеологу (4). Против правителя Евбеи возмущается Икарий. Укрепившись, он входит в союз с Палеологом. Обещает покорить ему всю Евбею. Правитель Евбеи попадает в плен и представляется императору. Скоропостижно умирает. Генуэзцы поселяются в Галате. Их привилегии. Их управление. Сын Балдуина женится на дочери короля Италии, Карла. Палеолог, устроив большой флот, разрушает его надежды. Возвращает острова. Михаил Этолянин опять нарушает условия. Палеолог идет на него войной. Бойтся, при виде кометы. Опасается нашествия скифов и возвращается домой (5). Сестра ослепленного Иоанна возбуждает своего супруга, правителя Болгарии, Константина, против Палеолога. Азатин подстрекает его к тому же. Скифское войско, по приглашению Константина, вторгается во Фракию. Палеолог на двух триирах спасается бегством. Скифы освобождают Азатина. Удаляются, обремененные добычей. Положение Фракии. Что сделано с женою, детьми, деньгами и приближенными Азатина (6). Посольство к Палеологу от {XXXVI} султана Египта и Аравии. Неблагодарное дозволение египетским купцам свободно переправляться чрез Босфор. Египтяне слабы и изнежены. Пользуясь воинами, набранными из скифов, они опустошают Африку и Ливию. Истребляют галлов в Финикии и Сирии. Первый поход латинян для освобождения гроба Господня. Обширность владений египетских арабов (7). Герман отрекается от патриаршества. Преемник его — Иосиф: кто он, откуда, каких дарований, какого характера и жизни. Разрешает Михаила Палеолога от грехов клятвопреступничества и жестокости. Солнечное затмение, и его смысл. Отношение светил небесных к событиям, совершающимся на земле. Андроник женится на Анне. Украшается царскими знаками. Присяга Андроника отцу, и Андронику присяга народа. Его подпись на едиктах (8). Смерть Михаила Этолянина. Четыре сына. Наследство разделено между двумя. Положение младших братьев и бегство их к императору. Иоанн Севастократор, правитель Фессалии, опустошает римские области. Деспот Иоанн с большим войском вступает в Фессалию. Страх Севастократора. Обращение римского войска с священными вещами и храмами. Севастократор теряет многие города. Защищается в стенах Новых Патр. Поставленный в затруднение продолжительною осадой, оставляет крепость и хитро пробирается чрез римский лагерь к афинскому дуксу, от которого получает 500 отборных воинов. Неожиданно нападает на римлян. Деспот Иоанн снимает осаду. Жители крепости с Севастократором расхищают римский лагерь. Преследуют бегущих. Довольствуясь добычей, удерживаются от убийства. Древний обычай. Римские воины куда спасаются бегством. Город Сикион отчего назван Димитриадой (9). О заливе пелассийском. Импе-{XXXVII} раторский флот тревожит острова, занятые латинянами. Флот критян и евбеян налегает на римские корабли, стоявшие в заливе пелассийском. Морское сражение. Римляне предаются бегству. Деспот Иоанн, явившись с суши, возобновляет сражение, и обращает врагов в бегство. С этого времени отказывается навсегда от знаков достоинства деспота (10)..... стр. 73—116.

Книга 5-я. Союз Балдуина с королем Италии, Карлом. Договор о возвращении Константинополя. Честолюбие, ум и воинские способности Карла. Что его побудило к войне с Палеологом. Приготовления к войне. Сухопутные войска. Флот. Палеолог укрепляет Византию. Вооружает против Карла венецианцев и сицилийского короля. Карл не оставляет своих планов. Палеолог отправляет послов к папе, для переговоров о мерах против Карла и о соединении Церквей (гл. 1). Благосклонный прием посольства в Риме. Открывается единение. На каких условиях. Патриарх Иосиф не признает условий и удаляется от патриаршеского престола. Значительная часть духовных и государственных лиц противится императору. Император старается достигнуть своей цели сперва ласковыми словами и увещаниями, потом насилием. Ревность и постоянство некоторых. Достоинства хартофилакса Векка. Он также отвергает соединение Церквей. Легко опровергает императора и ученых. Заключается в тюрьму со всеми почти родственниками. Внимательно читает и сверяет с творениями св. отцов книги Влеммида, написанные в пользу латинян. Изменяет себе. Делается патриархом. Делается

орудием царя. Его помощники. Литургия однажды была совершена с латинянами,— где, кем и по какому случаю (2). Анна и Мария, племянницы императора, за кого выданы замуж. Болгар Лахана {XXXVIII} разбивается от разбоя. Собирает войско. Побеждает и умерщвляет Константина Тиха. Овладевает его царством и женой. Угрожает римским городам. Палеолог противопоставляет ему Асана. С Асаном обручает свою дочь. Отправляет его с большим войском в Болгарию. Лахана убит. Воцаряется Асан. Жена и сын Константина Тиха. Зять Асана Тертер замышляет на жизнь своего шурина, и лишает его престола. Асан убегает в Византию (3). Галатские генуэзцы заносятся слишком высоко. Палеолог за убиение одного византийца грозит им истреблением. Они добиваются прощения. Их две триеры, не отдав чести императору, выходят из Константинополя. Возвращения их ожидают императорские триеры. Генуэзские напрасно стараются ускользнуть. Сражаются с императорскими и терпят поражение. У латинян спесь сбита (4). Смерть султана Азатина. Его сын, Мелик, возвращает отцовскую власть. Терпит поражение от сатрапа Амурия. По возвращении домой, умерщвляется. Турки разбойничают. Грабят римские области. Ничтожны пред скифами, сильны пред римлянами. Палеолог противопоставляет им большое войско. Над ним поставляет неосторожных вождей. Турки в сражении хитро заманивают их вперед и побеждают. Простирают опустошение до р. Сангария. Палеолог, укрепляя берега Сангария, защищает Вифинию. Его войска и сухопутные и морские развлечены другими войнами. Турки грабят азиатские области. Дележ добычи. Две сестры от горя умирают при дележе, обнявшись. Андроник, по приказанию отца, восстанавливает Траллы. Через четыре года турки берут его. Оракул о Траллах, относимый многими к Андронику. Оправдывается делом. Основатель Тралл; почему город так назван (5). Карл и Ми-{XXXIX}хаил Палеолог достойные друг друга соперники. Божественное провидение. Карл, постоянный враг Палеолога, не видящий успеха в своих замыслах. Готовится напасть на Византию с суши и с моря. Росонсул, начальник сухопутных сил, переправляется чрез Ионийское море; в каких видах. Палеолог вооружает против Карла сицилийского короля, Фридриха. Чрез это обращает флот Карла против Сицилии. Молебствия об успехе оружия. Военная дисциплина итальянцев. Как они вредят себе своей спесью. Росонсул продолжает осаду Белграда. С немногими идет для защиты черпавших воду. Византийские воины окружают его. Преследуют остальных его воинов. Карл дурно ведет дела в Сицилии. Лишается сына. Умирает с горя (6). Иоанн, император Трапезунда, является в Византию. Женится на дочери Палеолога, Евдокии, от которой родился ему Алексей, его преемник. Иоанн Севастократор снова нарушает мир. Палеолог отправляет послов к скифу Ноге. Получает от него помощь. Угрожает Фессалии. Неожиданная болезнь мешает ему выполнить свои планы. Слыша название мест, среди которых находился, припоминает оракул. Жалеет, что введенный в заблуждение загадочностью оракула, ослепил невинного человека. Рассуждение об оракулах. В каком году умер Палеолог, каких лет. Как поступили с его телом. Его достоинства. Чрезмерная любовь к детям. До чего его довела (7)..... стр. 116—150.

Книга 6-я. Андроник наследует отцу. Смутное начало царствования. Как отсылаются союзные скифы. Михаил Глава. Куда перенесено тело императора. Траур. Церковные дела. Ссылчные возвращаются домой. Векк тайно удаляется от патриаршеского престола. Иосиф снова пат-{XL}риарх. Три партии в греческой Церкви. Иосиф опять оставляет патриаршество. Правдивость императора. Назначается собрание в Атрамитие. Иосиф умирает. В патриархи избирается Григорий Кипрский. Его посвящение замедлено. Козильский и деврский епископы. Посвящается епископ в Ираклию и рукополагает нового патриарха. Закон императора Севера. Константин В. не отменяет привилегий, данных городам. Зилоты подозрительно смотрят на Григория Кипрского. Их жестокость, честолюбие, корыстолюбие. Собор атрамитийский. Суд над книгами огнем; огонь не щадит ни тех, ни других. Восстановление согласия. Значение патриарха упрочено. Требование арсенитов. Тело Арсения полагается в храме Софии. Куда потом перенесено. Феодора, дочь Евлогии (гл.1). Андроник, овдовев, просит себе жены у короля Испании. За него выдается Ирина, на что не испрашивается согласия у папы. Древний обычай латинских царственных лиц. Достоинства Ирины. Григорий кипрский завидует Векку. Стараются отправить его в ссылку. Жалобы Векка. Собор. Красноречие Векка. Григорий патриарх и Музалон, великий логофет, его опровергают. Значение Музалона. Векк ничего не выигрывает. Отвергает общение с противниками. Снова отправляется в ссылку с Мелитиниотом и Метохитом. Жестокость зилотов к тем, которые соединились с римскою Церковью. Справедливое наказание за жестокость. Андроник боится наказания за злодеяния отца. Посещает и утешает ослепленного Ласкаря. Отправляется на Восток (2). Андронику советуют не делать издержек на флот. Как гибелен был этот совет. Латиняне чрез то усилились. Смелость пиратов. Гасмуликская толпа рассеялась. Многие заброшенные триеры погибли. Немногие уцелели (3). Григорий Кипрянин не помог {XLI} в беде Векку. Наказывается праведным судом Божиим. Его свои же обвиняют в богохульстве. Выдают неблагодарные друзья. С ним случилось тоже, что с Юлием Кесарем. Удаляется в монастырь Одитрии. Отсюда переходит в другой, по приглашению знатной женщины. Умирает. Хила и Даниил, непризнательные к нему, платятся за это. И их обвиняют люди, на которых полагались больше всего. Холодность к ним

императора, пренебрежение от сотоварищей. Сокрушенные скорбью, оканчивают жизнь в столице (4). Преемник Григория Кипрского — Афанасий, человек неученый, но строгой жизни. Наказывает клириков. Не щадит и епископов. Григорий Кипрский делал предстоятелями Церквей людей ученых. Афанасий заставляет епископов жить в своих епархиях. Внушает страх самим сыновьям царским. Что запретил монахам. Афанасиевы распоряжения недолго имели силу. Древний обычай всенародно объяснять св. Писание и проповедывать Слово Божье. С течением времени он был оставлен. Следствия этого. Запустение Церкви и его причины (5). Андроник имеет в подозрении брата, порфирородного Константина. Причины подозрения — первая, вторая, третья. В какой мере они основательны. Порфирородный женится. Возобновляется студийский монастырь. Андроник отправляется в Азию. Порфирородного с его друзьями заключает в темницы (6). Все возмущаются против Афанасия. Причина этого. Афанасий удаляется. Об отлучении, тайно написанным им. Оно найдено. Волнение по этому поводу. Слава Афанасия ослабела. Как он извинялся пред императором. Прощает и просит прощения. Иоанн созопольский. При нем дурные монахи вздохнули свободно. Михаил, сын Андроника, украшается диадимою (7). Король итальянский и царь армянский за-{XLII}водят сватовство с императором. Итальянский отвергнут. Метохит и Гликис: их достоинства; отправляются на о. Кипр для сватовства, затем в Армению. Свое путешествие Гликис описал. Является в Византию Мария, сестра царя Армении. Турки опустошают римские пределы. Посылаются в Азию Филантропин и Ливадарий. Их достоинства. У Филантропина успех во всем. К нему присоединяются многие. Ливадарий подозревает его. Критские перебежчики уговаривают его отложиться. Филантропин колеблется. Соглашается, но отказывается возложить на себя царские знаки. О его отложении узнают Ливадарий и царь. Филантропин неблагоприятно нападает на брата императора, Феодора, вместо Ливадария. Ливадарий набирает денег и воинов. Располагается лагерем в Лидии. Подкупленные, критяне выдают Филантропина. Жестокость в отношении к нему Ливадария (8). Землетрясение. Многие здания упали. Упала и статуя Михаила Архангела. Кто ее поставил, и кто восстановил. Умирает трапезундский император, Иоанн. Его преемник, сын Алексей. Вдова его, Евдокия, является в Византию. Отказывается от супружества с королем сербским. Непостоянство короля в отношении к женам. Император обручает с ним свою дочь, Симониду. Съезжаются в Фессалонике. Порфирородный следует за братом в узах. Заложники от короля. Сестра Святослава и Кутрул. Пятилетнюю Симониду увозит с собой сорокалетний жених (9). Алане, покоренные скифами, отправляют послов к императору. Их требования и обещания. Андроник не верит римлянам; обращается к иноземной помощи; как это было вредно римскому государству. Алане приняты с женами и детьми. Дают повод к тяжким поборам. Переправляются в Азию, под предводи-{XLIII}тельством императора. Располагаются лагерем около Магнезии. Турки наблюдают за ними. Делают на них наступление и обращают в бегство. Император укрывается в Магнезии. Алане опустошают поля христиан. Турки простираются до Лесбоса (10). Венецианцы, много раз побежденные генуэзцами, снаряжают огромный флот. Что придумывают галатские генуэзцы. Их пустые дома и корабли венецианцы предают пламени. Византийцы за пожары негодуют на венецианцев. Последние требуют от императора удовлетворения. Их не слушают. Они мстят. Обремененные добычею, возвращаются домой. Иоанн патриарх не пользуется уважением, как человек простой и необразованный. Удаляется. Возвращается на родину (11)..... стр. 150—204.

Книга 7-я. Турки занимают азиатские области, и разделяют их между собою. Имена сатрапов. Афанасий предсказывает гнев Божий. Землетрясение. Император находит Афанасия более всех достойным патриаршества. Считает нужным его восстановить. Многие противятся этому. Некоторые соглашаются. Афанасий вновь получает патриаршество. Александрийский патриарх составляет басню насчет Афанасия (гл. 1). Король Италии нападает с суши и с моря на неприготовленного к тому короля Сицилии. Вредит ему в течении двух лет. Рожер Каталонец — гроза моря и островов. Делается союзником короля Сицилии. С его прибытием, города сицилийские возвращаются к законному владельцу. Король итальянский пытается подчинить их себе, но безуспешно. Возобновляет войну, но терпит поражение. Предлагает заключить мир и породниться (2). Воины Рожера, по умирении Сицилии, не знают, куда броситься. Являются в Византию, с согласия Андроника. Почести, оказанные Роже-{XLIV}ру и Беренгарию Тенце. Каталонцы отправлены в Азию; угнетают своих союзников. Освобождают Филадельфию от осады. Добродетельный епископ, Феолит. Упущен случай возвратить государству потерянные владения в Азии. Римляне и алане возвращаются домой. Каталонцы, не получая обещанного жалованья, поступают с римскими городами, как неприятели. Император бессилен наказать их. Рожер из Азии переходит во Фракию. Приступает к молодому императору и требует уплаты жалованья. Умерщвляется (3). Римские воины, убив Рожера, воображали, что победили каталонцев. Определениям божественного Промысла не следует противиться. Дурных планов дурной и конец. Причины поражений римских. Каталонцы укрепляют Каллиуполь, избив жителей. Поднимают на море и на суше войну. На море терпят поражение от генуэзцев. Беренгарий, морской военачальник, взят в плен, потом выкуплен. Уныние каталонцев. Готовятся выдержать осаду. Просят турков помочь. Производят грабеж. На них идет император Михаил. Ведет с собою туркопулов и массагетов. Располагается лагерем

подле Апров. Выстраивает войско, видит измену туркопулов и массагетов. Расстроенные ряды тщетно старается привести в порядок. Нападает на врагов и едва ускользает от них. Доблестный поступок одного всадника. Андроник выговаривает сыну за то, что он безрассудно подвергал себя опасности. Бегство и поражение римлян. Туркопулы переходят на сторону каталонцев. Вожди каталонцев ссорятся между собою. Беренгарий убит. Ксимен является в Византию. Украшается титулом великого дукса и удостоивается родства с императором. Массагеты, на пути к скифам, терпят поражение от туркопулов и каталонцев (4). {XLV} Императрица, ненавидя пасынка, хочет сравнять с ним своих сыновей. Обычай латинских владетельных лиц относительно наследства. У Андроника от двух жен — шестеро детей. Андроник отказывает своей жене в просьбе. Ирина мстит, ссорится, удаляется в Фессалонику, выдает мужа. Бесстыдство женщины. Кротость Андроника. Ирина ищет жены сыну своему, Феодору. Афинский дукс не соглашается на предложенное ею условие. Она обращается к Спинуле. Знатные латиняне не очень дорожат родством с византийскими императорами. Род Ирины. Сан маркграфа. Рассуждение о чинах и титулах. Область лонгобардских маркграфов. Феодор посылается туда. Уносит с собою большое богатство. Иоанн, другой сын Ирины, женится на дочери Никифора Хумна. Умирает бездетным. Непомерная щедрость Ирины к зятю, сербскому королю. Обманутая надежда. От чего жена короля бесплодна. Король, по настоянию Ирины, назначает своим преемником сперва Димитрия, потом Феодора, братьев своей жены. Они не могут привыкнуть к климату в Триваллии (5). Каталонцы опустошают Фракию. Ищут места для поселения. Их число. Зимуют в Македонии у Кассандрии. Угрожают македонским городам, особенно Фессалонике. Андроник заграждает христопольские теснины. Старается набрать войско для защиты городов. Неприятеля, чувствуя недостаток в продовольствии, хотят возвратиться во Фракию. Слышат, что им прегражден путь. Находятся в большом страхе. Идут в Фессалию. Останавливаются у Олимпа. Опустошают окрестные поля. Сколько было турков в войске каталонцев. Кто были вожди у турков. Как они на пути в Фессалию, поделив с каталонцами добычу, удалились (6). Каталонцы, расставшись с турками, вторгаются в Фессалию. Наследник правителей — Севастократоров находится при смерти. Его жена. Детей от ней нет. Фессалийцы находят лучшим для себя задобрить каталонцев. Каталонцы предпочитают неверным надеждам деньги и дружбу фессалийцев. Прошедши Фермопилы, располагаются лагерем у Кифисса. Течение Кифисса. Правитель Афин не дает каталонцам пропуска. Презирает их. Силы каталонцев. Их военная хитрость. Многочисленное войско афинское вязнет в грязи. Истребляется. Каталонцы берут Фивы и Афины. Принимают оседлость в тех местах (7). Турки, оставив каталонцев, следуют за своими вождями. Мелик обращается к сербскому королю. Халил останавливается в Македонии. Заключает мир с римлянами. Условия мира. Великий стратопедарх препроводит турков к Геллеспонт. Римляне нарушают мир. Турки занимают замок. Получают помощь. Опустошают страну. На них идет Михаил император. Безрассудство деревенского сброда. Беспечность римлян. Варвары прекрасно ведут свои дела. Нападают на неприятельское знамя. Воины римские разбегаются. Удаляется и царь с поля сражения, в горе и слезах. Военачальники от времени до времени останавливаются. Попадают в плен. Калиптра императорская делается добычею и предметом острот Халила (8). Второе удаление Афанасия от патриаршеского престола. Причина удаления. Его место занимает Нифонт, человек неученый. Его способности и дурные наклонности. За одно заслуживает похвалы, — что принял в общение арсенитов. Требования арсенитов. Некоторые из них возобновляют раскол (9). Турки опустошают Фракию. Император находит нужным приобрести наемное войско. Скудость казны. Просят помощи от короля Сербии. Филис Палеолог просит предоставить ему войну с турками. {XLVII} Его достоинства. Андроник соглашается на его просьбу. Он располагает к себе воинов. Выведав намерения неприятелей, выводит свои полки. Располагается лагерем у р. Ксирогипса. Появление турков. Приготовление к сражению. Филис поправляет дело, поначалу разстроившееся. Истребление варваров. Преследование их. Они запираются в Херсонесе. Императорские триеры наблюдают за Геллеспонт. Римлянам прислана помощь от латинян и от сербского короля. Осада убежища турков. Стенобитные орудия латинян. Варвары, после неудачных попыток ускользнуть ночью, приходят в отчаянье. Себя и все свое отдают латинянам. Многие ночью умерщвлены римлянами. Как поступили латиняне с остальными (10). Место низложенного Нифонта занимает Иоанн Гликис из мирян. Его достоинства. Отчего он не надел монашеской одежды. Молодой Григора — любитель красноречия, постоянный слушатель Гликиса. Значение Феодора Метохита. Его дочь замужем за Иоанном Паниперсеем. Похвала Метохиту: телесные и душевные дарования, редкая ученость, характер изложения. Как он любовь к учености совмещал с государственными занятиями (11). Кончина императрицы Ирины. Погребение. Что сделано с ее деньгами. Храму Софии грозит разрушение. Он поддерживается двумя пирамидами. Андроник желает лучше возобновлять храмы, чем вновь строить. Его похвальная скромность. Храмы, им восстановленные. Его другие государственные дела. Об исправлении колонны, статуи и креста на площади храма св. Софии. Измерение статуи, креста и шара (12). Андронику младшему дается в жену алеманянка Ирина. Император Михаил отправляется в Фессалонику. Причина этого. Там он умирает. Оракул о его смерти. Повторяется о фессалийских делах, {XLVIII} что уже было сказано. Области и

города Иоанна Дуки, умершего бездетным, отходят под власть разных владетелей. Некоторые достаются римлянам. Остальным напрасно рассылаются указы от Синода (13)..... стр. 204—273.

Книга 8-я. У императора Михаила две дочери. За кем замужем. У него два сына. Дед предпочитает Андроника всем. Воспитывает его у себя. Характер, занятия, и честолюбие Андроника младшего. Любит гетеру. Против соперника своего располагает засаду. Вместо его умерщвляется брат Андроника, Мануил. Горе, болезнь и смерть отца. Скорбь деда. О Генуе. Где она. Раздоры между гвельфами и гибеллинами. Королева медлит возвратиться к супругу. Угрозы короля. Королева на возвратном пути к супругу надевает монашеское платье. Брат ее, Константин, разорвав рубище, отдает ее триваллам для препровождения к мужу (гл. 1). Патриарх Гликис, при усилении болезни, удаляется в монастырь; совсем нелюбостязателен и потому мало имеет денег. Призывает Григору, которому диктует свою последнюю волю. Завещание патриарха. На место Гликиса избирается монах Герасим, человек простой и неученый. Какие патриархи нравятся императорам (2). Мать деспота Константина. Первая жена. Сын от служанки, Кафар. Нелюбим отцом. Достоинство Евдокии, жены Палеолога. Она выходит замуж за Константина Деспота. Кафар пользуется расположением старика-императора. Недовольство молодого Андроника. Странное требование стариком-императором от народа присяги на верность ему и тому, кого назначит себе преемником. Сиргианн получает поручение от деда наблюдать за внуком (3). Род, образование и способности Сиргианна. Будучи областным правителем, располагает к себе всех. Удивительная в нем находчивость. Вероломный, {XLIX} он отягощает соседних народов. Возвращает отнятую область. Получает сан пинкерна. Возмущается. Попадает в тюрьму, но по просьбам матери получает свободу. Клянется в верности. Получает приказание следить за молодым императором. Открывает молодому намерения старика-императора. Его речь, которою располагает первого отложиться от последнего. Условия и клятвы. Три участника замысла. Сиргианн и Кантакюзин, подкупив первых вельмож при дворе, получают в свое управление области во Фракии. Разными хитростями прокладывают дорогу к отложению (4). Дед решается произвести публичный суд над внуком. Метохит советует дело это отложить пока, на время масляницы. Ржание лошади, написанной на стене. Метохит находясь в монастыре Хоры, получает от царя требование объяснить эту странность. Его ответ. Более верное объяснение. Колонна Византа многие дни колеблется. Тайная беседа императора и Метохита. Книги с предсказаниями будущего. В будущем не предвидится ничего хорошего. Уныние и молчание Метохита. Беспокойство жены и детей. Похвала его дочери Паниперсевасте. Ее речь отцу. Метохит тронут ее словами. Предсказывает большую беду. Опять молчит. Отдыхает. Его услуги Григоре. Отношения самого Григоры к Метохиту и его детям. Речь, которою Григора утешает его (5). Император сзывает архиереев. Зовет внука. Внук вооруженный ведет с собою вооруженных. Отеческое внушение. Клятвы с той и другой стороны. Жалобы сообщников внука. За них он ходатайствует пред логофетом. Встречает от него сильные упреки. Возвращается к прежним намерениям. Возглас негодующего деда. Огорчение. Совещание о задержке внука. Патриарх выдает тайну, поверенную ему. {L} Бегство внука. Промысл Божий. Слабость римских сил пред турецкими. Увеличение податей, чтобы покупать деньгами мир. Жадность сборщиков податей. Изобилие казны, и предметы издержек. Божественная строгость, растворенная снисходительностью. Кончина соседних владетельных лиц. Смерть патриарха. Эпитимии, наложенные Церковью на возмутителей. Народ дает новую присягу. Фракийцы, получив свободу от податей, берут сторону молодого императора. Нападают на сборщиков податей. Идут осаждать Константинополь. Послы от деда к внуку. Сиргианн уступает просьбам матери. Договор между дедом и внуком (6). Григора добивается близости к Андронику старшему, уже научившись философии и астрономии от логофета. Логофет поначалу не все открывал Григоре. Речь, которою Григора старается расположить логофета посвятить его в тайны философии и астрономии. Успех речи (7). Дворец при Андронике старшем был жилищем учености и образования. Григора поэтому добивается близости к Андронику. Его похвальная речь царю. Хвалит в нем два достоинства — ум и красноречие. Панегирик заключает благожеланием (8). Благосклонность Андроника старшего к Григоре, и зависть некоторых. Предлагает Андроник Григоре сан хартофилакса, но Григора отказывается. Речь его царю по этому случаю. Настойчивость царя (9). Акробаты, египетские выходцы, обошедши многие страны, приходят в Византию. Удивительные вещи, представленные ими. Их промысл и выгоден и опасен. Из Византии они отправились по Европе. Достигают до Гадиса. Турки, впервые тогда устроив у себя флот, делаются грозой на море и на суше. Бедность казны (10). Сиргианн, видя к себе пренебрежение от Андроника младшего, тайно входит в {LI} сношения с старшим. Указывает этому благовидную причину. Андроник старший рад этому, и Сиргианн отправляется в Византию. Кто еще был рад этому. Андроник младший располагается лагерем подле столицы. Услышав о переходе Сиргианна на противную сторону, в страхе поспешно удаляется. Деспот Константин отправляется в Фессалонику, при дурном предзнаменовании. Велит схватить мятежных граждан. При бунте, поднятом ими, он, уступая насилию, надевает монашеское платье. Выданный Андронику младшему, едва остается жив. Подвергается страшному заключению в Дидимотихе. Потом переводится

в более сносную тюрьму. Андроник старший, посоветовавшись с Псалтирью, ищет примирения. Младший, желая и сам того же, рассуждает с матерью. Беседа и примирение императоров. Где находились в это время мать Андроника младшего и тетка (11). Исая, человек простой и неученый: виновен во многом, но, благодаря императору, делается патриархом. Плата за несправедливое покровительство. Чрез ходатайство Исая, Филантропин снова входит в милость царя. Его достоинства. Турки осаждают Филадельфию. Услыхав о приходе Филантропина, оставляют оружие. Почему его уважают. Необыкновенное и неожиданное изобилие хлеба в Филадельфии. Сиргианн недоволен примирением императоров. Испытывает расположение Асана к Андронику. Представленный Асаном царю, заключается в темницу. Лишается всего имущества (12). Во дворце поднят вопрос о Пасхе. Григора охотно принимается за рассуждение об этом предмете, находя себе поддержку в императоре против тех, которым такое рассуждение не нравилось. Излагает свое мнение об установлении пасхального дня, согласно с указаниями астрономии. Император одобряет это мнение, {LII} но боится приняться за дело (13). Андроник младший венчается на царство. Старший упадает с лошади — дурное предзнаменование. Паниперсеваст, тесть сербского короля. Возмущается, пользуясь помощью зятя. Довольствуется саном кесаря и полагает оружие. Умирает. Посольство с назначением препроводить его жену в Византию. В числе других послан и Григора. Что с ним и его спутниками случилось в дороге. Молва о набеге скифов. О р. Стримоне и переправа чрез нее. Неприятности и страхи в дороге. О крепости Струммице. Пасха, празднуемая ее жителями по варварскому обычаю. Положение Скопий. О р. Аксие. Послы приходят к кесариссе. Ее глубокое горе. Король, узнав о посольстве, отправляет кесариссу. Провожает ее, но не с достаточным почетом. Нравы варваров. Кесарисса отправляется в Фессалонику, чтобы отдать долг умершему супругу. Григора, с ее поручениями, возвращается в Византию (14). Андроник младший, по смерти алеманянки Ирины, берет себе в жену Анну из Лонгобардии. При нападении на турков, выброшенных после кораблекрушения, при Херсонесе получает рану. Большая часть Вифинии покорена турками. Несколько важных манихеев с своим наставником обращаются к православию и крестятся. Предзнаменования будущих бедствий империи (15) ... стр. 273 —381.

Книга 9-я. Сообщники Андроника мл. решают лишить старшего власти и самой жизни. Михаил Болгар, сделавшись правителем и супругом вдовы Святослава, приглашается ее братом, Андроником мл., действовать заодно против старшего. Является в Дидимотих. Соглашение действовать против Андроника старшего: его условия. Внук затеял замысл против деда. Силою отнимает деньги у сборщиков податей. Привлекает к себе фра-{LIII}кийские города. Отправляется в сопровождении многих в Византию; под каким предлогом. Дед о его намерениях узнает чрез перебежчика. Запрещает ему вход в город. Обвиняет его во многих проступках. Письмами, адресованными к сербскому королю и Димитрию Деспоту, приказывает набрать войска и защитить города гарнизоны. Письма, написанные на бумаге, перехвачены; написанные на тонком полотне дошли по назначению. Все расположены к Андронику младшему. Старший предан даже своим сыном, Феодором. Беспечность, честолюбие, род жизни, вера Феодора. Деспот Димитрий лишает бунтовщиков имущества. Андроник младший большими обещаниями многих привлекает на свою сторону (гл. 1). Внук требует одного из двух — или впустить его в Византию, или прислать к нему нарочитых людей для переговоров. К нему посылаются избранные из всех сословий. В искусной речи к ним он выставляет себя и унижает деда, указывает благовидную причину возмущения, оправдывается, в чем его обвинял дед, излагает свои требования. Присланные для переговоров возвращаются в Византию расположенными в его пользу. Действуют в его пользу открыто (2). Андроник старший, огорченный вероломством своих, решается выведать расположение к себе патриарха и других архиереев. В речи, говоренной им, объясняет, почему не отказывается от верховной власти, замечает о внуке, считает нужным подвергнуть его церковной епитимии, отвергает заключение его речи. Более благоразумные соглашаются с ним. Патриарх с остальными несогласен. Действует против Андроника старшего и запрещает умалчивать в церквях имя Андроника младшего, противной партии провозглашает отлучение. Скорбь {LIV} и горькие жалобы Андроника старшего. Сам патриарх, осужденный на основании канонических постановлений, ссылается в манганский монастырь (3). Андроник младший подступает к стенам столицы. Со стыдом должен удалиться. Некоторые из народа предлагают ему свои услуги. На лодочке осматривает все входы, но возвращается без успеха. Тайно приглашенный фессалоникийцами, поручает смотреть за Византией протостратору. Хитростью занимает Фессалонику. Силою берет ее акрополь. После того, как Димитрий и другие вожди постыдно рассеялись, берет на капитуляцию Серры. Овладевает прочими городами Македонии, также детьми, женами и имуществом своих противников (4). Андроник старший боится войны; вошедши в союз с правителем болгар, ободряется. Его дочь королева, доверяя басням чревоушителей, ободряет его пустой надеждой. Логофет слишком озабочен. Встревожен сном. Распоряжается своим имуществом. Переходит во дворец. Правители македонских городов, будучи схвачены, заключены Андроником младшим в тюрьму. Бегство Димитрия Деспота. Несчастный конец Протовестиария. Асан занимает Просиак. Уходит к королю. Василий Никифор укрепляет и защищает замок Меленика; сдается Андронику

младшему, лишь после смерти старшего. Андроник младший ценит его верность. Изречение Филиппа Македонского. Сражение при Мавропотама. Войска Андроника старшего разбиты. Андроник младший спешит опередить болгар и войти в Византию. Городу — три опасности. Венецианский флот, оскорбленный галатскими генуэзцами, запирает пролив. Захватывает многие суда с грузом. Отсюда голод в Византии. Справедливость и благородство венецианцев. Они отказываются помогать Андронику младшему. Войско болгарское вторая опасность для города. Андроник младший тщетно пытается ворваться в город. Старший неумолим. Вождь болгар, поладив с Андроником младшим, ведет свое войско домой (5). Два стража городских условливаются с Андроником младшим о сдаче города. Напоив других сторожей, впускают его. Андроник старший получает дважды предостережение, и находит нужным принять меры. Но логофет отклоняет от этого. Император крайне тревожится. Узнав о вступлении внука в город, прибегает к иконе Божьей Матери. Внук запрещает чем бы то ни было оскорблять деда. Увещевает своих не злоупотреблять победой. Жалобная просьба деда. Доброта внука. Патриарх с торжеством возвращается на свое место. Нескромность торжественного поезда. Богатейшие дома расхищаются, особенно дом логофета. Его имущество или разграблено, или отобрано в казну. Он слышит брань себе. Беспорядки в городе прекращены благоразумием Андроника младшего. Григора предан старшему и разделяет его бедствие (6). Нифонт враждебно расположен к старику. Он человек завистливый, неблагодарный. Андроник старший удерживает за собой лишь царские знаки. Ему определено годовое содержание. Логофет сослан в Дидимотих. Патриарх Исая радуется несчастью Андроника старшего. Налагает запрещение на епископов и священников. Умирает Иоанн, ираклийский митрополит, дядя Григоры. Его достоинства. Об нем Григора подробно говорит в его жизнеописании (7). Михаил Болгар объявляет войну Андронику младшему. Что он отвечал явившимся к нему послам. И тот и другой готовятся к борьбе. Императрица боится за сына и примиряет его с своим зятем, Михаилом. Ссылный Ме-^{LVI}тохит страдает каменной болезнью. Старик, потеряв зрение, делается игрушкой всех. Бесчеловечие Синадина. Один Кантакузин не забывается и в счастье. Его достоинства. Изречение. Сиргианн добивается освобождения из темницы. У византийцев урожай (8). Турки, под предводительством Орхана, осаждают Никею. Император переходит в Азию. Каковы у него воины. Его встречает Орхан. Римляне располагаются лагерем у Филокрин. Перестрелка. Сражение. Римляне терпят поражение. Император ранен. Орхан, оставив на месте 300 всадников, отступает. Император входит в Филокрин. Уныние римлян. Поспешное и постыдное их бегство. 300 всадников частью овладевают лагерем, частью преследуют бегущих. Император возвращается в Византию. Неудачу свою принимает за божеское наказание. Патриарх разрешает народ, и только некоторых из епископов и священников. Четыре лица избираются в судьи, с жалованьем. Императорский флот. Мартин, правитель Хиоса. Как ему досталось управление островом. Человек сильный, и потому впавший в подозрение у императора. Взят императором и в узах отправлен в Византию (9). Андроник младший болен. Будучи близок к смерти, просит постричь себя в монашество. Велит вывести виновных из тюрьмы. Диктует свою последнюю волю. Свою власть оставляет супруге и ее будущему дитяти, под опекою Кантакузина. Мать огорчена тем, что он об ней не упомянул. Она усыновляет Сиргианна. Связывает фессалоникийцев присягою себе. Константину Деспоту дается свобода и сряду же отнимается. Основываясь на первой букве его имени, некоторые ему предсказывают царскую власть. Андроник старший, по настоянию Синадина, против воли прини-^{LVII}мает монашескую одежду и имя. Андроник младший просит воды из источника Богородицы, и выздоравливает, после того, как водой была облита голова. Патриарх радуется несчастью Андроника старшего. Спрашивает у него, как его помянуть в церкви. Старик оплакивает свою судьбу, укоряет патриарха, на вопрос не дает ответа. От великой скорби молчит. Древнее изречение египетского царя. Как решил патриарх помянуть в церквях старика-царя. Ропот и негодование народа. Старик, устрешенный угрозами Синадина, клятвенно отрекается от престола. Как он укрепил свое письменное отречение. В пределах персидских найден большой склад старинных золотых монет. Множество их перепродано латинскими купцами в разные страны. В какой цене были у византийцев (10). Пустые предсказания, присланные в Византию из Италии и Колхиды. Григора, по настоянию друзей, опровергает их. Письмо, написанное им к другу об этом предмете (11). Михаил Болгар объявляет войну сербскому королю. В войне готов принять участие император. Располагается лагерем в Пелагонии. Затмение солнца. Болгар опустошает поля триваллов. Король сражается с ним. При помощи галльской конницы, побеждает его и берет в плен. Михаил умирает от ран. Император, не сделав ничего, возвращается в Византию. Непостоянство счастья. Две жены короля. Сын от первой жены возмущается. Овладевает властью. Король мятежниками задушен в тюрьме (12). Во время смут болгарских из-за престола, император нападает на Месимвию и другие города. Александр, овладев болгарским престолом, опустошает римские пределы. Возвращает отнятые города. Турки берут Никею. Продают византийцам иконы, кни-^{LVIII}ги и мощи. Занимают приморскую часть Вифинии. Своих даников угнетают всеми способами. Кем построен и кем возобновлен монастырь Хоры. Он — жилище возвратившегося из ссылки Метохита. Как разрушены его здания. Как разобрано было основание его дома. У него отнята свобода беседовать с Андроником старшим (13). Различные знамения. Затмения

солнца и луны. Землетрясение. Кресты с церковью и колонны падают. Слова, сказанные случайно, но подтвердившиеся самым делом. Григора — обыкновенный посетитель Андроника старшего. Беседует с ним накануне смерти. Старик, отпустив друзей, принимает пищу. Пьет холодное. Вдруг чувствует себя больным. Очищает свои грехи молитвами и слезами. Лишенный возможности приобщиться св. тайн, прикладывает к устам образ Божьей Матери. Умирает. Книга, в которой загадочными знаками обозначены дела императоров. Объяснение оракула об Андронике старшем. Куда перенесено его тело. Похороны в девятый день (14).
..... стр. 381—459.

Книга 10-я. Королева, дочь умершего царя, присутствует при погребении. Григора, по ее просьбе, произносит надгробное слово. Действие этого слова на слушателей. Лета умершего государя. Наружность. Характер. Два примера его щедрости, при крайней бедности. По смерти оказался он должным. Лета от сотворения мира. Лета молодого царя (гл. 1). Метохит поражен тремя бедствиями. Постригается в монашество. Умирает. Надгробное слово Григоры. Плач родственников. Краткий перечень достоинств Метохита (2). Рождается Иоанн Палеолог. Андроник отец, радостный отправляется в Дидимотих. Оставляет траур. Дает игры. Две игры: *Iusta* и *Torneamentum*; обе опасные. Император принимает участие и в той и в другой, не слушая советов старых людей. Окончание игр (3). Император начинает войну с Александром, опустошает поля болгар. Возвращает себе некоторые крепости. Александр чрез послов просит мира, но не получает. Крепости, выстроенные или укрепленные на горе Эме Андроником старшим. Войска Александра и неожиданный его приход. Римские силы не равняются болгарским. Приготовления к битве с той и другой стороны. Император увещевает своих к битве. Резня. Кантакузин и Протосеаст отличаются лучше всех. Верный конь. Римляне спасаются бегством. Силою вторгаются в ближайшую крепость. Не знают, как вырваться оттуда. Римский гарнизон истребляется в Месимврии и в других местах. Нет никакой надежды помириться с Александром. Император возлагает надежду на Бога, хотя и чувствует угрызение совести. Александр, движимый чувством сострадания, объявляет мир. Делает императору снисходительное внушение и отпускает его (4). Сиргианн впадает в подозрение у императора. Обвинен Цамблаком в оскорблении царского величества. Но не уличен пока. Не может найти себе поручителей. Предается бегству. Письмом из Евбеи просит императора простить его и дать ему место, для поселения с семейством; так как при дворе ему быть опасно. Дает клятву. Не получив удовлетворения, отправляется к королю в Сербию. Принят чрезвычайно благосклонно. Обещает королю многое (8). Мать императора умирает в Фессалонике. Утешительное Слово, произнесенное ему Григорой (6). Король набирает войско. Сиргианн испытывает верность народа обещаниями, и не без успеха. Беспокойство, страх, и надежда императора. Укрепляет дворец. Патриархом делает Иоанна апрского. Поручает ему жену и детей. Отправляется без войска в Македонию. Подозревает всех римлян, кроме Кантакузина и некоторых из домашней прислуги. Решается действовать на врага хитростью, по примеру древних. Сфранц придумывает хитрый план и притворяется перебежчиком пред врагом. Жалуется на императора. Сиргианн не обращает внимания на предостережения друзей. Клятвопреступник делается жертвою клятвопреступника. Стремится в Фессалонику. Занимает встречающиеся на пути города. Сфранц обманывает Сиргианна и дает знать о своих действиях императору. Император, потеряв всякую надежду, распоряжается, чтобы спастись бегством самому и спасти Сфранца. Сфранц выдумывает, что хочет осмотреть стены Фессалоники. Отправляется с двумя слугами. Сиргианн следует за ними один. Его убивают. Убийцы ускользают в город. Король, заключив мир, удаляется (7). Два латинские епископа приходят для рассуждения о соединении Церквей. Патриарх, не полагаясь на свои силы и силы своих епископов, находит нужным пригласить Григору, хотя и мирянина. Григора сперва советует молчать. Потом имеет частную беседу с патриархом и избранными епископами. Говорит пред ними речь, в которой раскрывает свое мнение. С ним соглашается в числе других епископ Диррахия. Кто был он и каков. Умирает деспот Константин (8).
..... стр. 459—518.

Книга 11-я. Турки грабят латинян и римлян и на суше, и на море. Латинские государи вступают в соглашение с итальянским королем и императором о том, чтобы соединенными силами противостать общему врагу. Император собирает деньги. Готовит флот. Ожидает прибытия латинян, но напрасно. Родосцы, фокейцы и {LXI} правитель цикладских островов восстают против императора. Берут Митилену. Генузец Катан, предводитель фокейцев, прибирает Митилену к своим рукам, чувствуя свое превосходство пред союзниками. Вызывает из Фокеи жену и детей. По какому праву он правил этим городом. Галатские генузцы бунтуются. Как умножилось их богатство. Свой замок распространяют и укрепляют. Император предает огню их укрепления. На них, угрожающих открытой войной, не обращает внимания, занятый более важными делами. Галатяне, доведенные до крайности, смиряются и просят мира. Император отправляется в Митилену. Захватывает пять неприятельских кораблей и ведет их к Хиосу. Между тем Катан укрепляет Митилену. Римляне, с помощью турков, осаждают Фокею (гл. 1). В отсутствие императора, составляется заговор в столице, но благоразумием матери Кантакузина и императора подавлен. Латинские фокейцы, изнуренные осадой, просят мира чрез посредство родосцев.

Условия мира. Император возвращается в Византию со всем флотом. Производит расследование о заговорщиках. Укоряет их в собрании. Его снисходительность. Началом своей речи вызывает, слезы в слушающих. Останавливает донос на деспота Димитрия, из уважения к своей тетке королеве. К этому же располагает его и Григора возгласами и рукоплесканием. Одних сыновей Асана заключает в темницу, и то не суровую. Алексей Филантропин, посланный в Лесбос, хитростью берет Митилену. Достоинства его (2). Скифы нападают на Фракию, с целью грабежа. Теснят турков, производивших грабеж. Целых пятьдесят дней опустошают римские пределы. Большое число пленных. Причина набега. Ему предшествовало два затмения. За Васи-{LXII}лия, трапезундского государя, выдается Евдокия, побочная дочь императора. Иоанн, правитель Этолии и Акарнании, убив брата, овладевает властью, но отравляется женой. Обвинения против присягавших судей. Один оправдывается. Наказание остальных (3). Турки делают набег на Херсонес и Фракию. Лучшие из них убиты. Остальные, заключив мир, возвращаются домой. Император, возвратившись в Византию, готовится отправиться в Этолию, для получения предложенной власти. Получает известие об имеющем последовать немедленно вторжении турков во Фракию. Видит и намерения Орхана. 60 римлян, под предводительством Кантакузина, встречают грабителей. Сам император с тремя кораблями нападает на вражеский флот. Великое истребление варваров. Из римлян не пал ни один. Захвачено 14 неприятельских кораблей. Бог виновник такой победы. Император, отправившись на другой день в пристань Иера, узнает, что неприятели уже уплыли. Идет 45 стадий пешком ночью в храм Богородицы Одигитрии, чтобы воздать благодарение Богу (4). Является комета; какого вида; ее появление, течение и исчезновение. Необыкновенное благородство скифянки к фракийцу и фракиянке, которых она купила пленными. Праведный суд Божий (5). Император, имея в виду напасть на Эпир, опустошает Иллирию. Союзных турков, обремененных добычей, отпускает домой. Получает власть над Эпиром. Потеряна Никомидия. Фракия подверглась набегам турков. Правитель Эпира спасается бегством. Его мать останавливается в Фессалонике. Феодор Синадин, поставленный управлять Эпиром, связанным выдается возвратившемуся законному правителю (6). Несовершеннолетняя дочь царя выдается замуж за сына Александра {LXIII} Мизийца. Мир, скрепленный этим союзом. Необыкновенные роды. Трехлетнее дитя, с силою взрослого, умирает на 5-м году. Причина смерти. Генуэзцы изгнав от себя столичных вельмож, поставляют над собой одного дукса, по примеру венецианцев. Комета, похожая видом на ту, которая являлась три года назад, но с иным движением. Турки опустошают Фракию. Занимаются тем долго, не встречая себе сопротивления (7). Умирает трапезундский государь, Василий. Его жена Ирина, которой он предпочитал соименную ей одну распутницу; она по смерти мужа, в которой ее подозревали, изгоняет из дворца его любезную. Чрез послов, отправляемых однажды и дважды, просит своего отца, Андроника, дать ей другого мужа. Императора нет в столице; он болен; замедление и того другого посольства. Молва о короткости Ирины с великим доместиком трапезундским производит между трапезундцами междоусобие. Цанихит и многие другие истреблены (8). Император осаждает главный город Акарнании. Кантакузин помогает ему. Пользуется всеобщим расположением воинов. При своем уме, в то время устраивает дела в разных местах. Подавляет заговор. Вероломство Сфранца Палеолога. Смерть его. Римляне приобретают Фокею. Эпир присоединен к империи. Правитель Эпира препровожден в Фессалонику. Кантакузин самым молчанием совершал великие дела. Император является в Византию, с здоровьем, слишком слабым. Пренебрегает предписаниям врачей. При усилении болезни, отправляется в храм Богородицы Одигитрии (9). Варлаам, итальянский выходец, знаток не столько греческой, сколько латинской учености, с презрением относится к византийцам. Порицая других, {LXIV} старается выставить себя. Подвергается осмеянию. Григора по этому поводу написал разговор. Название и начало разговора, где выставлены вымышленные имена. Тот же Варлаам нападает на греческих монахов. Паламу, ратующего за них, обвиняет в ереси и богохульстве. На созванном по этому поводу Соборе рассуждают об одной молитве. Рассуждение о других предметах или оставлено или отложено. Император говорит искусную речь. Жалеет, что Григора не был его слушателем. Причина его отсутствия. Варлаам, посрамленный, возвращается в свое отечество и к отеческим обычаям (10). Император, при усилении болезни, опять отправляется в монастырь Одигитрии. Впадает в летаргию. Требуется врачей. Посылает спросить у Григоры, благоприятно ли положение звезд. Умирает. Год и число смерти. Время жизни и царствования. Надгробное ему Слово Григоры. Ум и характер покойного государя. Он пренебрегал установившимися обычаями римских императоров. Употреблял огромные издержки на собак и птиц для охоты, что Кантакузин, после его смерти, отменил. В надежде на Бога презирал опасности. Не слишком заботился о своем сане. В свое царствование он сделал царское место доступным каждому. Отметил различие в шапках и одеждах. Эти и другие вещи были принимаемы многими за дурные предзнаменования для целости империи (11) ..... стр. 518—564. {LXV}

КНИГА ПЕРВАЯ

¹ Ἡ δεῖ, γη, τῆς ἐν αἰ, ἑρπετον ταύτην οἰμῶως αἰρρηθεν αἰετ, τρεπομενη τροπῆς ἐν. Вольфий при этих словах делает догадку, что Григора разумеет здесь или неподвижность земли — αἰκινήσιον, так как она считалась некогда неподвижным центром вселенной, или смену времен года, при которой земля то остается обнаженной и бесплодной, то делается цветущей и покрывается плодами,— подобно тому как Фортуна и Луна называются постоянными при своей подвижности.

настоящий труд. А так как для историка истина тоже самое, что глаз для животного; то мы считаем необходимым прежде всего и иметь ее в виду, по двум причинам: во-первых, чтобы то, что мы предположили выдать потомкам за правило и образец, не оказалось впоследствии вредным и гибельным; — во-вторых, чтобы не подать другим повода на основании немногих неверностей смеяться над целым нашим трудом, или даже уличать нас в том, что там нет ничего верного, как то испытали на себе некоторые ученые в наше время. Проведши жизнь в решительном неведении событий, эти люди ни с того ни с сего принялись за изложение истории,— и, разумеется, не замедлили наполнить ее баснями. Чрез то лишили ее всякой цены и только доставили прекрасный случай мудрейшему царю Андронику Палеологу ¹ с полною свободою острить и уличать их относительно каждого отдельно рас- {4} сказа,— тем более, что были еще в живых те люди, на которых они так много налгали. Кстати: приведу одну беседу царя, которую он вел при мне (она может быть полезна и мне при моем труде): «часто, говорил он, будучи сам с собой, дивился я, что так много есть людей, которым, при их безмятежной и ничем невозмутимой жизни, оставалось бы только уважать других и никого не следовало бы ненавидеть; между тем они готовы бранить каждого встречного и с удовольствием острят свои злые, язвительные и обидные языки; и пусть бы чтонибудь подстрекало их выразить свою злость, а то — без всякой причины. Еще больше дивился тем, которые осмеливаются сплетать и бесстыдно произносить лживые ругательства на царей и на патриархов. Но больше всех я дивился тем, которые свои лживые ругательства не затрудняются излагать на бумаге; потому что брань, произносимую одним языком, подхватывает ветер и рассеивает по вольному воздуху; а ругательства, начерченные в рукописях и книгах, ложатся тяжелым гнетом на тех, которые подвергаются им, так как написанное получает больше значения и остается в своей силе надолго. Не понимаю и понять не могу, для чего они решаются на это и из-за какой выгоды несутся к таким стремлинам. Если такие лживые ругательства они сплетают для удовлетворения собственной злости; то делают дурно, слишком бесстыдно и, как говорится, на свою голову, {5} так как в своих сочинениях передают времени памятники своей злости. Читателям ведь легко понять, что они вместо того, чтобы говорить хорошее и дорожить истиною, вздумали торжественно выезжать на порицаниях людей, ничем их не оскорбивших, — подобно тому, как если бы кто, имея возможность оставаться на твердой земле и проводить жизнь привольную и безопасную, пустился бы в Атлантическое море, подвергая себя его бурям и непогодам. Кроме того, представляя потомкам за образцы для подражания людей злых, они по доброй воле делают виновными в гибели первых. Каких же стремнин ² не заслуживает это преступление их — двойное и даже тройное! Чего они должны были бы как можно дальше убежать и удаляться, как нетерпимого в благоустроенном обществе и противного требованиям здравого смысла, и за что следовало бы им опасаться срама и изгнания из городов, как это бывало у афинян, которые исключали из судебных росписей внесенных туда незаконно и не стоивших права гражданства; за то они охотно принимаются сами, оправдываясь тем, что тоже делывалось и прежде и что это не выходит из круга вещей обыкновенных. Ведь люди любят, когда попадают в преступлении, ссылаться на древние примеры, чтобы оттуда, как из укрепления выхо- {6} дить на тех, которые стали бы их изобличать. Итак, по этой ли или по другой причине они высказывают ругательства и лгут, в том и другом случае ошибаются. Опять: если — потому, что написанное ими останется надолго, и тогда они слишком далеко уклоняются от цели; так как полагают очень непрочные основания для своих обвинений. Или, быть может, они имеют в виду слух черни, которая находит более удовольствия в порицаниях другим, чем в похвалах, и охотнее читает о том, что было сделано дурного, чем хорошего, хотя бы то сплетено было из большой лжи, а это имело на своей стороне свет истины; и потому составляют так свою историю, чтобы ею на долгие

¹ Т. е. Андронику старшему, о котором Григора говорит, что он имел πολυ;`ν τη;`ν σύνεσιν. Такой отзыв и идет гораздо более к Андронику старшему, при котором Григора пользовался особенным значением, нежели к младшему. Но о каких историках здесь дело идет или к кому особенно относится обличительная речь имп. Андроника, это по ее содержанию определить нелегко; разве разуметь здесь Георгия Пахимера, который в последней части своей истории говорит о делах Андроника старшего, по-видимому, но с большим расположением к этому императору и который свой труд кончил в его царствование, на 80-м году его жизни, как сам свидетельствует (кн. 13, гл. последн.). Ducang.

² Здесь не мешает припомнить знаменитую Тарпейскую Скалу у древних римлян, с которой многие имели несчастье быть брошены стремглав.

времена потешались люди, передавая ее друг другу из рода в род. Но, верно, не представляют они пред очами ума Судии праведного; не стыдятся и людей, которые умеют судить хорошо и правдиво. — Они вредят не столько тем, кого они порицают, сколько сами себе, потому что люди здравомыслящие, составив о них дурное понятие, которое стоит всяких порицаний, всегда будут иметь их на дурном счету; а Бог, блюститель правды, оплатит им тягчайшим наказанием за их язык. Случается иногда и то, что по незнанию дела и незнакомству с событиями, о которых от кого-либо слышали, прежде, чем исследовать, имеет ли слышанное достоверность и согласно ли с истиною, или же выходит из ее пределов, — прямо перешагивают это письмени и памяти, обвиняя то, что невинно, и рассказывая то, чего не было, да не могло и быть; в этом роде известны нам идеи Платона и трагелафы¹, вышедшие в Азию и происшедшие от индийских чудовищ, что передают составители небылиц для того, чтобы озадачить слушателей. Потому-то я и намерен, сколько буду в состоянии, изобличить современных писателей в подобных вещах. Ибо это — люди и от природы не даровитые, и гражданскими делами не занимавшиеся, а потому и не могли приобрести практический взгляд на вещи и рассудительность, доставляемую жизнью. Жизнь, как мы знаем, многих людей с самою вялою натурою выводила из усыпления и пробуждала от дремоты; так что они становились бойкими и переходили в разряд тех, которые отличились уже благоразумием и знанием дел и успели уже обработать свой язык в прениях по поводу государственных вопросов. Между тем писатели, о которых говорим, всю жизнь провели в четырех стенах, с молодых лет совершенно предавшись ученым занятиям и оставаясь глухими ко всему происходившему вокруг их. Впрочем не было бы лучше, если бы они и не были так преданы ученым занятиям: эти люди, которым так прилично было бы сидеть в темном углу, выступили на ученую дорогу, не отличаясь природными дарованиями. Между тем успех во всякой науке и во всяком искусстве утверждается, как на основании, на природной способности. Если она сильна, то служит большим пособием для усвоения науки, — тем же, чем железо и медь для ваяния; если же слаба, то это — самая плохая помощница в деле науки и, выражусь так, вредная и коварная союзница. Вот и эти простаки, хотя и ознакомились с наукой, однакож, при своих дарованиях слабых и тупых, дозволили себе речи лживые и полные погрешностей. — Я слышал и от древних мудрецов, что берущиеся за перо должны подражать хорошим живописцам. Они, если и есть в оригинале какой-нибудь природный недостаток, меньше ли, или больше надлежащего какая-нибудь часть тела, стараются изображать на портрете не все в точности; но где прибавят, чтобы больше было сходства, а где убавят чтобы природный недостаток не бросался в глаза постоянно и не подавал насмешникам повода острить и смеяться. А те умницы, по невежеству, или из нелюбви к истине, не только не прошли молча и малых грехов, действительно бывших, но еще предали письмени много такого, чего никогда не бывало ни на деле, ни на словах. Таким образом они показали себя ожесточенными и заклятыми врагами истины. И подлинно, каких нелепостей не могли они допустить, принявшись писать не о том, чего были очевидцами, или о чем узнали от тех, которые сами были действующими лицами и очевидцами, но о том, что пьяным языком рассказывают наполняющие непотребные дома и что болтают и городят старухи. Но что изощрили они язык свой не ко вреду моему или замешательству моих дел, и своим оружием немного нанесли вреда моей правдивости, то показывают их сочинения, которые содержат рассеянные там и сям и похвалы мне. Это служит блестящим и очевидным оправданием мне и отклоняет от меня всякое подозрение в том, будто я говорю в защиту себя и хочу отвергнуть хотя что-нибудь

¹ Многие думали, что трагелафов никогда не существовало, отчего у греков вошло в обычай в простонародье называть это животное кат' ου; δένο;ς (никто или ничто), как свидетельствуют Стефан и Этимолог в γαλλῆς;ς. Однако же о трагелафе упоминается не только в законе Моисеевом, где (Второз. 14, 5) в еврейском тексте стоит תרגל (ассо), а в греческом и в Вульгате — τραγέλαφος, tragelaphus; но и в книге Иова (39, 1), где по-гречески переведено так: εἰς; ε;ς; ἡνὼς καιροῦ;ν τοκετοῦ τραγέλαφον πέτρας, Олимпиодор в этом месте слово τραγέλαφος объясняет словом α;ς; ἵναστρος и на поле — α;ς; ἵξ α;ς; ἡνὼς. Августин: tragelaphus, compositum ex hircο et cervo animal. Трагелафа указывают нам — Диодор (I. 2) в каменистой Аравии, Плиний (I. 8, с. 33), Солин (с. 22) и Исидор (Origin. I. 12, с. 1) — около Фазиса, и наконец Философ (Hist. animal. I. 2, с. 1) — у арахов. Но как другие по козлиной бороде называют это животное τραγέλαφος, так Философ по лошадиной гриве называет ι;ππέλαφος. Лукиан в Tragorodagra относит даже трагелафа к животным, которые полезны против подагры: βατράχῃς υ;αίνος τραγέλαφῃς, α;λὸλεκας. Даже в настоящее время трагелаф встречается чрезвычайно часто в Германии, особенно в горах Миснии и Богемии (Hofm. lexic.). Tragelaphe — арденский олень (Французск.-русс. словарь Эртеля. 1841 г.).

справедливое,— причина к такому подозрению явно уничтожена. Нет, к этому побуждает меня любовь к истине и жалость к обиженным; — я не могу равнодушно терпеть ни того, чтобы истина была пренебрежена, ни того, чтобы других обижали {10} несправедливо. Людям, имеющим столько свободного времени и однажды навсегда посвятившим себя ученым занятиям, следовало бы все обстоятельно исследовать и разобрать. Я не говорю, чтобы все, что написано у них, было ложно. В этом неудобно было бы упрекнуть даже тех, которые хвастают, что видели истоки Нила, или распространяются в описании антиподов. Но так как эти господа наговорили много ложного и в разнообразных видах, а того, на что можно найти много еще живых свидетелей, высказали очень немного; то мы, руководясь истиною, смело изобличим их». Дошедши до этого места своей беседы, царь распространился в обличениях, приводя в свидетельство своих слов тех, которые сами были действующими лицами событий, изображенных тем или другим писателем в искаженном виде и несогласно с истиною. Но мы откладываем дальнейшую речь его до другого времени, когда и нам придется излагать повествование о том же самом; а предположенную историю начнем со взятия царствующего города, которому, увы! — он подвергся от латинян ¹. То, что сделано было раньше наших времен, но что передано нам людьми, которые гораздо старше нас, мы расскажем вкратке; частью потому, что много о том сказано и другими, частью и потому, что {11} опасаемся допустить какую-нибудь погрешность в истории; а то, чего мы были очевидцами, попытаемся изложить с возможною отчетливостью и обстоятельностью.

2. По взятии Константинополя латинянами, римское государство, подобно большому кораблю, который не в состоянии бороться с порывами ветра и морскими волнами, распалось на множество обломков и частей. Один управлял одною, другой другою частью, кому как посчастливилось, пока наконец Феодору Ласкарю не удалось быть провозглашенным ² в цари в никейской митрополии, на тридцатом году жизни. Тогда одни, уступая силе, другие по доброй воле подчинились ему, кроме, однакож, Алексея Комнина ³, имевшего у себя под властью Колхиду, и еще того, который в Европе управлял Фессалией и областью, названной древним Эпиром, — разумею Михаила Комнина, из дома Ангелов ⁴. Удаленные на огромное расстояние от столицы, находясь, можно сказать, на диаметрально противоположных концах государства и много полагаясь на естественные укрепления, они смело приобрели себе владения и закрепили их за собою до настоящего времени, передав их, как какое-нибудь {12} отцовское наследство, своим детям и внукам. Стояло весеннее время, когда латиняне взяли столицу. Они разделили ее между собою на три части: одну получил Балдуин, граф Фландрский, другую Людовик, граф блезенский ⁵, третью маркграф Монтеферрата. Последний один объявлен был королем ⁶ Фессалоники и окрестных мест, а царем был провозглашен Балдуин. Он немедленно же отправился на западные города, рассеянные около Фракии, и в самое короткое время покорил их все. А маркграф Монтеферрата, дошедши до Фессалоники и овладев ею, очень легко, как пламень, оттуда разлился по всем лежавшим впереди селам и городам, пока не вторгся в самый пелопонесский полуостров. Так успешно в этом году шли дела латинян. На следующий же год они начали грезить о том, чтобы напасть и на восточную часть империи и покорить себе все, там находящееся, чтобы у римлян не осталось никакой надежды восстановить свое царство. С наступлением весны, латинские войска стали уже готовиться и к переправе на востоке с Балдуином. Очень может быть, что они и переправились бы, и истребили бы последние остатки римлян; если {13} бы, подобно неожиданному удару грома, не поразила их и не сдержала их движения весть о болгарском восстании. Брат и преемник Асана 1-го Иоанн, составив строй из всех, бывших под его властью болгар и прибавив к ним

¹ Константинополь взят латинянами в 1204 г., 12 апреля, во вторник на шестой неделе в. поста. Ducang.

² В 1205 г., потому что он царствовал 18 л., из которых последнее падает на 1223 г., как известно из Cod. MS. Beg. 2731, fol. 46. V (Vid. ann. Boivini).

³ Названного Великим, внука тирана Андроника Комнина, по его сыну Мануилу. Ducang.

⁴ Он назывался также Михаил Ангел Комнин и был побочным сыном севастократора Иоанна Ангела. Ducang.

⁵ Блезы (Bloys или Blois) — графство и красивый город при р. Лигерис (Лоаре); в нем обыкновенно жили цари. Hofman. lexic.

⁶ В тексте стоит ρ;η;ξ — Rex. У гордых константинопольцев слово ρ;η;ξ значило меньше, чем βασιλεὺς;ς. Рексом они называли и западного императора и вообще каждого государя, исключая одного болгарского, которого, как и своего константинопольского, называли βασιλεὺς;ς. (Uid. glossar. Meursii).

немалое число наемных скифов, расположенных по северным берегам Истра, нашел это время очень удобным для того, чтобы напасть на фракийские села и города; так как римляне находились в большой тревоге и смятении, а латиняне были озабочены слишком важными делами. Потому-то вынужденные такою крайностью, Балдуин и те, которые разделили с ним империю, сочли нужным обратить все войска назад и ускоренным шагом выдвинуть их на равнину Орестиады. Здесь вступили в бой многочисленные войска с той и другой стороны, и произошла страшная резня, потому что все дрались и отважно, и долгое время. Наконец болгары отступили, — не знаю, потому ли, что не могли долее выдерживать тяжелого вооружения латинян, или потому, что хотели по обычаю заманить их в засады; последнее вероятнее ¹. Когда преследование простерлось уже далеко, из засад выступили скифы; как-будто по со-{14}глашению с ними обратились назад и болгары; окружив врагов, сверх всякого ожидания, они бросились истреблять их без милосердия стрелами, копьями, мечами, и землю покрыли кровью и трупами. Латинян было убито множество, потому что при тяжести вооружения они не могли на частые натиски, быстрые обороты и легкие движения скифов отвечать тем же. Скифы некоторых взяли живыми в плен; в числе их был взят и Балдуин. Людовик, граф блезенский, остался на поле битвы. Дукс Венеции Генрих Дандоло с горстью людей спасся бегством, но и он чрез несколько времени умер от ран, полученных в сражении ². Между тем толпы болгар и скифов ³, захватив богатство и добро латинян — лошадей и блестящие повозки, бодро двинулись вперед, не встречая уже себе сопротивления ни в ком. Поэтому одни фракийские города добровольно отдались Иоанну; большая же часть из них была взята силою, разграблена и разрушена с их стенами до основания. Так беспрепятственно прошел Иоанн все места до Фессалоники и Македонии, — и из сел, городов и крепостей сделал почти, как говорится, скифскую пустыню. {15}

3. Между тем царь Алексий, испугавшись латинян и тайно убежав из Византии, блуждал по Фракии; потом схваченный маркграфом Монтеферрата, лишенный всего богатства, какое имел при себе, и пущенный нагим, долгое время бродил около Ахайи и Пелопонеса. Наконец услышал, что его зять по дочери Феодор Ласкарь воцарился в восточной части империи, и что ему принадлежат уже не только Вифиния и приморские необширные области, но он простерся уже далеко в средину материка и образовал очень обширные владения, начинающиеся с юга от Карии и реки Меандра и простирающиеся к северу до Галатийского понта и до самой Каппадокии. Но при этом не вознес он благодарственных рук к благодетелю и человеколюбцу Богу, который укротил бурю многоначалия и, сверх всякого ожидания, открыл спасительную пристань тем из римлян, которые уцелели от невзгоды и волнения, произведенных латинянами, и ему самому подал успокоительную надежду и отдых после продолжительного скитальчества и больших трудов. Нет,— такой оборот дел он принял с неудовольствием, весь отдался зависти и недоброжелательству, и, коротко сказать, стал собираться с силами для битв и пролития родственной крови. И вот переправляется он Эгейским морем в Азию, тайком пробирается к правителю турков Ятатину, проживавшему в то время у города {16} Атталова ⁴, является к нему жалким и униженным просителем, умоляя восстановить его в царском достоинстве, напоминает ему старинные дружеские отношения, когда-то существовавшие между ними, и, заливаясь слезами, трагически изображает свои недавние бедствия; ко всему этому обещает горы золота. Варвар, увлекшись обещаниями денег и возмечтав, что из войны с чужеземцами извлечет много и других выгод, немедленно собирает свои войска и отправляет к царю Феодору послов с страшнейшими угрозами. Тот поначалу сильно было смутился от такой неожиданности, но потом скоро оправился, возложил надежды на Всемогущего, и отпустил послов ни с чем. Между тем принялся за дело, и собрал

¹ То же самое рассказывает о татарах *Uincentius Beluacensis* I. XXX, с. LXXXI: cum adversariorum fortitudini se praevalere posse non credunt, ante illos fugiunt, et quasi se ab illis fugari faciunt. Cumque illi armati Tartaros inermes diu inseculi fuerint, ac prae gravitate armorum et viae longitudine lassati jam non amplius sequi potuerint, tunc Tartari super equos recentes ascendentes, se super illos convertunt, et in eos capiendo et occidendo insiliunt. Ducang.

² Генрих Дандоло и не участвовал в сражении с болгарами, как пишет Никита, и не умер от полученных в этом сражении ран, как говорит Григора. Вернее говорить Акрополит (п. 13), что «занимавший место дукса Венеции находился тогда в Константинополе». Uid. Uillharduin. n. CXCI. Ducang.

³ Этих скифов Вильгардуин называет команам. Где жили скифы команам, объясняет Григора во 2 кн., 2 гл. Ducang.

⁴ См. Ник. Хон. т. I, стр. 336, 47.

войско, которое, конечно, если брать в расчет численность, было гораздо слабее персидского, потому что не равнялось и части его, но, в соединении с вышнюю божественною помощью, было несравненно сильнее. Итак, варвар, поднявшись с пехотою и конницею, прибыл к Антиохии на Меандре и, обложив ее, начал осаду, рассчитывая, что, если овладеет этим городом, то легко потом покорит и другие города, которые составляют римское царство. Он вел с собою и царя Алексея, чтобы легче достигнуть того, что имел в виду. Царь же не счел нужным оставаться на месте в ожидании нападения варваров, чтобы чрез то {17} не ободрить их (так как они, конечно, сделались бы отважнее, если бы, овладев Антиохиею, нагрузились там добычею и воспользовались этим городом, как неприступною крепостью, против римлян); но с возможною поспешностью двинулся на них, имея при себе войска не более двух тысяч всадников, людей отборных и, без преувеличения сказать, равных в бой; в числе их было, говорят, восемьсот наемных латинян. На третий день он прошел горные теснины Олимпа, которые тянутся на далекое расстояние и составляют границу между Вифинией и обеими Фригиями, отделяя первую к северу, а последние оборачивая к югу и открывая их южному ветру. Отправившись отсюда, на одиннадцатый день он переправился чрез Каистр, — и его неожиданный приход так сильно поразил варвара, что тот сначала не мог разобрать, во сне или наяву он услышал об этом обстоятельстве. С ним случилось тоже, как, если бы лев, лишенный когтей и зубов, осмелился пуститься в стадо медведей и волков. Перс знал, что римское царство в самое недавнее время раздробилось на тысячи частей и что одни из римлян рассеялись там и сям, другие пали под мечом латинян, и от них осталось или ровно ничего, или очень мало, так что их едва ли достало бы для одного таксиарха ¹. Поэтому он пришел в решительное {18} недоумение, и то называл грезой весть о приходе царя, то приписывал смелость и быстроту его похода необдуманности и легкомыслию. На деле оказалось однакож совсем не то; и случалось не раз, что небольшая опасность разрешалась большим несчастьем, если на нее не обращено было внимания, и малые войска, действуя быстро и решительно, легко одолевали большие и многочисленнейшие, при их беззаботности и непредусмотрительности.

4. Итак, собрав все свои войска, немного меньше 20,000, вооруженных пращами и стрелами, равно как копьями и мечами, и, выстроив их в боевой порядок, стал он ожидать нападения царя. Правда, он был недоволен местностью, потому что она была узка и тесна для конницы, и столько же представляла удобств для малого войска, сколько неудобств для большого; однакож ждал. Восемьсот царских латинян, сомкнув ряды, прежде всего разорвали средину неприятельской фаланги, ударив на нее с необыкновенною силою, и пробивались вперед до тех пор, пока не проникли до самого хвоста неприятельского. Потом обратились назад, и так превосходно повели дело, что персидским пращникам и стрелкам ничего нельзя было сделать, потому что те неслись сплошною массою, рука с рукой. Но и бывшие при царе воины не дремали; схватившись с неприятелями отдельными отрядами, они дрались, как люди храбрые и доблестные, пока наконец неприятели единодушно, с кри- {19} ком не бросились на латинян и не окружили их; правда они много пролили своей крови, но зато почти изрубили (латинян), так как их стороне давала перевес численность воинов. Затем схватились они и с нашими, и одних положили на месте, а других обратили в бегство. Между тем предводитель турков, султан Ятатин, оставив и минуя всех, искал самого царя, и силою открыв себе к нему дорогу, гордый силою и громадною своего тела и грозный, как какой-нибудь ликтор, нанес царю тяжелый удар по голове. Царь не вынес; у него закружилась голова, и он упал с лошади. Но не того хотел Бог, определивший однажды воскресить умершее римское царство; он извел царя из тинистого рва унижения и поставил его ноги на камне. Царь, упав с лошади, как мертвый, неожиданно поднялся, полный какого-то воодушевления и вдохновения, и сверх всякого чаяния, обратил гибель на голову самого варвара. В одно мгновение, обнажив свой меч, он без труда подкашивает передние ноги у лошади варвара, сбрасывает с нее седока султана, отрубает ему голову и, воткнув ее на копье, показывает варварским войскам. Этим обстоятельством положено начало спасению и восстановлению римской империи, при содействии Бога, совершающего все, превышающее силы человеческие. Варвары, объятые трепетом и ужасом, пустились в рассыпную, перегоня друг друга. А царь, чудесно спасшись

---

¹ Начальник батальона или роты.

от {20} столь больших опасностей и еще чудеснее одержав победу, с трофеями вступает в Антиохию, воссылая Богу благодарения из глубины души. Варвары немедленно отправляют к нему послов, просят мира и получают, но не на тех условиях, которых они желали, а на тех, которые угодно было царю предложить им. Царь схватил и тестя своего, царя Алексея, находившегося с неприятелями и, отправив его в Никею, облек в монашескую одежду. Затем он заботливо доставлял ему все необходимое. Между тем, по смерти супруги, он вступил во второй брак с сестрой царствовавшего тогда в Византии Роберта. Впрочем жил с нею недолго и не имел от ней детей, потому ли что от природы она была бесплодна, или не наступило ей еще время деторождения, как последовала смерть царя. Он прожил с этой супругой только три года.

КНИГА ВТОРАЯ.

1. По истечении восемнадцати лет царствования, Феодор оставил настоящую жизнь, назначив преемником своей власти зятя по дочери Ирине, Иоанна Дуку ¹, потому что у него не {21} было ни одного дитяти мужского пола. Положение вдовствующей царицы было незавидное, частью потому, что она не имела детей, частью же потому, что недолго жила с мужем. Что же касается до царя Феодора Ласкаря, то это был стремительный и неудержимый боец: он подвергал себя опасности во многих битвах; он поправил множество городов, не жалея издержек на прекраснейшие здания и на укрепления, чтобы останавливать и сдерживать движения латинян. Но нередко он помрачал свою славу, поступая неосмотрительно. Зять же и преемник его, Иоанн Дука, соединяя в себе с богатством умственных дарований благородство и твердость характера, прекрасно вел и устроил дела правления: в короткое время он увеличил и внутреннее благосостояние римского царства и в соответственной мере военную силу; он ничего не делал, не обдумав; и не оставлял ничего, обдумав; на все у него были своя мера, свое правило и свое время. Кто-нибудь, пожалуй, здесь кстати заметит, что время царя Феодора требовало поспешности, от того он и был тороплив; а следующее затем время царствования Иоанна требовало обдуманности, от того он и отличался ею. Господь, производящий существующее из несуществующего, верно, нашел этих людей годными, когда восхотел чрез них воскресить умершее и истлевшее римское царство. В это время царствовал в Византии Роберт, племянник по сестре умершего не-{22}задолго Эрика ². К нему-то обратились братья царя Феодора Ласкаря (Алексей и Исаак), следуя внушению зависти и сильной досады на то, что сделались преемниками царства не они, которые, как кровные родственники, ближе к Феодору, чем Иоанн, принадлежащий к их роду по свойству. При посредстве денежных подарков и обещаний собрав войско, сколько тогда было его у Роберта (а было оно очень многочисленно и сильно сколько вооружением, столько же и воинскою отвагою), они выступают против царя Иоанна Дуки, рассчитывая лишить его власти и прибрать ее к своим рукам. Перешедши в Азию, они оставляют корабли у Лампсака, а сами углубляются во внутренность материка на расстояние дневного пути,— на столько, на сколько незадолго покорил земли; (латинянам Эрик,— и встречают царя, ведущего на них римские войска. Произошло жестокое сражение; латиняне были разбиты наголову, после чего потеряли все города, подвластные им в Азии; потому что те тотчас же сбросили иго латинского рабства и добровольно передались царю.

2. Между тем из фессалийских пропастей поднимается новое зло, брат Михаила Ангела, Феодор. Получив после смерти брата власть, он, как человек деятельный, предприимчивый и искательный, расширил пределы своей власти очень далеко. Все западные города, ко-{23}торые незадолго поработены были латинянами, он легко покорил и подчинил себе; начав с них, он наконец взял и саму Фессалонику, главный и обширнейший город Македонии, в то время как маркграф отлучился в свое отечество, Ломбардию. Немедленно за тем он провозглашает себя царем, и помазуется на царство тогдашним архиепископом

---

¹ Прозванного Ватацем.

² См. ниже кв. IV, гл. 2.

Болгарии. Этот город, как свою родину, давно еще отличил большими привилегиями Юстиниан ³; назвал его первою Юстинианою, дал ему на вечные времена право самостоятельного управления ¹, исключая права епископу этого города помазывать на царство римских царей,— оно законами было предоставлено другим. Но с одной стороны страх, внушенный уже похитившим власть Ангелом, с другой — легкомыслие и недальновидность тогдашнего епископа сделали то, что отступление от законов было допущено. А как это место получило название Болгарии, я расскажу. К северу за Истром есть земля, по которой протекает немалая река; туземцы называют ее Булга; от ней получили имя и сами болгары, которые по своему происхождению не кто другой, как скифы. Когда недуг {24} иконоборства тревожил православных, болгары поднялись оттуда с детьми и женами, и в бесчисленном множестве переправились чрез Истр. Прошедши затем лежащие по Истру обе Мизии и ограбив мизийцев дочиста, что вошло и в пословицу, как саранча какая, или как молния, они занимают Македонию с лежащею за ней Иллирией, довольные теми удобствами, которые нашли там. Столицей для них на будущее время и сделался этот город, которому Юстиниан присвоил честь архиепископии и дал имя, как мы сказали, первой Юстинианы. Потом по имени народа, поселившегося там, эта страна переименована была в Болгарию, а первая Юстиниана признана митрополией Болгарии. Позднее царь Василий Болгароктон, после многих битв с болгарам, в конец их сокрушил и поработил; а тех, которые жили выше, выселил в нижнюю Мизию к Истру; имя однакож, как какой-нибудь памятник их, осталось за архиепископией. Но обратим нашу речь к тому, от чего она было отклонилась. Феодор Ангел, сделавшись, как сказано, царем, продолжал опустошать все огнем и мечом, простираясь далее и далее и оставляя за собою одни границы за другими, пока не очутился у самых ворот византийских; потому что не встречал решительно нигде сопротивления. Да иначе не могло и быть; потому что македонские и фракийские города были разорены в конец, вынеся в короткое время множест- {25} во страшных вторжений то латинян, то болгар, то скифов. Чего не делали христианам скифы,— этот кровавый народ,— обижая их бесчеловечно? А латиняне не только не были умереннее скифов, но еще далеко превосходили их в жестокости. И не раз, не два, не три этим несчастным пришлось испытать ужасы грабительства от того и другого народа, но много раз. Теперешний же поход Ангела истребил и то немногое, что могло еще оставаться. Взорам наблюдателя не могло там представиться ничего, кроме разрытых домов, разрушенных стен, лимносских бед ², троянских рыданий и раздолья всевозможных бедствий.

3. В эти времена управлял болгарам сын Асана 1-го, Иоанн. Он, видя, что упомянутый Феодор Ангел не хочет оставить нетронутым и болгарского царства, а простирает уже свою тяжелую и губительную руку и на него, входит в союз с скифами, завязывает с ним упорную войну, побеждает его, берет в плен и выкалывает ему глаза. Так отомстила ему судьба частью за то, что он, приняв имя царя, с пренебрежением относился к законной власти римской, частью за то, что не только не щадил своих единоплеменников, пострадавших от нашествий итальянских и болгарских и перенесших плачевные бедствия, а еще прибавлял к их несчаст- {26} стьям новые несчастья, к убийствам новые убийства. Между тем и царь Иоанн далеко распространил римское царство, показав себя умным, распорядительным и прекрасным кормчим государственного римского корабля. Снарядив немалое число длинных кораблей, отправляет он их к эгейским островам, и в короткое время берет все: Лесбос, Хиос, Самос, Икарию, Кос и острова смежные с ними. Этого мало: отправившись к Родосу, он берет и его. Когда же царский флот получил такую силу на море, а персидские войска в Азии оставались в покое, силы же латинян мало по малу истощились и ослабели; царь нашел удобным перенести оружие из Азии уже в Европу, чтобы освободить тамошние несчастные города от рук болгар и итальянцев. Поэтому, с весною переправившись чрез Геллеспонт, прежде всего нападает на Херсонес ³ и отсюда вносит опустошение в смежную землю, к изумлению крепостных латинских гарнизонов. Взял он весьма много и приморских городов: Каллиуполь, Сист,

³ О привилегиях, данных Юстинианом Ахриде. vid. Ioan. Morin. I. 1, exercit. XXVII, Leo. Allat. I, 1, de consensu ntriusq. Eccl. c. XXV, n. IV. Ducang.

¹ Здесь разумеется независимость епископа этого города от патриарха или какого-либо митрополита. См. у Льва Алляция loc. cit., у Меурсия — слово αὐτοκέφαλοι.

² Vid. Zenob. Diogenian. Suid., Hofman. lexic.

³ Разумеется фракийский.

Кардианы и другие, находившиеся поблизости,— одни силою и приступом, другие с их собственного согласия. Во время этих трудов царя, приходят к нему послы от болгар с мирными предложениями и вместе с просьбою для дочери Асана, Елены, руки сына царя, Феодора. Царь принял их бла- {27}госклонно и с удовольствием; потому что, занятый другими важнейшими делами, он не хотел иметь себе противника в таком человеке, который, находясь так близко к приирийским скифам, вместе с ними мог, когда угодно, делать вторжения и, подобно потоку, уносить с собою все, попадающееся на пути. По этой причине немедленно были утверждены и условия посольства и брачный договор. Съехавшись затем около Херсонеса, царь и Асан соединили браком Елену, дочь Асана, которой был десятый год от рождения, с сыном царя, Феодором, младшим Ласкарем, недостигшим еще совершеннолетия. В это время и епископ терновский получил навсегда независимость¹; а до сих пор он подчинен был архиепископу первой Юстинианы, по причине старинных родственных отношений того и другого народа. С наступлением лета, царь обходит фракийские и македонские города; начав, можно сказать, от самых ворот византийских, он простерся до Стримона и подчинил себе все упомянутые города еще до окончания осени. Выполняв таким образом все свои планы, он возвратился в Никею, а войско на зиму распустил по домам.

4. Здесь, мне кажется, не уместно рассказать о скифах, делавших в те времена {28} набеги на Азию и Европу. После нам придется еще часто обращаться к повествованию о них. Поэтому нам следует, по возможности, вкратке представить то, что касается до них, и, чтобы яснее было то, о чем придется говорить после, сделать предварительные замечания; иначе, передавая другим то, что мы сами знаем, а они не знают, и воображая, что им это известно, мы можем поставить их в такое положение, что они будут делать ошибочные догадки, перебегая от одного известия к другому, подобно гончим собакам, которые, преследуя зайцев, постоянно должны обнюхивать то тот, то другой след. Скифы — народ чрезвычайно многочисленный, распространенный к северу больше всех других народов, если не до самого северного полюса, зато вплоть до самых северных обитателей, как передают нам древние историки и сколько мы сами знаем, при своей многолетней опытности. Их Гомер назвал галактофагами, безоружными и правдивейшими из людей. У них нет поварских затей, они не знают столового убранства. Разведение овощей и хлебопашество им и во сне не грезилось. Пищею для них служат растения, сами собою прозябающие на земле, равно как кровь и мясо выюнных и других животных. Если случится им поймать какого зверя или птицу, и это идет у них в пищу. Одежда у них безыскусственная — кожи животных. Серебро, золото, жемчуг и камень лихнит для {29} них то же, что сор. Нет у них ни праздничных игр, ни зрелищ, разжигающих страсть честолюбия, ни совещаний о снаряжении кораблей, о выборе начальника флота, о поземельной собственности, но полный мир и совершенно безмятежная жизнь. Как горячка, развившись в теле человека, имеет поддержку себе в соках тела и до тех пор свирепствует, пока продолжается приток их; когда же продолжительное неядение и лекарства, принимаемые внутрь, истощат тело и уничтожат все соки, то горячка немедленно прекращается и болезнь перестает: так и у этих людей, при отсутствии того, из-за чего возникают споры и распри и предпринимаются злые замыслы и кровавые дела, не оказывается нужды ни в судилищах, ни в советах, ни в ссылках на законы, ни в увлекательности речи, ни в изворотливости языка, ни в хитросплетении доводов. Вместо этого ими управляет природная правдивость и безукоризненная самозаконность. Потому-то Гомер и назвал их правдивейшими из людей. Название их древние мудрецы передают различно. Гомер называет их киммерийцами,— Геродот, описавший персидские войны, общим именем скифов, херонеец Плутарх кимврами и тевтонами — не утвердительно впрочем, а как бы сомневаясь и недоверяя сам себе. Сами они собственное название произносят каждый на своем языке. Те же, которые называют их греческими именами, называют их каждый по- {30}своему, смотря по тому, какие места занимают те или другие из них, разливаясь по нашим странам, подобно потоку. Как есть у Бога страшные знаменья для людей: на небе молнии, громы и проливные дожди,— на земле землетрясения и провалы,— в воздухе тифоны и вихри; так блюдятся у Него и на севере эти страшилища, чтобы посылать их, на кого нужно, вместо бичей другого рода. Некоторые из них

¹ Об этом см. ap. Acropolit. c. 33., Ioan. Morin. l. I, Exercit. XXVII, et. Leon. Allat. de concord. utriusque Eccl. c. XXV, n. V, it. gesta Innocent. III Papae p. 36, II ed. Balusian. Ducang.

много раз, вырываясь оттуда, опустошали многие страны и на многих народов налагали иго рабства. Их движение походило на то, как если бы часть великого моря хлынула с крутизны; разумеется, она потопила бы и разметала все, что ни встретила бы на пути. Выходя оттуда нагими и нищими, они потом изменяют образ жизни и усваивают нравы жителей тех мест, в которых поселяются. Как реки, несущиеся с высоких гор и впадающие в море, не вдруг и не у самого морского берега перестают быть годными для питья и делаются солеными, но далеко в море текут отдельной струей, и потом уже расплываются, уступая силе вод, более обильных; так и скифы, пока обитали поблизости прежней Скифии, из которой они вначале вышли, удерживали прежнее свое название, как оно есть: сами назывались скифами, а земля, прокармливавшая их, Скифией. Это — те, которые занимали землю у истоков Танаиса и по его берегам. Потом, вышедши оттуда, они хлынули в Европу и раз-{31}местились по западным берегам великой Меотиды. Спустя много веков после того другие, ринувшись из первой Скифии, как бы из великого источника, разделились на две части: одна, устремившись на азиатских савроматов, простерлась до самого Каспийского моря,— принадлежавшие к ней, забыв родовое название, стали называться савроматами, массагетами, меланхленами и амазонами; они усвоили себе все те имена, которые имели те или другие из поработанных ими племен, а с именами и нравы, врезавшиеся в них глубокими, неизгладимыми чертами. Другие же, уклонившись в Европу и пронесшись по всей приморской земле, принадлежавшей сарматам и германцам, стали по ним называться и сами. Впоследствии, бросившись в Кельтию и заняв ее, стали называться кельтами и галатами. Я прохожу молчанием тех, которые гораздо позднее перешли Альпы и рассыпались по Италии многочисленными мириадами; разумею кимвров и тевтонов, которые вместе с женами и детьми почти все были истреблены римскими войсками, при консулах и военачальниках Кае Марие и Луктации Катуле. Да чего — больше, когда они нередко пробирались до самой Ливии, нападали и на западных иверов и простирались за геркулесовы столбы?— На кого ни нападут они, всех по большей части одолевают, делаясь владыками чужих стран. А отечество их самих, Скифию, едва ли кто когда поработал. Причина {32} этому — та, что они издревле проводят жизнь простую и воздержанную; хлеба не едят, вина не пьют; а потому земли не пахут, винограда никогда не возделывают, за другими произведениями земли не ухаживают, чем пропитываются обитатели внутренней части вселенной. То, что привычным скифам приятно и вовсе непротивно, для неприятелей их невыносимо; потому что последние держат при себе гораздо больше выючного скота, чем воинских снарядов, и, когда располагаются лагерем, нуждаются в большом и разнообразном рынке, чтобы иметь в достаточном количестве необходимое как для себя самих, так и для выючных животных. Скифы же, постоянно проводя образ жизни простой и незатейливый, легко делают военные переходы и, подобно воздушным птицам, проносятся по земле нередко в один день столько, сколько можно было бы — для других в три дня; прежде чем успеет разнестись молва, они занимают уже одну страну за другой, потому что ничем лишним себя не затрудняют. Между тем имеют при себе все, что обеспечивает легкость победы; разумею — их несчетное множество, их легкость и быстроту в движениях и, что еще важнее, беспощадную строгость к самим себе и их нападения на неприятелей в битвах, напоминающие характер диких зверей.

5. Но нужно возвратиться к тому, что мы было оставили. В то время, когда держал {33} римский скипетр уже Иоанн Дука, многочисленная, простиравшаяся до многих мириад, часть скифов ¹, хлынув с дальних пределов севера, неожиданно достигает до самого Каспийского моря. Между тем, по смерти их правителя Чингисхана, его два сына, Халай и Телепуга, разделяют между собою власть над войсками. И Халай, оставив к северу Каспийское море и реку Яксарт, которая, вырываясь из скифских гор, широкая и глубокая, несется чрез Согдиану и вливает свои воды в Каспийское море,— спускается вниз по нижней Азии. Но речь об этом мы оставляем пока, потому что наше внимание отвлекает Европа. Другой из сыновей Чингисхана, Телепуга, положив границами своей власти на юге вершины Кавказа и берега Каспийского моря, идет чрез землю массагетов и савроматов, и покоряет всю ее и все земли,

---

¹ Под названием скифов здесь разумеются татары, которые в это время опустошили многие страны Европы и Азии. Снес. Акрополит. гл. 25.

которые населяют народы по Меотиде и Танаису ². Потом, простершись за истоки Танаиса, с большою силою вторгается в земли еврейских народов. А их было очень много. Те из них, которые углублялись в материк Европы, были осколки и остатки древних скифов, и разделялись на кочевых и оседлых; {34} а жившие по смежности с Меотидой и наполнявшие поморье Понта, были: зихи, авасги, готы, амаксии, тавроскифы и борисфеняне, и кроме того те, которые населяли Мизию при устье Истра; последние назывались гуннами и команам ¹, у некоторых же слыли за скифов. Испугавшись тяжелого и неудержимого нашествия скифов, они нашли нужным передвинуться оттуда; потому что никому нельзя было ожидать чего-либо хорошего; трепетали все — и города и народы; потому что, будто колосья на току, были растираемы и истребляемы. Таким образом отчаявшись в возможности сопротивления скифам, они вместо плотов употребили наполненные соломой кожи и переправились через Истр вместе с женами и детьми. Немалое время блуждали они по Фракии, отыскивая места удобного для поселения, в числе тысяч десяти. Но прежде чем они перестали бродить, царь Иоанн дорогими подарками и ласками привлекает их к себе и присоединяет к римским войскам; причем предоставляет им для поселения разные земли — одним во Фракии и Македонии, другим в Азии по берегам Меандра во Фригии. Но пора нам {35} опять возвратиться на восток, к тем иперборейцам скифам, которые, как густая туча саранчи, налетев на Азию, возмутили и поработили ее едва не всю. Прошедши каспийские теснины, и оставив позади себя Согдианы, Бактрианы и согдианский Окс, питающийся большими и многочисленными источниками, они у подошвы лежавших перед ними высоких гор остановились на зимовку, довольные удобствами той страны и добычею, награбленною еще прежде. Горы те необыкновенно высоки и многочисленны; громоздясь одна на другую, они представляют собою, как бы одну сплошную гору, известную под общим названием Тавра и опоясывающую по самой середине всю Азию. Начало свое они берут на западе, у самого Эгейского моря; выходя же оттуда, они разрезают всю Азию на две части, пока не оканчиваются у океана, встречаясь с восточным ветром. С наступлением весны, когда вся поверхность земли уже покрылась растительностью, скифы, оставив свое зимовье при подошвах гор, как стада баранов и быков, во множестве поднимаются на вершины гор; оттуда спускаются на народы, находящихся внизу, грабят их всех и пробираются в Индию, которая расположена по ту и другую сторону величайшей из рек Инда. Наложив иго рабства и на Индию, они уже не пошли далее на восток по причине безлюдности и невыносимого жара в той местности; но направили свое движение на Арахосию и Кар- {36} манию ²; легко покорив тамошние народы, отправились на халдеев и арабов. Потом, обратившись против вавилонян и ассириян и взяв Месопотамию, они остановились на удобствах этой страны и здесь закончили свои длинные переходы, уже на третьем году после того, как переправились чрез реку Яксарт, и отставши от своих соплеменников, сделались властителями нижней Азии. Но как огонь, разведенный в густом лесу, истребляет не только то место, на которое он простерся прежде всего, но поедает все, что только ни встретится на пути и в окружности; так и вождь скифов, выбрав себе для жительства местность, из всей нижней Азии самую удобную и приятную, не удовольствовался тем и не удержался, чтобы не коснуться находящегося в окружности. Но, разослав своих сатрапов и хилярхов, прежде всего покорил персов, парфян и мидян; потом, поднявшись чрез великую Армению, он устремился на север в Колхиду, и смежную с ней Иверию. Он замышлял даже — в следующие годы проникнуть и в самую средину Азии и пределами своей власти положить, приморские пески, где ведут между, собою беседу море с сушей. Для него казалось несносным, чтобы хотя один какой народ из тех, которые населяют материк Азии до морей, не чувствовал на себе его руки. Однакож там они положили успокоить- {37} ся, разделив между собою области, города, жилища и другие разного рода приобретения, доставляющие телу большую приятность и негу.

² Это нападение татар на европейские страны приписывает Батью, племяннику Чингисхана, Vincentius Beluacensis l. 31, c. 149 et l. 32, c. 15. Ducang.

¹ Было две Комании: одна на севере, в смежности с Венгрией или по ту сторону Дуная; другая — в Азии, куда некогда перебрались команам с другими северными народами. Здесь идет речь о первой, которую Анна Комнина (кн. 8) и магистр Рожер (de destruct. Hungariae c. 20) помещают между Дунаем, Танаисом и Борисфеном. О положении же царства команов азиатских пишут Гайтон (с. 5) и Рейнекий, кроме того Викентий Белуаценский (l. 32, c. 21, 23). Ducang.

² Персидские области, смежные с Индиею.

Употребления золота, серебра, разных видов денег и драгоценностей (а их было очень много в тех странах) они еще не знали; поэтому и пренебрегали ими как грязью, и бросали, как вещи никуда негодные. Природа учит ценить прежде всего то, что необходимо; когда же в этом не будет недостатка и судьба доставит в изобилии необходимое, тогда заботливая природа научает отличать и выбирать, по возможности, уже то, что доставляет приятность чувствам. Когда же человек насытится и этим, она тотчас является с защитой того, что излишне, и сперва хитро заманивает разнообразием видов того же самого, а потом незаметно примешивает ко всему этому очарование удовольствия, чтобы изобилие излишнего не сделалось неприятным и противным. Так и они сперва довольствовались только необходимым, и то не в изобилии. Потом, получив доступ к удовольствиям, доставляемым страной, смежною с Вавилониею и Ассириею, уже не захотели расстаться с ними, но решили ими воспользоваться и, после тех долгих трудов и переходов, поселиться там навсегда. Затем на все народы, на которые нападали, они наложили дани; стали требовать их каждый год, приказывая покоренным народам, точно рабам, давая определения, точно с великого трехножника, и обязывая ко всему, чего бы им ни захотелось. Наконец, усвоив утонченные нравы ассириян, персов и халдеев, они склонились и к их богопочтению, вместо отечественного безбожия; приняли их правила и обычаи как относительно употребления дорогих одежд и роскошной пищи, так и относительно других удовольствий роскоши. Прежний образ жизни изменили совершенно: прежде покрывали голову грубою войлочною шапкою, вместо всякой одежды одевались в кожи зверей и невыделанные шкуры, вместо оружия употребляли какие-то дубины, пращи, копья, стрелы и луки,— грубо сделанные из дуба и т. под. деревьев и по временам сами собою являющиеся на горах и в чащах; но впоследствии эти же самые люди стали носить цельные шелковые и протканые золотом одежды. В изнеженности и роскоши они простерлись до того, что их прежний образ жизни стал в решительной противоположности с последующим.

6. Между тем турки, жившие по сю сторону Евфрата и арабы, занимавшие Келесирию и Финикию, были немало встревожены зловещим соседством скифов. Поэтому правитель турков¹ отправляет к царю Иоанну полномочных послов для заключения прочных условий. Он боялся, чтобы, увлеченный в битвы со скифами не был поставлен он в необходимость озираться назад, на страшных неприятелей римлян; потому что было бы делом решительно превышающим его силы и до очевидности гибельным, если бы он, едва имея возможность противодействовать одним набегам скифов, принужден был разделить свои силы на две части, для одновременных битв и с теми и другими. Этого желал и об этом крепко подумывал и царь, по многим причинам: во-первых, ему самому не только не было удобно и легко, но было очень трудно и тяжело в одно и то же время вести битвы и в Азии и в Европе; во-вторых, турки, находясь в середине, в случае войны со стороны скифов, могли служить для римлян надежнейшим и прочнейшим оплотом, и, принимая на свои плечи общую опасность, могли быть тем же, что выдающиеся камни и скалы, которыми природа ограждает иногда взморье от бушующих волн. По этим-то причинам царь со всею готовностью и большим удовольствием заключил дружеские условия с турками,— и это принесло много пользы римскому государству в тогдашнем его положении. Получив безопасность и отдых от продолжительных войн, римляне обратили свои заботы на собственные приобретения и внутренние дела. Сам царь отрезал себе земли, годной для хлебопашества, и возделывания винограда, столько лишь, сколько считал достаточным для царского стола и сколько внушило ему его доброе, благотворительное сердце (земля⁴⁰ назначалась также для пропитания престарелых и убогих и для лечения одержимых всевозможными недугами); вместе с тем он поставил досмотрщиков, хорошо знающих земледелие и возделывание винограда, и каждый год начал откладывать большую и значительную часть урожая. Этого мало; он занялся еще разведением лошадей, коров и овец, также свиней, и ежегодно стал получать от всего этого большой приплод. К тому же он располагал и других, как родственников своих, так и других вельможных лиц, чтобы каждый дома находил у себя все, что нужно, и не имел побуждения налагать корыстолюбивую руку на людей простых и неимущих, и чтобы таким образом римское государство очистилось от неправд. И вот в непродолжительное время закромы у всех

---

¹ Ятатин, сын султана Азатина, Акр. гл. 41. Ducang.

переполнились плодами; дороги, улицы, все хлевы, стойла, и загороди наполнились скотом и стадами домашних птиц. На счастье римлян, случился между тем у турков сильный голод и крайний недостаток в продовольствии. Все дороги запрудились этим народом, женщинами, мужчинами, молодыми людьми, шедшими в римскую землю и возвращавшимся назад. Все богатство турков — серебро, золото, ткани, драгоценности, служащие к удовольствию и роскоши, все это в необыкновенном изобилии переходило в руки римлян. Не редкость было видеть, как за небольшую меру пшеницы отдавались большие, деньги. Тогда какая-нибудь птица, бык {41} или козел шли за большую цену. Таким образом в самое короткое время дома римлян наполнились варварским богатством, а тем более денег оказалось, конечно, в царской казне. Коротко сказать: когда ходившие за стадами птиц продали от них яйца, накопленные в течение года; то в короткое время составилось от этой продажи столько денег, что на них устроена была царице корона, украшенная чрезвычайно дорогими камнями и жемчугом. Царь и называл ее яичною короною, потому именно, что он сделал ее на деньги, вырученные за яйца. Вот одно доказательство его царской и гражданской распорядительности. А вот и другое: заметив, что римляне тратят попусту свое богатство на иностранные ткани, которые в большом разнообразии готовят из шелка мастерские вавилонян и ассирийян и которые изящно ткнут руки итальянцев, он издал постановление — никому из подданных не покупать иностранных материй; — если бы кто не захотел следовать такому постановлению, того вместе и с семейством лишать прав звания и состояния;— довольствоваться же только тем, что производит римская земля и умеют готовить руки самих римлян. Вещи необходимые не требуют частой перемены, а вещи излишние могут быть под силу только людям знатным. Поэтому упомянутое постановление и делает им честь, так как ими было придумано. Отсюда произошло то, что вещи излишние по- {42} теряли всю свою цену; пышность в одеждах у римлян вошла в границы, и богатство, как говорят, потекло из дома в дом же. 7. Но нам следует рассказать и о других происшествиях. Случилось, что царица Ирина, по рождении сына Феодора, упала с лошади и долго тащилась по полю. А ехала она с царем и супругом посмотреть на охоту. Повредив себе при этом матку, она больше уже не могла рожать. Как бы то ни было, но оба они прекрасно и достойным образом управляли царством, всеми мерами заботясь о том, чтобы в городах процветали правосудие и законность и вывелись корыстолюбие и хищничество. Оба они создали и храмы, отличающиеся редким изяществом, не жалея издержек на то, чтобы они были и велики и красивы: царь построил один храм в Магнезии, во имя Богоматери, названный Созандрами, другой же в Никее во имя Антония Великого; а царица в главном городе ¹ Прусе, лежащем при подошве Олимпа,— во имя Честного Пророка, Предтечи и Крестителя. Приписав к этим церквям многие имения и большие ежегодные доходы, они устроили при них обители для монашествующих и аскетов, полные благодати и духовного веселия. Не довольствуясь и этим, они завели больницы; богадельни и много такого, что ясно показывало в них любовь к Богу. Между тем мера {43} жизни царицы Ирины исполнилась. Царь-супруг ее долго и сильно горевал об этой потере, пока не стал скучать одиночеством и не взял второй супруги. Это была алеманянка Анна, сестра сицилийского короля Манфреда ², очень молоденькая. Вместе с нею приехала оттуда в качестве ее воспитательницы и наставницы, в числе многих других женщин одна, по имени Маркесина, отличавшаяся особенно красотою лица и силою взгляда, который можно сравнить с сетью, из которой не выпутаешься. Своими любезностями, кокетством, и изяществом манер она мало по малу обратила на себя внимание и царя, и внушила ему такую любовь к себе, что он уже явно стал предпочитать ее царице Анне. Впоследствии его любовь к Маркесине дошла до такого неприличия, что он позволил ей носить знаки царского достоинства. Поэтому женщина эта ничем не уступала Анне и, хотя не одна пользовалась нежностью и расположением от царя и уважением и почетом от подданных, но гораздо больше законной супруги,— разумею царицу Анну. Однакож, как человек умный, царь проводил жизнь не совсем без скорби и смущения, приличных в его положении; нет, он чувствовал уколы, как будто от иглы, от совести, имел в виду раскаяться и просил Бога исправить в нем этот недостаток. Это видно вот из чего. Маркесина, го- {44} ворят, отправилась однажды для

¹ Разумеется — главном городе Вифинии.

² Побочная дочь императора Фридриха II. Ducang.

поклонения и из любопытства в божественный храм, который построил на свои издержки Влеммида и при нем обитель для святых и боголюбивых мужей. Она приехала с большою пышностью, надменная знаками царского достоинства, в сопровождении большой свиты. Но прежде чем она взошла на паперть, сонм тех божественных мужей, по приказанию настоятеля Влеммида, затворяет двери изнутри храма и заграждает ей вход в него. Это был человек, украшенный многими добродетелями и отлично знакомый с ученостью — и с тою, которую передали потомкам древние греки, и с тою, которою ознаменовали себя к нашей пользе предстоятели и ораторы наших церквей. Божественный этот муж не нашел праведным делом, чтобы эта бесстыдница прошла своими скверными и преступными ногами по священному помосту. Да и что удивительного, если он и прежде неотступно преследовал ее резким словом, и устно и письменно ¹? Полагая, что вместе с нею крайне унижено и царское достоинство, она вспыхнула от досады и гнева и дала ему полную свободу, — тем больше, что и льстецы в свою очередь воспламеняли ее. В сильном волнении {45} она входит к царю и всеми средствами возбуждает его к мести, крича, что такое бесчестие простирается и на особу самого царя. И не она одна, а и бывшие при ней льстецы, как бы подбавляя огня к огню и дров к дровам, из своекорыстных видов стараются еще больше разжечь гнев в царе. Но царь, с лицом, покрытым слезами, с глубоким вздохом и с полным сокрушением о своей слабости, помолчав немного, сказал: «зачем вы советуете мне наказать человека праведного? Если бы я жил безукоризненно и целомудренно, то сохранил бы неприкосновенным и царское достоинство и себя. Но так как я сам дал повод бесчестить и себя и свое достоинство, то вот и получаю приличное возмездие, — злые семена приносят свои плоды».

8. Между тем в эти времена Фессалиею, Этолиею и окружающими областями управлял Михаил, побочный сын Михаила Ангела, который первый некогда отложился ². Когда вымер весь его род, вся власть над теми областями перешла к этому побочному Михаилу. У него было три законных сына: Никифор, Иоанн и Михаил, и четвертый побочный, по имени тоже Иоанн. Он имел в виду скоро разделить между ними свою власть. Итак, отправив к царю Иоанну послов, он просил для своего сына Никифора руки дочери сына {46} царя, Феодора Ласкаря, Марии, и получил. Брачные условия и договоры заключены были в присутствии сына Никифора и матери его Феодоры, отправлявшихся лично на восток, частью для того, чтобы посмотреть упомянутую невесту, частью же для скрепления брачных условий. Затем, оставив невесту у ее родных, супруга Михаила, Феодора, с сыном Никифором отправилась в обратный путь, взяв ручательство с сватов царей в том, что брак будет совершен в следующем году. Между тем Михаил вскоре вздумал нарушить заключенные условия и, поднявшись, перешел свою границу с злым умыслом против западных городов, которые были подвластны царям римским. Таким образом оставалось — или царю Иоанну ополчиться на Михаила, или всем западным городам отойти под его власть. С наступлением весны, царь, собрав большое войско, идет на изменника Михаила. О его походе разносится и идет впереди его молва; западные римские города готовятся к упорной и мужественной защите; а дела Михаила подвигаются вперед плохо и расстраиваются. Когда царь достиг Фессалоники и Македонии, в его руки опять легко перешли многие западные города, которые Михаил Ангел без труда взял было и в короткое время покорил своей власти, как то: Кастория, Преспа и немалое число других городов. Видя себя в крайнем положении, Михаил отправляет к царю послов, возобновляет {47} прежние условия и сверх того отдает царю, кроме других крепостей — Приллап, Велес ³ и.... Царь, желая породниться, почтил Михаила и сына его Никифора титулом деспотов, чтобы не возникало больше никакой размолвки между ними, которая могла бы встревожить их и произвести смуты в делах. Устроив таким образом дела, царь стал готовиться к отъезду,

¹ В речи Влеммида — ο; πο; , ιον δε; , ι ε; , ιναι το; ν βασιλέα (vid. in Cod. Reg. 3125), особенно замечательны следующие слова: τίς γα; ρ ο; υκ α; , ν α; , ισχυνθέη κα; ι μόνον ε; νθυμηθε; ις βασιλικη; ν σεμνότητα ε; ις α; ισχυρα; ,ς και; , α; πρετείς πράξεις ε; μίλιτθσαν, και; παρόμα πάσθσαν, ω; , σπερ τιε; ,ς υ; πο; τη;ς μυθευομένης μαγικη; ,ς Κίρκης ε; , κείνης ε; ις χόιρθς και; , κύνας μετεβάλλοντο. Βοϊνιν.

² См. выше кв. 1, гл. 2.

³ Κα; , το; ,.... Недостающее в тексте Григоры дополняется словами Акрополита: και; , α; ,πέλυσε ρο; ,ς το; ν βασιλέα ο; , Μιχαη; λ το; , α; , ,ς το; , Πρίλλαπον και; , το; ν Βέλεσον, κα; ι το; , ε; ν τω; ,; , Αλβάν ω; , φρούριον τα; ,ς Κρόας (и Михаил отдал царю крепость Приллап, Велес и находящийся на Албане замок Крои).

потому что не желал там проводить зимнее время, так как наступала пора Арктура ⁴. после того как он прожил уже немалое время в Филиппах, ему сделан был донос на Михаила Комнина Палеолога, будто тот замышляет сделаться царем. Были призваны и те, которые первые распустили такой слух,— друзья Михаила и лица посторонние, которые передавали слышанное от других. Но улики оказались слабыми и обвинения ложными, потому ли, что они и действительно были ложны, или по слепому случаю. Царь потребовал {48} однакож от Михаила клятвенного подтверждения, что обвинения ложны и что он никогда не думал о похищении власти,— и затем не только освободил его от взыскания и от всякого подозрения, но и оставил за ним все, чем он был отличен. Поднявшись оттуда, царь переправился чрез Геллеспонт, а войско на зиму распустил по домам. По прибытии его на восток и во время пребывания у Никеи, его постигла страшная болезнь, — не знаю как назвать, — воспалительное состояние мозга, или эпилепсия. Он впадал в какое-то отупение и онемение, которым страдают больные головным мозгом во время встреч небесных светил; тогда воздух, делаясь влажнее и холоднее, производит в них головокружение,— и они никак не могут выносить таких перемен в воздухе. Целых три дня он лишен был голоса и был мертв, если не брать в расчет дыхания, но потом опять по-видимому оправился и освободился от болезни. Искусство врачей не могло однакож прогнать ее совершенно; она как будто лишь притаилась и закралась в него глубже; он то заболел, то, казалось, опять выздоравливал. Недуг продолжался то большее число дней, то меньшее, то появлялся, то снова оставлял царя, иной раз нападал на него дома, другой — сверх всякого ожидания, в дороге. Нередко царю угрожала опасность упасть с лошади, и его на носилках относили во дворец. Головная боль мучила царя целый год, {49} усиливаясь постоянно, хотя не заметно и мало по малу, пока наконец не преодолела всех усилий врачебного искусства и не разлучила царя с этим миром. Он умер, находясь у Нимфея, и погребен в обители, Созандрах, которую сам же и создал. Ему был шестидесятый год от рождения, когда он умер; а скипетр самодержца принял на двадцать восьмом году. Таким образом одного его царствования прошло тридцать три года, сколько прожил и преемник его, сын Феодор. Он явился на свет в то время, как его отец принял скипетр самодержца.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

1. Хотя по праву престолонаследия имел быть преемником Иоанна сын его, Феодор Ласкарь, но при жизни отца он не был провозглашен царем; провозглашен же был уже после смерти его в общем собрании всего войска и знатных, вельможных лиц. Всем впрочем очевидно было, что Иоанн никому не хотел предоставить царства, кроме своего сына, как потому, что он любил сына, так и потому, что никому другому не предоставлял царской власти. При жизни своей однакож, он решительно не хо- {50} тел провозгласить сына царем, потому что не мог наверно знать, искренно ли хотят того подданные. «Время, говаривал он, любит изменять многое, как скоро что-нибудь не соответствует требованию обстоятельств. Молодость, по своему характеру, опрометчивая и неосмотрительная, безрассудно бросается на то, чего захочет. А если может еще рассчитывать на верховную власть, из-за чего собирается около ней толпа молодых людей изнеженных, умеющих дуть в уши разные нелепости; то с ней бывает тоже самое, что с пьяным, который несмотря на то, что шатается, еле держится на ногах и не помнит себя, берется за руль большого корабля, причем ни выбравшие такого

⁴ Арктур — звезда в знаке Воота — созвездия большой медведицы, следующая за хвостом медведицы и предвещающая непогоду.

*Nec saevus Arcturi cadentis
Impetus, aut orientis hoedi*

Horat. Carm. l. 3, od. 1, v. 27.

*Arcturus signum sum omnium quam acerrimum,
Uehemens sum cum exorior; cum occido, vehementior.*

Plaut, in Rudente Prol. v. 5.

Hofm. lexic.

кормчего точно не знают, что делают, ни он не ведает, куда ему плыть и и что делать». Итак царь при жизни своей не нашел нужным назначить сына своим преемником. С одной стороны он хотел лишением надежд на получение царской власти сдерживать заносчивость молодости, зная, что многие, при нетерпеливом ожидании наследства, тяготились долговечностью родителей, и, не дождавшись решения самой судьбы, сами прекращали их жизнь. С другой стороны он имел в виду и то, что народ того, кто достигает верховной власти, помимо его избрания, по большей части называет тираном,— и сперва тайком, сквозь зубы высказывает, ненависть и неуважение к нему, а в заключение решается {51} на заговоры и на убийства. По этим-то причинам Феодор и не был провозглашен царем при жизни отца; после же провозглашен с общего желания всех подданных, быв посажен на щит, по утвердившемуся издавна обычаю. Но ему надлежало еще быть увенчанным рукою патриарха; между тем патриарший престол оставался тогда незанятым, потому что незадолго перед тем умер патриарх Герман, человек умный, украсивший свою жизнь и словом и делом ¹. Итак начались рассуждения и речи, кому принять кормило патриаршества. Указывали на многих, как на людей достойных, одни — на того, другие — на другого. Но чаще всего слышалось имя Никифора Влеммида, человека известного своею мудростью и добродетелью, который в своей мирной обители проводил строгую подвижническую жизнь. Когда же он отказался, отдали предпочтение пред другими монаху Арсению, который проходил тогда тесный путь подвижничества в одном из монастырей, находящемся в окрестностях Аполлониады. Это был человек знаменитый своими добродетелями, но простой и не отличавшийся искусством выпутываться из лабиринта затруднительных обстоятельств. {52} Итак он посвящается и рукополагается в патриархи, с общего решения архиереев и царя, который очень охотно принял и по обычаю утвердил такой выбор. После того помазанный от патриарха и увенчанный царским венцом, царь начал собираться в поход; потому что правитель болгар, услышав, что царь Иоанн умер, тотчас же решил нарушить заключенные с ним условия и стал производить частые набеги на римские городки во Фракии, так что немало их покорил, даже у горы Родопа. То же сделал и изменник Михаил в Фессалии с соседними областями и городами, которые тогда находились под властью римлян. Но царь прежде всего скрепил и утвердил договор с турками, который заключил с ними его отец, чтобы совершенно быть спокойным относительно дел восточных. Потом он переправился чрез Геллеспонт, в то время как начинают всходить Плеяды. Вел он и войско, которого у него было гораздо больше, чем у отца, потому что он составил его не только из тех, у которых была прямым назначением воинская служба, но и тех, которые были на охотничьей службе, приказав им оставить собак и птиц. Правитель болгар, услышав о грозном движении царя, начал сильно тревожиться опасениями перебегать от одной думы к другой. Порешить дело войной ему было неудобно и вовсе невозможно; частью потому, что не было достаточного войска, которое могло бы {53} противостать такому множеству неприятелей, снабженных тяжелым и блестящим вооружением, часто же потому, что царь их был человек молодой, одушевленный жаждою славы и энергически стремившийся к осуществлению своих планов. Поэтому он счел необходимым возобновить прежние условия. Он надеялся легко добиться благосклонности царя, потому что был ему шурином ²; в то же время он знал, что слух из Фессалии об изменнике Михаиле должен был заставить его поспешить туда, чтобы привести в порядок дела, пока Михаил не успел еще все забрать в свои руки; это также много обнадеживало его, что он убедит царя помириться. В самом деле, отправив к царю послов, он получил согласие на мир легче, чем предполагал, и только возвратил все те крепости, которые взял, по нарушении мирных условий с римлянами. Не распространяясь много, скажем, что царь около осеннего равноденствия с римскими войсками прямо отправился в Фессалию. Не дошли еще войска царя до Македонии, как явилась к нему жена изменника Михаила, чтобы выпросить у царя его дочь Марию в замужество за своего сына Никифора, и вместе возвратить все, что муж ее, вторгшись в пределы римской державы, успел захватить хищнически. Вскоре все это

¹ Григора здесь помещает Арсения сряду за константинопольским патриархом Германом, по странной небрежности, — говорит Лев Алляций (l. 2 de utriusque Ecclesiae consensione c. 14, n. 4). Арсений был преемником Мануила (Acropolit. c. 53), Мануил — Мефодия, Мефодий — Германа. В таком же порядке следуют патриархи в каталогах Леунклявия, Ефремия и Ксантопула. Ducang.

² См. выше кн. 2, гл. 3.

устроилось без затруднений, и Феодора возвратилась {54} к своему мужу Михаилу,— не одна, а с невестой своему сыну, Марией.

2. Занятому этими делами царю присылают из Никеи письмо о том, что Михаил Палеолог убежал к туркам. А ему царь, отправляясь в поход, поручил управление Никеею, пока опять не возвратится с западных областей на восток. Это известие немало огорчило и озадачило царя. Повод к побегу указывали такой. Палеолог, говорили, видя, что всюду распространяется против него зависть, и слыша, что тайком ведут о нем речи, полные недоброжелательства, и замышляют настроить царя подвергнуть его таким истязаниям, на которые можно обречь разве врага иноплеменика, не мог оставаться спокойным и, осматривая свое положение со всех сторон, не мог отделаться от тревожных мыслей, которые его сковывали, мучили и терзали, как пленника. Он боялся беспощадной строгости и быстроты царя в определении наказаний, и не ждал себе от него никакого снисхождения и никакой пощады. Он полагал, что невозможно ему в короткий срок оправдаться, при тех больших и донельзя важных обвинениях, которые недоброжелатели сплели на него и которыми прожужжали уши царя. В отчаянии, он и счел лучшим искать спасения в бегстве. В то время, как он прибыл в Иконию, султан ¹ был сильно озабочен сбе- {55}гом войск, чтобы встретить поднявшиеся во множестве скифские войска,²— и потому явился как нельзя кстати. Так как у султана было много римлян, давно еще поработанных, то он составил из них особый отряд и отдал его под начальство Палеолога, снабдив их одеждою и оружием, не туземными впрочем, а римскими и иностранными, чтобы тем застрашать скифов, которые могли подумать, что получена вспомогательная сила от римлян. Так и случилось. Скифы, говорят, схватившись с турками, немало смутились и трусили, когда нечаянно увидали; выступающее на них чужеземное войско. Быть может, они в беспорядке бросились бы и бежать, приняв на свои плечи преследующих, которых надеялись, было без труда, одолеть; но кто-то из родственников султана по ненависти, питаемой издавна, с большою частью войска, перешел на сторону скифов в то время, когда был уже разорван их строй. Чрез это дело турков было проиграно, и большая часть турецких владений, отошла под власть скифов. Но немного протекло времени, как пришло от царя письмо, наполненное выражениями благосклонности к Палеологу и обещаниями больших милостей, приглашавшее Палеолога, возвратиться и обеспечивавшее верность обещаний клятвою. Таким образом, римская зем- {56}ля опять увидала Палеолога,— не прежде, впрочем, чем он сам засвидетельствовал страшнейшими клятвами, что останется неизменно верен царю, что никогда не выйдет из границ повиновения, не станет никогда домогаться верховной власти и возвращаться к тому, что прежде на него было говорено и что могло бы снова возбудить, прежнее подозрение, уже уничтожившееся, но будет хранить и соблюдать всегда то же расположение и ту же любовь как к самому царю Феодору, так и к сыну его Иоанну и к будущим преемникам их дома и царства. После того он почтен был саном великого коноставла ³ по-прежнему, и стал пользоваться в последующее время полным царским благоволением и благосклонностью. В это время дела в Болгарии пришли в смутное положение. Правитель Болгарии Асан, шурина царя Феодора, умер но сына, который был бы по обычаю преемником его власти, от него не осталось; нужно было решить дело иначе — передать власть зятю его по сестре, Мицу. Так и сделано. Но это был человек ленивый и изнеженный; поэтому мало по малу потерял уважение до того, что его распоряже- {57}ниями народ не придавал никакой цены. А был тогда в Болгарии один известный человек, по имени Константин, по прозванию Тих, далеко оставивший позади себя других дарованиями ума и крепостью тела. Видя, что власть над болгарями в дурных руках, он восстал, привлек к себе и простой народ и всех людей знатных и имеющих вес; с общего согласия тех и других провозгласил себя правителем и затем осадил Тернов, который был столицею Болгарии. Таким

¹ Ятатин.

² Войска татар, которых Акрополит постоянно называет тохарами, как и Пахимер, который (кн. 2, гл. 24) об них пишет: καὶ τῶν Τохάρων, οὗς ἡ κοινὴ Ἀταρίβς λέγει συνήθεια. Ducang.

³ Κονοσταύς, ῥος или κόντοστα; ῥλος,— по-итальянски Contostabile,— по-французски Connestable. Этим иноземным названием, у константинопольцев назывался начальник над иноземными войсками. Был и великий, для отличия от простого коноста; ῥλος или τοῦ κόμητς τοῦ σταύλς. Codin. de offic. aulae Constant: ο; μέγας κονοσταύλος ε; ὑρίσκεται κεφαλῇ τῶν ρογατόρων φράγγων. *Regin. lib. 2*: Burchardum comitem stabuli sui, quem corrupte constabulum appellamus, cum classe misit in Corsicam. Это достоинство было в числе первых. *Meurs. glossar.*

образом Мицу пришлось волею-неволею бежать вместе с женою и детьми в укрепленную приморскую крепостцу, называемую Месимврией. Оттуда пробрался он к царю, проживавшему в Азии, в Никее, отдал во власть римлян упомянутую Месимврию и, получив от царя некоторые поместья около Трои и Скамандра для своего содержания, зажил там спокойно с женою и детьми. А Константин Тих, сделавшись владыкою болгарского царства, отправляет к царю послов, с предложением дружбы и союзничества в том случае, если тот отдаст за него в замужество одну из своих дочерей. Ее руки он искал не потому, что не имел жены,— у него были и жена и дети,— но потому, что, не имея наследственного права на болгарскую корону, он не хотел, чтобы кто-нибудь считал его незаконным властителем. А так как знал, что дочь царя приходилась племянницей незадолго пред тем умершему правителю Болга-^{58}рии, Асану, по сестре его; то для своего значения и для прочности своей власти и искал ее руки, обещая с прежней супругой немедленно развестись. Это понравилось и самому царю. Сделав участницею своего ложа и своей власти дочь его, Феодору ⁴, Константин отсылает первую супругу в Никею, представляя тем ручательство римлянам в своей любви ко второй супруге. Что же дальше? На исходе тридцать шестого года от рождения постигла царя жестокая болезнь, с явными предвестниками смерти; она осадила его тело разнообразными страданиями и не переставала поражать его и сокрушать, пока не отняла жизни. Пред кончиною, царь поспешил малую схиму сменить монашеской мантией ¹, своими руками раздал большие суммы денег и пролил от горячего сердца много источников слез. Чрез то он надеялся омыть и уврачевать язвы души в такое критическое для ней время.

3. Я едва было не прошел молчанием того, о чем так благовременно рассказать теперь. Был некто, по имени Георгий, по прозванию Музалон, незнатного происхождения, но бойкого ума и веселого характера, за что одно еще мальчиком взят был ко двору, чтобы наряду со многими другими и он разделял дет-^{59}ские забавы с царем Феодором. Когда же тот вышел из детского возраста, Георгий скоро так успел приноровиться к характеру молодого царя, что стал для него всем, — Феодор и говорил и делал все по мысли и желанию Георгия. С течением времени только усиливались их расположение и любовь друг к другу, так что и после того, как Феодор облекся властью самодержца, Георгий оставался для него всем,— прекрасным советником в том, что приходило на мысль и на сердце царя, правою рукою его вне дворца, надежным поверенным его тайн внутри. Поэтому в короткое время он и возведен был в достоинство протовестиария ², и вступил в брак с женщиною, которая была в кровном родстве с царем. Его-то вместе с патриархом Арсением царь умирая назначил опекуном царства, пока его сын Иоанн не достигнет совершеннолетия; так как он доживал только шестой год от рождения, нуждался еще в няньках и лишился родителей в то время, когда наиболее в них нуждался. Дочерей, уже взрослых, у царя было четыре, а мужеского пола не было никого, кроме этого Иоанна, еще дитяти. Из дочерей первую, т. е. Марию, как сказано, взял за себя замуж этолиец Никифор, который был почтен от тестя царя, по свойству, и саном деспота ³. Вторую, Фе-^{60}одору, взял также за себя правитель болгар, Константин Тих, как и об этом мы уже сказали. Оставались таким образом две дочери, обреченные на одно и то же иго сиротства, и малолетний сын Иоанн. Об нем составлен был царем и письменный акт, назначавший Музалона его опекуном и скрепленный страшными клятвами всех подданных, и знатных и незнатных. Клятвы даны были даже не однажды, но первый раз пред кончиною царя, а потом сряду после кончины. Однакож некоторые вельможи, отличенные не только саном, но и знатностью рода возмущались душой, видя, что судьба так быстро возвысила Музалона над другими, и досадовали, что честь не по его происхождению, тогда как есть много других людей, которые с большим правом могли бы получить опеку над царским сыном и управление государственными делами, — частью по близости родственных отношений к царю, частью же по превосходству способности к такому назначению сравнительно с Музаломом. Человек этот, толковали они, всем подал много поводов презирать его и ненавидеть. Он не может похвастать своими предками; к тому же он часто подушал царя наказывать, и этого достаточно, чтобы большинство питало к нему сильнейшую ненависть. А что, если бы он имел виды на царскую

⁴ У Акрополита (гл. 23) она названа Ириной.

¹ Дюканж думает, что Феодор, отчаявшись в жизни, сперва принял *малую*, а потом и *великую* схиму. Not. ad h. loc.

² См. Вриенния стр. 105. прим.

³ См. Иоан. Киннам. стр. 237, прим.

власть и хотя сколько-нибудь мечтал о ней, как некоторые клеветали? Какой бы пламень злости поднял на свою голо-^{61}ву? Это впрочем не было тайною для Музалона. Он и всегда был человеком проницательным, но в это время, когда дела находились в смутном состоянии и производили в душе его величайшую тревогу, он превзошел самого себя. Собрав немедленно в совет всех вельмож, он подает всем правую руку, начинает говорить, как младший между ними, и объявляет, что охотно уступит желающему опеку над государством и над самим сыном царя. Все, как будто по предварительному соглашению, отказались, свидетельствуя, что предпочитают его другим,— тем больше, что и сам царь поставил его полновластным попечителем царства и царского сына. Музалон однакож не уступал и сильно настаивал на своем, ища спокойствия и уклоняясь от своего назначения всеми силами души, чтобы не быть предметом змеиной зависти и не испытать страшной участи, какую ему готовили тайком. И опять даны были клятвы страшнее прежних. Поклялись все, и знатные лица и нижние военные чины. Каждый призывал гибель и на себя и на весь род свой, если не останется верен клятвам, и обещал и за себя и за будущих своих детей сохранять навсегда уважение к опеке Музалона, и ненарушимую верность к сыну царя. Собрание разошлось, и дела опять поступили под управление Музалона. Но не прошло еще девяти дней со смерти царя, как некоторые из знатных и богатых людей, отдав-^{62}шись вполне чувству переполнившей их зависти, возмутили войско и вооружили свои руки на убийство Музалона. О злоба людская! за два, за три дня они произносили страшные клятвы и призывали на себя кровавые заклятья,— и об них нет уже и помину, и они уже исчезли в волнах забвения! Наступил девятый день после кончины царя, и все знатные женщины явились в обитель Созандр, где похоронено тело царя, — чтобы совершить по обычаю поминовение и выразить свою печаль. Явились туда и все начальники с подчиненными; в числе их — и те, которые составили заговор. Собрались и все воины, одни для печальной обстановки, другие — для выполнения кровавого замысла. Но к чему распространяться? Еще продолжалось священное песнопение, как воины, обнажив мечи, неожиданно ворвались в храм, и бесчеловечно изрубили Музалона, у божественной и священной трапезы, к которой он прибегнул, а вместе с ним двух его братьев — великого домостика ¹ Андроника и протокинига ² Феодора, кроме того их секретаря, так распорядилась судьба, — приняв его по ошибке за одного из них. Поэтому и женщины ^{63} и остальной народ, оставив недоконченным поминовение и в страхе давя друг друга, бросились со всех ног, кто куда. Священнослужители же и монахи, волею-неволею толпясь внутри святого храма, спотыкались и падали друг на друга; частью от того, что второпях толкали друг друга, частью от того, что затруднялись, куда ступить, при виде ручьев крови. Прошло немного дней. Патриарх Арсений, который сам был опекуном, понимал, что, если не употребит всего своего влияния, то, при таком смутном состоянии дел и при таких грозных предзнаменованиях и сыну царя и общественному спокойствию, ничто не помешает государству быстро дойти до крайнего положения. Но перебирая в душе всевозможные средства, он не знал, на котором остановиться. Относительно добродетели и богоугодной жизни этот человек немногим уступал людям самой высокой святости; но по житейской опытности и по управлению гражданскими делами, он отставал даже от тех которые под вечер оставляют заступ. Дело известное: духовное созерцание и гражданская деятельность по большей части не уживаются вместе. А желательно было бы, чтоб и то и другое больше не являлось враждебным, как тело и дух, чувственное и сверхчувственное. Мне нравится, чтобы в том, кто желает управлять, было смешение из того и другого, что мы видим и на музыкальных инструментах, когда они находятся в ^{64} руках знатоков своего дела. Последние не в одинаковый тон натягивают все струны,— в таком случае не было бы музыкальности и мелодии,— но одну струну на низкий тон, другую на высокий, эту более, ту менее, и так достигают разнообразия звуков и вместе музыкальности, гармонии. Тому, кто занимает ум свой одним лишь божественным созерцанием, следует жить в горах и пещерах; так как он прекратил связь с обществом, уединился и совершенно отчуждился от житейских дел. Но кто с добродетелью приобрел себе

¹ См. Вриенн. стр. 6, прим. 1.

² Протокиниг — начальник псарей. Ему было за кем смотреть; Андроник Младший держал свыше 1400 гончих и при них почти столько же служителей. Обязанностью протокинига было между прочим держать стремя, когда император садился на лошадь; платье с плеча императора, если на охоте бывало забрызгано кровью какого-нибудь зверя, поступало в собственность протокинига, как подарок. Meurs. Glossar.

нрав приятный и общительный, не чуждается занятий гражданских и имеет опытность во всевозможных делах; на того можно вполне положиться, что он поведет народ ко всему лучшему и спасительному. И Спаситель наш и Бог, если бы не снисходил к человеческим слабостям, не ел вместе с мытарями, не имел общительного нрава и не был, по возможности, для всех всем; нелегко, думаю, привел бы народы и города к тому, что полезно и спасительно. Но возвращаясь назад. Патриарх Арсений решительно не знал, что делать при таком смутном положении дел, и совещался меньше всего сам с собой, да и мог ли иначе, когда он не имел, как уже мы сказали, никакой опытности в делах и находчивости в затруднительных обстоятельствах? Он обратился к правительственным лицам за советом, что предпринять, прежде чем железо убийцы — заго- {65} ворщика коснется головы царского сына, Иоанна. Ему и на мысль не приходило, что его заботливость, при отсутствии опытности и изворотливости, гораздо скорее принесет гибель тому, за кого он стоит, чем все вражеские мечи. Это объяснит следующий рассказ.

4. Михаил Комнин Палеолог, о котором выше мы уже много говорили, в ряду правительственных лиц стоял выше других, отличаясь приятною наружностью, ловким обращением, веселым характером и ко всему этому — щедростью. Это возбуждало большую к нему любовь в сердцах всех, — и всех он легко привлекал к себе — тысячников, сотников, войско, военачальников, — и простой народ, и тех, которые принадлежали к сенату. Кроме того привлекало их к нему и располагало явно выражать ему любовь — поверье о его царствовании. Как оно возникло, не знаю, — вследствие ли прежних рассказов об нем, или вследствие каких-либо слов и предзнаменований. Ими обыкновенно руководятся в жизни весьма многие, — и руководятся не очень безрассудно, не совсем невежественно, или так, как сказали бы люди и незнакомые с опытом. В защиту сновидений и предзнаменований найдется много доказательств у людей внимательных к своей жизни. Были впрочем и другие обстоятельства поважнее прочих, предзнаменовавшие ему издавна царскую власть, — благородство крови, сходявшейся в нем как будто из большого источника разными путя- {66} ми. Основываясь на этом и он сам и его друзья считали себя в праве иметь мысль о царствовании. Мать его матери Ирина была первою из дочерей царя, Алексея, который, не имея наследника мужеского пола, приказал ей носить пурпуровые башмаки, чтобы она вместе с своим будущим супругом была преемницей его царствования. Потому-то, соединив ее браком с Алексеем Палеологом, он сряду почтил его и саном деспота, и если бы смерть не похитила Палеолога преждевременно, он был бы после тестя Алексея царем. Умирая он оставил одну дочь, которую, спустя немного мать выдала замуж за Андроника Палеолога; его впоследствии царь Феодор почтил саном великого domestika. От них-то родился Михаил Комнин Палеолог, двойной, так сказать, Палеолог — и по отцу и по матери. Итак он имел, как сказано, и здесь немаловажное основание для предположения, о котором теперь речь. Коротко сказать, это был человек знаменитый и уважаемый всеми во всех отношениях, и слава о нем мало по малу распространилась всюду, очаровав и незаметно расположив к нему всех. От других не отставал и патриарх, и если не больше, то уже никак не меньше других. Сам любил его,верял ему тайны и, — что еще важнее, — доверял ему, одному ключи от царской казны ¹, когда военные дела и общест- {67} венные нужды требовали денег. Все это как нельзя более содействовало выполнению тайных намерений Палеолога и быстро приближало к осуществлению то, о чем уже давно ходили толки. Получив свободу распоряжаться деньгами, какой, конечно, мог желать, но на которую никак не мог рассчитывать, он полными горстями переводил казну в руки людей знатных, воинов и тех, которые могли вести за собой народ, владея языком. В числе последних было немало и служителей алтаря. Поэтому все они постоянно составляли совещания, на которых и побуждали патриарха не оставаться в бездействии, а действовать энергически, согласно с настоятельными нуждами государства, так как оно требует немалой заботы, и, если не обратить внимания на его нужды, не останется в одинаковом положении, но в скором времени дойдет до крайней опасности, как большой корабль, нагруженный донельзя и лишенный весел среди моря, или как большой дом, потрясенный в основаниях. При таких речах по большей части тотчас срывалось с языка имя Михаила Комнина Палеолога, как

¹ В то время казна хранилась частью в Магнезии, частью же в замке Астизия у Скамандра. (Пахимер, кн. I, гл. 23). Ducang.

человека, который при богатстве ума и опытности в делах был бы в силах принять на себя такое бремя управления государством, пока сын царя не достигнет совершеннолетия. С этим мнением соглашался и патриарх и наконец утвердил его. Михаил Комнин стал в главе государственного управления и полу- {68}чил в свои руки такую власть, что ему не доставало только знаков царского достоинства. Она была вступлением и первою ступенью к восшествию его на престол. С сих пор его дела пошли под попутным ветром, и он поплыл к пристани царствования, так сказать, на всех парусах. Прошло немного дней, и его доброжелатели снова составляют совещание, говоря, что неприлично тому, кто управляет государством, как государь, и кто принимал посольства от многих народов, не иметь сана, самого близкого к сану царя, для чести самого народа римского и вместе для прочности делаемых им постановлений. Таким образом он получает от патриарха и сына царя и сан деспота.

5. В это время правитель Этолии и Эпира, деспот Михаил, услышав, что сват его, царь Феодор, умер, не оставив ни одного совершеннолетнего преемника себе, и что по этому поводу римские государственные люди произвели большие смуты; бросил все другие заботы и начал мечтать о том, что он без большого труда сделается властителем великого царства. Он предполагал, что римляне, имея у себя дома множество дел, поглощающих все их внимание и отвлекающих мысли их от дел внешних, будут не в силах противиться ему и что, если захочет, тотчас же пройдет с мечом Македонию и Фракию. Поэтому собрал большое войско и в своей земле, но еще больше, получил от {69} союзников на стороне. Благосклонно приняв его посольство, скоро явились к нему и сами — принцепс ¹ Пелопонеса и Ахайи, его зять по дочери Анне ², и тогдашний владетель Сицилии, Манфред, зять по дочери Елене; они привели с собою такое множество войска, что, как говорили, нелегко было его сосчитать. Они впрочем явились не столько за тем, чтобы помогать Михаилу, сколько за тем, чтобы расширить пределы своей собственной власти и овладеть чужими городами. Они надеялись без труда занять все римское царство от Ионийского залива до самой Византии, — и, как будто упрочили уже за собою власть над ним, делили его между собою на участки, прежде чем коснулись дела. Слух об этих блестящих и необыкновенных приготовлениях дошел и до Михаила Комнина Палеолога, только что получившего сан деспота и приобретшего прочную власть и полномочие в делах. Поэтому он, нимало не медля, посылает в поход брата своего, севастократора Иоанна с большими силами. Вместе с ним помощниками и соратниками посылает также немало знатных лиц из сената, которые хотя сколько-нибудь имели опытности в воинских делах; в числе их был кесарь Константин, от одного с ним отца, но не от одной матери, и стратигопул великий домestik Але- {70}ксей, — кроме того Констатин Торний, тесть Севастократора, великий примикирий ³. Дело было вскоре после летнего поворота и при самом появлении на небе Ориона и созвездия Пса. С возможною скоростью переправившись чрез Геллеспонт, они шли чрез Фракию и Македонию, стягивая около себя все тамошние римские войска, жившие тогда без дела, рассеянно по городам, селам и деревням. Не успело еще солнце достигнуть осеннего равноденствия, как они явились у Ахриды и Деаволя. Это — македонские крепости, находящимся в них доставляющие большую безопасность. В середине между ними расположившись лагерем, они узнают, что и неприятели разбили шатры на равнине Авлона; так что оба лагеря отделялись только одной горой, которая римлян отодвигала к северу, а неприятелей к югу. Неприятели между тем обложили и держали в осаде Белград, крепость высочайшую и, так сказать, уходящую за облака, рассчитывая, что, взяв ее, они отсюда как из самого выгодного пункта, разольются по всей остальной западной части римской державы, подобно какой-нибудь многоводной реке, стремительно низвергающейся с высокой горы. Но глупы они были, надеясь достигнуть того, что не могло совершиться; они не понимали, что вся сила тела, множество коней и запасы оружия, без содействия Божия, столько же ни- {71}чтожны, сколько рой муравьев. Вот отчего они выступали с таким хвастовством и такую надменностью против римлян. Пустые предположения сопровождались такими же и последствиями. Римляне же, помня, что они без божественной помощи — ничто, каждое свое движение производили не иначе, как возложив надежду на Бога и на небесное

¹ Πρίγκιψ. См. ниже кн. 7, гл. 5.

² Это был Вильгельм de Villa-Harduni, сын Годфреда I, правителя Ахайи и Морей. Ducang.

³ См. Киннам. стр. 46.

содействие; зато и смело вступили в бой с силами, далеко превышавшими их число, и одержали, с Божьею помощью, блестящую победу, как сейчас скажем. Разбивши свои палатки вблизи неприятелей, римляне посылают одного очень ловкого человека, чтобы он вооружил и восстановил войска неприятелей одно против другого. А это не было чем-либо невозможным; потому что правитель Ахайи и король Сицилии принадлежали не к одному племени и народу с Михаилом Ангелом. Итак, посланный уходит и является ночью к неприятелям в виде перебежчика и тайно представляется правителю Этолии, Михаилу Ангелу. «Знай, говорит ему, что тебе и всем твоим сегодня угрожает большая опасность. Оба твои зятя и союзника, принцепс Пелопонеса и Ахайи и король Сицилии тайно посылали к римлянам послов, с обычными подарками, для заключения с ними мирных условий. Поэтому, если тебе дорога жизнь, позаботься как можно скорее о себе, пока еще условия и соглашения между ними не заключены». Михаил поверил и, известив о том {72} своих, кого было можно и сколько время позволяло, предался бегству еще до восхода солнечного. Услыхав о его бегстве, бросились за ним и другие, и так все воины Михаила рассыпались в разные стороны, спеша обогнать друг друга. Союзники, пробудившись утром и увидав, что Михаила нет, разинули рты от изумления, не зная чему это приписать. После этого взяться за оружие против римлян они уже не посмели, частью потому, что не могли разгадать происшедшего, а частью и потому, что теперь вместо огромного числа они представляли незначительное. Поэтому они бросились бежать, вообразив, что преданы Михаилом. Во время их замешательства, римляне неожиданно напали на них, весьма многих изрубили и немалое число взяли заживо в плен в числе их был и принцепс Пелопонеса и Ахайи. Сицилийский же король успел увернуться с весьма незначительною частью своих.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

1. Когда там шли дела таким образом, здесь у Магнезии люди знатные и родом и личными заслугами, посадив Михаила Палеолога на щит, провозглашают его царем. Патри-{73}арх Арсений, проживавший тогда в Никее, был поражен этою вестью в самое сердце; удар ножа, кажется, не произвел бы такой боли; он совсем потерял покой, боясь за дитя. Сначала он хотел было подвергнуть отлучению, как провозглашенного царем, так и провозгласивших; но сдержал себя и рассудил — лучше связать их страшными клятвами, чтобы они не смели ни замышлять на жизнь дитяти, ни посягать на его царские права. Это было в самом начале декабрьских календ. Но не прошло еще месяца, как Арсений делает — для безопасности и обеспечения участи дитяти то самое, чего боялся; он собственными руками с священного амвона венчает Михаила Палеолога и украшает царскою диадимом, присоединив к голосам членов сената и священного собора и свой в пользу Михаила. Впрочем не навсегда предоставляет ему самодержавную власть, но до тех только пор, пока это будет необходимо,— пока не достигнет совершеннолетия законный наследник и преемник царства; после чего Михаил сам добровольно должен уступить ему одному и трон самодержца и все знаки царского величия. В этом смысле снова были произнесены клятвы, страшнее первых. Вслед за тем, как самое благоприятное предзнаменование царствованию Палеолога, приносится ему весть о победах римлян в западных областях; а, спустя немного, приходят и сами победители, имея при себе принцепса Пе-{74}лопонеса и Ахайи, и множество других неприятелей. Победители удостоиваются наград и почестей по своим заслугам. Севастократор производится царем в сан деспота; великий доместик — в сан кесаря,— а кесарь вместе с тестем деспота — в сан севастократора. Император впрочем отличает его от тестя тем, что предоставляет ему право носить на лазоревых сапогах золотые орлы. Между тем принцепс Пелопонеса и Ахайи покупает себе свободу и вместе с нею жизнь ценою трех лучших пелопонесских городов; он отдает царю Монемвасию, Мену, лежащую у Левктров, в древности у эллинов называвшуюся мысом Тенарийским, и наконец главный город Лаконии — Спарту. Таким образом, как бы из самых челюстей ада, он неожиданно возвращается к своим. Правителем пелопонесских упомянутых городов посылается брат царя по матери, Константин, возведенный, как мы только что сказали, из кесарей в севастократоры. Отправившись туда, он одержал над

пелопонесскими латинянами много побед и отнял у них много городов, действуя оружием из тех трех городов, как бы из огромных окопов. В это время Арсений, оставивши патриаршеский престол, удалился на покой в приморский монастырек Пасхазия. Поводом к его удалению было неуважение, оказанное Ласкарю Иоанну, сыну царя. Царь Михаил Палеолог незадолго пред тем отправил его под присмотр в Магнезию, что-^{75}бы его присутствие не подало повода охотникам до приключений произвести какое-нибудь волнение. Поэтому вместо Арсения на патриаршеский престол возводится митрополит ефесский Никифор, который, прожив один год, умер. Между тем царь с большими силами переправился во Фракию, имея в виду попытать воинского счастья и в самых предместьях Константинополя. Пробыв под ним довольно долго, он осадил было сперва лежащий на противоположной стороне ¹, так называемый, замок Галата, рассчитывая, что если прежде взят будет он, то легко будет овладеть и самим Константинополем. Но такие расчеты оказались грезами наяву; он не мог взять города, несмотря на то, что обставил его камнеметными машинами и употребил много усилий. Итак, укрепив лежавшие пред Византиею крепости и оставив в них воинов, он приказывает им делать частые набеги и вылазки против византийских латинян, так чтобы не позволить им, если можно, и выглянуть за стены. Это довело латинян до такой крайности, что они по недостатку в дровах употребили на топливо множество прекрасных зданий Византии. Оттуда он снова возвратился в Никею, которая, после взятия Византии, сделалась римскою столицею, и провел там довольно долгое время. В эти вре-^{76}мена скифы, перешедши Евфрат, завоевывают Сирию и Аравию до самой Палестины; потому что страсть любостяжания нелегко удовлетворяется, пока имеет для себя опору во множестве рук и счастья оружия. С огромною добычею и всяким добром они возвращаются оттуда домой, наложив, как на несчастных рабов, на покоренных арабов, сириян и финикиян, ежегодные дани. На следующий год вторгаются они в Азию, лежащую при Евфрате, и легко покоряют и опустошают всю ее, положив пределами своих набегов и опустошений к северу Каппадокию и реку Термодонт, а к югу — Киликию и высочайшие в Азии горы Тавра, которые, отступив немного от своего начала, разделяются на многие отрасли. Между прочим они овладевают и столицею турков ¹. Султан Азатин, убежав вместе с братом своим Меликом, является к римскому царю Михаилу Палеологу, с большими надеждами и ожиданиями, опиравшимися на недавнее гостеприимство и большую благосклонность, оказанные им Палеологу. Ибо и Палеолог приходил к нему, избегая опасностей, угрожавших ему от царя, и имея сердце, полное больших тревог. Напоминая то, что сделал для него, султан требует одного из двух: или сражения с скифами, или какого-нибудь участка на римской земле в его собственность, чтобы там ему спокойно поселиться вместе ^{77} с своими, так как он имел при себе жену, детей, большую свиту и сверх того огромные богатства и большие сокровища. Но так как римские войска у царя были раздроблены на части, и сам он со всех сторон был окружен неприятелями, то исполнить просьбу Азатина казалось ему делом не совсем безопасным. Отдать в собственность участок земли человеку, имевшему прежде под своею властью многие сатрапии и привыкшему повелевать, значило сделать то, что не могло не возбуждать опасений и страха за будущее. Подчиненным ему сатрапам естественно было искать своего владыки; рассеявшимся в разные стороны и блуждающим как будто во мраке ночи естественно было сходиться на факел своего вождя; а это со временем могло сделаться непоправимым злом для римлян. Поэтому царь как на весах колебал душу султана, не подавая ему надежды, но и не отнимая ее.

2. Не прошло еще двух лет с тех пор, как Михаил сделался обладателем царского престола и смирил западное и фессалийское оружие (разумею битву с акарнанами и этолянами), — и опять от злого, корня являются злые и колючие растения, и опять нарушаются клятвы и начинаются неприязненные действия со стороны изменника Михаила. Посему царь на скорую руку посылает против него кесаря Стратигопула, дав ему немного побольше восьмисот вифинских воинов и поручив в случае нужды набрать потребное количество ^{78} во Фракии и Македонии. Кроме того приказал ему мимоходом пройти с вифинскими воинами чрез византийские предместья, чтобы несколько потревожить византийских латинян и не давать им покоя и свободы — выходить за стены по усмотрению, но держать их в постоянном

¹ Ката; τὴν περαιῶν... Это та сторона, которая в настоящее время называется Перой.

¹ Иконией.

страхе, как бы заключенными в темнице. Переправившись чрез Пропонтиду, кесарь располагается лагерем у Регия. Здесь он встречается с некоторыми торговыми людьми ², по великим и неисповедимым судьбам всеустраивающего Промысла. Он часто благоволит не ко множеству коней и воинов, а содействует и дарует величайшие победы малой силе, которая не может льстить себя большими надеждами. Обилие оружия и других вещей, необходимых для войны, нередко обольщает надеждою и не позволяет легко возноситься горе ко Владыке жизни и смерти, но по большей части гнет и тянет к земле, не давая оторваться от ней. Напротив скудость необходимого делает нас легкими, как будто поднимает на воздух и побуждает пламеннее просить небесной помощи. Потому-то одни, понадеявшись на многое, не получали ничего; а другие, потеряв на себя всякую на- {79}дежду, одерживали величайшие победы. Вот и теперь: три царя, — никак не меньше, — много раз со многими тысячами нападали на Константинополь и удалялись без успеха, не могли даже подойти к самым стенам; а кесарь овладел им, не имея при себе ни целой тысячи воинов, ни какого-нибудь стенобитного орудия, ни вереницы машин, но положившись лишь единственно на божественную помощь. Дело было так. Встретившись с теми людьми, — они были по происхождению римляне, а по месту жительства константинопольцы, но проживали за городом для молотбы и уборки хлеба, — кесарь распросил их и о силе латинян, сколько ее, и какова она, и обо всем, что следовало узнать ему, как полководцу, много раз бывавшему в подобных обстоятельствах. Те же, давно тяготясь латинским ярмом и желая лучше жить с единоплеменниками, чем с иноземцами, встречу, с кесарем приняли, как самое лучшее для себя предзнаменование, обстоятельно рассказали ему обо всем, весьма легко согласились предать город и получили обещание больших наград за предложенное содействие. Они сказали, что войско латинян не только слабо, а еще самая большая часть его удалась для осады Дафнусии. Этот город, находящийся при Евксинском Понте и омываемый его водами, отстоит от Константинополя на 1000 стадий. Потом объявили, что им очень удобно открыть ночью для войска кесаря и самый {80} вход в Константинополь, и дали слово употребить вместе с своими друзьями и руки, и оружие, и все силы, чтобы отомстить своим врагам. Они прибавляли, что имеют свой дом подле ворот, которые ведут прямо к храму Божьей Матери Источника, и что они знают тайный ход, кем-то давно, как бы нарочно для настоящего замысла выкопанный, чрез который пятьдесят воинов легко могут ночью войти и, избив стражу и разбив ворота, открыть вход в город и всему войску. Так говорили эти люди, и, ушедши домой, чрез несколько дней выполнили свое обещание. Проведши целый день в приготовлении своих воинов к битве, кесарь вошел в город ночью перед рассветом, и с наступлением следующего дня, приказал подложить под дома огонь и зажечь город с четырех концов, чтобы латинян предать гибели от неприятелей двоякого рода. В это время столицею латинян сделалась обитель Пантократора. В Константинополе царствовал тогда Балдуин, племянник первого Балдуина по сестре, так как последнему наследовал брат его Эрик, Эрику первый сын сестры его Иоленты, Роберт ¹, Роберту же наконец второй его брат Балдуин, после первого Балдуина четвертый и последний царь Константинополя. Вставши утром и услышав, {81} что в городе неприятели, увидав притом, что огонь, раздуваемый ветром, охватил весь город и едва не дошел до самого дворца, он сначала обратился было к оружию и войску и собрал, какой был, остаток латинян; но скоро понял, что бесполезны все усилия, и оставил как знаки царского величия, так и самое царство; бросившись в лодку в простой одежде, он искал спасенья в бегстве. Между тем молва об этом событии в тот же день дошла до осаждавших Дафнусию. Снявшись с якорей, они плывут со всею поспешностью, и на другой день являются в виду городских стен; причем то подплывают к ним, то удаляются, забирая по возможности целые толпы теснившихся к ним латинян. Этим они занимались с вечера до самого утра. Утром же, распустив паруса, немедленно поплыли в Италию, распростившись с своим незаконно названным отечеством. Вести о случившемся очень скоро дошли и до царя в Никею. Он сперва не хотел верить, представляя себе, что

² Они называли себя *θελήματαίῳς* — *фелиматариями* (вольными людьми); потому что не подчинены были совершенно ни грекам, ни латинянам, но, принадлежа по своему происхождению грекам и Константинополю, занимались спокойно обработыванием своих участков за стенами города. Так называет их Пахимер кн. 2, гл. 14, 26, 17. — Anonymus Ms. de bellis Francorum in Morea: ε;'; 'νας λαός α; 'κέφαλος, ο;'; 'λη θελήματαίρος. Ducang.

¹ У Акрополита за Эриком следует Петр. Кроме того Григоря опускает Иоанна, который был императором после Роберта. Boivin.

недавно сам он приходил с большим войском и множеством машин, и не мог взять даже незначительного городка, Галаты; а тут — странное дело! — Константинополь, чудо вселенной, легко взять восемьюстами человек! Потом, пришедши в себя, и предоставив себе, что божественный Промысл может дать плод бесплодным, богатства бедным, силы слабым и величие малым, как — и напротив, когда богатый хвалится богат- {82} ством своим и сильный силою своею, воздел к Господу благодарные руки и устами своими вознес Ему многие хвалы, вполне приличные событию. Так принял царь весть о нем. Он нашел при этом, что ему ничего не остается, как, отложив в сторону все дела, отправиться в царствующий город с своей супругой государыней и с сыном Андроником, царем юным, которому шел тогда другой год от рождения. Прошло много дней, пока царствующий город принял царя, который впрочем вошел в него не прежде, чем была внесена в так называемые золотые ворота святая икона Пречистой Богоматери Одигитрии. Здесь, совершив пред ней благодарственный молебен, он медленно пошел пешком, между тем как впереди его несли святую икону Богоматери. Вошедши в город, он занял дворец, находившийся у самого ипподрома; потому что влахернский дворец был давно заброшен и покрыт копотью и пылью. Самая столица представляла не иное что, как равнину разрушения, наполненную обломками и развалинами, — разметанные здания и незначительные остатки на огромном пожарище. Много раз и прежде яркий огонь помрачал красоту Константинополя и истреблял его лучшие здания, когда еще латиняне добивались поработить его. Потом, когда был поработен, он не видел от них никакой заботливости и даже днем и ночью подвергался всевозможному истреблению; потому что латиняне не ве- {83} рили, что останутся в нем навсегда, слыша, по моему мнению, тайный голос Божий о своем будущем. Немало произвел разрушения и последний огонь, который сами римляне за три дня подложили под дома, к ужасу латинян. Итак первым делом, сильно озаботившим царя, было — очистить город, уничтожить его безобразие и возратить ему, по возможности, прежнюю красоту, — возобновить еще не совсем разрушившиеся храмы и наполнить лишенные обитателей дома. Вторым — вызвать патриарха Арсения, потому что и патриаршеский престол в то время оставался праздным. Арсений вступил на патриаршеский константинопольский престол частью неохотно, частью охотно: — неохотно, вспоминая прежние огорчения; охотно, желая и сам видеть царствующий город и не будучи совершенно чужд властолюбия; ведь и он был человек, и ничего нет странного, если, тогда как другие отдаются всей душой страсти властолюбия, и он уступил ей несколько; или лучше сказать, он не столько любил престол, сколько считал несправедливым отказываться от жребия, принадлежащего ему по праву. Третьим — воздать должное заслугам Алексея Кесаря, чрез которого Бог даровал римлянам царствующий город. Для этого самодержец приказывает устроить великолепнейший и блистательнейший триумф и с торжеством провезти по всему городу кесаря, украшенного не только знаками кесарского достоинства, но еще {84} драгоценным венцом, почти не уступающим царскому; что и было сделано. Сверх того царь повелевает еще, чтобы имя кесаря возглашалось наряду с именами царей на эктениях и многолетиях по всему римскому царству, в течение целого года.

5. Такое счастье выпало на долю кесаря. Но у первого завистника есть обычай — в человеческое счастье всевать нечто неприятное и имеющее горечь, как в пшеницу плевелы, чтобы не дать людям ни одним благом жизни наслаждаться вполне и постоянно. Посему-то и Филипп, царь македонский, одержав однажды в день три победы, порадовался им в душе, но не позволил себе в присутствии других ни сказать какое-нибудь хвастливое слово, ни поднять высоко бровь; нет, зная, как часто за большими удачами следуют еще большие неудачи, он сдержал свою радость о случившемся и, больше боясь за будущее, чем радуясь настоящему, встав воскликнул: «Боже! к самому счастью моему примешай какое-нибудь сносное несчастье, чтобы, возвысившись до наслаждения великими благами, не упасть мне неожиданно в пропасть бедствий». Вот и кесарю не дали спокойно и до конца жизни насладиться его благополучием злые люди, завистливым взглядом посматривавшие на него и опытные в искусстве вредить другим. Это покажет дальнейший рассказ. После великих побед и победных триумфов, царь снова посылает кесаря в предположенный прежде {85} путь — чтобы воевать против правителя Эпира и Этолии, деспота Михаила, перешедшего за свои пределы и опустошавшего римские земли, как мы уже говорили. Собрав войска фракийские и македонские и снабдив их всем необходимым, он идет на неприятеля. После различных

переворотов военного счастья и переменных удач, римские войска были разбиты, и кесарь заживо был взят в плен,— тот кесарь, который своими вчерашними победами и триумфами изумил и заставил говорить о себе всех от севера до юга. Так, в делах человеческих ничего нет верного, ничего прочного; точно в незнакомом океане носятся и заливаются волнами судьбы людей; на их опытность и знание часто ложится какой-то глубокий мрак, и основательно задуманные предприятия идут нетвердым шагом, колеблясь туда и сюда, и верные расчеты оборачиваются подобно игорным костям. Кир, повелевавший некогда персами, мидянами и халдеями, прошел большую часть Азии и без труда разрушил красу ее — Вавилон, но вступив в сражение с массагетскою женщиною, весьма позорно закончил свою славу. Аннибал Карфагенянин покорил всю Ливию и Африку, одержал победы над иверийцами, кельтами, перешел чрез утесистые Альпы, ознаменовал себя удивительными победами над римлянами; но наконец не мог выдержать нападения почти одного римского полководца и притом внутри своего отечества, и удалился {86} из отечества, лишенный всего, вынужденный вести жизнь скитальческую, или, лучше, жестоко гонимый судьбою. Великий Помпей, римский консул и самодержавный вождь, прошел Азию до Кавказских гор и Каспийского моря, покорил множество народов и доставил Риму несметные сокровища, но наконец, среди своих, от самого незначительного войска лишился своей великой славы. Вот и тот, о ком теперь идет речь, — кесарь, добывший вчера величайшие трофеи, сегодня делается жертвою бесславного боя. Такими примерами Бог внушает нам, чтобы мы, видя свое бессилие в битвах неважных, приписывали одному Богу трофеи великие и необычайные. Взяв таким образом кесаря, Михаил, по требованию зятя своего Манфреда, короля сицилийского, немедленно посылает к нему кесаря, как выкуп и цену его сестры. Ее взял за себя, по смерти первой жены Ирины, царь Иоанн Дука, получив ее от отца ее, короля сицилийского, Февдериха ¹. По смерти супруга она не могла возвратиться домой и проживала у римлян, украшая свою жизнь целомудрием и отличаясь редкими качествами доброго сердца. Таким образом великий город опять увидел своего любимца кесаря. В это время Михаил, деспот этолийский, ищет невесты овдовевшему сыну своему, Никифору Деспоту, и находит ее в племяннице царя, Ан- {87} не ². Брак этот и установил, между ними мирные отношения.

4. Между тем царь, сделавшись обладателем самого Константинополя и видя, что его дела идут удачно и что счастье благоприятствует его предприятиям также, как попутный ветер плаванию, решился навсегда закрепить за собою верховную власть и исторгнуть с корнем из своего сердца страх, какой ему внушало его положение. Он боялся, что те, которые еще в недавнее время имели немаловажный предлог возмутиться из-за нарушения прав царского сына и наследника престола, теперь от ропота и затаенного в душе гнева перейдут к открытому восстанию и, пожалуй, доведут его до крайне опасного положения. Поэтому одну из дочерей царя Феодора Ласкаря он отдает в замужество за одного латинянина,— человека благородного, но не очень знатного, по имени Великурта, который по какой-то надобности приезжал из Пелопонеса в столицу, и приказывает ему вместе с женой возвратиться домой. Другую, по имени Ирину, выдает за одного генуэзца, по сану графа, по имени Винтимилию, также прибывшего около того времени в Константинополь,— и немедленно отправляет домой и его с женой. Брата же их Иоанна, которому шел уже десятый год, приказывает лишить зрения. Таким образом он со всех сторон {88} обеспечивает себя и вполне упрочивает за собою преемство верховной власти. Услыхав об ослеплении Иоанна, патриарх Арсений вздрогнул, вскочил с места и, бросаясь из комнаты в комнату, жалобно вопил, беспощадно бил себя в грудь, выражал мысли, ножом пронзающие сердце, жаловался небу и земле на совершившуюся неправду, звал стихии отмстить беззаконию; искал хотя чем-нибудь облегчить свое горе, и, не находя, выпускал из глубины сердца раздирающие душу стоны. Когда же увидел, что нет никаких средств к отмщению, пошел другим путем: он подверг царя церковному отлучению, но возносить его имя на молитвах не запретил, боясь, чтобы, движимый гневом, он не сделал в церкви каких-либо нововведений, и, чтобы, как говорит пословица, бежа от огня не попасть в полымя. Царь многие дни беспрекословно сносил отлучение и, приняв на себя вид покорности, ожидал разрешения епитимии. Но так как его ожидания не сбывались, то он решился отмстить

¹ Фридриха II.

² Это была дочь сестры Михаила, Евлогия. Ducang.

патриарху, однакож не открытою силою (этого он не хотел). Он сзывает собор архиереев и приказывает им рассмотреть на основании правил церковных каждое из обвинений, внесенных некоторыми на патриарха. Архиереи с удовольствием, — как же иначе можно сказать?— приняли приказание: обязанные по заповеди Спасителя быть для других примером братской любви, они составили во дворце собрание против первого своего {89} брата и вызывали на средину его обвинителей, стараясь усердием перещеголять друг друга. Было произнесено следующее обвинение: что султан Азатин часто присутствовал при совершении священного славословия и беседовал с патриархом внутри храма; хотя и царю и архиереям хорошо было известно, что он был сын христианских родителей и был омыт святым крещением. Воспользовавшись же обстоятельствами (как часто бывает сверх всякого чаяния) и сделавшись султаном и вождем турков, он между ними соблюдал обряды благочестия втайне, а в Константинополе почитал святые иконы и явно исполнял все обычаи христиан. Все это могло бы служить для патриарха крепким оружием, но не соответствовало цели его противников — низложить его; а потому было подвержено ими сомнению и опровержению и лишено всякого значения. Патриарха зовут к ответу. Он не является, но пишет в ответ, что отвергает собор, созванный по приказанию царя, так как на нем ответчик занимает председательское место судьи. После этого, приговорив патриарха к низвержению, как уклоняющегося от суда, они посылают ему приказание оставить патриаршеский престол. Сряду затем являются и те, которые должны были препроводить его на место ссылки. Давно уже желая спокойствия и глубоко огорчаясь текущими обстоятельствами, он охотно отдает себя в руки посланных {90} и на третий день является в Приконис ¹. А на патриаршеский престол возводится адрианопольский епископ Герман, давний доброжелатель царя. Он получил эту честь, как бы в награду за свои услуги. Когда царь в былые времена бежал к султану, боясь, как сказано, царя Феодора Ласкаря, Герман, проводя тогда монашескую жизнь на самой границе римского царства, с радостью встретил его, принял со всевозможным почетом и радушием и снабдил всем необходимым на дорогу. Потом, когда Палеолог получил царскую власть, Герман пришел к нему и в числе многих других почестей получил адрианопольский престол. Отсюда же возводится теперь на патриаршеский престол.

3. Около этого времени некто, по имени Икарий, отложившись по взятии Константинополя от правителя Евбеи (области принадлежавшей венецианцам) и увлекши за собой немало других евбейцев, овладел крепким замком. Оттуда он часто выходил и грабил смежные поля и деревни; так что в короткое время навел на всех поселян такой страх, что они не смели ни вне стен жить, ни без караульных выходить для занятий на полях и пашнях. Спустя немного времени, он овладел еще одним укрепленным городком, так что мог уже вступить {91} в открытую борьбу с правителем Евбеи. Боясь, однакож, чтобы тот, вышедши с большою силою, не одолел его, он отправляет к царю послов с предложением своих услуг. После того, оставив в городке сильный гарнизон, сам добровольно прибыл к царю и обещал ему, между прочим, что, если получит от римлян достаточно войска, то ему ничто не воспрепятствует покорить под власть царя всю Евбею. Затем поспешно выступает он с многочисленным римским войском, прежде чем евбеяне узнали о его выступлении. Зная же заносчивость латинян и будучи уверен, что правитель Евбеи не упустит случая неожиданно сделать вылазку из города, увидав чужое войско, делает ночью около города сильные засады. Потом утром является сам, разъезжая по окружности города. Латиняне, находившиеся внутри стен вместе с своим вождем, с досады нисколько не медля взялись за оружие и со всею быстротою понеслись на неприятелей. Но внезапно на них нападают и окружают с тылу находившиеся в засадах воины, а спереди несется на них Икарий с своими полками; правителя Евбеи, а вместе с ним и множество других берут они в плен, остальных же предают истреблению. Правитель Евбеи, в узах доставленный царю Икарием, недолго жил. Он умер так: вошедши в царские палаты и став у дверей, как прилично пленнику, он увидел самого царя на троне, {92} около него сенаторов в великолепных и блистательных одеждах и тут же Икария, который вчера и третьего дня был рабом, а теперь в пышной одежде расхаживал с важностью и на ухо разговаривал с царем. Будучи не в силах вынести такой неожиданный переворот счастья, он вдруг упал ниц наземь и лишился жизни. Между тем Икарий, выслав из города латинян,

---

¹ Остров, на который был сослан Львом Армянином Никифор II, защитник икон.

оставил в нем только люд ремесленный и торговый, представлявший собою смесь венецианцев с пизанцами. Он находил небезопасным и неудобным, чтобы внутри города жили и генуэзцы. Посему царь отводит им для жительства место на противоположном берегу, у Галаты, даровав им и обещанную свободу торговли. Эту свободу он обещал им еще прежде покорения столицы, если они помогут ему против владевших городом латинян. Обещание свое он теперь и исполнил, хотя сделался обладателем города и без их помощи. Со временем посылаются к ним и начальники. Такой начальник по-венециански называется баюл, по-пизански — консул, по-генуэзски — потестат; а если эти названия перевести на греческий язык, то первому будет соответствовать Ἐπίτροπος, второму — Ἐφορος, а третьему — Ἐξουσιαστής. — Балдуин же, избежав опасности, угрожавшей ему в Константинополе и уплыв в Италию, породнился там с королем итальянским Карлом, взяв в невесты своему сыну его дочь, в надежде при его со- {93} действии, возвратить себе Константинополь. Но напрасные желания и надежды! Царь устроил большой флот, наполнив более шестидесяти триир воинами, которых часть принадлежала к племени гасмуликскому. Они усвоили себе характер и римлян и латинян; так что от римлян приобрели хладнокровие в битвах, а от латинян отвагу. С ними было еще морское войско из лаконцев, недавно прибывших к царю из Пелопонеса, которых на простом, испорченном языке называют цаконцами. Таким образом царский флот, великолепно устроенный, по приказанию царя, разъезжал по морю и наводил на латинян большой страх и смущение. Он покорил даже, почти все, лежащие в Эгейском море острова: Лимнос, Хиос, Родос и другие, бывшие в рабстве у латинян. Когда так шли дела на море, этолиец Михаил опять нарушил мир и начал опустошать смежную римскую область. Весть об этом привела царя в скорбь и негодование; так что в самом скором времени он сам отправился туда, чтобы лично устроить там растроненные дела. В это время, когда царь находился в Фессалии, явилось на небе знамение, как предвестник и предуказатель бед. То была комета, показавшаяся около знака Тельца, и сперва всходявшая на востоке ночью пред самым рассветом немного повыше горизонта. Но по той мере, как шло вперед солнце, и она каждый день более и более отодвигалась от го- {94} ризонта, пока не достигла самого зенита. Высшую степень яркости она получила в летнюю пору когда солнце проходило знак Рака. Потускнела же и исчезла, когда солнце вступало в черту осеннего равноденствия; так что от летнего поворота до осеннего равноденствия оно прошло три знака, а комета, появившаяся около Тельца, в это время мало по малу исчезла. Царь принял ее за предвестницу и предуказательницу бед, и, немедленно распрощавшись с Фессалиею, во все поводы погнал в Византию. Немало смутил его и слух о том, что уже совсем решили напасть на римскую землю скифы. И не успел он прибыть в Византию, как скифы, живущие по Истру, разлились почти по всей Фракии, точно море, разъярившееся и вышедшее далеко из своих берегов. Народ скифский передвигается быстро и часто в один день совершает трехдневный путь. Причина их набега была следующая.

6. За Константином, правителем Болгарии, была, как мы сказали, в замужестве дочь царя Ласкаря. Она, услышав об ослеплении брата Иоанна, не переставала докучать мужу и побуждать его к отмщению за такое дело. Он и искал удобного случая наказать злодейство. В то время, как он обсуживал свое намерение, султан Азатин еще больше поджег его. Во время своего отсутствия, царь назначил последнему в жилище приморский городок у Эна ¹, и учредил около него тайную стражу, {95} чтобы воспрепятствовать его побегу, который можно было подозревать. Такое невыносимое положение побудило и Азатина обратиться к Константину, бывшему уже наготове выступить против римлян; ему султан обещал, если получит свободу, отплатить большими деньгами. Получив столько поощрений и узнав, что царь возвращается из Фессалии в Византию, Константин сзывает более 20 тысяч приирийских скифов и с ними со всею поспешностью вторгается в римскую землю, твердо надеясь взять в плен и самого царя, находившегося в дороге. Скифы растянулись по всей Фракии до морских песков, точно сеть, чтобы никто ни из животных, ни из людей, ни сам царь не избежал их рук. Все и сделалось по их желанию; только царь ускользнул и обманул их ожидания. Предупредив их появление, он успел спуститься к морю по горам, около Гана. Здесь, по устройению Промысла, нашел две латинские трииры, плывшие в Византию, но приставшие к тому месту для снабжения себя водою. Сев на них, он на другой день является в

---

¹ См. Анны Комн., Т. I, стр. 374.

столицу. Скифам, обманувшимся в своих ожиданиях относительно царя, оставалось позаботиться о том, чтобы не обмануться относительно султана Азатина. Поэтому они прямо направились к Энэ с решительным намерением взять там Азатина — или одного, если граждане уступят его добровольно, или же со всем городом и всеми туземцами, если будут сопротивляться. {96} Но те легко выдали его, боясь поголовного истребления, и достигли того, что неприятели спокойно их оставили. При своем возвращении, скифы гнали пред собою несметное множество обитателей Фракии, как скот; оттого некоторое время изредка только можно было увидеть во Фракии вола или пахаря, — так она опустела и людьми и животными. Но теперь оставим рассказ о султани. О нем скажем после подробнее. Его жена с детьми была тотчас взята под стражу; его сокровища были препровождены в царскую казну; свита же его, состоявшая из множества храбрых людей, быв возрождена христианским крещением, была причислена к римскому войску.

7. В это время султан Египта и Аравии ² отправляет посольство к царю, предлагая римлянам свою дружбу и прося дозволения — египтянам, которым он захочет, однажды каждый год переплывать наш пролив для торговли. Эта просьба, с первого взгляда показавшаяся неважною, принимается легко. Со временем же обнаружилось, какое имела она значение. Нельзя запретить того, что утвердилось и вошло в силу, как обычай. Египтяне, отправляясь с грузом однажды в год иногда на одном, а иногда и на двух кораблях к европейским скифам, обитавшим около Мэотиды {97} и Танаиса, набирали там частью охотников, частью продаваемых господами или родителями и, возвращаясь в египетский Вавилон и Александрию, составляли таким образом в Египте скифское войско ¹. Сами египтяне не отличались воинственностью, напротив были трусливы и изнеженны. Поэтому им необходимо было набирать войско из чужой земли и, так сказать, подчинять себя купленным за деньги господам, не заботившимся ни о чем, в чем обыкновенно нуждаются люди. В непродолжительное время египетские арабы этим способом образовали у себя такое войско, что сделались весьма страшны, не только западным, но и тем народам, которые обитали более к востоку. Они поработили Африку и всю Ливию до Гадир, потом Финикию, Сирию и всю приморскую страну до самой Киликии, предавая острию меча владевших теми землями, особенно же галатов ² и кельтов, которые с давних пор владели там лучшими странами и городами и перебрались туда с запада. Есть в Европе высочайшие горы, называемые Альпами, с которых сбегает в Британский океан величайшая река, называемая Рейн. Она отделяет к югу обе Галлии и живущих {98} в них мужественных галатов и кельтов. В их сердцах воспылала была сильная ревность о гробе Спасителя и они нашли достойным делом, собрав войско, отправиться для поклонения гробу Господню и вместе, если можно, для изгнания господствовавших там арабов. Собравшись в бесчисленном множестве и запасшись конями и оружием, они пустились в этот знаменитый поход и, перешедши Рейн, пошли вдоль по Истру — величайшей реке, которая, также вырываясь из Альпов, впадает пятью устьями в Эвксинский Понт. Постоянно держась его северных берегов, они подошли почти к самым устьям его у Евксинского понта, представляя собою встречавшимся на пути народам страшное зрелище, как будто движущуюся железную стену; однакож ни одному из них не нанесли никакого вреда, по своему благородству. Отсюда переправились они и через Истр и, прошедши до Фракии, расположились лагерем. В это время царствовал над римлянами Алексей Комнин, к которому они посылают послов с целью условиться о покупке продовольствия и переправе чрез Геллеспонт. Царь сильно обрадовался такому случаю и крепко ухватился за него, чтобы воспользоваться им согласно с своими планами. Еще недавно получив царский скипетр, он видел, что по великой вине его предшественников римское царство со всех сторон терпит нападения и безжалостно разрывается на части. В самом деле, тур- {99} ки уже долгое время владели на востоке всеми местами, даже самую Никеею — этою знаменитою крепостью;

² Это, конечно, Норадин или Алмансур Нураддин, о котором Восточная Хроника (edit. ab Echellensi) говорит, что он начал царствовать в 355 г. египры или 1237 г. от Р. X., и который завладел в Сирии городами, бывшими в руках крестоносцев. Ducang.

¹ Haytonus in Hist. Orientali c. 1. de soldani Aegypti potentia: major pars exercitus Aegypti sunt servi, empti pretio, quos mali Christiani saepe portant cupiditate lucrandi, aut in pracliis acquisti, quos compellunt eorum sectae et fidei adhaerere. Et illi, qui empti pretio pecuniae exsilerunt cariores sunt et habentur, et plus aliis honorantur.

² Иначе — галлов.

страшная скудость в деньгах не позволяла приукрасить дворец, дошедший до крайнего безобразия, а на удовлетворительные доходы не было ни малейшей надежды; оставалось только ожидать конечной гибели и адских бедствий. Итак, видя государство в таком изложении и недоумевая, что делать, он в высшей степени обрадовался прибытию кельтического войска. С кельтами он заключил такой договор: если своими соединенными силами изгонят они из римских городов и областей владеющих ими турков, то кельты получать все их имущества, а он — пустые города. Приняв с большим удовольствием такое условие, они переправляются с самим царем чрез Геллеспонтский пролив. Как большой огонь, разведенный в густом лесу, одно, например — хворост, истребляет легко, а другое — зеленеющие деревья — медленно, но все же истребляет; так и это двойное войско, состоявшее из кельтов и римлян, наводило на неприятелей страх и казалось неодолимым, по тяжести вооружения, крепости тела и недоступной твердости духа. И одни из неприятелей, — другой сказал бы, — были попираемы, как трава и прах под ногами; а другие принимались было отбивать пользуясь то теснинами, то римскими стенами; но наконец должны были, уступать, и одни отдавались добровольно, другие были забираемы {100} силою, третьи находили себе спасение в бегстве. Таким образом они очистили всю Азию, находящуюся внутри Алия и граничащую с Меандром и Памфилией, и, забрав с собою по условию в освобожденных ими городах богатства, безостановочно продолжали предположенный путь. Но их сильно озабочивала мысль, что не пришлось бы, по переходе гор, между Памфилией и Киликией, начать войну с киликиянами, сириянами и финикиянами, если те не дадут им свободного пропуска. Первые, т. е. киликияне, уstraшенные самым видом их, не нашли для себя ничего лучше, как дружески пропустить их чрез свою землю, предложить им свой рынок, дать проводников и сделать вообще все, чего требуют дружба и гостеприимство. Киликияне впрочем легко вошли в такие хорошие отношения с западными галатами и кельтами не потому только, что испугались их множества и силы, но и потому, что были довольно близки к ним по вероисповеданию. Когда же настало время войти в Сирию и Финикию, они встретили совсем не то, что — позади. Жившие и господствовавшие там арабы, народ иноплеменный и полный высокомерия, навели им много хлопот, или лучше — не столько им, сколько себе. Взяв оружие, они преградили им дорогу, находя унижительным для себя, чтоб народ иноплеменный и совершенно чужой прошел чрез их землю, не пролив своей крови и не оставив из среды своей трупов. Кельты не {101} допускаемые до хлеба, теснимые недостатком и в других предметах потребления, необходимых как им самим, так и вьючному скоту, положили предоставить решение дела оружию и битвам. И вот начались постоянные сражения; кровь аравитян лилась и днем и ночью, орошая вскормившую их землю; города один за другим подвергались расхищению; между тем кельты со дня на день становились сильнее и сильнее. Коротко сказать: все, что было лучшего в арабском войске, или втоптанно в грязь, разведенную кровью, или отброшено на далекое расстояние; все же остальные обращены в безоружных рабов теми, которые впоследствии основали там свои жилища, — победители пленились приятностями той земли. Они решили остаться там навеки, и это решение ничем нельзя оправдать. Цель их похода была та, чтоб придти, если можно, в Палестину и изгнать оттуда нечестивцев, владевших гробом Спасителя; или же, пролив там свою кровь, получить за то спасение души. Таково было желание, увлекшее их за пределы отечества, — желание поистине божественное и достойное похвалы. Но желание наслаждений Сирии и Финикии, к стыду их, взяло перевес. Отяжелевшие и, так сказать, охмелевшие от богатства, они поступили не так, как предполагали прежде. Но возвратимся к тому, с чего начали говорить о кельтах и галатах. Египетские арабы, вошедши в большую силу посредством набора скифских войск {102} (о чем мы уже говорили), простерлись далеко за свои пределы; к западу они поработили ливийцев, мавритян; к востоку — всю счастливую Аравию, которая имеет границами берега Индийского моря и с двух сторон заливы Персидский и Аравийский; потом — всю Келисирию и Финикию, насколько охватывает последнюю река Оронт, причем они частью изгоняли потомков кельтов и галатов, частью же, как позволяет право войны, убивали их, спустя немного времени.

8. Между тем константинопольский патриарх Герман, слыша, что народ со всею вольностью поносит его за то, что он еще при жизни Арсения, законного патриарха, занял патриаршеский престол, уступает его желающим, а сам удаляется на покой. После него патриаршеский престол занимает Иосиф, муж, убеленный сединами, проводивший долгое

Иоанн, тяготясь опекою сво- {106} его брата Никифора и не видя для себя хорошего конца в будущем, ушли к царю. Побочный же сын Иоанн, неудержимый в своих предприятиях и наделенный изворотливым умом, не хотел довольствоваться своим участием и, хотя вскоре получил от царя достоинство севастократора, но постоянно нарушал мирные отношения к римлянам. Вышедши из терпенья, царь послал против него своего брата, деспота Иоанна, и приказал предварительно собрать отовсюду как можно больше римского войска. Тот выступил, собрав под рукой войско из пафлагонских и вифинских всадников и прибавив к ним полки из команов и туркопулов, а пехоту решил набрать дорогой во Фракии и Македонии. Между тем Севастократор, услышав о походе римлян, сильно смутился, видя, что его сил решительно недостаточно, чтобы сопротивляться такому прекрасно устроенному войску противников. Сначала он хотел было прикинуться покорным и просить прощения в своих проступках, но нашел, что на это рассчитывать и полагаться было нельзя, потому что постоянно заключал мирные условия и нарушал их. Поэтому пошел другим путем. Укрепив, сколько мог, и обезопасив свои крепости, он стал разъезжать с своими войсками, высматривая издалека, что делается у неприятелей, в надежде посредством засад и внезапных нападений смутить и несколько ослабить лагерь римский. Но видя, что римляне {107} прекрасно укреплены и строго соблюдают установленную дисциплину, он впал в отчаянье, и, в страхе потерять все, бросался то туда, то сюда. Итак севастократор Иоанн находился в большом страхе и смущении. Быть может, он в это время покусился бы и на собственную жизнь (тогда его владения отошли бы к царю), если бы беспорядочность и непмерная вольность иноземных войск, находившихся вместе с нашими, сверх всякого ожидания, не испортили дела, к великому посрамлению римлян. Напав на Иоанна и не встречая сопротивления, римляне легко бы могли завладеть всем. Но находившиеся с ними команы, оставив свое дело, только грабили храмы и монастыри, бессовестно поджигали их, почтенных девственниц забирали в плен и священными вещами пользовались как простыми, употребляя, например, вместо столов святые иконы; кратко сказать, бессовестно делали все, что позволяют себе безбожные люди. Посему-то и постиг войну такой дурной и несообразный с началом конец, как покажет дальнейший рассказ. Когда пришел с войском деспот Иоанн, то одни из городов тотчас же сдались, а другие, надеясь на естественные укрепления, некоторое время сопротивлялись. Потом покорились и они, не будучи в силах устоять до конца против силы осадных орудий. Севастократор в отчаянии убежал в сильнейшую крепость, называемую Новыми Патрами. Неприятели окружили ее и долгое время {108} вели осаду. Однакож Новые Патры, утверждаясь на высокой горе, гордо стояли против осадных орудий; только заключенное внутри большое множество людей внушало опасения, что наконец окажется недостаток в продовольствии. Оно ставило Севастократора в крайне затруднительное положение, устремляло его мысли во все стороны и настойчиво требовало решения, как избавиться от предстоящих бедствий. После многих дум и предположений, он наконец остановился на одном необыкновенном и подлинно умном плане, который и скрыл в себе, как что-то священное и таинственное, не сообщив его никому, кроме одного из крепостной стражи. Тайна, доведенная до слуха больше, чем одного человека, перестает быть тайною; громкая молва тогда пронесит ее по всем станам — и своим, и неприятельским. Иоанн был человек умный, хорошо понимал дело и ловко выполнил свой умный план, — и именно так. Дождавшись ночи, когда пред новолунием глубокая тьма распространяется по земле, он спускается на веревке по стене и, не имея другого пути, тайком пробирается в римский лагерь в лохмотьях; чтобы скрыть себя, он с воплем говорит, подделываясь под варварское наречие, будто, потеряв своего коня, ищет его, — и так обходит и минует весь неприятельский лагерь. Многие из воинов, слушая его, острили над ним и провожали его веселыми шутками. А он, благодаря такой хитро- {109} сти прошел римский лагерь и, потеряв его из виду, прибыл в один пограничный монастырек, где, открывшись одному только настоятелю этой обители, получил от него пять выючных животных и столько же слуг; потом, с зарею перешедши Фермопильскую гору, на другой день пришел в Беотию, а оттуда на третий день в Аттику. Здесь он является к дуксу афинскому ¹, обещает ему большие деньги и предлагает войти в родство, имеющее принести ему большое богатство. Затем просит помощи и под условием большой платы, получает пятьсот отборных

---

¹ Т. е. к Иоанну de la Roche. Ducang.

афинян. Между тем римское войско, воображая, что севастократор Иоанн находится внутри крепости, продолжало издали посылать стрелы за стены, — пододвинуть к ним орудия было нельзя, — и, расположившись вокруг, внимательно сторожило все выходы, чтобы Иоанн как-нибудь не ускользнул, но чтобы или сам выдал себя, или выдали его, не спрашивая его согласия, граждане, поражаемые двумя бедствиями — осадой и недостатком в продовольствии. При этом одни оставались беззаботно на месте; а некоторые даже ушли из лагеря, частью на грабеж к соседним ахейцам, частью же на охоту. На них первых, ходивших вразброд, нападает севастократор Иоанн с пятьюстами упомянутых афинян, и одних берет в плен, а {110} других гонит до самого стана. Такая неожиданность привела римское войско в страх и смятение. Как другие военачальники, так и сам деспот Иоанн вообразили, что на помощь севастократору Иоанну прибыл или правитель Пелопонеса и Ахайи с большою силою, или же явилось войско фивян, евбейцев и афинян, под предводительством своего дукса. Поэтому прежде, чем те сделали нападение, римское войско тайком и мало по малу само собою начало рассеиваться; потом воины один за другим побежали без оглядки. Начальники как ни кричали на них, как ни останавливали, воины их не слушали и гурьбой продолжали бежать. Наконец и сами они вместе с деспотом Иоанном, видя, что долее оставаться на месте значило бы обречь себя на явную гибель, и что храбростью и мужеством здесь ничего не возмешь, решили, что не нужно упускать удобного времени к отступлению, и отступили с оставшимся пафлагонским войском, впрочем в порядке и с соблюдением правил военного искусства. Итак, когда сверх всякого чаянья постигло римлян такое поражение в наказание за преступные дела, которые позволяли себе их союзники, команы; то находившиеся в крепости, тотчас отворив ворота, миром выбегают оттуда и присоединяются к севастократору Иоанну и его союзникам. После необходимых совещаний, одни получают приказание оставаться на месте для уборки римских палаток, лошадей, всяких запасов и {111} всевозможного богатства, которое римляне; отчасти принесли с собою из дома, отчасти же приобрели грабежом; другие отправляются по пятам рассеявшихся в разные стороны римлян, и сопротивляющихся предают мечу, а тех, которые, быв схвачены, не оказывают сопротивления, сняв с них даже рубашку, отпускают в одних штанах. Есть закон, ненарушимо переходящей по преемству от предков к потомкам, не только у римлян и фессалийцев, но и у иллирийцев, триваллов и болгар — ради единства их веры, лишать неприятеля только имущества, но не обращать в рабство и никого вне боевой схватки не убивать. И если бы наступивший вечерний мрак не сдержал преследования бегущих, быть может, они испытали бы бедствия еще более жестокие чем те, о которых мы сказали. Но так как настал вечер, то неприятели с Севастократором возвратились назад, гордые этою неожиданною победою; римляне же, избежавшие опасности, по два, по три и более человек собираются к деспоту Иоанну, в гóре по случаю такого нежданного несчастья. Уныло достигают они окрестностей Димитриады. Этот город, называвшийся сначала Сикионом, впоследствии принял имя своего завоевателя, именно Димитрия Полиоркета, который был сыном одного из преемников Александра, Антигона, повелевавшего Азией до реки Евфрата.

10. Не успели они еще совершенно оправить- {112} ся от поражения, как узнают и о другой беде, которая была не меньше предыдущей. О ней я и расскажу. Есть залив, так называемый пеласгийский, далеко вдающийся внутрь материка и на северной стороне имеющий Оссу и Пилий. Это горы, достигающие своими вершинами необыкновенной высоты. Края этого залива касается и упомянутый нами город Димитриада. Царский флот, разъезжая около завоеванных латинянами островов, тревожил их. Это было невыносимо для латинян, но более всех для населявших Крит, а равно и для владевших Евбеей. И вот общими силами они снаряжают флот, не за тем, чтобы вести наступательную войну с флотом царским (это было бы все равно, что стрелять в небо), но чтобы, при появлении морской царской силы, охранять свои берега и отбиваться, сражаясь на суше и на море. Случилось же так, что в это время и царские триеры числом свыше пятидесяти, вошедши в этот залив, остановились в нем, как в безопасной пристани. Критяне и евбейцы, давно выжидавшие удобного случая и бывшие настороже, нашли, что более удобного времени для нападения на царский флот им не дожидаться. В самый короткий срок они снарядили немного меньше тридцати триир и тетрир, поставили на передних частях их деревянные башни и поспешно выплыли, с тою целью, чтобы, прежде чем царский флот почует их приближение, вывести из пристани суда, остававшиеся без плов- {113} цов, которые в то время беззаботно разгуливали по суше. Так бы

и было, как хотелось врагам, если бы Господь не простер римлянам неожиданно своей руки. Римляне почуяли приближение критян и евбейцев; только короткий срок не дал им вооружиться, как следует. Однакож, снявшись с якорей, они пустились в море со всевозможною скоростью; и много рвения обнаружила как та, так и другая сторона, отъехав от земли на пятнадцать стадий, не меньше. Корабли неприятельские были тяжелы и неповоротливы, как от множества воинов, так и от нового своего вооружения, и, точно движущиеся по морю города, выстраивались медленно. Римские корабли на столько уступали неприятельским в величине, на сколько превосходили их своею численностью; они были также поворотливее и подвижнее, но не были достаточно вооружены. Однакож и они выстраивались в бой, не столько впрочем против кораблей, сколько против стен; так как передние части неприятельских кораблей были подобны стенам, окаймленным сверху надежнейшими воинами. Начальник римского флота Филантропин объезжает его на адмиральском судне, и возбуждает воинов к сражению, появляясь то на правом, то на левом крыле. Римские корабли впрочем не смели идти прямо на носы неприятельских кораблей; потому что с них, как с твердой земли, неприятели сыпали большие камни, и все, что удобно было бросить сверху, {114} и причиняли много вреда. Поэтому они нападали на эти корабли по возможности с боков. Левое крыло неприятелей много терпело, потому что восходящее солнце было им прямо в глаза. Но правое, которое было гораздо сильнее, налегая на римские корабли, блистательно поражало римских воинов и гребцов, так что они уже отчаялись было пробиться и выйти на сушу, оставив у берега пустые корабли. И если бы Бог, подающий упавшим духом бодрость и отчаявшимся надежду, не даровал римлянам неожиданной помощи; то, быть может, испытав эти два великие поражения, они пошли бы, так сказать, ко дну адову. Но кто не подивится неисследимому Промыслу Божию, устроившему так, что неожиданное поражение на суше неожиданно обеспечило целостность флота? Брат царя, деспот Иоанн, вместе с спасшимися от поражения на суше находившийся оттуда весьма близко, узнал о происходившей битве на море, потому что слух о ней успел уже проникнуть внутрь твердой земли, и, прибыв на берег этого залива, увидел жалостное зрелище,— что и морским силам римлян грозит опасность. Тотчас соскочив с коня, весь в слезах, он бросает прочь от себя знаки достоинства деспота с словами: «нагим я вышел из чрева матери своей, нагим и отойду»; посыпает землей голову и со стенаньями вопиет к Господу, призывая Его скорую помощь, дабы после недавнего поражения новое не разрушило и не сгубило в конец {115} римского царства. В надежде, что сам Бог будет ему союзником, он принимается за дело. Отобрав отличнейших воинов из своей пехоты, со всею поспешностью сажает их на корабли, а вместе с ними и множество вооруженных стрелами, пращами и дротиками. Постоянно принимая раненных, заменяет их воинами новыми и здоровыми, причем большею частью снабжает их против неприятелей булыжником. Распорядясь так до позднего вечера, он добивается наконец победы над врагами; кроме двух спасшихся бегством, все неприятельские корабли достались римлянам. От всего войска вознеслись благодарственные гимны Господу, чудесным образом даровавшему ему спасенье и победу. Брат же царя Иоанн, сложив с себя, как мы сказали, все знаки достоинства деспота, является в Византию без всяких украшений, и так проводит всю остальную жизнь.

КНИГА ПЯТАЯ.

1. Чтобы наша речь шла связно и рассказ не прерывался от незнания того, что прежде следовало узнать, мы считаем необходимым повторить нечто из того, что уже сказано. Выше мы сказали, что Балдуин, избежав угрожавших ему в Константинополе опасностей, отправился в Италию и там, подружив-{116}шись с королем итальянским Карлом, сосватал его дочь ¹ за своего сына и обещал дать ей в приданое тот Константинополь, который он потерял, если только Карл будет помогать ему в войне. Такое обещание глубоко запало в сердце Карла; он совершенно оставил думать о чем либо другом, и стал мечтать об одном, — чтобы сделаться владельцем Константинополя, воображая, что это значит овладеть всей монархией Юлия

---

¹ Беатриче. Ducang.

Кесаря и Августа. Это был человек не только предприимчивый, но и умевший весьма легко приводить в исполнение свои предприятия. Коротко сказать — крепостью тела и силою ума он далеко превосходил всех, бывших до него. Озабоченный тем, о чем мы сказали, он надеялся в скором времени достигнуть своей цели. Спешить выполнением такого предприятия побуждали его частью состояние Константинополя, во многих местах разрушенного и требовавшего много времени для своего возобновления и восстановления, частью же находчивость царя и необыкновенная быстрота в делах. Последнее обстоятельство много беспокоило Карла, сильно колебало его надежды и наводило на него большой страх. По этому самому он и спешил низложить царя прежде, чем тот успеет приобрести более силы на суше и на море и будет в состоянии довести его до крайнего положения. И во-первых, нашел нужным. {117} собрав достаточно сильное войско, приказать ему — переправившись через Ионийское море, вторгнуться в римское государство и не прежде оставить дело его порабощения, как покорив и самую его столицу. Потом, снарядив большой флот, он думал противопоставить царю опасность и с другой стороны. Но обманулся в своих расчетах, встретив в царя более сильного соперника. Царь немедленно приложил все свое старание, чтобы предупредить и уничтожить его замыслы. Для этого он со всех сторон укрепил и оградил царствующий город и вывел крепкую стену на внутренней стороне стен, обращенных к морю. Не довольствуясь этим, он посылает большие деньги и разнообразные подарки, чтобы вооружить против Карла соседних с ним королей, именно владетелей Сицилии и Венеции. На этот раз он подражал тому древнему Артаксерксу, который, испугавшись движения Агезилая спартанского, послал много денег фивянцу Эпаминонду, Пелопиду и другим лицам, которые имели вес в Элладе, чтобы вооружить их против Агезилая. И, прежде чем тот поразил его, он своими мудрыми распоряжениями сам успел поразить. Впрочем Карл хотя и встречал такой отпор от царя, хотя и был еще издали отражаем им, но еще не успокаивался, надеясь на силу своего войска и множество денег. Царь, вынужденный такими обстоятельствами, которые могли довести до отчаянья, отправляет послов {118} и к папе с предложением соглашения и соединения Церквей, т. е. старого и нового Рима, если только он воспрепятствует походу Карла.

2. Папа охотно принимает посольство и обещает легко устроить все, по желанию царя. Вместе с этим он немедленно присоединяет к царским послам своих, чтобы они открыли единение между Церквями. Они прибыли и единение состоялось на следующих трех условиях. По первому — на священных песнопеньях дважды поминать папу, наряду с прочими четырьмя патриархами. По второму — признать апелляцию, то есть, позволить всякому желающему обращаться к судилищу старого Рима, как к высшему и совершеннейшему. По третьему — первенствовать папе во всем. Что же касается до прибавленья, какое они с недавнего времени допускают в священном символе, или до другого какого-либо пункта, об этом спора никакого не было поднято; такие вопросы совершенно оставлены в покое. Между тем патриарх Иосиф, не принимая такого единения, уступает свой престол, кому угодно, и, вскоре удалившись из столицы, поселяется в монастыре ¹ Архистратига, у Босфора, чтобы там провести остаток дней своих спокойно и в священном безмолвии. После сего понятно, почему и все вообще духовенство не хотело успокоиться и старалось отшатнуть народ от царя, говоря, что наступило {119} время мученичества и победных венцов. Отсюда произошли большие смуты, и дела доходили до крайнего положения. Царю настояла необходимость, оставив внешние дела, сосредоточить все свое внимание на внутренних. Он не мог не видеть, что внутренние опасности важнее внешних. Немало было и из знатных людей, которые весьма крепко держались своего убеждения, противоречившего царским приказаниям. Поставленный в такое затруднительное положение, царь решил идти одной какой-нибудь дорогой из двух, если уже крайняя необходимость не допускает другого исхода, т. е. или всех согласить с собой, или всех признать за врагов. Итак сначала он пытался вкрадчивыми словами и ласками заманить и завлечь умы, несогласные с ним, говоря, что это — дело благоразумия, а не желания новизны. А быть благоразумным значит принимать меры против бедствий прежде, нежели они наступили; и странно было бы отвергать какое-либо нововведение, если оно предотвращает большие опасности. Если, прибавлял он, придут неприятели, то для Константинополя, еще во многих местах разрушенного и еще возобновляемого, или, если можно так выразиться, мало по

---

¹ Находящемся в Анапле (Пахим., кн. 5, гл. 5 и 9). Ducang.

малу воскресающего из мертвых, настанут бедствия более тяжкие, чем минувшие; неприятели сделаются господами не только храмов, но и решительно всего, — наших детей, жен и имуществ; а сами господа, быв ограблены, сделаются из свободных {120} рабами не только по телу, но и по душе, и, уступая силе необходимости, станут выполнять волю врагов. Дело дойдет до того, что некому будет уже отстаивать отечественные обычаи и законоположения, равно как священные правила и догматы, но все легко извратится и уничтожится. Предвидя это, я и становлюсь покорным исполнителем того, чего требует благоразумие. А благоразумие требует того, чтобы в крайности предпочитать меньшее зло большему и большую выгоду меньшей. Говоря так, царь одних убедил, других нет. Почему, оставив убеждение, он пошел другим путем — насильем. По воле царя, оно употреблено было во многих и разнообразных видах; лишение состояния, ссылка, тюрьма, ослепление, плети, отсечение рук,— вообще употреблено было все, чрез что только узнают мужественен ли кто, или малодушен. У которых ревность была разумная (а таких было немного), те, высказав твердое и решительное сопротивление, охотно вынесли и вытерпели все, чем только поражала их рука царя. Большая же часть,— люди не имеющие здравого смысла, чернь и торговый люд, всегда испытывающие радость при таких новостях, рисуясь своими плащами, рассеялись везде по вселенной, где только надеялись найти христиан,— я разумею, по Пелопонесу, Ахайе, Фессалонике, Колхиде и вообще по тем местам, куда не простиралась власть царя. Рассеянные и блуждающие, они переходят с {121} места на место, не желая сохранять мира ни с католиками, ни между собою. Приняв на себя разные названия, одни говорили, что держатся патриарха Арсения и следуют его учению, другие — Иосифа, некоторые же говорили еще иначе. Так в течение некоторого времени обольщались и обманщики и обманутые. Были даже такие, которые по городам и селам провозглашали предсказания, как бы только что удостоенные откровения свыше. Это делали они для наполнения своих карманов и кошельков, и потому упорно оставались при своем образе жизни, даже после церковного вразумления. В это время был хартофилаксом ¹ великой церкви некто, по имени Векк,— человек умный, питомец красноречия и науки, наделенный такими дарами природы, какими — никто из его современников. Ростом, приятным и важным лицом, свободно и плавною речью, гибким и в высшей степени находчивым умом,— всем этим природа щедро наделила его, как бы для того, чтобы имя его с уважением произносили цари, правители и все ученые. Он мужественно сопротивлялся царскому решению. Царь всячески старался и {122} своими соображениями и логическими доводами тогдашних ученых убедить его — согласиться с решением. Но тот силою своего ума и слова совершенно спутал всех и их возражения распустил, точно Пенелопину ткань. Правда хотя греческою ученостью некоторые превосходили его, но по гибкости ума, по оборотливости языка и знанию церковных догматов, все перед ним казались детьми. Обманувшись в своих надеждах и на этот раз, царь избрал другой путь. Схватив Векка и с ним почти всю родню, он бросает их в ужаснейшие темницы. После того царю пришло на мысль, что лет 25 тому назад, в царствование Иоанна Дуки, был латинянами поднят такой же вопрос, и что живший в то время Никифор Влеммид, человек ученый и знаток св. Писания, начал было на досуге собирать свидетельства св. книг, по-видимому, подкрепляющие латинское учение, и писать на эту тему. Правда, он писал тайно, потому что большею частью не разделяли его мнения, но все же писал. Нашедши то, что было написано им, царь посылает Векку. Тот, прочитав написанное со всею внимательностью, потребовал творений св. отцов, из которых Влеммид приводил свидетельства. Получив их от царя, он охотно принял на себя труд — внимательно прочитать их, разобрать и проверить. Таким образом в непродолжительное время он набрал такую вереницу свидетельств, что из них могли соста- {123} виться целые книги. И вот тот, кто прежде был обоюдоострым мечом против латинян, теперь, обратившись в противную сторону, им же доставляет победу. Потому-то он взошел и на патриаршеский престол, и, стал для царя всем — и языком, и рукою, и тростью скорописца. Он говорил, писал, излагал догматы. Сотрудниками и помощниками у него были придворные архидиаконы, Мелитиниот и Метохит,

¹ *Хартофилакс* — хранитель патриаршей печати, которую носил на груди. Под ним был *ипомниматограф*, который заведывал печатью во время болезни или отсутствия хартофилакса. Хартофилаксы заведывали церковным архивом, были судьями во всех церковных делах, разбирали дела брачные, защищали клириков и вообще были правою рукою архиерея. Было впрочем два хартофилакса. Один заведывал, как сказано, архивом; другой смотрел за экономией и вел прихода-расходные книги. Meursius.

и еще Георгий Кипрянин. Однакож с папистами никто не служил, ни сам патриарх, ни другой кто; однажды только некоторые из Фрериев ² получили позволение отслужить литургию во Влахернском храме, для рукоположения кого-то из своих. Но обратимся к тому, о чем предположили сказать.

3. У царя была сестра, по имени Евлогия, у которой было много дочерей; одну из них Анну она выдала замуж за Никифора, владетеля Этолии, другую, Марию, за Константина, владетеля Загоры ³, когда прежние жены их умерли. Что эти последние были между собою сестры и дочери царя Феодора Ласкаря, об этом мы сказали прежде. Между тем в эти времена входит в силу один болгарин, пастушеского рода, но человек хитрый и чрез- {124} вычайно изобретательный, по имени Лахана. Привлекши к себе множество людей простых и буйных, он проводил разбойническую жизнь, чрез что в короткое время составил большое богатство и значительное войско. Его частые набеги и убытки, которые он причинял, вывели Константина из терпения, и он решил, собрав свои войска, выйти на него и поразить его во что бы то ни стало. Он находил унижением для себя, чтобы человек ничего незначущий, в короткое время собрав большое войско, не только причинял часто большие бедствия болгарам, но грозил большою опасностью и всему их царству. Приготовившись, он выступает; но проигрывает сражение и лишается не только царства, а и самой жизни. Лахана же, сверх всякого чаянья, делается не только обладателем царства, но и вторым супругом жены Константина. С окончанием зимы и наступлением весны, он подумывал отправиться на пограничные римские села и городки, чтобы, ослабив их, самому сделаться сильнее. Весть об этом царь принял не так, чтобы не обратить на нее внимания и отнестись к ней с презрением; нет, он сильно озабочился ею и встревожился. Он боялся не только за настоящее время, но и за будущее, предвидя завоевательные замыслы Лаханы, и говорил: «мало по малу он войдет в такую большую силу, что и самим римлянам будет трудно его одолеть. Тем, которые, хотят жить спокойно, должно предупреж- {125} дать и предотвращать опасности; должно теперь же с корнем вырвать растение, только что начинающее расти, а не медлить мщением за злые дела, и не дожидаться, пока оно будет соединено с опасностью, если можно отомстить теперь же без всякой опасности. Мы выше сказали, что потомок Асана, Миц, проживавший около Трои по указанным причинам, там и умер. Он оставил по себе сына, Иоанна Асана. Его-то призывает теперь царь, как имеющего на болгарский престол полное право, по преемству от предков, и, женив его на своей дочери Ирине, посылает его с большим войском для освобождения болгарского царства от тирании Лаханы, и вместе для получения болгарского скипетра, принадлежащего ему, как законному наследнику. Между тем Лахана, отправившийся тогда в Скифию в видах упрочения своей власти, по тайным проискам царя, платится там за свои дела своею кровью. А Асан без всякого труда получает царство, потому что болгаре принимают его охотно. Затем изгоняется оттуда и Мария, племянница царя по сестре, с сыном Михаилом, родившимся от Константина, и является в Константинополь. Но за большими радостями обыкновенно следуют большие горести, которые точно какие-нибудь вражеские мечи нарушают покой; не обошлось без того и здесь. Был в то время между болгарами некто человек благородный, весьма умный и известный между соотечественниками {126} своею ловкостью в делах, по имени, Тертер. Асан, желая его приблизить к себе и вместе упрочить за собою безопасность, выдал за него свою сестру, а первую его супругу удалил и отослал вместе с детьми в Никею. Затем почтил его и достоинством деспота. Но тот недолго оставался верен тому, кто удостоил его такого расположения. Познакомившись с величайшею простотою и недалекостью Асана, он в короткое время сумел привлечь к себе умы всего войска и немалое число знатных лиц. Он намеревался уже умертвить Асана, чтобы сделаться обладателем царства. Но Асан, узнав об этом, убегает с своею женою к своему тестю царю и, тайно забрав с собою все, что было лучшего между сокровищами Болгарии, является в Византию, где и проводит остальное время жизни. А Тертер, не встречая себе ни в ком сопротивления, берет в свои руки власть над царством болгарским. Так-то.

4. Я слыхал от многих древних мудрецов, что гораздо труднее вести себя умеренно и благоразумно в счастии, чем в несчастьи; а теперь знаю это по опыту, и удивляюсь. Вот,

² См. Хониат. Т. I, стр. 369.

³ Болгарии. Почему владетели Болгарии назывались владетелями Загоры, об этом, смотр. Leunclav. in Pandect. Turc. n. 33 et in Onomastico, Ducang. in serie reg. Bulg. n. 17.— Загория — область около Девельта во Фракии (Hofm. lexic.).

например, генуэзцы, жившие насупротив Византии, отуманившись выгодами свободной от пошлин торговли и забывшись, начали посматривать на римлян свысока и выражать им презрение, как людям, более слабым. Однажды один из генуэзцев затеял с римлянином спор о нескольких {127} овощах и, находя, что мечом скорее можно порешить дело, чем языком, в одну минуту лишил человека жизни. Услышав об этом деле, царь посмотрел на него не как на простое убийство одного человека, но вспыл и взволновался так, как бы разрушен был целый город и было оскорблено царское величество. Тотчас же он окружил войсками все дома генуэзцев, ибо у них не было еще стен и такого города, который мог бы во всякое время, противостоять столице. Быть может, их решительно всех постигла бы тогда гибель, если бы, приняв на себя жалостный вид и наложив сами на себя пенью, не позаботились они нимало не медля припасть к ногам царя, с мольбами о прощении. Это было для них первым уроком заботливости о подданных и решительности царя. А вот и второй урок, поважнее: некоторые; из их племени построили две трииры, чтобы заниматься морским разбоем, и, тайно прошедши византийский пролив, вышли было в Евксинский Понт, не отдав царю чести по принятому обычаю. Царь нашел нужным не оставить и этот поступок без наказания. Взяв значительное число триир и один большой корабль, он становится у замка Иера ¹ (это место называется Устьем Понта, где по словам {128} греков, были некогда Кианеи ² и Плаикты) в ожидании появления пиратов, чтоб эти дерзкие и негодные люди не ускользнули невредимо. Это не утаилось от них, и для своего спасенья они придумали такое средство. Все свое богатство, добытое разбоем, они складывают как будто купеческий товар на огромный корабль, снабжают его всевозможными орудиями обороны и выжидают времени, когда сильнее начнут дуть северные ветры, чтобы, снявшись с якорей, пуститься в море и, силою открыв себе дорогу между теми, которые сторожили их в устье, благополучно совершить плаванье. В скором времени сверху понесся сильный борея, и на море вдалеке показался пиратский корабль, окаймленный множеством вооруженных людей, словно город, скользящий по волнам, или лучше птица, летящая над волнами. Царские трииры стояли уже наготове. Впрочем как он, так и большой корабль, подняв реи, еще не распускал парусов, а стоял спокойно. Когда же неприятельский корабль приблизился, то и царский распустил свои паруса и начал тревожить тот то с боков, то с кормы, преследуя упорно, бросаясь и будучи отбрасываем, и производя сражение, так сказать, на воздухе и на лету. Легко было заметить на одном и том же месте битвы разнообразные виды сражавшихся между собою воинов. Одни с палуб повер- {129} гали стоявших на палубах; другие с деревянных башен поражали стоявших на деревянных башнях; третьи с высоты самых верхних парусов стреляли в находившихся на такой же высоте. С той и другой стороны бросали булыжник и стрелы; когда же очень близко подходили друг к другу, то брались за секиры и другое оружие. А трииры, плывшие не в очень близком расстоянии, употребляли в дело только стрелы, которыми можно попадать в цель издалека. Таким образом большую часть дня и та и другая сторона крепко боролась, подвигаясь от устья проливом. Сначала перевес, казалось, был на стороне латинян; но потом ветер встретил себе препятствие в парусах царского корабля, который непрерывно и ровно плыл вперед, поддуваемый с кормы и с боку, и стал дуть в паруса неприятельские тише, сообщая неприятельскому кораблю движение не очень сильное и равномерное. А что еще больше послужило к несчастью латинян, так это то, что один из них, который был отважнее других, бросившись на корабль римский, рассек на нем острою секирою самые важные канаты. От этого мачта, упав на самую средину латинского корабля, в одно мгновение сделала большое число воинов неспособными к сраженью. После этого уже и трииры бесстрашно окружили корабль, и на близком расстоянии стали поражать его сильнее. Вот уже один римлянин впрыгнул и внутрь неприятельского корабля, {130} за ним другой, за другим третий, четвертый и т. д., пока не овладели кораблем окончательно, после чего вывели оттуда тех из неприятелей, которые были еще живы, — одних ранеными, а других связанными. Это был второй урок заботливости царя о подданных и решительности. Он привел латинян в величайший страх и заставил на долгое время отложить дерзость, бросить неуместную спесь и вести себя скромнее.

¹ Замок, находящийся в развалинах на азиатском берегу по ту сторону Босфора, неподалеку от устья Евксинского Понта, говорит Леунклявий (in Onomastico priore Turcico). Ap. Ducang. vid. not. ad Alexiad. p. 361.

² Острова у устья Евксинского Понта (Hofm. lexic.).

5. Теперь я возвращаюсь к прерванному рассказу. Султан Азатин, хотя и убежал, как сказано, из города Эна вместе с своим сыном Меликом и перебрался за Истр, но его желанию не суждено было исполниться; тому неожиданно помешала его смерть. Мелик же, прожив там некоторое время, как пришлец, которому жить там было не слишком приятно, пробрался чрез Понт к скифам в Азию и, нашедши случай, потребовал себе власти над турками, как отцовского наследства. И одни из сатрапов согласились признать его своим властелином, а другие медлили. Некто же, по имени Амурий, собрав не малое, но большое число разбойнического люда, открыл против него войну и, обратив его в решительное бегство, преследовал до самого моря. Мелик спасся бегством в понтийской Ираклии. С наступлением же весны он решился отправиться к царю, проживавшему у Нимфея. Однакож, и отправившись, он не явился туда, но поворотил на другую {131} дорогу и опять явился к туркам, с требованием отцовской власти. Затем в скором времени и он умер, будучи тайно убит заговорщиками. Когда турецкое царство так растлело и его дела из счастливого и блестящего положения дошли до крайней неурядицы; то не только сатрапы и люди, отличавшиеся родом и заслугами, раздробили между собою царство на множество участков, но еще многие из людей незнатных и неизвестных, окружив себя всяким сбродом, взялись за разбой, не имея при себе ничего, кроме лука и колчана. Укрываясь в разных ущельях, они часто производили неожиданные набеги и сильно тревожили пограничные римские села и города. Случилось же так, что незадолго пред тем стража, стоявшая в расположенных на горах замках, оставила их, не получая ежегодного жалованья из царской казны. Сначала это казалось делом нестоющим внимания, а после сделалось для римлян причиною бедствий и принесло большие несчастья. Турки, наделавшие у себя множество сатрапий, будучи преследуемы скифами, в свою очередь преследовали римлян. И чем слабее становились сравнительно с скифами, тем мужественнее делались пред римлянами, так что нападение скифов было для них причиною не несчастья, а напротив большого благополучия. Много раз они разливались из Пафлагонии и Памфилии и опустошали римскую землю. Битвы происходили постоянно; но одна из них была особенно {132} жестока и послужила для римлян началом всевозможных бед. Когда турки собрали около Пафлагонии большие войска, царь решился послать туда большую и соответственную силу, чтобы их быстрому движению, по возможности, дать отпор и чтобы они, как бы разметав ворота, не разлились потом с полным бесстрашием и по остальной стране. Итак, он послал туда достаточное количество войска, но военачальники своим неблагоразумием сгубили его. Турки, намереваясь на следующий день дать сраженье, провели всю ночь без сна и еще до рассвета разместили немалое число засад на восточном берегу ближайшей реки. Потом перешли реку и выстроились. Когда же настало время, вступили в бой. Сначала они едва было выдержали напор римлян, однакож оправились и устояли, ведя битву не однообразно, но по своему обычаю — на разные лады. Они то прикидываются бегущими, то живо оборачиваются назад, и так — постоянно, чтобы спутать строй неприятельских войск сбить их с надлежащей точки опоры, а потом, напав на расстроенные ряды, уже легко обратить их в бегство. Впрочем эти обычные их приемы не удались, потому что римляне были прекрасно защищены и вооружены. Потеряв очень многих из своего войска, они бросились без оглядки к реке. Римское войско преследовало их (о! если бы этого не было!) неотступно, хотя более рассудительные военачальники, не переставая, кричали и оста- {133} навливали преследовавших, находя бегство врагов подозрительным и умышленным. Но, верно, этому сраженью надлежало сделаться началом дальнейших поражений римлян, по воле Промысла, в меру наказывающего за бесчисленные согрешенья. Римляне, переправившись чрез реку, и там преследовали турков, которые, переправившись, побежали медленнее, — пока неожиданно и сверх всякого чаянья не попали на засады и пока, изнуренные преследованием и зноем, не натолкнулись на людей бодрых и с свежими силами. Здесь, быв окружены с одной стороны тысячами войска, а с другой рекою, исключая немногих, все они были изрублены, не будучи в состоянии сделать что-нибудь достойное рассказа и упоминания. С сих пор точно отворились ворота, и неприятели, не встречая нигде препятствия или сопротивления, начали сплошь опустошать и жечь римскую землю, пока не спустились до реки Сангария. Царь, видя себя в таком отчаянном положении, укрепил реку Сангарий частыми крепостями, чтобы, перешедши и ее, не завладели они и Вифиниею. Отвлекать же другие римские войска от их занятий нашел неудобным. Войска фракийские были заняты битвами с болгарами, — македонские сдерживали

движения в Фессалии и Иллирии, находившиеся в нижней Азии (которая граничит с Фригиею и Ликиею и омывается водами Меандра) имели назначение давать отпор разбойническим нападениям там и сям бро-^{134}дивших турков. Уничтожить же флот и высадить морское войско на сушу казалось ему делом самым безрассудным; тогда бы немедленно нарушилась тишина и на море, и настали бы бури и непогоды страшнее тех, которые были в Азии. Поэтому царь приказывает каждому войску оставаться на своем месте для отражения неприятелей, предпочитая верное обеспечение того, что было в настоящем, успеху опасного предприятия в неверном будущем. После того как варвары безбоязненно засели в наших горных замках в Азии и всю отнятую землю разделили на сатрапии, их владычество распространилось от моря Понтийского и Галатийского до моря находящегося около Ликии и Карики и до реки Евримедонта. Кто будет в силах составить слово, более обширное, чем Илиада, для достойного повествования о тех бедствиях, которые они наносили римлянам постоянно, днем и ночью, так что чем более ослабевали римляне, тем более усиливались варвары! Все представить вкратке и как бы в оглавлении было бы делом, превышающим силу мысли и языка; да в таком случае отнюдь не почувствовалось бы то, что достойно слез. А обо всем рассказывать обстоятельно не возможно ни нам, ни другому кому, у кого есть нежное и чувствительное сердце; потому что тогда пришлось бы постоянно обливаться слезами, и другому показалось бы, что мы не историю пишем, а тянем жалобную песню. Итак, мы будем не ^{135} обо всем рассказывать, как не все и опускать, но отделяя из многого немного, и то кстати и к случаю. Во время первого своего нашествия, варвары, захватив несчетное множество мужчин и женщин со всем, что носят на себе отлично вооруженные люди, поделили их между собою, как добычу. В этой добыче находились между прочим две сестры, молодые девицы. Видя, что должны будут расстаться, так как достались не одному господину, они стали одна против другой и зарыдали так, как едва ли рыдали троянская Экава, вечно плачущая Ниова и все те, о которых рассказывают нам трагические писатели. Они с горечью били себя в грудь, ногтями открывали на себе струи крови, в отчаянии издавали раздирающие душу вопли, наконец, крепко обнявшись, от глубокого горя тотчас умерли, как будто сама природа не хотела допустить, чтобы их тела разлучились прежде душ. Около этого времени сын царя, Андроник, отправившись по отцовскому приказанию, восстановил город, с давних пор находившийся в развалинах по ту сторону реки Меандра, так называемый Траллы, чтобы он был на будущее время обороною ближайших мест, в случае набега неприятелей. Но не прошло еще четырех лет, после его возобновления, как турки окружили его и продолжительною осадой довели находившихся внутри его до того, что они, несмотря на свое число, простиравшееся до двадцати тысяч, что-^{136}бы не умереть от жажды и голода, сдались неприятелям. Отведенные в плен, они завидовали участи умерших, которые однажды навсегда освободились от рабства и тяжких трудов. Но вот чего я едва не опустил. Когда возобновляли город, нашли камень, с давних пор зарытый там; на нем было написано такое предсказание: «красота города Тралл со временем померкнет; от него впоследствии останется самая незначительная часть, которой притом будет угрожать народ, не имеющий правителя, но никогда он не будет взят; будет же восстановлен одним могущественным мужем, которого имя происходить от победы: он со славою проживет восемь девятирц солнечных кругов, и в течении трех седмериц возвеличит город Аттала, которому подчинятся западные города и пред которым преклонятся по-детски непреклонные». Многие находили, что это предсказание не древнего, а позднейшего происхождения. Но были и такие, которые считали его подлинным и истинным, и потому предсказывали царю многие лета; они не ограничивались одною восмеричною девятирицею, которая составляет семьдесят два года, но к ней прибавляли еще три седмерицы, так что всего выходило девяносто три года. Но так как вообще предсказания трудно понимать, потому что они темны и допускают много толкований и догадок, до самого своего исполнения; то и это предсказание удерживало в заблуждении многих и ^{137} самого царя Андроника до самой его кончины, о чем будет сказано. После же его смерти предсказание объяснилось само собою. Семьдесят два года жизни царь Андроник прожил на царском престоле, да еще в монастыре около двух лет. А слова — «в течение трех седмериц» относили к тому, что истекло уже двадцать первый год с тех пор, как он восстановил и украсил город. Первым основателем города был некто Аттал, знатный выходец из Трои, построивший его в память этой древней Трои, после того как она была взята. Если разложить название — Траллы, то выйдет Трoia

α'; ἄλλη, т. е. другая Троя. Но о жизни и кончине царя Андроника скажем обстоятельно после, в своем месте. А теперь с своим повествованием возвращаемся на прежнюю дорогу.

6. Мы сказали выше, что король Италии, Карл, был человек способный на великие дела, необычайно изобретательный и находчивый как в составлении планов, так и в их выполнении. Но у него был соперник еще более сильный — царь, который, можно сказать, стоял на более возвышенном месте. Отсюда ни этот не позволял тому выполнить замыслы против римлян, ни тот не позволял царю выполнить замыслы против латинян. Долгое время силы их оставались в равновесии, так что об этих мудрейших людях с одинаковым расположением как к тому, так и к другому начали говорить: {138} если бы тогда римским государством не управлял такой царь, то оно легко подпало бы под власть короля Италии, Карла, и опять: если бы тогда делами итальянцев не заведывал такой король, то государство итальянское в свою очередь легко подпало бы под власть царя. А я только дивлюсь неисследимому Промыслу Божию, который даже крайности сводит к одному концу. Когда Он хочет, чтобы обе враждующие державы оставались независимыми и чтобы одна не усиливалась насчет другой; то равно промышляет о той и о другой. Для этого Он или находит и поставляет над ними правителей мудрых и ревностных, чтобы их порывы, взаимно встречаясь, сдерживались и теряли свою силу, и чтобы таким образом сохранялось спокойствие как там, так и здесь. Или же — обоих правителей недалеких по уму и слабым, чтобы ни один из них не мог восстать на другого, ни перейти за положенную черту, либо смешать старинные границы владений. Таким образом из двух крайностей Он созидает одно — безопасность. Вот и здесь: Карл во все время своей жизни постоянно строил замыслы и завоевательные планы против римлян, но постоянно оставался без успеха, встречая себе отпор в мудрых распоряжениях и мерах царя. Я в свое время обстоятельно рассказывал о других делах Карла, а теперь намерен рассказать о последнем. Карл постоянно томился замыслом против царя и только ждал слу- {139} чая привести его в исполнение. И вот, увидав, что здесь против царя восстал правитель Фессалии, Иоанн Севастократор, а там поднялись иллирийцы, нашел это время самым удобным для нападения с суши и с моря на римское государство, подвергшееся таким смутам, и для осуществления своей давней мечты. Он собирает большие морские силы, еще больше собирает сухопутного войска, над которым поставляет начальником человека храброго, по имени Росонсула. Тот берет сухопутные войска и переправляется через Ионийское море, рассчитывая на верное, что, взяв крепость Белград и важнейшие крепости в Македонии, он потом безнаказанно пройдет до самой Византии, и что, конечно, не найдется никого, кто бы, встретившись с таким огромным и так надежно вооруженным войском, благополучно отделался от него. Узнав об этом, царь не думал медлить, но решил употребить в дело и оружие, и деньги, и все меры, какие могла внушить ему его мудрость. Отсюда можно видеть, насколько сильнее мудрость оружия, и находчивость мириад войска. Сперва он употребил в дело огромные деньги, при посредстве которых вооружил против Карла сицилийского короля, Фридриха, чтобы по крайней мере помешать отплытию морских сил Карла и озаботить его делами под рукою, вместо дел вдали. Царь находил эту меру чрезвычайно важною и больше всего рассчитывал {140} на нее. Итак находчивость царя изменила назначение морских сил Карла, возбудив вблизи их войну. После того, объявив, чтобы совершались молебствия по всем церквам, он посылает находившееся тогда у римлян войско против Росонсула. Впрочем хотя оно и отправилось в поход, но царь не находил удобным и совершенно безопасным вести открытую войну против неприятелей, — потому что они были весьма многочисленны, надежно вооружены и прекрасно защищены, — но решил засадами, нечаянными нападениями и стрельбой издали раздражать гордость и спесь их, чтобы вызвать с их стороны нестройное движение. У итальянцев испокон века так ведется: если они вступают в битву в порядке, то представляют из себя крепкую и несокрушимую стену; если же хотя немного нарушат обычный строй, то неприятели без всякого труда забирают и уводят их в плен. И не раз врожденная спесь и глупая гордость сильно вредили им, когда они не своевременно выходили из себя. Зная об этом издавна, римское войско прибегало к разным хитростям и уловкам: оно то из засад нападало на лошаков подвозивших хлеб и забирало находившееся при них продовольствие; то с возвышенностей стреляло в неприятелей выходивших за водой. Перенести немедленно свой лагерь из-под Белграда в более безопасное место, Росонсул находил унижением для своей гордости и {141} крайне постыдным для

себя — «долго биться и ничего не добиться». Раздраженный, он выходит с небольшим числом войска против тех, которые стреляли в черпавших воду. Наши, увидев это, спустились вниз, отважно окружили неприятелей, положили стрелами на месте их лошадей, а самих их всех отвели живыми в римский лагерь. Это привело латинян в крайнее смятение и тревогу, а римлян побудило немедленно же воспользоваться их замешательством и напасть на них. Таким образом римляне легко и без больших трудов восторжествовали над латинянами, и сверх всякого чаянья одержали над ними блистательнейшую победу. Таким образом Карл был побежден царем вместо одной легкой и удобной войны, затеянной им на суше и на море, он сверх чаянья нашелся вынужденным вести две; одно войско, перебравшееся за Ионийское море, он потерял решительно все, а другое, сражавшееся с сицилийцами, хотя потерял не все, зато лишился сына. Глубоко поражали его сердце стрелы скорби; горе делало для него самую жизнь в тягость. Спустя немного времени он умер, не будучи в силах далее выносить столько ничем не вознаградимых потерь.

7. Но чего я едва было не опустил, — Иоанн ¹, внук упомянутого Алексея, завладевшего {142} по взятии Константинополя, землею колхов и лазов, получив от царя письменную клятву, прибыл в столицу и женился на дочери царя Евдокии. Погостив немного времени в столице, он вместе с своей супругой Евдокией возвратился в свое царство, которого столицей был Трапезунт. Здесь, — не прошло еще года, — родился у него от Евдокии сын, младший Алексей Комнин; он впоследствии и сделался преемником своего отца, о чем будет сказано. Во время такого положения дел, правитель Фессалии, Иоанн Севастократор, снова начал нарушать условия. Это и огорчило и сильно раздражило царя; потому что наконец угасла и умерла в нем всякая надежда на соблюдение дружественных отношений к Иоанну. Да и можно ли было царю питать еще какую-либо надежду, когда условия с Иоанном постоянно то нарушались им, то возобновлялись, — и в первом случае чрезвычайно скоро и легко, а в последнем не вдруг и с большими усилиями? Поэтому он, не желая и думать о каких-либо новых условиях, отправил послов к скифу Ноге, который имел местопребывание по ту сторону Истра. У него с царем вследствие родственных связей была крепкая дружба. Незадолго пред тем он вступил в брак с побочной дочерью царя, Ириной; потому-то и был в дружбе с царем. Получив от него четыре тысячи отборных скифов и прибавив к ним некоторую часть римского войска, царь хотел было послать их {143} против фессалийца севастократора Иоанна с тем, чтоб и погубить его самого и истребить все молодое поколение, на которое смело можно было положиться во время войны и которое составляло цвет фессалийского населения. Но прежде чем он успел выполнить свое намеренье, внезапно его постигла смерть и помешала успеху его планов. В то время, когда он находился неподалеку от Лисимахии, у села лежащего между Пахонием и Аллагою (это — название местностей) и там производил смотр скифскому войску и когда, поставив над ним из римлян вождей, давал им приказанья о том, что следовало делать, — в это самое время он почувствовал сильнейшую болезнь в сердце, которая предвещала скорую смерть, совершенно сбивала с толку и путала врачей и уничтожала все пособия их искусства. Страшась смерти, он, говорят, спросил бывших при нем, как называется эта местность, и, услышав названья Пахомия и Аллагы, с глубоким вздохом сказал: «ну, друзья, наступил для меня последний конец; приходится расстаться с жизнью». При этом, говорят, много упрекал себя за то, что некогда лишил зрения одного почтенного мужа Пахомия, потому только, что в народе ходил такой оракул о царе: «под конец жизни примет тебя Пахомий». Введенный тем в заблужденье и ревниво любя царскую власть, он поспешил лишить Пахомия возможности царствовать. Может быть, кто-нибудь недоумевает, {144} откуда берутся и как появляются оракулы, которые ходят между людьми, а также почему они, непременно заключая в себе указанье на будущее, изображают его в чертах, чрезвычайно загадочных. Кто был их составителем и кто передал их последующему времени, об этом мы не находим ничего ни у историков, ни у других писателей. Все они замечают только, что в то или другое время, тот или другой оракул ходил в народе и впоследствии оправдался тем или другим событием. А кому обязан своим происхождением каждый из них, этого решительно никто не может сказать и объяснить, если только не захочет солгать. По мнению некоторых, какие-то служебные силы, одни добрые, другие напротив злые, обтекают воздух и землю, присматриваясь к тому, что

---

¹ Он первый из дуксов или правителей трапезунтских назвал себя императором. Ducang.

происходит здесь, и, получив свыше знание о будущих событиях, передают его людям, то в сновиденьях, то при помощи звезд, то с какого-нибудь делфийского треножника, то при посредстве внутренностей жертвенных животных, а иногда,— чтоб не распространяться много, — посредством голоса, сначала неопределенно раздающегося в воздухе, а потом раздельно в ушах каждого; этот-то голос древние мудрецы и называли божественным. Часто случалось также, что на скалах или стенах находили письма, без всякого указания на того, кто их написал. Но все оракулы даются не иначе, как загадочно и не совсем ясно, чтобы, подобно {145} царским украшениям, оставались священными и недоступными для толпы. Известно: к чему открыт доступ всякому, то мало ценят и уважают. Нельзя однакож сказать, чтоб польза от оракулов была совершенно пустая и ничтожная, если рассматривать их не поверхностно, а с должным вниманьем. Для одних они служат наказаньем, для других благодеянием. По поводу их, одни, заранее предусмотрев и приняв умные меры, или смягчали грозившие им бедствия или даже совсем отклоняли их от себя, умилившись Бога исправленьем своей жизни. Но для людей малодушных ожиданье грядущих бедствий становится сущим наказаньем. Они заранее страдают от того, от чего должны еще пострадать, и это по устроенью Промысла, чтобы сильнее наказать их за то, в чем они согрешили. Если же некоторые оракулы и оказываются ложными, и полагающиеся на них обманываются (их содержание для одних бывает тягостно, для других приятно; так разрушенье Крезова царства лидян и Креза повергло в скорбь, а Кира и персов обрадовало), если, говорю, они, по-видимому, лгут, то это происходит не от свойства самих оракулов, а от того, что нетерпеливые люди, не соблюдая хладнокровия и не дожидаясь времени, забегают слишком вперед и объясняют те или другие изречения в свою пользу. Но нужно смотреть, чтобы не было людей издевающихся над теми, которые пользуются {146} оракулами, сочиняющих свои стихи по образцу оракулов и потом тайком распространяющих их в народе, чтобы лживостью последних подорвать доверие и к первым. А это позволяли себе многие, как известно, и в наше время. Но я возвращаюсь к рассказу. В том месте, о котором мы сказали, царь сверх всякого чаянья скончался, в 6691 (1283) году от создания мира, на пятьдесят восьмом году от рожденья. Присутствовавший здесь его сын, царь Андроник, не только не почтил своего отца приличным царю погребеньем, но не удостоил и того, какое предоставляют ремесленникам или земледельцам. Он только приказал, чтобы несколько человек, отнеся тело ночью подальше от лагеря, зарыли его глубже в землю¹; он позаботился только, чтобы тело царя не досталось на растерзанье зверям. Тому причиной было уклоненье Михаила от учения православной Церкви, которое, как мы выше сказали, он допустил в своей жизни. Между тем сын тайно гнушался этого всей душой, как после скажем обстоятельнее. Он впрочем питал такое отвраще- {147} ние не к отцу, а к поступку отца, и сыновнею преданностью, почтением и должным уваженьем к отцу превзошел всех сыновей, которые когда-либо заслужили отцовскую любовь к себе. Такой-то конец постиг царя Михаила Палеолога. С природною красотою лица он соединял в себе сановитость и повелительный вид, крепость телосложения и опытность в воинских делах, приобретенную в течение долгого времени. Будучи необыкновенно силен умом и словом, он в то же время был необыкновенно скор на деле. В начале царствования он отличался особенно щедростью, для того, думаю, чтобы снискать себе расположение подданных. Впоследствии же сделался бережливее, так как всюду вспыхивавшие войны неотступно и со всею настойчивостью требовали огромных издержек. Совесть, как говорят некоторые, постоянно нарушала его покой и тревожила его душу за нововведение в вере, на которое он решился, чтоб только передать своим детям престол,— тем детям, которые, как и следовало, отказали ему даже в почестях царского погребения, предпочитая законоположения Церкви любви к отцу. По моему мнению, тот умно и рассудительно ведет свои дела, кто имеет в виду прежде всего свою душу, а потом уже детей и родных. А кто гоняется лишь за надмевающей мирской славой и за счастьем, доставляемым вещами минутными и изменчивыми, в которых погрязает душа, {148} кто предпочитает

¹ То же самое и в тех же словах передает Франц. Пахимер пишет, что тело Михаила ночью было его родственниками перенесено в соседний новый монастырь. Тела отлученных от Церкви обыкновенно бросали на полях без погребенья, набросав на них земли, чтобы не страдало обоняние и не возмущалась душа при виде ужасного зрелища (Vid. Glossar. m. graecit. in *emblocare* et in *Addit.*). Михаил впрочем явно не был отлучен от Церкви за единение с латинянами, как был отлучен прежде за ослепление дитяти Ласкаря. Ducang.

приятное полезному, для себя ли самого или для своих кровных родственников; тот мне кажется и жалким по своему глупому рассуждению, и суетным по своим бесплодным хлопотам. Он не только не получает от Бога содействия своим желаньям и планам, а еще встречается в действительности то, что совершенно противоположно его надеждам, и низвергается в бездну злополучия. Вот и царь Михаил Палеолог, о котором теперь идет речь, во всем прочем человек благоразумный, которому как бы постоянно сопутствовала благосклонная судьба, не устоял однакож против любви к детям и подтвердил собою справедливость слов Платона: «все любящее бывает слепо в отношении к любимому». Следовало всю заботу о себе и детях возложить на божественный Промысл, всем движущий и всем управляющий; а он, ослепленный любовью к детям, шел себе вперед, пока не упал с высоты своего величия в пропасть бедствий и пока не навлек на себя проклятий от народа. Господь еще в детстве его предопределил ему царствовать, на что было много разных указаний. Поэтому если бы он хотя на короткое время сдержал в себе нетерпеливость, если бы соблюл свой язык от клятвопреступления, а руки от крови, если бы наконец не решился на нововведение в Церкви; то, без сомнения, далеко оставил бы за собою всех своих царственных предшественников во всем, за что превоз- {149} носят похвалами. Но верно нужно было сшить сапоги Истиею, а носить Аристагору ², чтоб мы испытали крайние бедствия за старые ли и новые грехи, или уже не знаю за что. Так-то.

КНИГА ШЕСТАЯ.

1. Когда верховная власть и царский скипетр перешли к сыну Михаила, Андронику, во многих местах государства явились большие смуты. Здесь начали войну против Церкви ее отсеченные члены, находя к тому повод в смерти царя. Там толпы скифов, в числе четырех тысяч, заставляли сильно бояться, чтобы, лишившись ожидаемых выгод с смертью пригласившего их царя и с переменою обстоятельств, не произвели они каких беспорядков в государстве. А им было бы очень легко, если бы только захотели, между римлянами произвести большое убийство и, захватив царскую казну вместе с царем и сенатом, спокойно удалиться, потому что у римлян вовсе не было войска. Поэтому, отложив в сторону и миновав многое, царь все свои заботы сосредоточил на том, что было нужнее всего. Он видел, что отправить скифов домой с пустыми руками нельзя, — не к тому привыкли скифы, да и он не думал, что {150} они удалятся без буйства и без боя. Между тем нагрузить их римскими деньгами считал делом и неудобным и противным совести. Поэтому он отдал их под начальство великого коноставла Михаила Главы, человека столь выдававшегося воинскою опытностью, что сравнительно с ним тогдашние военачальники казались детьми, и приказал им отправиться, как можно скорее, против триваллов, которые также всегда были величайшими врагами римлян, и то и дело — опустошали римскую землю. Это — для того, чтоб скифы и триваллов ослабили, и сами, нагрузившись здесь богатою добычею, удалились потом домой, за Истр. Как он хотел, так и сделалось. Но царю необходимо было, явившись в столицу, объявить о смерти своего отца-царя своей матери-государыне и наложить на народ обычный по царям траур. Тело царя он приказал перенести в город Силиврию, из опасения, чтобы его не похитили латиняне; а сам возвратился в Византию. По окончании траура он занялся важнейшим и первым делом — умиротворением Церкви. При жизни отца заботу о Церкви он скрывал в душе, подобно тучной земле, скрывающей во время зимы плодовые семена. Но вот наступила весна, и он обнаружил то, что скрывал в себе. Всюду разосланы были гонцы с царскими указами, которыми объявлялось исправление беспорядков, допущенных в Церкви, возвращение всех, за ревность свою о Церкви подвергшихся {151} ссылке, и помилование испытавшим другое какое-либо бедствие. При этом Векк оставил тайно престол и заключился в обители Парахранта; он боялся, чтобы кто-нибудь, пользуясь нечаянной переменою обстоятельств, не сделал на него внезапного нападения и не растерзал его. На его место тотчас же возведен был еще прежде Векка удалившийся с престола патриарх

---

² Поговорка, о которой упоминает Diogenian. Cent. 8, n. 49. Ducang.

Иосиф, изнуренный болезнями и старостью и уже явно склонявшийся во гроб. Но так как, по словам св. Писания, миродержец века сего есть диавол, так как, по непостижимому попущению Создателя Бога, он поставлен князем этого подлунного мира; то, разумеется, он неотступно следит за всем, что делается здесь, и то, что полно зла, берет себе все без остатка, а что прекрасно, из того выделяет себе некоторую часть, подобно тому, как люди, получив в удел страну, облагают потом ее жителей податью и ежегодно получают с них определенную дань. После этого так называемый князь мира считает крайнею для себя обидою, если не делается самодержавным распорядителем в одних делах и, хотя в некоторой степени, участником в других,— разумею дела, совершающиеся на земле. Чтобы много не распространяться, мы оставляем как другие примеры, так и пример иудеев, с яростью напавших на Христа Спасителя. Не только они сделались его достоянием; с самих учеников Спасителя — Апостолов он взял как бы оброк, {152} похитив из среды их одного. Затем он обходил все звания, приступал к подвизающимся в горах и пещерах, к епископам, к мудрым защитникам догматов и к борцам — мученикам. Повсюду отражаемый, при содействии вышней божественной силы, он не удалялся однако, не добившись своей доли, но повсюду набирал разнородный народ и как бы какое войско, чтобы было с кем разделить будущий пламень. Вот и теперь, так как не мог он отклонить царя от доброго намеренья, то другим способом производит замешательство; прекрасное единомыслие разбивает волнами раздора; праздник делает непраздничным и торжество неторжественным; он подражает Ериде, бросившей на свадьбе Фетиды и Пилея то яблоко, которое впоследствии родило много битв и подняло сильный пламень войн, как передают сочинители мифов, поэты. Или лучше, он подражает волкам, которые, произведши в стаде смятение, легко потом уже похищают ту, либо другую овцу. Он дело устривает так, что они разделяются на две и даже на три части; одна берет сторону патриарха Иосифа, другая — давно умершего Арсения. Эта говорила, что Иосиф был отлучен Арсением за то, что при его жизни занял престол; а та утверждала, что Арсений был низложен законно всем собором присутствовавших тогда архиереев. Третья предьявляла против той и другой другие обвинения; так что Иосиф нашел необхо- {153} димым уступить престол желающим, — по двум причинам: и для успокоения тех, которые бушевали из-за патриаршества, и по слабости своих сил, истощенных болезнями и годами, не позволявшей ему исполнять обязанности его сана. Были наконец и такие ревнители, которые только препирались между собою и язвили друг друга языком, приводимым в движение и управляемым не божественною ревностью, а безрассудною горячностью. Ревность по Боге зависит от высшей силы и обнаруживается стройными движениями, направленными к святым целям. Они между тем, привыкши свою мысль устремлять по пути, какой указывает тщеславие, даже и не замечали, что действуют не из ревности, а из зависти, и что вместо пшеницы, виноградных гроздов и других хороших плодов, возделывают тернии и колючки, — таковы споры, когда ведутся не с добрым намереньем, и состязания соперников на словах. Царь, будучи характера кроткого, не хотел оскорбить ни тех, ни других, и, опасаясь соблазнов с той и другой стороны, решил идти средним путем. На восточной стороне Геллеспонтского пролива есть город, называемый Атрамитием. Сюда-то царь грамотами приказал собраться тем господам, обещав и сам явиться сюда же. И вот собрались не только умевшие ревность сдерживать разумом, но и толпы, тех, которые привыкли к безрассудству и бесстыдству. Из числа последних одни {154} явились с видами на епископские престолы, несмотря на то, что такая высота была далеко не по ним, другие для денег, третьи ради суетной славы и разных почестей, которые так переходчивы в жизни. Но я едва не опустил того, о чем следовало предупредить, чтобы речь шла связно и не прерывалась отступленьями. Иосиф, как мы сказали, оставив престол, вскоре потом оставил и здешнюю жизнь. Оставлять Церковь в такое смутное время без пастыря считали делом несправедливым и предосудительным. Между тем был тогда некто Георгий Кипрянин, человек известный ученостью и принадлежавший к придворному духовенству ¹. При богатых дарованиях и примерном трудолюбии, он, можно сказать, вывел на свет и оживил благородную музыкальность, отличающую греческие сочинения, и аттически звучащую речь, с незапамятных времен скрывавшуюся в глубине

¹ Он был придворный протоапостоларий. Ducang. В восточной Церкви бывали учителя, которые объясняли народу послания апостольские и назывались οἱ διδάσκαλοι τῶν Ἀποστόλων. Первый-то из них и назывался протоапостоларий. Meurs. Glossar.

забвения. Его-то царь имел в виду и предназначал возвести на патриаршеский престол, хотя он и недавно принял монашеский образ. Царь хотел только, чтобы в его рукоположении не принимал участия никто из допустивших догматическую новость, но чтобы рукоположили только те, которые ей не были причастны. Медлить делом было опасно. Поэтому, собрав необходимые {155} голоса и свидетельства, царь заранее объявил о его назначении и, по установившемуся издревле обычаю, с царского места вручил ему пастырский жезл. Он деятельно принялся за управление делами, которые, хотя и входили в область патриаршеского права, но могли быть исправляемы и без патриаршеского посвящения. Немного спустя случайно ли, или лучше — по устроению Промысла Божия, прибыл в Константинополь послом от тогдашнего правителя Этолии, деспота Никифора, епископ Козилы, и вместе с ним прибыл и из Македонии, епископ Девр, не в качестве посла, а по другой надобности. Они оба соблюли себя от сообщества с теми, которые добровольно согласились на догматическую новость; но козийский епископ был предпочтен епископу деврскому. Козийский епископ зависел от навпактской митрополии, а навпактская митрополия от константинопольского престола; между тем деврский епископ был подчинен престолу первой Юстинианы. Поэтому козийский епископ был более пригоден к тому, чтобы послужить настоящим нуждам, чем епископ деврский. По внушению назначенного царем в патриархи Григория ² кипрского, этот епископ рукополагает одного монаха, именем Германа, на митрополию Ираклии фракийской. За ираклийским митрополи- {156} том издревле осталось право рукополагать константинопольского патриарха. Быть может, Константин Великий, сделавший из Византии новый величайший Рим, не хотел уничтожить этой привилегии данной прежними царями, даже подтвердил ее из уважения к давности и к памяти императора Севера, издавшего такое постановление после того, как он, с большими трудами и усилиями покорив этот город, бывший еще Византией, к его унижению, между прочими средствами обороны лишил и стен и предоставил фракийским ираклийцам пользоваться им, как своей деревней. И так, по этой ли причине постоянно остается за Ираклией такая привилегия, а, быть может и по другой какой, только тогда сделано было так, как мы сказали. Упомянутый ираклийский митрополит произвел Григория кипрского из чтецов в диакона, пресвитера, а наконец и в патриарха, имея своими сослужителями тех двух епископов, козийского и деврского. Но возвратимся к тому, на чем остановились. Партии зилотов, о которых мы сказали, враждовали между собою по указанным нами причинам. Враждовали они и из-за патриарха. Поговаривали, будто он, будучи 20 лет, отправлялся из Кипра к римлянам и усвоил там некоторые обычаи латинян, чем поселил в умах многих подозрение, будто посвящение в чтеца получил от латинян. Такая молва, быть может, еще прежде была пущена в ход каким-нибудь {157} недоброжелателем Григория, или же была обязана своим появлением неблагородству зилотов, которых вызвали к тому тогдашние обстоятельства, или лучше поджег демон. Он рад был их ссоре и случаю нашептать им эту клевету, чтобы зрелищу тревог и смут сообщить более разнообразия и более широкие размеры. Итак это было только поводом для них отвергать патриарха; на самом же деле, рисуясь и непомерно гордясь ссылками и другими страданиями за свою ревность по вере, они желали заправлять всеми церковными делами и решать все как бы мановеньем скипетра. Мало того они хотели утвердить на патриаршеском престоле по своему усмотрению кого-нибудь из своих, чтобы, пользуясь его высоким положением, как бы какую неприступную крепостью, удобно поделить между собою епископии и митрополии, завладеть всеми монастырями, распределить между собой все церковные чины, занять все епархии и получить в свое распоряжение все доходы, расходы и выдачи. Все это, думали они, должно быть предоставлено им, как награда за их добродетель и ревность. В Атрамитие, куда собрались по упомянутым причинам, после долгих словопрений, все признали и решили, изложив мнения обеих сторон, из-за которых возникла эта большая распря, в двух книгах, подвергнуть их испытанию судом Божиим, посредством огня. Отстояв всенощное бдение и вознесши к Богу усердные {158} молитвы, в самую великую и священную субботу повергли книги в огонь среди церкви. Каждая сторона льстила себя надеждою, что ее книга останется невредимою. Но это были пустые надежды, тоже, что — грезы на яву. Огонь тотчас же, охватив обе книги,

² Здесь Григория переименовывает имя Георгия на имя Григория, потому что последнее он получил в монашестве. Пахимер (кн. 7, гл. 22): τοῦτο γὰρ ἦν ἐκείνων; οὐ καὶ τοῦ ἐκ Γεωργίου μοναχικοῦ; ὃ οὐ; ὅνομα. Ducang.

обратил их в пепел,— так явил свой суд и посрамил Господь всех этих людей, игравших такими важными делами и поднявших в Церкви такую непогоду. Когда они это увидели, то решительно все согласились оставить вражду, усердно искать общего мира, сойтись у одной трапезы единоклассники и просить от патриарха Григория благословения и молитв. После того к царю приступают арсениты, прося у него дозволения перенести тело патриарха Арсения в столицу. Просьба эта была сделана неспроста; но заключала в себе, затаенную мысль — прямо возвысить в мнении народа арсенитов, и косвенно унижить иосифитов. Согласие на просьбу впрочем получено было легко. Когда тело было донесено до ворот Евгения, навстречу ему вышли патриарх со всем духовенством, а царь со всем сенатом, — и так с торжественными песнями и лампадами все проводили его в великий храм святой Софии. Впоследствии Феодора, дочь сестры царя Михаила, Евлогии, бывшая сначала в замужестве за протопротоиереем Музаломом, а потом за Раулем, также протопротоиереем, выпросила тело Арсения для возобновленной ею обители святого Андрея. {159}

2. Так как у царя не было в это время супруги (первая, взятая из Венгрии ¹ умерла, оставив двух сыновей, царя Михаила и деспота Константина); то он отправил послов к королю Испании. Тот охотно препроводил к нему, только не дочь свою, но другую невесту, свою родственницу; разумею Ирину, внучку того маркграфа, который, по взятии Константинополя, получил на свою долю Фессалонику с окрестностями ². Король Испании препроводил ее, как мы сказали, не по древнему обычаю, утвердившемуся у латинян, — не испрашивая предварительно согласия на то от папы. У почетнейших латинян было в обычае родниться с римлянами не иначе, как получив прежде согласие от папы. Но король за какой-то проступок подвергнут был папою епитимии отлучения; этим он и воспользовался, чтобы тайно препроводить ее, будущую царицу римскую. В это время царю был на исходе двадцать третий год, а его молодой супруге, отличавшейся красотой и немалым соответствием наружности внутренним качествам, — одиннадцатый. Но как в сырых деревьях заводятся черви, так и в честолюбивых душах обыкновенно развиваются в больших размерах ревность и {160} зависть к тем, которые занимаются одним и тем же искусством, и из-за того, чему они больше всего посвящают себя. Вот и патриарха Григория мучила сила языка и мысли известного Векка. Ему невыносимо было в разговорах с красноречивым Векком разочаровываться в честолюбивой мечте, что об нем будут говорить, как о единственном человеке между тогдашними греками, а, пожалуй, и между учеными патриархами. Поэтому и он немало содействовал его ссылке. Отправленный в ссылку к подошве Олимпа ¹, Векк не переставал возвещать небу и земле о несправедливости, как он говорил, и жестокости, с какою с ним поступили, о том, что можно бы наказать его с большим человеколюбием — удовольствоваться лишением священного сана, но не обрекать на другие лишения, и с человеком поступить по-человечески,— тем больше, что он занимал некогда высокое положение и потому заслужил полное обеспечение в том, что составляет предмет первой необходимости. Решительно не зная, чем пособить горю, он потребовал, чтобы обвинения против него были разобраны публично. Чрез это надеялся достигнуть чего-либо из двух: или своим видом, своим лицом и речью добиться от судей человеколюбия- {161} бия, или же дать всем знать о них, как о людях безжалостных и жестоких. Узнав об этом, царь нашел, что требованьем Векка пренебрегать не следует,— иначе можно посеять в головах многих подозрение, что человека обижают; а тогда в народе начнутся нескончаемые ругательства против мнимых обидчиков, сперва втихомолку, а со временем и открыто и въявь. Каждый век ходит много незаслуженных порицаний и похвал,— порицаний тем, которые не допустили никакой неправды, и похвал тем, которые не сделали ничего замечательного. Итак было решено собраться в царских палатах всем архиереям, клирикам, сенаторам и ученым, и в этом собрании произвесть над Векком гласный суд. Так и сделано было. Векк выступил на средину и, при своей редкой находчивости на словах, сильно спутал и

¹ Анна, дочь Стефана V. Ducang.

² Беатриче, супруга Вильгельма VI, маркграфа монтеферратского, сына Вильгельма правителя монтеферратского и фессалоникского, и мать Иоланты или Ирины, второй супруги имп. Андроника, была дочь Альфонса, короля Кастильи или Испании. Ducang.

¹ В вифинский город Прусу (см. Пахим. кн. 7, гл. 11). После же рассуждения, о котором здесь говорится, Векк был отправлен в вифинскую крепость, лежавшую на правой стороне при входе в залив Астакинский и называвшуюся по имени св. Григория.

смешал все, что представляли защитники здравого учения; даже, может быть, ложь взяла бы верх над истиною и ловкость осилила добродетель, если бы патриарх Григорий и великий логофет Музалон не противостояли ему с своею обширною ученостью и избранными местами священного Писания, и тем не укротили его бурной речи. Музалон был вельможа, который разделял тогда управление с царем, был посредником в делах государственных и народных и пользовался у царя величайшим уважением за свою ученость, глубокую старость и многостороннюю опытность, соединенную с рассудительностью. Поэтому он один, из всех, носивших прежде его одно с ним достоинство, отличен был почетным правом носить на голове калиптру, имевшую алую с золотом покрывашку, которая возвышалась в виде пирамиды, и тем только отличавшуюся от калиптр царских родственников, что ее внутренняя сторона, ее подкладка не была изукрашена золотистыми кружками, а была вся гладкая. Я оставляю промежуточные обстоятельства, и скажу только, что когда Векк, после разнообразных изворотов своего языка и мысли и после грома своего красноречия, увидел, что ему нечего ожидать снисхождения к себе и участия к его положению, то открыто отверг единение (с Церковью). Поэтому и опять его отправляют в ссылку, в один приморский городок Вифинии, вместе с его приверженцами. Это были Мелитиниот и Метохит. Но я возвращаюсь к тому, что, не знаю как, вышло было у меня из памяти. После известного сожжения в Атрамитие книг, написанных по внушению вражды, все, показывавшие в себе ревность по вере, собрались в Византию, где поделили между собою митрополии и другие высшие места или же решили поделить, и, пользуясь случаем, без всякого снисхождения и сострадания, присудили к полному отлучению архиереев и всех клириков, согласившихся относительно догмата с царем Михаилом. Очень многие из них принадлежали к площадному, необразованному, и своему нравственному, люду, и вчера или третьего дня несмели даже посмотреть в лицо царю; теперь же, внезапно и не по заслугам встретив в нем большую благосклонность к себе, они так загордились своим положением, что стали точно пьяные. Получив дозволение от царя, который уступал им во всем, по своему пламенному, наполнявшему его сердце, желанью единения Церкви, они потом уже, нисколько не стесняясь, собрали, как овец, в великий влахернский храм всех тех, на которых предположили произнести то бесчестное определение. Последние старались пробудить в них жалость и внешним своим видом, и словами, и древними примерами снисходительности в подобных случаях, между прочим примерами, взятыми из времен первого и второго иконоборства, когда поступившие хуже, чем они, нашли однакож человеколюбие у защитников православия, и некоторые даже остались на своих местах. Несмотря на все это те не отступились от своего зверского решения; все чувства милосердия и сострадания, какие могли быть в них, точно разнесли и схоронили на дне Атлантического океана волны. Среди этого священного собрания разгуливала зависть, и добрым, согласием, только что начавшимся, потешалась жестокая буря. Но у кого найдется такое жестокое и такое каменное сердце, чтобы рассказать о той наглости и о том необычайном бесчеловечии, какие они обнаружили в отношении к несчастным епископам и другим священным лицам? После ругательств, председатели приказали прислужникам снимать с головы виновных покрывала и бросать их на землю, с трехкратным провозгашеньем: недостойн; у других же снимать другие одежды, и, заворачивая им подола на голову, возглашать то же: недостойн, а потом толчками, пинками и пощечинами, как каких-нибудь убийц, выгонять из храма. И это праведные судьи, люди посвященные в тайны Евангелия! Человеколюбивый Иисус Спаситель принял и разбойника; желал и ждал покаяния и предателя, только тот не захотел. Впрочем, хотя и не скоро, однако и они дождались себе суда, определившего им справедливое возмездие. Из этих новых законодателей и судей ни один не умер в своем сане; самым позорным образом быв низложены с своих престолов, они, как мы ниже скажем, кончили жизнь, сраженные стрелами печали.— Затем царь, вспомнив о том, как его отец поступил с юным Иоанном Ласкарем, который больше его имел права на престол, и боясь, чтобы и самого его со временем не постигло то же несчастье, какое испытал и тот, т. е. лишение царства и глаз, старался по возможности укрывать эту рану. Как умный человек, он не забывал, что Бог часто и в этой жизни за известные дела воздает соответствующими последствиями, чтобы убеждение в Его правосудии глубже коренилось в жизни и чтобы оно приводило в страх тех, которые при своих планах, захотели бы оставлять в стороне свыше называемое правосудие. Правда, сам он отнюдь не соизволял намерению и самому делу отца,— будучи

еще дитятей, при неразвитости телесных органов, он не мог бы обнаружить своего желания, если бы оно и скрывалось в недрах его души. Однакож отец не для другого кого, а для него развел такой огонь несправедливости,— чтобы он не лишился царства в том случае, если бы оставался жив и здоров законный наследник престола. Поэтому сильно мучась угрызениями совести, он отправился к Иоанну Ласкарю, которого отец ослепил ради его и который содержался под стражею в одном вифинском городке. Андронику хотелось увидеть его, чем можно — утешить и сверх того приказать, чтобы ему в изобилии доставляли все необходимое, пока продлится его век. Сделав надлежащие распоряжения, он, довольный собою, отправился отсюда на восток с особыми видами: набраться там военной опытности и умно пригрозить варварам, чтобы они сдерживали себя и не смели вторгаться в римские владения, когда и как им вздумается.

3. При таком положении дел, некоторые из тех, которые всячески стараются угождать начальникам, подают царю один совет. Дело известное: подчиненные по большей части любят подлаживаться к воле начальников и к ней, как к какой-нибудь цели, устремлять и направлять свою мысль, {166} язык и каждое свое действие. И этим они легко приобретают благосклонность начальников. Совет был такой: бедствия, говорилось, из-за которых римляне довели до большой цифры свои трииры, прошли все; между прочим умер и Карл, король Италии, главный виновник всех зол; поэтому напрасно было бы издерживаться на корабли, которые почти больше всех других предметов истощают царскую казну. Такой совет грозил явною гибелью римлянам, однако найден был выгодным и весьма полезным; при жадности к деньгам, готовы были для них пренебречь всем, чем держалось государство и чем в домах служат столбы, заборы и частоколы. С этого начались и на этом твердо основались бедствия римлян. Это ободрило латинян, прежде боявшихся римского войска, как непобедимого, и сильно подожгло их помериться силами с римлянами. С сих пор у латинян морские силы стали умножаться, славиться, увеличивать их богатства и расширять пределы их власти; напротив у римлян они стали мало по малу ослабевать и исчезать, а бедствия со дня на день возрастать. Разбойнические трииры то те, то другие, то оттуда, отсюда, то еще откуда-нибудь, в числе двух, трех и больше, стали безбоязненно подплывать уже к самому городу. Отсюда острова и приморские местности начали страдать; они не имели решительно никакой возможности отражать корабли латинян, когда те подъезжали к {167} ним или проезжали мимо, и предотвращать бедствия, которых нужно было ждать и днем и ночью и которые в будущем сперва обещали одни ужасы и смерть, а потом принесли их и на самом деле. С тех пор все гасмулийцы рассеялись по разным странам, по недостатку содержания. Одни предложили латинянам служить на их грузовых судах и триирах; другие нанялись к знатым и богатым римлянам; третьи, продав оружие, занялись земледелием, находя, что лучше изнурять себя целую жизнь и ежегодно терпеть прижимки от откупщиков и сборщиков податей, нежели добровольно отдаться в жертву голоду, на верную смерть. Между тем трииры, заброшенные в разных местах Рога, от времени испортились, и одни пошли ко дну, а другие развалились. О некоторых впрочем несколько позаботились, но таких было немного, и оставлены они были только на какой-либо непредвиденный случай. Однакож, какие последствия имел этот совет и какие бедствия он принес римлянам, это будет показано еще ниже.

4. Наконец и Григорию должно было испытать горе и получить некоторое возмездие за свою бесчувственность,— за то, что он не простер руки помощи умолявшему о ней Векку, который соглашался отступить от всего, если окажут ему хотя какое нибудь снисхождение, — за то, что не посовестился даже усилить бедствия этого несчастного, — за то, что на этого чело-{168}века, утопавшего в волнах, поднявшихся на него отовсюду, он сзади поднимал новые волны, громоздя их одна на другую. Это было недостойно его учености, хотя во всем остальном он был человек почтенный. И так и ему следовало пострадать. Что же устраивает Промысл, все направляющий к пользе людей? Он оставляет и Григория, но оставляет, промышляя о нем и желая его вразумить, чтобы он омыл приставшую к нему нечистоту и явился в будущую жизнь чистым. Григорию казалось, что Векк не довольно наказан ссылкой и удалением от друзей и родственников, и он предположил себе преследовать этого человека и устно и письменно, противопоставляя его сочинениям и вероопределениям свои доводы и вероопределения. Ратую с Векком и его приверженцами, он и не заметил, как был поражен и пойман в те самые сети, которые расставлял другим. Это похоже на то, как если бы кто,

стреляя во врага и неприятеля, не замечал, что с боку соплеменник его готовится нанести ему еще более меткий удар. На него напали некоторые из архиереев и клириков, как на богохульника, и уговаривали его переменить некоторые выражения, чтобы поставить себя вне всякой опасности и порицания. Но этот совет показался ему безрассудным и подозрительным, заключающим в себе скрытую и затаенную зависть. Поэтому он остался при своем, и с жаром принялся за опровержения и доказа- {169} тельства, рассуждениям противопоставляя рассуждения, которые, по его мнению, должны были заградить уста его обвинителям, защитить его самого и придать силу его словам. Но, верно, Богу, все устрояющему ко благу, не угодно было, чтобы этот человек долее с успехом вел свои дела. Силы его противников возрастают; спор разгорается, точно от искры пожар. Прежде всего от него отпадает немалая часть архиереев и клира; вместе с тем отпадают и особенно любимые им архиереи, Хила ефесский и Даниил кизикский, которых он за их ученость особенно отличал и на которых указывал, как на первых людей между иереями и архиереями. Последнее обстоятельство больше всего огорчило патриарха; потому что от кого он надеялся получить помощь, когда другие порицали его и нападали, на кого он полагался, как на крепость и стены, в тех самых, сверх чаянья, увидел врагов и, как говорится, уголье вместо червонцев. Таким образом, говорят, он испытал на себе то же самое, что в древности Юлий Кесарь, когда напали на него сообщники Брута и Кассия. Он некоторое время держался и по возможности отражал удары; но когда увидал, что обнажил меч и Брут, которого он всегда любил, как родного сына, то, говорят, пораженный неожиданностью в самое сердце, тотчас пал на землю бездыханным. Точно так и Григорий некоторое время отстаивал себя. Когда же увидал, что и самые на- {170} дежные и любимые им люди вооружились против него и что никто уже ему не помогает — ни царь, ни другой кто из людей сильных; то наконец признал это судом Божиим и возмездием, свыше ему положенным и определенным. Поэтому, простившись с прениями и выгодами своего положения, он удалился на покой в монастырь Пресвятой Богородицы Одигитрии. Но спустя немного он был вызван отсюда ктиторицей монастыря святого Андрея ¹. Это была женщина любознательная, почитательница дарований патриарха. Построив жилище близ монастыря, она пригласила его сюда, где, по прошествии некоторого времени, он кончил жизнь. А так как Бог известным делам дает обыкновенно и известный исход, чтобы несчастья людей отживших служили некоторым внушением и вразумлением для людей живущих; то достойное наказание не замедлило постигнуть и Хилу ефесского с Даниилом кизикским, за то, что они своему благодетелю отплатили черною неблагодарностью. Слишком понадеялись они на прочность своего настоящего положения и вовсе не подумали о том, как часто судьба играет людьми, вместо ожидаемого исхода дел поражая их неожиданностью и посылая счастье им тогда, когда они уже потеряли всякую надежду,— как часто любит она и умеет заманивать и втягивать нетвердые души в необыкновенно смелые дела и нелепые поступки, по- {171} добно тому, как если бы пресловутый Кекий ¹, сорвав с якорей грузовое судно, пустил его сиротинкой носиться по зыбким волнам,— как поэтому нужно быть людям внимательными к себе, чтобы впоследствии за свои дела не испытать больших и жестоких бедствий. И против них восстали самые лучшие, надежнейшие и самые любимые клирики их митрополий и подали на них царю и другим архиереям грамоты, в которых свидетельствовали о многих их неправдах и таких делах, за которые подвергают лишению сана. Грамоты царь и собор архиереев приняли благосклонно, и общим определением вызвали виновных в столицу, но со дня на день откладывали следствие и только томили их ожиданьем. А так как по праведным судьбам Божиим и им следовало выпить горькую чашу, какую они приготовили своему благодетелю патриарху; то они находят в царе молчаливое отвращение к себе, которое огорчает их гораздо больше, чем могло бы огорчить явное; оно тихо и незаметно проникает, так сказать, в самые их мозги и кости, беспощадно портя в них хорошее расположение духа и лишая всякой бодрости. У своих собратий и со- {172} служивцев они встречают неприязнь, пренебрежение и совершенную холодность; а главное — лишаются годовых доходов, которые

¹ См. выше гл. 1.

¹ Северо-восточный ветер. На восьмигранной башне ветров, которую выстроил в Афинах Андроник Киррест, он изображен был в виде бородатого старика с полным блюдом оливок в руках. Афинянам он был очень приятен, потому что от него зависел урожай у них оливок. Этот ветер имеет свойство не разгонять, а нагонять облака. Отсюда составила поговорка: mala ad se trahens, ut Caecias nubes. Hofm. lexic.

доставляли им митрополии. Короче говоря, так провели они в столице остаток своей жизни, нося в груди крайне изнурительную скорбь, пока наконец тела не отказались им служить.

5. Но возвращаясь назад. После Григория патриаршеский престол занял один монах, по имени Афанасий, с детства привыкший к аскетическим трудам и проводивший безмолвную жизнь в горах Гана. Он не знаком был с ученостью и с жизнью в обществе, впрочем был человек добрый, удивлявший тем, что отличает монашескую жизнь,— разумею воздержность и всенощные стояния. Спал он на голой земле, ног не умывал, всегда ходил пешком и имел характер, которым отличаются только люди, одиноко живущие в горах и пещерах. Блаженным он прожил бы целую жизнь, если бы навсегда остался в уединении. Но, верно, нужно было и другим архиереям, как и ученым клирикам, потерпеть и поплатиться как за прежние свои неблагородные поступки, так и за те, какие они дозволили себе в отношении к патриарху Григорию. Взошедши на патриаршеский престол, Афанасий к ним первым обратил свое грозное лицо, полное божественной ревности и строгости. Люди благоразумные по первой же черте, как говорится, догадались, чего следует ожидать, и добровольно начали вести строгую {173} жизнь дома, пока против воли не пришлось им испытать то, чего бы не хотелось. Другие же в скором времени вынуждены были бежать из столицы. Тому же подверглись и многие архиереи. Их было очень много, и все были люди ученые, знатоки церковных законов, о чем патриарх Григорий много заботился, не знаю почему: потому ли, что таков был давний обычай, или же по собственному убеждению и с тою прекрасною целью, чтобы народ имел ученых наставников и учителей и чтобы у него были твердые защитники веры, которые могли бы служить неподвижными скалами, если бы когда вражеские языки подняли волны. И так тех архиереев, которые находились в Константинополе по какой-нибудь надобности, Афанасий отправил в их митрополии, где и должны были оставаться до конца жизни; проживая здесь, говорил он, пусть не наговаривают они друг на друга и на меня самого, — они, обязанные быть учителями мира. Что же касается до тех, которые приходили со стороны под предлогом исполнения правил святых и божественных соборов, повелевающих дважды или однажды в год собираться митрополитам у патриарха, для совещания о догматах благочестия и разрешения возникающих в Церкви вопросов; таким лицам он воспрещал въезд в Константинополь,— и хорошо делал. Каждому, говорил он, следует пасти врученную ему паству, как патриарх пасет столичную, и руководит сво- {174} их овец, находясь при них же, а не проживать в столице и только получать оттуда доходы. Конечно, найдется, кто не похвалит ни той, ни другой стороны; потому что ни та, ни другая не осталась в пределах умеренности и законности.— У этого человека было много и других прекрасных качеств, оказавшихся полезными его современникам. Негодование на обидчиков в нем так было велико и открыто, что не только те, которые доводились в родстве царю, а и сами его сыновья боялись его поразительной смелости и обличений больше, чем приказаний самого царя. Его безукоризненная жизнь и уважение к нему царя внушали им сдержанность и опасенье. Тем, которые решились вести монашескую жизнь, он не позволял ни того, что доставляет удовольствие чреву, ни того, что требует кошелька и заботливого хранения, ни того, что соединено с большими хлопотами. Если же оказывалось, что кто-нибудь имел что-нибудь такое, тот поневоле и со стыдом должен был расстаться с ним. Он сильно порицал даже тех, которые, приняв монашество и избрав образ жизни простой и скромный, потом не хотели ходить пешком; он внушал им внутри города пользоваться собственными ногами, впрочем не как вздумается, не без осторожности и не безвременно показываться на площадях, отличающихся изнеженными и распущенными нравами, чтобы не возвращаться отсюда с умом полным виденных зрелищ, {175} но позволять себе это только по нужде и с позволения настоятеля монастыря. Так все и делали во все время его патриаршества. Он говорил, что им крайне неприлично разъезжать на рьяных конях и наполнять топотом от непристойных скачек коней улицы, площади и театры, когда сам патриарх, вместо какого-нибудь подъяремного животного, употребляет для пути собственные ноги. Он не забыл и тех, которые прежде опытного изучения монастырского образа жизни, или заключали себя в тесных кельях, под предлогом подвигов, или же ходя по знатым домам легко обольщали ветрениц и овладевали ими, действуя на них своим внешним видом и имея кожу овец, тогда как внутри были хуже волков хищников. Некоторые из них носили в себе даже семена ересей и легко приводили простые души к бездне погибели. Собрав этих людей, а также и всех тех, которые бесновались

в каком-то вакхическом исступлении, из тщеславия и ради корысти, он подчинил их правилам монашеской жизни; и тех, в ком замечал исправление, помещал в многочисленных монастырях, предписывая им всеми силами соблюдать отречение от своей воли; с теми же, в которых замечал неизлечимую болезнь, он делал одно из двух: или заключал в затвор, спасая их и против воли, или же выгонял из города. Таким образом он очистил площади и улицы от тех, которые ходили в мо-^{176}нашеском платье, как мужчин, так и женщин. Как было бы хорошо, если бы его правила и порядки остались и при преемниках его престола в таком же виде, в каком они были во время его патриаршества! И, конечно, если бы он подольше пробыл на патриаршестве, то заведенные порядки монашеской жизни утвердились бы прочнее и остались бы на более продолжительное время. Но он скоро выбыл из среды живых,— и марка перевернулась; в святые обители вторглись все недуги, какие только может придумать дьявольская злоба. Но вот чего я чуть было не опустил. Прежде, с древнейших времен Церковь богата была между прочим и учителями. Они в различные времена и в разных местах Константинополя объясняли, кто песни Пророка Давида, кто послания Апостола Павла, кто евангельские заповеди Спасителя. Все те из них, которые были облечены в сан священства, частным образом и поочередно проповедывали божественное слово по домам, в собрании членов семейства и их соседей. Это располагало к жизни по заповедям Божиим, служило к познанию истинной веры и прямо вело к добру. Или лучше: это было духовное орошение слушателей из великого и божественного источника, орошение, которое их изменяло, преобразовывало и располагало к лучшему. С течением времени все это исчезло, как исчезли и все другие добрые обычаи, которые точно погрузились на дно морское. Этого рода опустошение отсюда простерлось и на другие Церкви, и вот души всего христианского мира блуждают и по сие время, точно по какой-нибудь непроходимой и безводной пустыне. Бессовестность дошла до того, что за один овал дают с той и другой стороны страшнейшие клятвы, какие не посмеет даже передать перо писателя. Вместе с тем, как угас животворный луч слова и учения, все слилось в безразличную массу; люди впали в бессмысленное состояние и не стало человека, который мог бы сам решить, что полезно и какими признаками отличается благочестие от нечестия. И кто бы мог один остановить этот постепенный упадок Церкви, когда не мог этого сделать и патриарх, при всем своем желании? Но я удивляюсь вот чему: нужно же было так случиться, что внезапная перемена изменчивых обстоятельств вызвала из монастырского уединения этого человека именно в это время. Люди рассудительные основательно замечали, что Церковь опустела и что главные ее члены, а вместе с ними и духовенство, заслуживают наказания за то; что не только не приняли раскаянья бывших в общении с латинянами, а еще крайне обидели их, нанеся им пощечины и позволив себе другие непозволительные поступки с ними, о чем мы вкратке уже упоминали. И вот, когда взшел на престол этот патриарх, все возлагали на него самые светлые надежды; думали, что на земле воскреснет истина и сойдет с неба правда. ^{178} Между тем случилось совершенно напротив: обесчещена монашеская жизнь, как-будто бы она была бесполезна; обесчещена добродетель, как-будто бы при ней легко дойти до крайней степени злости. Кого это не поставит в недоумение? Какой души не потрясет, хотя бы она была тверда, как железо?

6. В это время некоторые внесли клевету на Константина Порфирородного, родного брата царя, будто он домогался престола и будто почестями, ласками и деньгами привлекал к себе всех стоявших во главе войска для того, чтобы найти в них содействие своим видам. Это, как утверждают многие, были ложные обвинения, сплетенные теми, которые бросают завистливый взгляд на всех добрых людей. Воспользовавшись благоприятным случаем и расположением самого царя, который не к чести своей питал в душе подозрение против брата, они подвергли последнего величайшей опасности. Причины подозрения были следующие. Порфирородного еще с детства царь-отец любил больше, чем Андроника; да в нем и от природы было много такого, что могло внушить отцу особенную любовь к нему: душевная доброта, служащая украшением для тех, которые поставлены управлять другими, обходительность и приятность взгляда. Поэтому если бы не было большой помехи в том, что он родился позже других, то отец с большим удовольствием передал бы ему царский скипетр. Это первая ^{179} причина, однажды на всегда разорвавшая между братьями узы единодушия и заронившая в душу Андроника немалое подозрение против брата. Другою причиною была мысль царя-отца женить Порфирородного, когда он достигнет совершеннолетия, на одной из

самых знатных латинянок — красавиц, чтобы между прочим и это благоприятствовало его видам относительно сына. А он хотел и издавна таил в душе мысль отрезать от римского государства часть Фессалоники и Македонии и предоставить ему самодержавную власть над ней. И если бы преждевременно не похитила его смерть, то, конечно, солнце увидало бы на деле исполнение этой мысли. Но дело, как видно, было не угодно Богу, и кончилось несчастным образом. Отношения царя Андроника к брату сделались еще неприязненнее; в его душе разгорелся гнев, точно из искры пожар. Но так как царь Андроник был человек необыкновенно рассудительный, имевший столько твердости, что мог долгое время скрывать в душе неудовольствие и выдавать притворство за прямоту; то в течение известного времени он показывал вид, будто расположен к брату. Третья причина возникла уже по смерти царя-отца. Константин ежегодно получал огромные и разнообразные доходы с многочисленных стад овец и быков, которые получил от царя-отца. Свое богатство он тратил на пышную обстановку и не скупясь раздавал тем, которые обращались к нему,— и {180} знатным и незнатным. К тому же имел общительный и приятный характер, которым привязывал к себе всех, как адамантовыми узами. Мягкий и кроткий характер, когда встречается в лицах высших, обыкновенно пленяет собою всех. Так очаровывают взоры всех пышные цветы, которые разрисовывает наступающая весна свежими и, если можно так выразиться, улыбающимися красками. Индийские мудрецы дают такое правило тому, кто хочет царствовать: он тем более будет любим своими подданными, говорят они, чем более будет показывать им в себе скромности и умеренности, при своем превосходстве над ними. Что касается до двух первых причин, конечно, тот поступил бы совершенно несправедливо, кто вздумал бы поставить их в вину Порфирородному, вместо того, чтобы назвать главного виновника, — отца, который больше надлежащего питал к нему любовь. В последнем же случае едва ли кто скажет, что этот человек совершенно безукоризнен. Быть может, он окружил себя такою пышностью, которая прилична только царям, в простоте сердца без всяких видов, но и в таком случае, он набросил на себя немало тени. Если же он еще знал, что своею пышностью может возбудить подозрение в брате и между тем продолжал безрассудно играть опасностью; то он становится виновен еще больше. Не говорю о другом,— ему следовало бы припомнить, какой участи в древности подвергались те, кото- {181} рые поступали подобно ему. Кир, например, сын Дария и Парисатиды, держа себя выше, чем сколько позволяло ему положение сатрапа, возбудил к себе подозрение и ненависть в родном брате, царе Артаксерксе, и не достиг ничего кроме бедственного конца. Подобным образом и Антоний, повелевавший вместе с Августом Кесарем большею частью вселенной, нарушив условия с Кесарем и добиваясь большего почета, вместе с властью лишился и самой жизни. Вот и Порфирородный,— положил, что не имел никакого злого умысла и не готовил тайно орудия против кровного родственника,— все же и это обстоятельство давнему, довольно сильному подозрению, придавало много силы. Оно открыло свободный доступ к слуху царя клеветам, которые обыкновенно преследуют нерасчетливую пышность. Но возвратимся назад. Порфирородный жил тогда в Лидии, наслаждаясь удовольствиями недавнего брака и видя в своем будущем одни цветы. Он незадолго пред тем женился на одной из дочерей Рауля, красавице и душой и телом, будучи сам лет тридцати; тогда же он устроил и великолепную кровлю для студийского храма (это место опустошено было латинянами и долго служило пастбищем для овец), потом обнес его крепкою стеною и с большими издержками восстановил монастырь так, что он почти нисколько не уступал теперь прежнему ¹. Между тем как он вме- {182} сте с супругой проживал в Нимфее лидийском, а клеветы на него тайно доходили до брата-царя, последний решил отправиться на восток под предлогом разных дел, которые будто бы призывали его туда, а на самом деле с тою целью, чтобы неожиданно без всякого шума напасть на брата и схватить его. Так и сделано. Порфирородный в скорейшем времени схвачен. Взяты и те, которые пользовались особенным его расположением. Первым между ними по богатству, происхождению и военным заслугам был знаменитый Михаил Стратигопул. Сами они были заключены в темницу, а все их имения отобраны в казну.

7. Спустя немного после того, как царь возвратился (с востока), патриарх Афанасий, на четвертом году своего патриаршества, представляет ему письменную просьбу. Она была

¹ См. Ннкиф. Вриенн., стр. 14.

вызвана возмущением всех архиереев, монахов и мирян, которые не могли далее сносить его духовной суровости; они сначала бранили его тайно, сквозь зубы, а потом и открыто, почти в глаза и в его присутствии; они готовы были даже растерзать его, если бы он далее стал удерживать за собою престол. Патриарх впрочем надеялся получить от царя помощь, чтобы отмстить своим порицателям. Но когда, неизвестно почему, он встретил в царя совсем не то, чего ожидал, то стал просить и получил отряд солдат, чтобы они защитили его от волнующегося народа и проводили в ксиролофский монастырь. Впрочем, прежде чем удалиться туда, он за то, что его лишили престола, дозволил себе поступок, крайне недостойный его сана. Взяв лист бумаги, он собственноручно написал на нем эпитимию отлучения на все царское семейство, на архиереев, на священноцерковнослужителей, на высшее сословие и на простой народ, за то, что не позволили ему удержать за собой престол до конца жизни. Потом положив бумагу в половинки раковины, он бросил ее в какое-то углубление в стене великого храма. Здесь она и скрывалась целый год. Потом неожиданно найдена была в черепках мальчиками, искавшими птичьих гнезд в углублениях стен. Затем показана причту святой Софии, а наконец и царю. Молва о ней прозвонила в уши всех; поднялся всеобщий ропот, и, не успев царь сдержать волнение, недовольные, пожалуй, растерзали бы этого человека. Это принесло большое унижение Афанасию и связало языки его защитникам. Эпитимии придуманы священными лицами ради угрозы, как бы какой наставнический жезл, для тех, которые без благоговения пользуются божественными дарами. Поэтому справедливые судьи открыто подвергают грешников эпитимиям, чтобы страхом отвлечь их от порока: а втайне воссылают Богу за них теплые молитвы, чтобы внезапная смерть не разлучила их с Богом и не подвергла одной участи с диаволом и {184} его ангелами. Но Афанасий поступил совершенно напротив. Поэтому и его поступок, как несообразный с правилами людей рассудительных, возбудил против него величайшее неудовольствие. Царь, послав Афанасию упомянутую бумагу, спрашивал о причине его поступка, кротко и снисходительно упрекая его за безрассудство и вместе осуждая за мелочность и недостаток любви к людям. Тот, проникнутый чувством раскаянья, смягчился и причину всего указал в своем малодушии и огорчении. Что было сделано и сказано, то, говорил он, отменено судом истины. Поэтому он и прощал и просил себе прощения. Так то разыгралась сверх всякого ожидания эта драма. В то время прибыл из Созополя в столицу один монах, по имени Иоанн; он прежде жил в супружестве и имел детей, а потом, по смерти супруги, облекся в монашескую мантию; он был уже в преклонных летах, имел характер простой и потому, можно сказать, по самой природе был расположен к жизни добродетельной, но в то же время вовсе не получил греческого образования. Он-то, по воле царя и определению священного собора, взошел на патриаршеский престол после Афанасия. Дурные монахи находили, что для них теперь после бурь и непогод настало затишье и после зимы наступила весна. Он между тем возложил царский венец на сына царя, Михаила.

8. В это время прежде всего отправляет {185} к царю посольство итальянский король, который имел у себя дочь от жены, бывшей, как сказано выше, дочерью Балдуина, изгнанного из Константинополя. Предметом посольства было бракосочетание этой дочери с молодым царем Михаилом. Затем отправляет посольство в свою очередь и царь Армении, смежной с Киликией. У него была сестра, которой исполнилось тогда тринадцать лет. Так как посольство итальянского короля вследствие неумеренных требований потерпело неудачу; то в посланники были избраны лучшие из тогдашних ученых — Федор Метохит и Иоанн Гликис. Первый был логофетом двора (τῷ ὡς ἰκεῖα κῶ; ὅ; v), а второй логофетом дрома. Избраны они были не потому только, что имели опытность в делах, но и потому, что далеко превосходили других редкою рассудительностью и обширною ученостью как по части духовных, так и по части светских наук. Таковы и должны быть люди, отправляемые посланниками к иноземным народам, чтобы они ни в каком случае не затруднялись дать приличный ответ и чтобы одерживали верх во всех, каких бы то ни было, разговорах. Отправившись на легких кораблях, они пристали прежде всего к Кипру; ибо и здесь немного прежде хлопотали о родстве с царем. Пробыв на о. Кипре довольно долго и не встретив сочувствия своим видам, они отправились отсюда в Эги. Это приморский город, расположенный за киликийской равниной, при {186} иссийском заливе. Посольство это со всеми его подробностями, трудностями и удачами, приятностями и неприятностями, испытанными во время плаванья, когда приплывали они к какому-нибудь острову или когда удалялись, все это ясно, отдельно и красноречиво рассказано в книге,

которую один из послов, разумею Иоанна Гликиса, написал языком изящнейшим, способным внушить к себе удивление даже в людях образованных. Не считаю нужным входить в эти подробности, так как я предположил себе изложить историю многих и разнообразных вещей. Поэтому и обращаюсь к другим событиям. И так двинувшись из Эг, чрез несколько дней езды, перемежавшейся остановками, они достигли наконец того места, где жил царь. Пробыв здесь много дней, они прекрасно выполнили все то, что им было поручено от их царя и что они нашли нужным сами. Чтобы много не распространяться, скажу только, что они взяли с собою оттуда сестру царя Армении, Марию ¹, и представили ее своему царю, как невесту. Порфирородный и Страгигопул, как мы сказали, содержались в заключении, — эти самые воинственные люди, которые при своей воинской опытности не затруднялись давать большие битвы туркам, {187} наводили на них страх, и прогоняли их от римских пределов; пределы эти простирались тогда к востоку до мест, прилегающих к Меандру. Не встречая себе сопротивления решительно ни в ком, турки опустошали все, что находилось по ту сторону Меандра, а наконец в несчетном множестве перешли и самый Меандр. Все это вынудило царя сделать самый внимательный выбор из остальных римлян, чтобы лучших из них послать на помощь бедствующим в Азии римским селам и городам. В то время между военными людьми выдавался особенно Алексей Филантропин, имевший сан ² пинкерна, — человек еще в цветущей молодости выказавший богатство дарований, которыми его наделила природа. Ему-то, как и следовало, царь дал войско и отправил его на восток. Вместе с ним отправлен был и протовестиарит ³ Ливадарий, человек пожилых лет, воинственный и, говорят, богатый глубокомыслием, чтобы он завладел ионийскими городами, как пинкерна — теми, которые находились за первыми. В короткое время Филантропин, благодаря битвам, вырос в глазах турков, точно сильный огонь, когда он {188} примется за дерево. Он был кроме того очень щедр и близок к своим подчиненным, что лучше всего пролагает полководцу путь к победам и трофеям. От того-то и он так скоро достигал успеха в своих делах, не встречая ничего противного своему желанию. Таким образом оттуда преследуемые скифами, а отсюда отбрасываемые пинкерном, многие из пограничных турков в крайности избирали меньшее из зол и вместе с женами и детьми являлись перебежчиками к пинкерну; они впрочем не столько боялись преследовавшего их по пятам неприятеля, сколько увлекались приманками доброты и щедрости пинкерна. Вскоре большая часть их присоединилась даже к его войску. Но к веселому должно примешиваться и печальное, или, как утверждают греки, третья бочка у Юпитера отнюдь не без примеси несчастий. Поэтому двор Филантропина судьба наполнила утехами и радостями, а самый дом, весь сполна, засыпала бедствиями. Ливадарий, видя, что судьба ведет дела Филантропина под попутным ветром, допустил в себе различные опасенья и подозренья. Он боялся, чтобы пинкерна, возмечтав о себе и пользуясь благоприятным и счастливым стечением обстоятельств, не задумал отложиться и захватить в свои руки верховную власть, и боялся прежде всего за самого себя, как полководец, равный ему по своим правам. Тоже самое ворчали про себя и многие другие из важных лиц. Это {189} внушала зависть, которая, если можно так выразиться, была пока в пеленках и питалась молоком, была пока углем, скрывавшим в себе под пеплом пожар. Все это не утаилось от критян, которые были для пинкерна всем с тех пор, как, поднявшись с женами и детьми, они перешли к нему с Крита ¹. Они пользовались у него большим почетом и особенною близостью, разделяя с ним не только опасности, но отчасти и самую власть. Такое положение внушило им самые преступные намеренья. Они не хотели довольствоваться тем, чем пользовались, но стали мечтать о положении, гораздо более почетном и выгодном. Удачи, которые от времени до времени испытывают люди, служат для них испытанием, точно стадия или пробный камень. Они

¹ См. Пахим. кн. 9, гл. 3. 6. Она называлась Риктой, а греки называли Ксенией или Марией. Она была сестра Айтона II, царя Армении, дочь Льва II. Ducang.

² См. Анн. Комн. стр. 398.

³ Протовестиарит был не то же, что протовестиарий. Протовестиарий начальствовал над вестиариями, лицами, на руках, которых был царский гардероб. А протовестиарит заведывал государственной казной и отличался от протовестиария самой одеждой. Meurs. Glossar.

¹ Пахимер пишет (кн. 9, гл. 8), что многие, не вынося господства на Крите латинян или венецианцев, оставляли отечество и переходили к императору; получив же от него пристанище и средства содержания, они доставляли грекам верную помощь. Vid. Gloss. med. Graecit. in. v. Πάροικοι. Ducang.

столько придают постыдной дерзости людям безрассудным, сколько располагают к похвальной сдержанности людей рассудительных. Когда и они услышали упомянутые толки о пинкерне, то начали смущать его душу тяжелыми опасениями, представляя ему дело не так, как оно было, но делая из мухи слона; при этом они усиливались убедить его отложиться, как можно скорее, пока не испытал он того же, чему недавно под- {190} верглись те несчастные, т. е. Стратигопул и Порфирородный. Это тревожило Филантропина и ставило его в самое затруднительное положение; недоумения, подобно волнам, поднимались в его душе, одно над другим. Не успевал он обсудить одной мысли, как возникала другая; и он беспрестанно терялся и путался в своих рассуждениях о том, на что ему решиться. Дело известное: кто сознает за собой какой-нибудь проступок, тот наперед уже видит, какого можно ожидать себе бедственного конца, и заранее ждет его,— с тех пор, как только дозволил себе проступок; в нем, если не что другое, по крайней мере то, что он предвидит беду, несколько облегчает удар беды. А кого постигает беда неожиданно, когда он за собой не сознает ничего дурного, того естественно она изумляет и приводит, в состояние иступления. Но после продолжительной борьбы и колебания пинкертн наконец уступил тем, которые располагали его к измене. Он прежде всего приказал войску молчать при многолетиях царствующему дому. Опираясь на это приказание, критяне начали побуждать его силою, чтобы он как можно скорее возложил на себя царские знаки и успокоил умы своих приверженцев. «Последовать таким советам безотлагательно, говорили они, велит, тебе значение самого дела; ничто другое не требует в равной мере решительной и быстрой деятельности и, можно сказать, огневого рвения. А если ты будешь мед- {191} лить, то этим только доведешь воинов до нерешительности и раздумья, только заставишь их колебаться, как на острие бритвы, в большом страхе за неизвестное будущее, да и сам, пожалуй, будешь выдан ими». Но он не обращал внимания на их речи, не зная почему, потому ли, что его устрашала важность дела, или потому, что имел другую тайную мысль,— как мне кажется, думал сперва захватить в свои руки Ливадария. Вести о таком положении дел скоро дошли и до Ливадария и до самого царя; было сообщено, что дела в смутном положении и что опасность грозит самому государству. Такая неожиданность сильно смутила царя; глубокая печаль, если можно так выразиться, повернула в его голове все вверх дном. Впрочем уверенный в своей невинности пред Богом и в том, что он не подал никакого повода к такому делу, он не переменял своего местопребывания, не взялся за оружие и стрелы и не искал защиты в фалангах; но всю надежду возложил на Пречистую Богородицу и на Христа Спасителя, зная, что нет ничего, что не зависело бы от Его руки, но что все совершается по неисповедимым судьбам Промысла и каждое дело приходит к тому концу, какой Ему угодно определить. Возрев на его сердечное сокрушение, Господь расстроил замыслы пинкерта, — как если бы лишил нагруженный корабль кормчих. Пинкертн вместо того, чтобы первое нападение сделать на Ливадария, пока тот был {192} еще не готов к обороне, напал на брата царя, Феодора, который тоже проживал где-то в Лидии. Он пользовался у царя полною доверенностью и большим расположением, и потому жил, где и как хотел. А с тех пор, как узнал, что схвачен его брат, счел нужным держать себя скромнее и, сложив с себя знаки, присвоенные его сану, стал носить простое платье. Чрез то заслужил от царя большое и искреннее расположение. На него-то напал и его-то схватил пинкертн, чтобы его царственное имя не привлекло к нему кого-либо, и чтобы таким образом не составилось около него войско и не послужило немалою помехою планам пинкерта. Но он и не догадался, что поймал тень вместо самой вещи. Протовестиарит Ливадарий, видя, что пинкертн занят такими мелочами, признал, что это сама вышняя Десница посылает ему случай выпутаться из таких трудных и неожиданных обстоятельств, употребил в дело все деньги и со всею поспешностью стянул около себя войска и из приморской Ионии, и из внутренних частей материка, словом — отовсюду. Обратив в деньги все свое имущество и имущество бывших при нем богачей, и кроме того взяв большие суммы из царской казны, находившейся в Филадельфии и, он доставил войску все в изобилии, причем обещал ему еще большие милости, желая обещаниями задобрить его. Таким образом не прошло десяти дней, как он с огромным войском явился {193} в самой середине лидийской области, расположился там лагерем и приготовился дать пинкертну сильный отпор. А что больше всего помогло Ливадарию в короткое время уничтожить все затруднения, так это вот что. Зная, что критяне охраняют в битве пинкерта больше всех и находятся к нему ближе всех, он тайно входит с ними в

сношения и обещает им выхлопотать у царя огромные деньги и большие почести, если они схватят пинкерна, свяжут его и выдадут в то время, когда войска вступят в сражение. Критяне и сами давно уже были недовольны медленностью и нерешительностью пинкерна в выполнении задуманных планов. Притом же они видели, что дела его принимают другой оборот. Поэтому они склонились на обещания Ливадария, и во время сражения разыграли всю драму. Пинкертн был связан и выдан, а его войско в короткое время рассеялось. Таким образом дела устроились по мысли протовестиарита Ливадария и имели благоприятный для него конец; но он не снисходительно взглянул на побежденного, не выразил участия к несчастью человека и не обнаружил в себе человеческих чувств. Имея в виду, что царь не любит наказывать, и боясь, чтобы узник не получил помилования, на третий день, по взятии его, Ливадарий лишил его зрения. Такое жестокое и каменное сердце он показал в себе в отношении к этому несчастному! Люди очень легко доходят до без-^{194}умия, если ими не управляет здравый смысл, сдерживая их указаниями на внезапные перевероты счастья. И то, что совершается во время войны и битвы, что бы то ни было, заслуживает извинения, так как рассудок тогда спутывается, руки опускаются, как у пьяного, и человек в своих действиях не руководится и не управляется здравым смыслом. Но когда опасности уже нет, когда есть время основательно и спокойно обсудить, можно ли решиться на те или другие дела; тогда позволить себе что-нибудь предосудительное значит обнаружить в себе низкую душу.

9. Около этого времени случилось величайшее землетрясение, от которого многие огромные дома и многие огромные храмы — частью пали, частью же расселись. Упала и колонна с изваяньем Архистратига Михаила, которую пред храмом св. Апостолов поставил царь Михаил Палеолог, когда сделался обладателем Константинополя. Царь Андроник, его сын, опять возобновил и восстановил ее в прежнем виде. На следующее лето прибыла в Константинополь из Трапезунда сестра царя Евдокия, потому что там умер муж ее, Иоанн Лаз¹; она прибыла со вторым своим сыном, а первого, Алексея, оставила там с властью, какая принадлежала его отцу. Руки этой-то Евдокии прислал просить король Сербии, ^{195} с условием — заключить вечный союз с римлянами. Он был силен; римским владениям не давал покоя; города и села частью забирал, частью же опустошал. Это обстоятельство поставило царя в большое затруднение; во-первых потому, что он дорожил дружбою короля, во-вторых потому, что сестра царя Евдокия, находя такое замужество отвратительным, и слышать не хотела о нем, в-третьих и потому, что король на этот раз просил себе уже четвертой супруги. Пожив несколько времени с первой супругой, дочерью правителя Влахии, он потом отослал ее на родину и женился на сестре жены своего брата, сняв с нее предварительно монашеское платье. Затем когда тривалльская Церковь решительно восстала против беззакония, он спустя долгое время отослал и ее; между тем женился на сестре правителя Болгарии, Святослава², — это третья супруга. Но ни от одной из трех не имел детей. Наконец охладев и к этой, стал искать знатного родства. Так как Евдокия всеми силами души отказывалась от этого супружества, а он сильно настаивал, присоединяя к своему требованью немало и угроз; то царь в крайности указал королю на свою дочь Симониду, которой был тогда еще 5-й год, с условием, чтобы она воспитывалась у него до тех пор, пока не до-^{196}стигнет узаконенных для брака лет, и потом уже сделалась его супругой. Итак с наступлением весны, государь с государыней и дочерью отправились в Фессалонику, имея при себе и Порфирородного в оковах — из опасенья, чтобы он, при содействии матери, не убежал, так как мать, государыня Феодора, не переставала докучать за сына и просить его освобождения. Туда же прибыл и король, имея при себе заложниками сыновей знатных триваллов, а вместе и сестру Святослава, для верности договора. С нею немного после ее прибытия в Константинополь вступил в непозволительную связь Михаил Кутрул¹, который был зятем царя по сестре и, по смерти этой супруги, оставался вдовцом. Связь его с упомянутой женщиной сначала была покрыта тайною, а потом он вступил в явный и законный брак. Но, чтобы не распространяться, скажу только, что король, заключив прочный и твердый договор, который согласовался с желанием царя,

¹ Или правитель лазов, как у Пахимера (кн. 3, гл. 29). Лазы тоже, что колхи. Boivin.

² Σφευδοσθλάβη. У Пахимера не раз он называется, Οσφενδοθλάβος, а латиняне это имя переделывают в Венцеслава. Ducang.

¹ Сын фессалийского императора Михаила Ангела и Феодоры Петралифы. Ducang.

отправился домой, причем взял с собою и Симониду, ребенка, тогда как сам был 40 лет и старше тестя царя почти пятью годами.

10. На следующий год, когда царь возвратился в столицу, некоторые из массагетов, живущих за Истром, тайно присылают к нему посольство. Их вообще называют ала-^{197}нами. Они издревле приняли христианство и, хотя впоследствии подчинились скифам телесно, невольно уступив их силе, но постоянно питали в душе заветную мечту о самостоятельности и отвращение к своим безбожным поработителям. И так они посылают просить необходимого для них участка земли, выражая желание явиться миром в числе превышающем 10,000 человек и обещая, если будет угодно царю, помогать ему всеми зависящими от них мерами против турков, которые, вошедши в силу, бесстрашно делали набеги и опустошали всю римскую Азию. Посольство доставило такое удовольствие царю, как будто оно ниспослано было с неба и обещало трофеи по всей Азии. Он говорил о себе, что после смуты, произведенной Филантропином, стал подозревать всех римлян и перестал верить в чью бы то ни было преданность к себе. Поэтому и днем и ночью он бредил об иноземной помощи, чего не следовало делать. Когда стали унижать всех вообще римлян, тогда римские дела пришли в упадок, и дошли до крайне опасного положения, как это будет показано ниже. Как бы то ни было, но посольство было принято благосклонно, и более 10,000 тысяч массагетов прибыло с женами и детьми. А как им нужно было дать денег, лошадей и оружия, то и выдавали им, в чем они нуждались, или из царской казны, или из полковых, или наконец из общественных и частных сумм. Отсюда мно-^{198}жество сборщиков податей в разных направлениях рассеялось по провинциям; число чиновников в ведомстве сбора податей увеличилось; сбор стали производить и оружием и лошадьми. Обыскивали села, города, дома вельмож, дома воинов, монастыри, димы², театры, рынки,— и все давали деньги и лошадей с неохотою и слезами, провожая новое войско не благожеланиями и приветствиями, а слезами и проклятиями. Перебравшись с царем Михаилом из Европы в Азию, оно расположилось лагерем при Магнезии; а турки сначала разместились по горам и чащам, — это было обыкновенным их делом,— чтобы, под прикрытием местности, высмотреть, сколько войска у противников, каково оно и так ли ведет себя в лагере, как требует воинская опытность. Они знали, что по большей части молва приносит такие вести, которым далеко не соответствует самое дело. Поэтому, ходя вокруг, высматривали, действительно ли войско противников им не по силам и не нужно ли прибегнуть к персидским хитростям и засадам, чтобы обойти его и отбросить назад. Когда же увидели, что те часто без всякого порядка выходят на добычу и сами еще более опустошают римские владения, чем явные враги, тогда отважнейшие из них в порядке, принятом у них в военное время, ^{199}спустились с гор, сперва небольшое число, а потом все больше и больше; постоянно увеличиваясь в числе и становясь смелее в своих движениях, они прямо показывали, что хотят окружить царские войска. Но наши не дождались и первого нападения неприятелей и, снявшись оттуда, пошли тихим шагом, имея в тылу у себя варваров, которые шли за ними и расположились лагерем в самом близком от них расстоянии. Наши не видали даже, как велико число неприятелей; от трусости с ними случилось тоже, что бывает с пьяными; пьяные видят не то, что есть на самом деле, но воображают, что это что-то другое; от излишка винных паров в голове их глаза как будто колеблются от волн и не могут твердо установиться на предмете. Войска, которые дают знать о себе буйством и дерзостью, сами себе причиняют вред и гибель. Прежде чем успеют неприятели сделать на них нападение, они сами уже обращаются в бегство от своей трусости и становятся врагами самих себя, по суду вышней правды, воздающей должное за их дела. Да нельзя было и ожидать, чтобы успешно пошли дела у тех, которых провожали в дорогу проклятиями и слезами. Царь, видя, что массагеты обратились в бегство и не имея возможности с небольшим числом воинов противостать варварам, заперся в твердейшей крепости, Магнезии, и ограничился одним наблюдением, чем дело кончится. Массагеты же доходят до самого ^{200}Геллеспонта, опустошая все поля христиан, и оттуда перебираются в Европу; как будто для того только и были призваны из Скифии, чтобы прежде времени открыть туркам дорогу к морю. Прошло

---

² Димами — δῆμοι назывались иногда *ступени ипподрома*, на которых обыкновенно садились δῆμοι или толпы народа. Boivin.

немного дней, как явился в Византию и царь; а варвары, простираясь вперед, заняли почти все земли до самого Лесбоса и поделили их между собой.

11. В это время возгорелась война между генуезцами и венецианцами; последние были побеждены первыми несколько раз в разных местах, и потеряли весьма много как кораблей, так и денег. Наконец, снарядив 70 кораблей, пошли против тех генуезцев, которые жили напротив Константинополя, но не захватили ни одного; потому что те заранее поместили своих жен, детей и деньги в стенах Константинополя, а сами, взошедши на свои трииры, убежали от преследователей, уплыв в Евксинский Понт. Таким образом венецианцы, не нашедши генуезцев на месте, решились удовлетворить себя единственным средством — сжечь их дома и попавшиеся под руку пустые суда, и не только это, а и все дома римлян, бывшие за стеною, чтобы отомстить тем, которые дали безопасное убежище женам и детям их врагов вместе с их имуществом. За то римляне в свою очередь напали на живших внутри Константинополя венецианцев, некоторых растерзали и все их имущество разграбили. По этой причине на следующее лето венецианцы снаряжают снова восемнадцать триир и являются к царю с требованием вознаграждения за понесенные убытки. Отнюдь не в правилах дружбы, говорили они, подвергать крайнему наказанию тех, которые слегка отомстили за испытанные ими большие оскорбления. Римляне ведь первые нарушили союз, доставив женам и детям наших врагов, вместе с их имуществами, самое безопасное убежище, пред самою битвою. Царь отвечал, что требование их неосновательно; но не смел наказать их за их дерзость приличным образом, по неимению триир, которые можно было бы противопоставить врагам (трииры, как мы уже сказали, прежде еще были уничтожены). После этого венецианцы сделались столь дерзки, что ни во что не ставили римлян, и нанесли такой позор римскому государству, что мне даже совестно рассказывать. Когда несчастья постигают нас по причинам от нас независящим, тогда естественно проникает душу скорбь, но умеренная; потому что в таком случае совесть не бичует нас упреками, и мы считаем несчастье делом божеского суда, скрывающегося в неисповедимых судьбах Промысла. Здесь между тем сами римляне постарались и умудрились унижить достоинство римского государства, лишив море своих триир в видах прибыли, которая, будучи ничтожна, только принесла продолжительные и огромные потери и еще больше — позора. Если бы римский флот по-прежнему владел морем, то ни латиняне не позволили бы себе таких дерзостей против римлян, ни турки никогда не увидели бы морского песка; да и римляне не дошли бы до такой крайности, что не только соседние народы, но и те, которые жили от них на далеком расстоянии, стали для них страшны, точно камень Тантала, висящий над головою на тонкой нитке; они вынуждены были платить всем ежегодно дань, как некогда афиняне и беотийцы, потерпев поражение, платили и Лизандру и Деркиллиде и лакедемонским Армостам. Но продолжаю свой рассказ. Вооруженные венецианцы, вошедши на своих триирах в Рог, пристали к северному берегу против дворца, и отсюда послали требовать денег за тот убыток, какой потерпели венецианцы, живущие в Константинополе и ни кого не обидевшие; к требованию они присоединили угрозу — взять у римлян против воли больше, если они не выдадут должного добровольно. Когда же узнали, что царь отказывается дать удовлетворение, стали издеваться над силами римлян и тотчас же подожгли на противоположной стороне все дома, оставленные жителями, которые успели выбраться оттуда. Жгли они также склады снопов, какие находили на гумнах. Все это делалось в насмешку и в поруганье царю. Между тем случилось, что с севера подул легкий ветерок; дым понесся по его направлению и наполнил весь дворец. На следующий день, снявшись с якорей, они занялись нападением на суда, плывшие в город, и грабежом, который производили на островах Пропонтиды. Они при этом не довольствовались сбором денег; нет, вешая на рее мужчин головою вниз, бичевали их пред стенами города, чтобы родственники каждого, видя такое зрелище, бросали больше денег для их выкупа. Сбрав таким образом денег больше, чем требовали, венецианцы отправились домой. Между тем патриарх Иоанн, видя, что его презирают за необразованность и простоту, и подвергаясь явным порицаниям от некоторых архиереев, впадает в печаль и уныние и подает царю письменное отречение от престола, не желая дальше терпеть обид. Удалившись на покой¹, он

---

¹ В 1303 г. Boivin.

поселяется в монастыре Пречистой Богородицы Паммакаристы. Потом он отправляется на родину, в городок Созополь, где спокойно и доживает остаток своих дней.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

1. Около этого времени с востока хлынули целые моря несчастий, как будто тысячи ветров, вдруг сорвавшись с противоположных концов, все взбурлили и взволновали. Когда восточные области римского государства оста- {204} лись без войска, то турецкие сатрапы соединенными силами прошли все пространство до самого моря и завели свои поселения по самым его берегам. Добычею неприятелей сделалось множество женщин и детей, вместе с рабочим скотом и деньгами. Из тех, которые успели убежать, одни бежали в ближайшие города, другие явились во Фракию, босые и голые. Всю землю, сколько ее находилось в Азии под властью римлян, турки по общему согласию и жребию разделили между собою. Карман Алисурий² получил большую часть Фригии, также земли, простирающиеся от самой Антиохии, находящейся при реке Меандре, до Филадельфии и соседних с нею мест. Другой турок, по имени Сархан³, получил земли, простирающиеся оттуда до Смирны и приморских мест в Ионии. Магнезию, Приину и Ефес еще прежде успел подчинить себе другой сатрап, Сасан. Земли, идущие от Лидии и Эолии до Мизии, прилегающей к Геллеспонту, заняли Калам и сын его Карас⁴. Земли около Олимпа и потом всю Вифинию получил другой, Атман⁵. {205} Пространство от реки Сангария до Пафлагонии разделили между собою дети Амурия⁶. В следующем году Афанасий, бывший патриархом пред Иоанном и отказавшийся от патриаршества, говорят, тайно сообщил царю, что он предвидит гнев Божий на римлян и потому советует ему день и ночь молиться Богу до третьего дня. Когда же на другой день случилось землетрясение, то в нем царь увидел предсказанный Афанасием гнев Божий; и после стал утверждать, что нет никого, кто бы больше его был достоин патриаршеского престола, так как нельзя видеть будущего без божественного озарения; кроме того был убежден, что, как скоро он взойдет на патриаршеский престол, враги далеко удалятся от пределов римского государства, вместо зимы настанет весна, вместо волнения затишье, и границы римского государства легко расширятся. Это обстоятельство немало смутило почти всех архиереев и священников, всех настоятелей монастырей и всех клириков, почти, можно сказать, всех чиновников по делам торговым и всех вообще состоявших на общественных должностях. Все они вспомнили его суровость, какою он некогда отличался. Поэтому не поверили речам царя о землетрясении и пророчестве Афанасия и ворчали про себя, что это выдумка царя, который, желая возвысить Афанасия и вместе оправдать свое {206} расположение к нему, пустил о нем такой ложный слух. Но ласками и словами убеждения царь достиг того, что некоторые из архиереев и монахов склонились на его сторону. Вместе с ними он пешком отправился на место жительства Афанасия, находившееся в Ксиролофе, и, переговорив с Афанасием о патриаршеском престоле, что было нужно, убедил его принять и знаки патриаршеского сана. В повторении рукоположения и соединенной с ним торжественности не было надобности; потому что рукоположение было давно уже получено им, хотя он и отказался было от патриаршества вследствие неудовольствий. Таким образом в седьмой день после этого Афанасий восходит на патриаршеский престол. Тогда временно проживал в Константинополе патриарх египетской Александрии, человек внушавший к себе уважение и рассудительностью и добродушием. Чрез то он приобрел себе большое уважение и большую благосклонность у

² Алисирис у Пахимера, Алисирий у Франца, Караман у Лаоника. По нем Киликия вместе с частями Ликаонии, Памфилии, Кари, к которым Лаоник прибавляет внутреннюю Фригию, названа была Караманией. Потомки Карамана названы Караманоглиями (их родословную см. у Леунклявия пред его мусульманской историей). Ducang.

³ Так — Франц и Лаоник. По нем Иония названа Сарханией. Ducang.

⁴ По имени Караса названа была Карасией Лидия до Мизии. Ducang.

⁵ Так называется и у Пахимера (кн. 4, гл. 9; кн. 10, гл. 20, 23 и кн. 11, гл. 9); Othmanes у Франца, Ὁτμάνος у Лаоника, Осман у Франца, Леунклявия и др.; от него-то ведут свой род султаны Османской Порты. Он был сын Етрукула. Ducang.

⁶ У Франца они называются Хасаном и Магометом. Ducang.

царя. Он-то, видя в царе горячее расположение к патриарху Афанасию и слыша, что царь постоянно превозносит его имя великими похвалами, что называется, до небес, и сравнивает его во всех отношениях с божественным Златоустом, сделал очень тонкий намек на речи царя и на его, можно сказать, неуместное расположение к Афанасию,— почти в таких словах: «был один сапожник и держал у себя белую кошку, которая каждый день ловила в доме по одной мыши. Однажды кошка как-то оплошала и упала в кадку, в которой сапожник держал в жидком виде черную краску для окрашивания кож; оттуда она едва выбралась, сделавшись уже черною. А мыши подумали, что она, переменяв свою одежду на монашескую, конечно, не станет есть мяса. Поэтому они бесстрашно высыпали на пол и принялись обнюхивать и там и сям, чем бы поживиться. Кошка, пришедши и увидав такую богатую добычу, не могла, конечно, изловить всех, хотя и очень хотела; однакож схватила двух и села. Прочие все бросились бежать, удивляясь, каким образом она с тех пор, как облеклась в монашескую одежду, стала более жестока».— «Боюсь я, продолжал он, чтобы и этот Афанасий, только что получивший патриаршеский престол в награду за свои предсказания, не затмил своей прежней суровости новою».

2. В эти времена начали войну между собою два короля, итальянский Карл и сицилийский Февдерих ¹. Сицилия — остров большой и многолюдный, отстоящий от материка не более, как на 50 миль, если измерять расстояние от итальянского мыса Скиллея до приморского города на острове Сицилии, Мессины. Карл, издавна, желая подчинить себе Сицилию и простирая на нее виды, тайно строил длинные корабли, приготавливал по возможности и все другое, что требуется для войны как на море, {208} так и на суше. Когда же вражда сделалась открытою, Карл сначала наводил страх на неприготовленного Февдериха и сильно налегал на него, часто перебираясь с материка на остров со всем своим войском, и пешим и конным; в течение двух лет он вредил владениям Февдериха, зимой возвращаясь домой, а весной являясь обратно с большими силами. Между тем в то время один латинянин, по имени Рожер, набрал войско в Нижней Иверии ² и Галатии, лежащей к западу, по ту сторону Альп,— войско из людей бездомовных, которые рады были сражаться и на море и на суше, и наполнил им не менее 4 триир; с ними бесстрашно он вел жизнь пирата, оставляя далеко за собою всех, когда-либо занимавшихся этим ремеслом; он не только нападал на корабли, шедшие с грузом с севера на юг и обратно, но разъезжал и около больших островов, нападал на них и был грозою в Нижнем море³. А так как Сицилия была заперта со всех сторон и морским и сухопутным войском Карла, и Февдериху необходимо было обратиться к иноземной помощи; то он и обращается к упомянутому Рожеру, поручая ему набрать, где {209} только может, еще до 1000 храбрейших всадников, чтобы войску Карла смело и отважно противопоставить равные силы. Как скоро тот пришел и привел с собою 1000 пехоты, состоявшей на кораблях, и 1000 конницы; то все сицилийские города, которые Карл взял и поработил, не привыкши к чужеземному игу, тотчас же опять перешли к Февдериху,— точно марка перевернулась. Услышав об этом, Карл сильно был раздосадован и вышел из себя, точно сумасшедший. Он видел, что его давние надежды, уже осуществлявшиеся, рушились, и что плоды его трудов, введенные, можно сказать, уже в самую пристань, вдруг пошли ко дну. Поэтому с окончанием весны, он явился с большею силою, но, сразившись с Февдерихом, который стал теперь уже сильнее по количеству и качеству воинов, не достиг, чего хотел. После такого окончания года, с наступлением весны, Карл, можно сказать, двинул в Сицилию всю Италию, чтобы этим походом окончательно порешить и заключить длинный ряд войн. Но побежденный, он возвращается домой с большими потерями и как бы в торжественном сопровождении скорбей. Поставленный в безвыходное положение, он отправляет уже к Февдериху посольство с предложениями мира и брачного союза между их детьми.

3. Когда таким образом обе стороны сошлись и короли, положив оружие, заключили {210} между собою ненарушимый мир, союзники Февдериха должны были подумать о том, как бы лучше поступить в их положении. У них не было ни домов, ни недвижимого

¹ Фридрих.

² Здесь разумеется Каталония, провинция в нижней Испании у пределов Галлии, где Пиринеи, которые не один из писателей называет именем Альп. Duscang.

³ Море Нижнее — иначе Тирренское или Тосканское, часть Средиземного моря между Тосканою, Папскою Областью, Неаполем, Сицилией, Сардинией и Корсикой. Hofm. lexic.

имущества, чтобы поспешить возвращением на родину. Это был сброд из разных мест разного рода бездомных людей, которые, соединившись для разбоя и грабежа, проводили бродячую жизнь вне своего отечества. В этих обстоятельствах предводитель их Рожер нашел нужным отправить послов к царю Андронику с предложением: что, если угодно, он явится к нему на помощь против турков. Царь принял предложение посольства с большим удовольствием, и Рожер прибыл из Сицилии с двумя тысячами ратников. Одну тысячу он называл каталонцами, потому что большая часть их происходила из этого народа; а другую называл амогаварами (almugavaros), — так называются по-латыни пешие воины во время походов. Рожер принял их в свою пехоту, потому и называл этим именем. Немедленно по его прибытии царь принял его к себе в родство, выдав за него замуж свою племянницу по сестре, дочь Асана, Марию, и возвел его в достоинство великого дукса. Когда же спустя немного времени, по приглашению Рожера, прибыл и другой каталонец Беренгарий Тенца, то царь Рожеру дал сан кесаря, а Беренгарию сан великого дукса. Денежные издержки на одежду, подарки и годовое содержание для них были до того {211} огромны, что царская казна в короткое время опустела. Сверх того, нужно ли и говорить, что когда пришлось им, переправившись в Азию, сражаться с врагами, они по дороге делали страшные оскорбления римлянам, которые бежали от них по приморским городам Азии? Мужчинами и женщинами они распоряжались ни чуть не лучше, чем невольниками; чужим добром нагло пользовались, как своим, и, само собою разумеется, удалялись, провожаемые всевозможными проклятиями и горячими слезами несчастных, которых они обидели. Вот что было сделано в первый год. С наступлением же весны ¹, они отправились на неприятелей, осаждавших Филадельфию. Жители Филадельфии в это время боролись с двумя бедствиями: вне с неприятелями, уже давно державшими их в осаде, а внутри с неприятелем более жестоким — с недостатком во всем необходимом и с голодом. Но они доблестно и мужественно отстояли себя, при помощи вышней Десницы, содействовавшей им, ради великих добродетелей иерарха этого города, божественного мужа, Феолипта ². Неприятели, увидев стройное движение латинян, блеск их вооружения {212} и неудержимую силу нападения, были поражены страхом и бросились бежать. И бежали не только дальше от города, но почти за древние римские границы. Это войско было устроено так хорошо, так отличалось вооружением, военной опытностью и многочисленностью (наряду с латинянами там воевали не только отборные воины из римлян, но и аланское ³ войско, сколько его было) и привело неприятелей в такой ужас, что многие говорили тогда: если б приказ царя, внушенный каким-то опасением, не помешал войску идти дальше, то в короткое время без труда были бы возвращены царю все римские города и области, очищенные от неприятеля. Но это говорили только люди, которые смотрят лишь на настоящее и не могут прозревать ничего в будущем. Без всякого сомнения, самим Богом было предопределено, чтобы дела римлян дошли до последней крайности. Потому-то по неисповедимым судьбам Промысла, вместо ожидаемых блестящих успехов, постигло римлян множество неудач. Впрочем этот поход легко завершили к концу весны. Преследовать неприятелей дальше им не было возможности, по отсутствию у них проводников, которые по незнакомой и невиданной местности могли бы провести их прямо, куда следует, они видели, что продолжать поход без проводников значило бы {213} устлать дорогу трупами; да и Рожер, бывавший на многих войнах и приобретший много воинской опытности, был не из таких людей, которые способны безрассудно подвергать себя опасностям. Поэтому все воротились назад и разошлись: римляне возвратились домой, алане также. Что же касается до латинян, шедших с кесарем Рожером, то они, проходя чрез оставшиеся у несчастных римлян города, поступали как нельзя хуже; они накинулись, как на неприятелей, на тех, которыми были призваны, говоря в свое оправдание, что не получают от казны определенного годового жалованья и что потому прежде, чем умереть с голоду им самим, им необходимо уморить тех, которые их призвали, а своих обещаний не выполнили. Таким образом можно было видеть не только то, как расхищались имущества жалких римлян,

¹ 1305 г. Ducang.

² Никифор Хумн, в Слове, которое надписывается 'Επιτάφιος εἰς τὸν μακάριον καὶ ἁγίωτάτον μητροπολίτην Φιλαδέλφειαν, Θεόκλητον, спасение Филадельфии приписывает одному Феолипту, и ни одного слова не говорит в похвалу каталонцев. Напротив Пахимер (I. 5, с. 21 et. 23) решительно молчит о Феолипте и упоминает лишь о Рожере и каталонцах, как освободителях Филадельфии. Boivin.

³ Григора называет алан не раз массагетами. Ducang.

как были насилуемы девицы и замужние женщины, как были связываемы и истязуемы другими способами старики и священники (неприязненная и безжалостная рука латинян была находчива на истязания), но часто и то, как над головой римлянина сверкал обнаженный меч, грозя ему немедленной смертью, если не объявит, где хранятся его деньги. Римляне или отдавали все и сами оставались ни с чем; или же, не имея чем откупиться, валялись по дорогам, с отсеченными оконечностями тела, представляя из себя жалкое зрелище, выпрашивая у {214} прохожих ломоть хлеба или какой-нибудь овол, и не имея никаких других средств к поддержанию жизни, кроме языка и ручьев слез. Узнал об этом и царь. Он видел, что призванные им чужеземцы опустошают римские владения больше, чем неприятели, что они для римлян сущее божеское наказание. Но видел и то, что не может отомстить им за все их обиды, потому что его полки возбуждали только смех своею малочисленностью. В то время, как он находился в таком стеснительном положении и не знал, как выйти из него, кесарь Рожер со всем латинским войском перешел во Фракию, потому что у римлян в Азии не оставалось уже ничего — ни денег, ни другого чего, что могло бы питать желудки этих палачей. Между тем он вздумал, оставив прочих воинов в крепости Каллиуполе ¹, с 200 других, отборных, отправиться к царю Михаилу, бывшему тогда с войском во Фракии, и потребовать от него положенного ему с войском годового жалованья, а, если будет нужно, то и пригрозить ему. Когда он сделал это, царь вспылил от гнева, который впрочем давно уже таил на Рожера в душе, а воины, в значительном числе окружавшие Михаила, обнажив мечи, тут же возле царской ставки изрубили Рожера ², а вместе с ним и некоторых из {215} его спутников. Но большая часть из них спаслась бегством и поспешила уведомить о происшедшем латинян, бывших в Каллиуполе.

4. Римские воины, совершив такое дело, вообразили, что этим они смирили гордость и заносчивость латинян, что те теперь отдадут себя римлянам в услужение и телом и душой, и что им осталось только выбрать одно из двух: или согласиться служить римлянам, или же против воли возвратиться той же дорогой, которой и пришли. Но тешить себя такими мыслями прилично только недалекому уму, который такого рода, что направляется в самую глубь тины и не может возвыситься до мысли, что событиями располагает Промысл, соответственно тем вызовам, которые мы делаем Ему нашими делами. Мы забываем эти дела и по самолюбию отклоняем от себя вину в тех неприятностях, которые испытываем из-за них. Между тем правда, записав их в своем свитке, ожидает, так сказать, времени жатвы и молотбы, чтобы посеявшим семена воздать соответствующими плодами. Из этих событий хорошо было бы извлечь урок, что чему не содействует вышняя Десница, против того восстают и земля и море и воздух, жестоко мстя всякому, кто вздумал бы избежать суда Божия. А еще лучше было бы, запомнив этот урок, поставить себе за правило — не противиться свыше положенному определению, како- {216} во бы оно ни было, не делать ничего вопреки ему, но, спокойно покоряясь своей участи, пользоваться временем и скорее уступать силе обстоятельств, хотя бы и не хотелось, чем идти наперекор. В самом деле, гораздо лучше, ничего не делая, соображаться с текущим порядком вещей, чем, принимая какие-нибудь меры, доставлять пищу неблагоприятному времени. Это походило бы на то, как если бы ктонибудь, испугавшись распространения огня, охватившего окружающие его дом строения, вместо того, чтобы стараться отвести пламя от дома или совершенно погасить его, стал бы подкладывать в огонь ноши хвороста и подливать масла; или же если бы кто-нибудь при северном ветре, неистово рвущемся сверху и громоздящем одни волны на другие, вздумал по доброй воле на какой-нибудь лодочке пуститься против течения. Все подобного рода действия не из числа тех, которые доставляют веселое и приятное зрелище; нет, они принадлежат к тем, которые только поднимают на себя враждебную руку и скоро приносят решительную гибель. Если бы мы в подтверждение своих слов не могли в настоящую минуту припомнить ничего больше; то было бы достаточно и того, что случилось в те времена. Римляне ничего не опустили, чтобы поправить дела, между тем все вышло наоборот. Римские вожди по несправедливым подозрениям одни находились в оковах, а другие встречали в царю одну {217} холодность. Отсюда, когда явились на помощь иноземцы, сначала массагеты, а потом латиняне, римлянам

---

¹ Во Фракии.

² В 1305 г. Boivin.

пришлось терпеть от них гораздо больше, чем от явных врагов. Из многого нечто мы уже рассказали, в чем человек, смотрящий на дело прямо и без предубеждения, найдет ясное доказательство гнева Божия и умеренное наказание за непомерные преступления. Яснейшим же доказательством этого была смерть кесаря Рожера. Римляне решились умертвить его, желая вознаградить себя за то, что призвали его, и надеясь избавиться от неприятностей, какие терпели от него. Но его смерть, как увидим, сверх всякого ожидания, положила начало бедствиям, гораздо более тяжким. Так, когда божественный Промысл не содействует людским планам и делам, их постигает худой и самый несчастный конец. В этом случае и умный не бывает умным, и храбрый храбрым; но и умные планы оканчиваются глупо, и благородные, мужественные усилия сопровождаются тем, что недостойно человека мужественного и что даже очень постыдно. Но пора возвратиться к тому, от чего мы было отступили. Находившиеся в Каллиуполе латиняне, узнав об убиении кесаря, первым делом перерезали без разбору всех, живших в Каллиуполе, римлян и, отлично укрепив стены этого города, обратили его в крепость и надежнейшее убежище для себя. Потом, разделив свои войска на две части, одну посадили {218} на свои суда, которых было у них восемь, и поставили над ними навархом Беренгария Тенцу, с тем чтобы они, разъезжая у геллеспонтского пролива, ловили плывущие то взад, то вперед римские грузовые суда. Другая же часть войска во всеоружии пошла на грабеж и на разорение остальной Фракии и, нападая днем и ночью, принялась ее опустошать. Но Беренгарию Тенце со всем флотом Промыслом суждено было в непродолжительном времени погибнуть; латиняне нерассудительно напали на 16 кораблей, шедших из Генуи и отлично вооруженных из опасения пиратов, о которых ходили слухи. В происшедшей схватке одни из латинян сделались добычею моря, другие меча; наварх Беренгарий со многими из окружавших его заживо взят был в плен и потом выдан его единоплеменникам за деньги. Лишившись так неожиданно флота и большей части войска, каталонцы многие дни оставались на месте в страхе за неизвестное будущее; они оробели и очень упали духом. Их мысли заняла и сильно смущала опасность со стороны массагетов, которые, воюя вместе с ними в Азии, поссорились с ними по какому-то пустому поводу и многих из них убили. Немало также боялись они и фракийских воинов, потому что незадолго пред тем постоянно нападали на их земли и дерзко жгли их дома. Им не оставалось никакой надежды на пощаду от кого бы то ни было, так что, если бы даже они захотели помириться с царем, {219} и это дело не было бы для них безопасно. Но больше всего напугал их слух, будто царь Михаил готов выступить против них с большим войском. Поэтому они, вырыв вокруг крепости глубокий ров и сделав кругом ее насыпь, приготовились к осаде. Для этого предварительно запаслись посредством грабежа продовольствием. Но так как время шло, а ожидаемый приход царя не осуществлялся, то они обратились к другим мерам. Впрочем дела каталонцев находились в таком положении, что им решительно было невозможно не бояться; опасности в разных видах грозили им со всех сторон. В такой крайности они составили замысел, который мог сопровождаться для римлян печальными последствиями. Они отправили к жившим на противоположном берегу туркам послов — просить союза, и получили тогда же 300 ратников вдобавок к своим 5000, а чрез несколько времени немало и других, явившихся перебежчиками. Выходя вместе с ними, они часто опустошали окрестности и забирали целые стада лошадей, коров и овец вместе с их хозяевами. Далее переносить это было невозможно ни для римлян, ни для римских царей, и потому с той и другой стороны начали готовиться к битве. Так как каталонцы вместе с турками держались между двумя городками, — разумею Кипселлу и Апры¹; {220} то царь Михаил, взяв фракийские и македонские полки и вдобавок фаланги массагетов и туркопулов, расположился лагерем на равнине, окружающей Апры. Туркопулов была тысяча; это были те, которые, как мы уже сказали, прибыли к римлянам вместе с султаном Азатином, искавшим себе убежища, но не последовали за ним, когда его уводили оттуда европейские скифы, потому что полюбили житье у римлян и с православною верою приняли св. крещение. Затем они были зачислены в римское войско. Чрез несколько дней некоторые из досмотрщиков пришли с известием, что неприятели близко. Царь встал и приказал войску вооружаться, а предводителям и военачальникам выстраивать и готовить к битве фаланги с их ближайшими начальниками. Видя, что неприятели построились тремя фалангами, они и сами сделали тоже. Туркопулы с

¹ См. Анн. Комн. т. I, стр. 341—344.

массагетами составили левое крыло, на правом стали отборные всадники из фракийцев и македонцев, а в середине оставшая, очень большая часть конницы вместе с пехотою. Царь, объезжая ряды, воодушевлял воинов к мужественному нападению. С восходом солнца и неприятели подошли и выстроились напротив, имея на том и на другом крыле турков, а каталонские тяжело вооруженные фаланги в середине по причине их неповоротливости. Между тем массагеты, давно уже замыслившие измену, — потому что не очень были довольны римлянами-^{221}ми и кроме того имели тайные приглашения от европейских скифов,— вдруг перед самою битвою обнаружили свое вероломство. Едва только с той и другой стороны подан был знак к сражению, они тотчас уклонились и стали в стороне, не помогая римлянам, но не сражаясь и против неприятелей. То же сделали и туркопулы, потому ли, что заранее условились, с массагетами об этом гнусном деле, или же просто так им вздумалось. Такая неожиданность отняла у римлян всю бодрость в самую решительную минуту битвы, и весь успех ее отдала в руки неприятелей. В самом деле, неожиданная измена навела на римское войско такой страх и внесла в его ряды такое смятение, какое может произвести только жестокий порыв северного ветра, когда он, налетев на судно, плывущее по широкому морю, рвет веревки и паруса, чтобы в заключение залить судно и отправить его ко дну. Царь видя, что ряды так неожиданно смешались и большая часть войска смотрела, как бы убежать, быстро разъезжал, и всех военачальников, обращаясь к ним со слезами и называя каждого по имени, уговаривал стоять крепко и не уступать врагам победу так легко. Но о его словах мало заботились, и бросились бежать без оглядки. Видя, что дело дошло до отчаянного положения и что большая часть пехоты беспощадно изрублена и истоптана, царь это время нашел вполне приличным, чтобы не щадить себя для подданных и, ^{222}бросившись на явную опасность, тем самым пристыдить вероломных воинов. А потому, обратившись к окружающим (их было очень мало), сказал: «господа! теперь такое время, что смерть лучше жизни, а жизнь хуже смерти». Сказав это и призвав божественную помощь, он бросается вместе с ними на неприятелей и убивает из них некоторых, попавшихся под руку, разрывает фалангу и тем производит немалое замешательство в неприятельском войске. Стрелы так и сыпались на него, как и на коня, но он остался цел. Когда же конь его пал, он очутился в опасности быть окруженным неприятелями, и, быть может, дело и дошло бы до такого несчастья, если бы кто-то из бывших при нем, из любви к своему государю, не пожертвовал за него жизнью, отдав ему своего коня. Чрез это царь спасся от опасности, уже нависшей над ним; а тот, кто отдал ему своего коня, попал под неприятельских лошадей и лишился жизни. Отсюда царь отправился в Дидимотих ¹, и выслушал от своего отца-царя длинный выговор за то, что, будучи царем, действовал недостойно своего сана,— без нужды подвергая себя опасности, а в своем лице благоденствие и всех римлян. Неприятели же, бросившись преследовать бегущих, одних убивали, других брали ^{223}в плен живыми, пока наступивший вечер не прекратил преследования. Утром на другой день, обобрав, что было на убитых, и разделив добычу, неприятели смело начали опустошать и выжигать фракийские села. Чрез несколько дней явились к каталонцам перебежчиками и названные нами туркопулы и, быв приняты ими с удовольствием, присоединились к туркам Халила, как своим соплеменникам. А Халилом назывался вождь турков. Спустя немного времени Фаренца Ксимен и Беренгарий Тенца поссорились с своим вождем Рекафортом. Им, людям благородного происхождения, говорили они, неприлично быть под начальством у человека незнатного рода и вышедшего из низкой доли. Коротко сказать, ссора дошла до того, что они взяли за оружие, — и Беренгарий Тенца тотчас же пал в драке, а Фаренца Ксимен ускользнул к царю Андронику и, сверх всякого чаянья, удостоен был самого блестящего приема. Он возведен был в сан великого дукса и соединен браком с вдовствующею племянницею царя по сестре, Феодорою. Между тем массагеты, условившись предварительно с скифами в том, что перейдут к ним все и с своими семействами, и взяв с собою жен и детей, готовы были уже перейти через Эм ¹, — так называются горы, составляющие границу между римлянами и бол-^{224}гарами. Но туркопулы, все миром, в соединении с большим числом каталонцев, напали на них при подошве горы и, исключая немногих, перебили всех без разбора. Туркопулы с давних пор и много раз воевали

¹ Фракийский город, расположенный на мысе, внизу которого находились каменоломни. Hofm. lexic.

¹ См. Никиф. Вриенн. стр. 110.

вместе с массагетами, причем естественно делались участниками нередко в богатой и большой добыче, но при дележе всегда получали меньшую долю, как ни настаивали. Будучи не в силах бороться с ними, как слабейшие с сильнейшими, туркопулы только выжидали времени, питая в душе своей затаенную злобу. Вот теперь при случае они ее и обнаружили. Так-то.

5. Супруга царя Андроника Ирина, женщина честолюбивая, хотела, чтобы ее дети и потомки на вечные времена владели римским царством и римским скипетром и чтоб в именах ее потомков сохранилась о ней вечная память. Но неслыханное дело,— она хотела, чтоб они управляли не монархически по установившемуся у римлян издревле обычаю, но по образцу латинскому, то есть, чтобы, разделив между собою римские города и области, каждый из ее сыновей управлял особою частью, какая выпадет на его долю и поступит в его собственное владение, и чтоб, по установившемуся закону об имуществе и собственности простых людей, каждая часть переходила от родителей к детям, а от детей к внукам, и так далее. Эта царица родом была латинянка, и от латинян — то взяла {225} эту новость, которую думала ввести между римлянами. Но более всего побуждала ее к тому ревнивая мысль, тревожившая ее, как мачеху,— мысль о наследнике царства, пасынке Михаиле, который родился у царя от первой супруги, взятой из Венгрии. Как мы уже сказали, от нее было два сына: царь Михаил и деспот Константин. От этой Ирины, взятой из Лонгобардии родилась дочь, Симонида, о которой мы уже рассказывали, как она была выдана замуж за короля Сербии,— и еще три сына: Иоанн, Феодор и Димитрий, которых всех ей хотелось сделать царями. Но они занимали второе место после ее пасынка Михаила, как по сану, так и по участию в управлении государством. Каждый из них был впрочем вполне самостоятелен и независим от другого. Царица, видя, что царь-супруг любит ее более, чем супружескою любовью, задумала напасть на него с этой стороны, чтобы выполнить свои планы касательно детей. И вот она не переставала и днем и ночью наедине надоедать ему, чтобы он сделал одно из двух: или лишил царя Михаила царской власти и разделил ее между ее сыновьями, или же дал каждому из них особую часть и выделил особую долю из своей державы. Когда царь говорил, что нарушать завещанные и утвержденные многими веками законоположения государства невозможно, царица сердилась и прикидывалась пред супругом-царем различным образом: то она {226} тосковала и говорила, что жить не хочет, если еще при жизни не увидит на своих сыновьях царских знаков; то показывала вид, будто и не думает о своих детях, и держала себя неприступно, как бы заманивая супруга купить ее прелести ценою выполнения ее видов относительно ее сыновей. Так как это случалось часто, хотя и решительно никто не знал, то царь наконец потерял терпение; его прежняя жаркая любовь к супруге мало по малу остыла и ее место заступили жаркие ссоры, о которых пока никто почти не знал. В заключение он возненавидел самое ее ложе. Супруга Ирина, так неожиданно лишившись своих надежд, составила в своей груди против царя враждебный замысел. Желая отомстить царю, но не зная как, она ушла в Фессалонику; хотя царь сильно не желал этого, потому что боялся, чтоб домашние неприятности не получили огласки; но ей только и хотелось осрамить царя-супруга; она начала разглашать об общих у ней с супругом и тайных грехах, остерегаясь только, чтобы это не дошло до простого народа и черни. Наедине же и женщине и мужчине, каждому, на кого только надеялась, она напевала в уши; и все это не только без стыда, а еще с важностью. Жалуясь на свою судьбу, выходя из себя, издеваясь над кротостью супруга, не боясь Бога и не стыдясь людей, эта наглая и бесстыдная женщина, к собственному унижению, рассказывала про свои супружеские отношения {227} много такого, о чем не могла бы говорить, не краснея, и самая бесстыдная из распутниц! Она то бесчестила мужа, сколько хотела, пред каким-нибудь монахом, отведши его в сторону; то пересказывала то же и еще с прибавкою являвшимся к ней знатым женщинам; то писала к своему зятю по дочери королю сербскому, и притом такие вещи, что и говорить неприлично; и о чем бы ни говорила, речь свою всегда склоняла к тому, чтобы выставить себя и свою скромность, и унижить супруга. Нет ничего легкомысленнее женского ума, но в то же время ничего нет способнее его к выдумкам, к правдоподобным клеветам и к тому, чтоб сваливать свою вину на другого. Когда женщина ненавидит, она говорит, что ее ненавидят; когда любит, говорит, что ее любят; когда крадет, говорит, что ее обкрадывают; говорит, что ее заискивают, но что по скромности она гнушается искательством, между тем не стыдится наряжаться, выставлять свои прелести и не краснеет от этой улики; мало того, зная, что речи, которыми она задевает другого, чрезвычайно нравятся распутным

ушам, она звонит своим языком звонче колокольчика, вероломно откровенничает и мешает небо с землею, А если вдобавок она занимает высокое положение в обществе, что удаляет от ней на далекое расстояние тех, которые могли бы обличить ее; в таком случае разве милосердный Бог и морские волны смоят позор с того не-^{228}счастливого, против которого она изошряла свой злой и лживый язык. Царь, будучи характера кроткого и сверх того боясь языка своей супруги, а больше всего — чтоб она не подняла против римлян зятя своего, разумею короля сербского,— всеми мерами угождал ей, исполнял все ее требованья, касавшиеся как общественных, так и частных дел, и дал ей власти даже больше, чем сколько следовало государыне, чтоб только не дать огласки бывшим между ними скандалам. Но та, отчаявшись в милости царя к ее сыновьям, которой, как мы сказали, искала вопреки всякой справедливости, решила наконец действовать сама, всеми мерами, какие только находились в ее власти. И вот, узнав, что дукс Афин имеет у себя дочь невесту ¹, она посылает к нему послов, прося руки его дочери своему второму сыну, Феодору. Условием этого брака она положила то, чтоб ей с этой стороны, а дуксу с той поднять войну против правителя пеласгов и фессалийцев ² и прекратить ее не ранее, как уничтожив его и отдав его владения в собственность и постоянный удел Феодору. Однакож она ошиблась в своих расчетах и потому ^{229}отправила Феодора с большими деньгами в свое отечество Лонгобардию с тем, чтобы он женился там на дочери некоего Спинулы, который был не очень знатного рода и занимал не очень видное место. Латиняне вообще не гонятся за родством с людьми знатными, будут ли это римские вельможи, или даже сами цари. Да и сама она была не из особенно знатных; а если б была, то не решилась бы так легко войти чрез сына в упомянутое родство. Она была дочь маркграфа, а чин маркграфа у латинян не из важных ³: что в римских войсках носящий царское знамя, то у латинян маркграф⁴. Но для ясности рассказа станем говорить обстоятельнее. Когда все царства в мире соединились под властью римлян и могущество Рима превознеслось, так сказать, до небес, после того как римские консулы и диктаторы — одни покорили Африку и Ливию, другие — Галатию, Иверию и Келтику ⁵, третьи наконец большую часть Азии и Европы от Танаиса до Гадир; тогда, по закону рабства стекалось в державный Рим отсюду многое множество разного рода людей; ^{230}сюда являлись предводители войск, сатрапы, властители народов, правители областей и городов, одни, чтоб сделаться известными кесарям и августам, другие — чтоб получить себе от кесарского сената какой-нибудь чин, или место. Приходили туда с другою целью и другие знаменитые и славные люди, чтобы, например, иметь честь приписаться к римским гражданам и удостоиться какого-нибудь из известных римских имен; так, например, приходили палестинский еврей Иосиф и известный своими астрономическими сведениями Птоломей. Иосиф назван там Флавием, а Птоломей Клавдием. Итак, когда со всех сторон стекались в Рим правители парфян, персов и других народов, каждый из них получал сначала какое-нибудь название. Так при великом Константине правитель российский (ο;´ Ϟωσικο;`ς) получил титул и сан стольника (ο;´ ε;´πι;` τραπεζης); пелопонесский — сан принцепса, правитель Аттики и Афин — великого дукса, Беотии и Фив — великого примикирия, владетель великого острова Сицилии — титул короля и проч. Другие получили другие титулы ¹. На ^{231}какие обязанности указывал каждый из них, об этом время

¹ Это была Агнеса, дочь Гугона, графа вриеннского, и Елизаветы de la Roche, супруги дукса афинского, и сестра Галтера, графа вриеннского, который в то время владел дукатством афинским. Ducang.

² Это был Иоанн Ангел Дука Комнин, сын Иоанниа Севастократора. Ducang.

³ Однакож это достоинство у латинян первоначально было очень высоко. Ducang.

⁴ Григора здесь ошибается. У латинян знаменщики полков или даже всего войска никогда не назывались маркграфами. Ducang.

⁵ Келтикою Григора называет страну, которая попросту называется Кельтибериею, или лучше часть Галлии, смежную с Испанией; а Галатию — остальные провинции Галлии. Григора думал, что Иверия достигает почти самых Альпов; потому что ниже он помещает маркграфство монтеферратское между Альпами и нижней Иверией. Boivin.

¹ Что говорит здесь Григора о титулах, совершенно ложно. Не говорим уже о титуле правителя России, остальные обязаны своим происхождением не грекам, а латинянам. Те из латинян, которые, по взятии Константинополя, стали управлять Афинами, присвоили сами себе название дуксов (dux) или же получили от латинских императоров; они же управляли вместе и Фивами, хотя Григора здесь представляет, будто различные были правители Афин и Фив, противореча тому, что сам же ниже (гл. 7) говорит. Название μεγάλοι Κύριοι греки и Grandes Sires-magni domini (великие господа) латиняне прилагали к тем из правителей, которые имели более широкие пределы власти, и по этой самой причине в этом названии нельзя никак видеть испорченного Πριγκίπιος, как ниже утверждает Григора.

не сохранило памяти, и одни из титулов совершенно покрыты волнами забвения, а другие сохранились до нас, но зато утратили их смысл. У тех, у которых явились титулы первоначально, они совсем не то значили, что теперь у нас. Однакож, как будто какое наследство, они непрерывно переходят на начальников областей от тех, которые впервые получили их. В настоящее время некоторые, из этих титулов, испытав от времени некоторую порчу, заключают в себе один намек на свое первоначальное значение; так правителя Беотии и Фив называют теперь вместо великого примикирия великим кирием, ошибочно отбросив первые слоги; подобным же образом и правителя Аттики и Афин вместо великого дукса называют афинским дуксом. Но возвратимся к прерванному повествованию. В те времена начальник той области, о которой мы говорили, получил чин маркграфа, чин, конечно, небольшой, соответствующий значению области. Она лежит между Альпами и Нижнею Ивериею. Маркграф, получивший ее, имел свою непереносимую обязанность — в случае, если бы кто из этого народа сделался царем, занимать у него должность знаменосца. Но возвращаюсь назад. Царица Ирина послала туда своего второго сына Феодора для того, чтоб, оставаясь между римлянами, ни он сам, ни его будущее потомство не были рабами ее пасынка царя. Она находила, что лучше ему принять веру латинян и пользоваться гораздо меньшим почетом, чем быть у римлян в чести и с своими детьми и внуками служить ее ненавистному пасынку с его детьми и внуками. Вместе с сыном она отправила и огромные суммы римских денег. Таким образом, она вопреки своему супругу-царю, утолила свою пламенную страсть, по крайней мере, в отношении к одному из сыновей, Феодору Маркграфу. Между тем она чрезвычайно много хлопотала поначалу и о том, чтобы связать иноземным супружеством и старшего своего сына, Иоанна, и собрала множество денег, желая сделать его правителем Этолии и Аккарнаний и всего соседнего Эпира. Но никак не могла осуществить этого плана. Когда же стала строить относительно сына новые планы, царь решительно воспротивился, говоря, что и он отец своему сыну и заботится о нем не меньше матери; он прибавил к этому, что отец имеет больше силы, чем мать, и что ничто не помешает отцу выполнить свою волю касательно сына скорее матери. В это время в числе первых государственных мужей был один, отличавшийся умом, равно как большою опытностью и знанием в государственных делах, и потому {233} пользовавшийся у государя величайшею благосклонностью и значением, а вследствие этого имевший несметное богатство, — именно Никифор, состоявший при Каниклии ². Этот-то Никифор ³, лстивыми словами и услугами вкравшись в особенную милость кроткого царя, просит и получает в зятя себе упомянутого царского сына Иоанна ³, несмотря на то, что его мать государыня и слышать не хотела о таком браке. Однакож не долго продолжались родственные отношения между тестем и зятем, потому что Иоанн еще до истечения 4 лет умер бездетным в Фессалонике, в присутствии матери, тестя и супруги. Когда надежды матери и на этого сына были унесены и поглощены временем, как какой-нибудь Харибдой, она обратила свои планы на свою дочь-королеву и сына Димитрия. Эта государыня теща столько перевела римских денег, частью пересылая их королю в Сербию, а частью нагружая его и щедро наделяя в Фессалонике, что на эти деньги можно было бы построить до сотни триир, которые постоянно приносили бы римлянам пользу. Но к чему перечислять ее затеи, которые следовали у ней одна за другой так быстро, что не успевала осуществиться одна, как честолубивая мысль этой почтеннейшей государыни выдумывала уже другую? Между прочим она хотела украсить дочь свою {234} царскими знаками, чтобы у ней не доставало ничего, чем издревле по римским постановлениям украшались римские царицы, — и, чтобы выполнить свое желание, поступила так (это только и было ей возможно): она сначала возложила на голову зятя своего калиптру, украшенную драгоценными камнями и дорогим жемчугом почти также, как украшалась и калиптра ее супруга, царя Андроника. Начавши этим, она потом ежегодно дарила ему новую, и каждый раз дороже прежней. А кто сосчитает богатые одежды и разные драгоценности, которые так часто дарила она и ему и своей дочери королеве? Кто перечтет царские украшения, которые она отнимала у римлян и передавала королю сербскому, издеваясь над кротостью царя-супруга и бесстрашно творя свою волю? А воля ее была такова,

Ducang.

² См. Иоанн. Киннам., стр. 203.

³ По прозванию — Хумн. Ducang.

³ Имя дочери Никифора — Евлогия. Boivin.

чтобы сокровища царской казны перевести в пазухи своих детей, и особенно дочери-королевы. Она надеялась, что король увидит детей от ее дочери, и потому заранее тащила и делала запасы для них из римского богатства, чтобы со временем они могли воспользоваться слабостью римлян и завладеть против их воли царством, которого они не хотели уступить по доброй воле. Но погрузившись всей душой в человеческие расчеты и никогда не приводя себе на мысль Бога, она забыла, что все зависит от Его десницы, что вооружает Его против себя всякий, кто, будучи человеком, замышляет то, что превышает силы челове- {235} ческие, и не относит к Богу исполнения и довершения своих намерений и усилий. Вот и царица Ирина, возложив большие надежды на детей, вела дела по собственному усмотрению, без Бога, и, как мы сказали, обеими руками переводила римские богатства в руки римских врагов. Но последствия не оправдали ее надежд и обнаружили ничтожество ее затей, как видно, по суду небесной правды. Более чем сорокалетний король, соединившись с восьмилетнею ее дочерью, повредил ее организм так, что от нее не могло уже быть потомства. Потерпев неудачу здесь, царица не успокоилась и придумала новый план: отправив к королю несчетное множество подарков, она убеждает его, чтобы он, так как уже отчаялся иметь дитя от своей королевы, по крайней мере утвердил бы преемником своей власти над триваллами кого-нибудь из братьев королевы. Это были Димитрий и маркграф Феодор. Из них первый был тогда еще подросток, другой же имел уже детей в Ломбардии, куда был послан, как мы сказали, матерью, как остаток ее рода. Она послала сначала к королю Димитрия, снабдив его большими деньгами и окружив большою пышностью, чтобы король, как мы сказали, назначил его преемником своей власти. Он и принят был королем благосклонно. Но суровая местность и неблагоприятный климат заставили Димитрия сильно опасаться за свое здоровье и не позволили ему остаться {236} там надолго. Через несколько времени мать опять увидела его и, обманувшись в своих расчетах на него, выслала туда из Ломбардии другого сына, маркграфа Феодора, носившего бритый подбородок. Она выслала его с тою же целью,— чтобы он утвержден был преемником власти короля сербского. Король принял благосклонно и его. Но суровая местность и непривычный климат не позволили и ему продлить там свое пребывание. Посему и этот сын, возвратившись оттуда и погостив у матери, которая кроме всех прежних надежд лишилась теперь и последней, удалился опять в Ломбардию к своей супруге.

6. Вот что происходило в те времена. А что было дальше, расскажем после. Теперь же нам следует возвратиться к каталонцам. После сражения, происшедшего при Апрах, они, гордые победою и союзничеством туркопулов (которые, как мы сказали, оставив римлян, перебежали к ним), целые два года, то и дело, производили набеги и обратили в необитаемую пустыню как приморскую страну, так и вдающуюся в материк до Маронии, Родопы и Визии. Потом увидав, что там уже не могут доставать себе продовольствие, они решились идти дальше и грабить все, что ни попадется на пути, пока не найдут себе удобного и постоянного пристанища. Итак, перешедши идущую к морю горную цепь Родопы, они бесстрашно подвигались вперед, постоянно нагружаясь добычей. Между ними было {237} турков, как пеших, так и конных, более двух тысяч, а собственно каталонцев более пяти тысяч, включая также в это число как конных, так и пеших. В середине осени, когда появляется на небосклоне Арктур, они, желая на зиму запастись продовольствием, напали на македонские села. Разорив их там очень много и собрав себе большое количество добычи, они расположились лагерем около Кассандрии. Это — город, древле знаменитый, а теперь не имеющий даже жителей. Но его окрестность была удобна для лагеря и для зимовки; а потому, как мы сказали, и была занята бродячим войском каталонцев. Это мыс, далеко вдающийся в море; с обеих сторон его находятся довольно большие заливы, в которые в зимнее время сметается лишнее количество снега. С началом весны, они, поднявшись оттуда, напали на македонские города, между которыми главным образом входила в их виды Фессалоника. Они полагали, что если сначала овладеют этим городом, большим, необыкновенно богатым и, что всего важнее, в то время, как они слышали, заключавшим в своих стенах цариц, то есть, Ирину и Марию; то уже ничто им не помешает, имея здесь опору для своих действий, сделаться обладателями и всей остальной Македонии. Но царь успел предупредить и уничтожить их замысел. Прежде всего он приказал вывести около Христополя длинную стену, от моря до вершины близлежащей горы, {238} так чтобы, когда он захочет, это место было непроходимо ни для тех, которые хотели бы перейти из Македонии в Фракию, ни для тех, которые вздумали бы пробраться из Фракии в

Македонию. Потом узнав, что с началом весны последует уже решенное каталонцами нападение на Македонию и македонские города, он избрал в военачальники людей, наиболее опытных, и поручил им набрать в Македонии войско, чтобы его довольно было для защиты македонских городов, если бы неприятели вздумали осаждать их, а также снабдить их в достаточном количестве продовольствием, перенести запасы его из предместий в самые города, и вообще принять все меры, чтобы во время осады гарнизону не пришлось терпеть больше от голода, чем от неприятеля. Однакож по наступлении уже весны неприятели оставили Кассандрию, и одни расположились у самых предместий Фессалоники, а другие вышли за добычей. Но видя, что вся эта страна оставлена жителями, что на ней нет ни стад, ни пастухов и что города между тем надежно защищены орудием, они решили воротиться во Фракию. Оставаться же тут, рассуждали они, значит терять даром время и безрассудно обрекать себя на гибель. У нас недостаток в продовольствии, между тем множество лошадей, множество пленных, да и самих не меньше 8 тысяч; поэтому нам грозит явная опасность погибнуть с голоду. Но их решение не огласилось еще по всему лаге- {239} рю, как они узнали от одного пленного, что дорога на Фракию не свободна, так как недавно у Христополя выведена длинная стена, замыкающая их отовсюду. Такое неожиданное известие поразило их и привело в решительное недоумение. Они не знали, что будет с ними, если станет томить их голод; вместе с тем они боялись, что народы, находящиеся по соседству с римлянами, живущими в Македонии, то есть, иллирийцы, триваллы, акарнаны и фессалийцы, из опасения набегов со стороны их, согласятся между собою и, соединившись вместе, окружают их и истребят всех без разбора, пользуясь тем, что им некуда спастись бегством. Такая крайность вынудила их принять решение более безумное, чем отважное. Они решились без малейшего замедления и со всею поспешностью идти вперед и — или завладеть Фессалией, в изобилии имеющей все необходимое для продовольствия, или овладеть какой-либо из областей, лежащих дальше и идущих по направлению к Пелопонесу, — таким образом, основавшись где-нибудь там, оставить продолжительное бродяжничество, если же это не удастся, то, условившись с каким-нибудь из приморских народов, беспрепятственно отплыть в свою сторону. Итак, поднявшись оттуда, на третий день пришли они, к фессалийским горам. Это были: Олимп, Осса и Пилий. Расположившись вблизи их лагерем, каталонцы опустошили окрестность и добыли себе в изобилии все не- {240} обходимое для продовольствия. Но мы едва не прошли молчанием того, о чем для связи повествования следует рассказать. При латинском войске, как мы сказали, было и три тысячи турков. Сказали мы и то, что из них 1100 были те, которые остались с Меликом после бегства к скифам султана Азатина; они были совершены святым крещением, приписаны к римским войскам и умножились целым поколением детей. Но потом отложились от римлян и передались на сторону каталонцев, когда оба войска готовы уже были сразиться одно с другим на полях, окружающих город Апры. Но еще больше было турков, переправившихся из Азии вместе с Халилом, для помощи каталонцам за деньги. Теперь когда, как мы сказали, каталонцы шли в Фессалию, турки начали против них бунтовать, смотря подозрительно на их отношения к себе и не очень им доверяя. Поэтому предводители турецких войск, Мелик и Халил, сошедшись с главным предводителем каталонцев, завели речь о том, чтобы им мирно расстаться. Тот охотно согласился (каталонцы, избавившись от римлян, теперь уже не нуждались в иноплеменной помощи турков), и оба войска разошлись мирно, разделив безобидно между собою пленников и добычу. Но о турках в свое время скажем обстоятельнее.

7. Каталонцы, отпустив турков, зимовали одни у упомянутых нами гор, Олимпа и Оссы; {241} с началом же весны, поднявшись оттуда, перешли вершины гор и находящуюся между ними Темпейскую долину и, прежде чем наступило лето, явились на фессалийских полях. Они нашли здесь прекрасные и тучные пастбища и потому пробыли в этой стране целый год, опустошая ее и расхищая все, что только было не внутри стен, потому что ни в ком не встречали себе противодействия. Дела в Фессалии шли тогда плохо: тогдашний правитель Фессалии был человек молодой и неопытный в важных делах; сверх того изнурен был продолжительною болезнью и находился почти при смерти, которая грозила вместе с ним прекратить преемство рода и власти, шедшее от его предков Севастократоров. Незадолго пред тем он вступил в брак с побочной дочерью царя Андроника, Ириною, но от ней не было еще дитяти, которое могло бы быть преемником его власти. Потому-то в настоящее время дела

были там в худом положении, а будущее грозило еще большими смутами и замешательством по поводу власти, так как покрыт был еще мраком неизвестности тот, кто имел принять на себя эту власть. Итак правитель находился тогда в предсмертных муках, а неприятели разливались подобно пламени и опустошали страну. Поэтому отличавшиеся там своим родом пришли к мысли обойти врагов деньгами и ценою богатых даров купить благосклонность их военачальников, пока они не {242} отняли всего вооруженною рукою,— кроме того обещать им проводников, которые проводили бы их в Ахайю и Беотию, страну богатую и плодородную, приятнейшую и вместе самую удобную для поселения,— если же они нуждаются в помощи, то дать им охотно и ее и быть навсегда друзьями. Это понравилось и латинянам, даже и очень пришлось им по душе. Они говорили: если мы будем продолжать войну, то страна будет опустошена, наши средства содержания истощатся и вместо настоящего изобилия во всем, из-за которого мы и бьемся, наступит крайний недостаток. Притом никто, кроме Бога, не знает, на чьей еще стороне будет победа; а нам это дело представляется очень и очень сомнительным и темным. В большей части случаев и той и другой стороне можно надеяться на успех; и теперь они могут рассчитывать на него не меньше, чем мы. Ни у нас нет верного ручательства за будущие победы, ни у них нет прочных оснований для подобной уверенности. Им могут придать отваги и смелости горные теснины, которыми природа окружила с разных сторон их страну; а крепости, расположенные на высотах, могут представлять нам при осаде неодолимые затруднения. Дело такого рода, что нам, блуждающим по чужой земле и так далеко оставившим за собою свою сторону, пожалуй, после не очень удобно будет удалиться. И так было бы крайне нелепо — имея возможность без трудов наполнить целые руки день- {243} гами и вместе приобрести таких союзников и друзей, пропустить такой случай и, погнавшись за неизвестным будущим, подвергнуть себя большим опасностям. Рассудив таким образом и сообразив все, они вошли с фессалийцами в хорошие отношения на упомянутых условиях, и, получив от них в начале весны деньги и проводников, отправились чрез горы, находящиеся на границе Фессалии; прошедши же Фермопилы, расположились лагерем у Локриды и реки Кифисса. Это большая река; она вытекает из горы Парнаса, отсюда катит свои воды к востоку, оставляя к северу опунтийских и епикнимидских локрян ¹, а к югу и западу все среднее пространство Ахайи и Беотии. Сохраняя свою ширину и не разделяясь до полей Ливадии ² и Алиарта ³, она расходится потом двумя рукавами и получает два имени — Асопа и Исмина. Под именем Асопа она прорезывает Аттику до самого моря, а под именем Исмина вбегает в Эвбейское море у Авлиды,— там, где, говорят, когда-то давно эллинские герои, отпра- {244} вившись против Трои, первый раз пристали и имели стоянку. Потом, когда правитель Афин и Фив ⁴ и владетель всей той страны узнал о нашествии неприятелей (он, как мы выше сказали, назывался сначала Великим Примикирием, а впоследствии на испорченном языке простого народа — Великим Кирием); то, несмотря на просьбы каталонцев, не хотел дать им свободного пропуска чрез свою страну. Мало того: он выразил к ним большое пренебрежение, в глаза насмеялся над ними, как не стоящими большого внимания, и в течение осени и зимы до весны собирал войска. Готовились и каталонцы, чтобы или умереть в битве или со славою отстоять жизнь. И так с наступлением весны, каталонцы, перешедши Кифисс, расположились лагерем возле Беотии, неподалеку от реки в ожидании сразиться там с неприятелем. Каталонцев конных было 5500 человек, а пеших 4000; к ним были причислены и многие из пленников, умевших стрелять. Узнав, что неприятели явятся еще не вдруг, они вспахали всю землю, где должно было произойти сражение. Потом они выкопали рвы и посредством канав, проведенных от реки, смочили водой все поле сильно, что оно сделалось настоящим болотом, после чего коннице нельзя уже было свободно двигаться по этому месту, потому что ноги лошадей должны были вязнуть {245} в грязи. В половине весны прибыл и правитель

¹ Локрян было несколько родов. Так называемые локряне-озоляне занимали страну, расположенную вдоль северного берега коринфского залива, идущего к сицилийскому морю и сжимаемого двумя мысами: Рием и Антиррием. Кроме локрян-озолян на юге от Фермопил жили упоминаемые здесь другие локряне: *епикнимидские*, обитавшие при подошве горы Книмиды в городе Тронии, и *опунтийские*, населявшие город Опунт. Локрян-озолян отделяла от других локрян гористая Фокида, в которой возвышается Парнас.

² Город Беотии, где находилась пещера и оракул Трофония.

³ Тоже город Беотии.

⁴ Галтер, граф вриеннский. Ducang.

страны ¹ с многочисленным войском, составленным из фивян, афинян и платейцев; тут были также отборные воины из локрян, фокеян и мегарян. Конных было 6400, пеших больше 8000. Но предводитель их чересчур высоко думал о себе и слишком многого хотел. Он надеялся не только тотчас истребить каталонцев, но и покорить еще все лежащие впереди области и города до самой Византии. Между тем вышло совершенно наоборот. Так как он успех дела основывал на собственных силах, а не на божественном содействии; то скоро сделался посмешищем для неприятелей. Увидев поле, покрытое густою зеленью и не подозревая ничего, он с криком и ободрениями устремился со всеми находившимися при нем всадниками на неприятелей, которые неподвижно стояли на краю поляны, ожидая его нападения. Но не успели они еще достигнуть середины поля, как лошади начали вязнуть в размокшей земле, как будто сдержанные какими крепкими путами, мешавшими им твердо ступить, и одни вместе со всадниками топтались в грязи, другие, сбросив седоков, неслись по полю, куда попало, а третьи, увязив ноги, как статуи, стояли на одном месте, держа на себе седоков. Каталонцы, ободрившись этим, окружили их и стрельбой во всех видах перебили решитель- {246} но всех. Потом тотчас двинулись оттуда и преследовали убежавших до самых Фив и Афин. Напав на эти города неожиданно, они легко овладели ими со всем их богатством, с женщинами и детьми. Таким образом власть над ними внезапно перешла к каталонцам, точно марка перевернулась при игре в зернь. После этого они оставили свое долговременное бродяжничество, и вот до настоящего времени не успокаиваются и не перестают мало по малу распространять пределы владений, которые им тогда достались. Так шли дела каталонцев.

8. А турки, после своего отделения от каталонцев, разделились на две части: одни пошли за Халилом, другие за Меликом. Мелик, просвещенный с своими спутниками божественным крещением и получивший от царя много наград, изменил потом ему и, нарушив союз благочестия и закон, предался римским врагам. После этого, думал он, дружба с римлянами уже решительно не возможна. Поэтому он решил лучше идти к королю сербскому, по его приглашению, нежели показываться на глаза римлянам. Явившись туда, он и находившиеся с ним 1000 всадников и 500 пеших, получили от короля Сербии приказание положить оружие, выдать всех лошадей, и жить на правах частных лиц, исключая лишь время военное, когда они, вооружившись, должны сопутствовать войску триваллов, в числе, какое укажет сам ко- {247} роль. Что же касается до Халила, то, остановившись в Македонии с 1300 конницы и 800 пехоты, он искал примирения с римлянами на двух условиях: чтобы ему пройти теснины у Христополя и чтобы, на римских кораблях переправившись чрез Геллеспонт, отправиться домой со всею добычею, какая была у его воинов. Царь выслушав их послов и вспомнив, сколько опустошения произвели они в римском государстве, решил как можно скорее освободиться от них, как от самого тяжелого груза. Поэтому немедленно послал лучшего из тогдашних военачальников, бывшего тогда великим стратопедархом ², Сенахирима с 3000 всадников, чтобы он проводил их из Македонии во Фракию до самого Геллеспонта. Здесь римские воины и военачальники увидели, что у турков многое множество лошадей, денег и всякого добра, которое эти враги имели перенести из римских областей в Азию,— и римлянам показалось нелепым допустить это. Потому ли, что им стало жаль римского государства, или же они соблазнились прибылью и добычею, только они пришли к таким мыслям, которые были противны условиям мира; они решили не давать кораблей, на которых намерены были перевезти турков в Азию, и ночью напасть на них. Это не утаилось от турков, и потому, переменяв место, они стали гото- {248} виться принять нападение римлян; кроме того они поспешили захватить одну из соседних крепостей и там укрепились. Это обстоятельство расстроило замысел римлян и заставило их расположиться как можно далее от турков, пока обо всем происшедшем не стало известно царю. Так прошло немало времени, по странному обыкновению римских начальников — вяло вести дела, не терпящие отлагательства. Между тем варвары не дремали и, послав в Азию, в короткое время приобрели от своих соплеменников сильную помощь. После этого они беспрестанно делали вылазки и внезапно производили на окрестности набеги то там, то в другой стороне. Предводители римских войск наконец убедились, что нелепейшее дело — сидеть и смотреть, как опустошают страну.

¹ Тот же Галтер.

² См. Никиф. Вриенн. стр. 79.

Поэтому пока неприятели не дошли до большей дерзости и пока больше не ослабили римского государства, они нашли нужным приступить к царю Михаилу и настоять, чтобы он, соединив все войско, осадил крепость и, взяв ее, истребил неприятелей. Затем все военачальники и все войска собрались к царю; но этого мало: явились там и все те, которые живут полем и заступом, — имея каждый в руках заступ или лопату. Впрочем явились как будто бы не для войны, а для получения готовой добычи, — для того, чтобы засыпать и самую крепость с неприятелями. Итак военачальники и войско двинулись с царем и пошли на неприятелей; они {249} тащили за собой множество торгового и деревенского люда и толпы тех, которые живут заступом и лопатою; все они шли не неохотно, потому что большая часть их по неопытности видела впереди себя одну только прибыль, и вовсе не приводила себе на мысль соединенных с таким делом опасностей. Но сколько неприятели укреплялись против опасностей, которые они сами на себя накликали и которые состояли в том, что они были заперты в неприятельской земле и в то же время своею численностью далеко уступали противникам; столько римляне презирали их, шли беспечно и пренебрегали дисциплиною, потому что гораздо сильнее были неприятелей по вооружению и численности. Они упустили из виду, что в мире нет ничего надежного и прочного, что, по словам Платона, человеческие дела — игрища божественной воли, что все они колеблются во мраке то вверх, то вниз, и испытывают превратности в своем непонятном движении. Неприятели, боявшиеся прежде и услыхав о римских войсках и заранее причислявшие себя скорее к мертвым, чем к живым, теперь, увидав их беспорядочное движение, сильно ободрились. Все имущества, женщин и все, что могло быть помехою в предстоящем сражении, они поместили внутри окопов и рвов, которые для собственной безопасности успели хорошо устроить. Сами же, взяв отборных всадников и хорошо вооружившись, в числе никак не более 700, вдруг {250} бросаются на царское знамя, которое не было даже поставлено в безопасном месте и надлежащим образом защищено. При таком внезапном нападении неприятелей прежде всего смешался деревенский сброд, и тотчас бросился со всех ног бежать. Потом понемногу начали разбегаться и другие, а наконец и все, оборотившись назад, побежали без оглядки и без военного шума. Когда царь вздумал привести войско в порядок, то не оказалось решительно никого, кто бы послушался его. В отчаянии он сам отправился той же дорогой, в гóре и слезах, размышляя, что все это явное наказание Божие за старые и новые грехи. Впрочем многие из военачальников, стыдясь беспорядочного бегства, останавливались на некоторое время, оборачивались к неприятелям лицом и принимали против варваров угрожающее положение, чтобы удерживать их от преследования бежавших римлян и самого царя. Наконец, когда неприятели собрались все, они, быв окружены, сдались. Неприятели заключили их в оковы, а царские деньги и царские украшения, какие нашли в царской палатке, разделили между собою. Между этими вещами была и царская калиптра, украшенная по обычаю дорогими камнями и нитками жемчуга. Ее, говорят, Халил, надел себе на голову, причем отпустил насчет царя несколько шуток и острот.

9. В это время патриарх Афанасий, отрекшись от патриаршеского престола, удалился на {251} покой в свои кельи в Ксиролофе¹. Причина этому была та, что некоторые из людей, наиболее недовольных им, не вынося того, что он уже столько времени занимал патриаршеское место (был на исходе уже 8-й год с тех пор, как он во второй раз возведен был на патриаршеский престол), составили против него коварнейший и безбожнейший замысл. Так как он и во время патриаршества по большей части проживал в своих кельях в Ксиролофе; то его недоброжелатели похищают от его патриаршеского сидалища подножие, вырезают на нем божественный лик Христа Спасителя, а по обе стороны его — царя Андроника с уздою во рту, и патриарха Афанасия, который осаживает царя, как кучер лошадь. Потом подножие с этими изображениями опять положили там, где оно лежало и прежде, то есть при патриаршеском сидалище. Затем некоторые притворяются, как будто заметили это нечаянно, и стараются оклеветать патриарха в неуважении к царю. Но царь, призвав клеветников и нимало не сомневаясь, что всю эту бессовестную и безбожную комедию разыграли они, заключил их навсегда в самую суровую тюрьму. Но патриарх остался недоволен, что царь не назначил {252} более тяжкого наказания, и тотчас же отказался от патриаршеского престола. Спустя два

¹ Знаменитое место в Константинополе. О нем упоминается у Юстиниана (I. 4, instit. titul. de publicis fud.): admonet nos epigramma in Xerolopho scriptum. Прискиан говорит, что в Ксиролофе бывали треножки, на которых делались надписи (ap. Iohan. Calvin.). Hofman. Lexic.

года патриаршеский престол занял Нифонт, митрополит Кизика, по взаимному согласию царя и архиереев, которые возвели его из Кизика на высоту патриаршества. Это был человек вовсе незнакомый с светской ученостью, да не много больше знаком был и с духовной, так что не умел своею рукою написать даже букв азбуки. Но крайний недостаток образования вознаграждался в нем природными дарованиями; и если бы он при своем богатом уме и природной сообразительности любил науки, то, конечно, занял бы почетное место между учеными. Но им успела овладеть прежде всего низкая любовь к приобретению, к мирскому блеску и славе; она направила к этим предметам весь его природный смысл и всю его сообразительность и влекла его мысль в эту сторону и днем и ночью, точно морской отлив. Это был необыкновенно хозяйственный человек: он искусно умел разводить деревья, ухаживать за виноградниками, производить постройки и вообще вести этого рода дела так, чтобы с каждым годом увеличивались закромы для хлеба, погреба для вина и кошельки для денег. Не стану говорить о пышности его платья, о рьяных и статных лошадях, о роскоши стола, и обо всем, что нежит тело, но и не развивает в нем толстоты и не портит цвета лица. Свободное время он уделял и женским (καὶ τῇ γυναικωνίτιδι) {253} занятиям, не с принуждением себе или без удовольствия, но с страстью, которой по-видимому не в состоянии был противиться. Такое настроение расположило его впоследствии принять на себя заботы об управлении женскими делами и имуществами (я говорю о двух женских монастырях, из которых один называется Перце, а другой Кратей): частью для того, чтобы извлекать себе выгоды из построек, а частью и для того, чтобы иметь возможность постоянно бывать там для кутежа и пирушек. Если он видел, что кто-нибудь наделен от природы дарованиями, или отличается каким-нибудь искусством, так что делается любимцем или всех вообще, или же только особ царского дома; то прикидывался ему другом, а в душе такого человека ненавидел, смотрел на него завистливым оком, не затруднялся тайно нашептывать на него в уши царя, сплетая то те, то другие клеветы, и делая тоже, что ливийская змея. Говорят, что в Ливии есть змея, похожая на эхидну; зарываясь глубоко в песок, чтобы прохожие не могли видеть ее, она оставляет над песком один лишь открытый рот с языком и неожиданно наносит прохожим смерть. Однажды только ему удалось подать царю добрый совет, и то не потому, чтобы сам он искренно желал того. Догадавшись о живейшем желании царя, он и сам вздумал содействовать исполнению его желания. Именно: он содействовал осуществлению мысли царя — при-{254}нять в общение с вселенской Божиею Церковью арсенитов, отторгшихся от ней из тщеславия, чтобы ни сами они не находились далее в опасности смерти душевной, ни других не соблазняли и не доводили до той же гибели. И так когда патриарх подал царю такой совет, хотя царь сам давно уже хотел того же, то с разных мест собралось многое множество арсенитов; они явились, точно из скал и лесов за день выросшие гиганты, они прикрыты были лохмотьями, но в изгибах сердца скрывали непомерное тщеславие. Они начали предъявлять тяжкие и невыносимо терзающие слух требования, чтобы показать народу, что они отделились не без причины. Они требовали: во-первых, чтобы останки патриарха Арсения взяты были с честью из монастыря св. Андрея и положены в великой церкви святой Софии; во-вторых, чтобы все священнослужители подверглись очистительной епитимии, например воздержанию от священнослужения в продолжение дней 40; в-третьих, чтобы и все миряне очистились в продолжение того же времени постом и коленопреклонениями; сверх того высказывали и другие нелепые требования. Царь охотно согласился на все, ради мира и единодушия. Но потом те из присоединившихся раскольников, которые не получили принадлежавших им некогда прав, как то: управления над митрополиями, настоятельства над монастырями, заседания в царских палатах, ежегодного содержания, все они скоро отпали от едино-{255}мыслия и снова начали жить особняками в расколе. Между тем патриарх, по настоянию самих же соединившихся с ним арсенитов, возшел на амвон, одетый в святительское облачение, и, став пред останками Арсения, провозгласил, как бы от лица Арсения, прощение всему народу.

10. В эти времена варвары, после той победы сделавшись гораздо смелее, опустошили и разорили почти все поля, примыкающие к Фракии, так что римлянам, заключившимся в городах, почти целых два года невозможно было ни пахать ни засеивать свои поля. Это наполняло глубокою скорбью и мучительными заботами души римских царей. Они уже решительно перестали полагаться на римское войско, поняв наконец, хотя и поздно, что над

ними тяготеет какая-то кара Божеская, не понимая однакож причин этой кары. Вся забота была у них о том, чтобы добыть откуда бы то ни было наемное войско. Но и при этом проходило немало времени в раздумье о предстоящих огромных издержках и о скудости царской казны, которая теперь больше, чем когда-нибудь, была истощена по причине разорения областей. Однакож, так как крайность не давала покоя и на малое время, то царь Андроник посылает просить помощи у своего зятя по дочери, то есть у короля сербского. Но прежде чем прибыла оттуда помощь, Господь, все творящий и все обращающий к добру, возбудил пламенное мужество в одном из бла- {256} городных мужей сената, бывшем в родстве с царем, — разумею Филиса Палеолога, который впоследствии получил от царя жезл протостраторский. Находясь постоянно при дворе и пользуясь величайшею благосклонностью царя за свои искренние и горячие чувства к государю и сверх того за безукоризненную жизнь, он казался однакож несведущим и неопытным в воинских делах, как потому, что и тело имел от природы хилое и часто страдавшее болезнями, так и еще более потому, что проводил время в одних благочестивых размышлениях и почти жил в церкви, обнаруживая в себе глубочайшее благоговение к священным предметам. Увидав, что царь Андроник подавлен тяжелыми заботами, он горячо принял это к сердцу и, пришедши к царю, сказал: «позволь мне отправиться в римский лагерь и выбрать небольшое войско, с сотниками и полковниками, каких я сам захочу, вместе с этим запастись в достаточном количестве продовольствием, как для воинов, так и для выючных животных; во мне явилась твердая и несокрушимая надежда на Бога; она согревает мое сердце и дает мне смелость уверить тебя, что в скорейшем времени я явлюсь к тебе с трофеями побед над варварами». Царь согласился, прибавив, что Бог, творящий правду, как Сам говорит чрез Пророка Давида, благоволит не к мужеским голеним, не к многочисленной силе, но к сокрушенному сердцу и смиренному духу Пс. {257} 146, 10. 11). Не благоволя к сыну моему царю Михаилу, конечно, за преступления родителей, Он не подал ему своей помощи, но верно подаст ее этому почтенному по жизни и поведению человеку; так как почтеннее пред Господом безукоризненная и чистая жизнь, чем сила оружия. Обратился я, сказано, и увидел под солнцем, что ни у легких нет движения, ни у сильных борьбы, ни у мудрого хлеба, ни у разумных богатства, ни у понимающих благодати; потому что всем им будет свое время и случай (Еклл. 11, 11). И так царь охотно выполнит, все, чего тот просил, — дал ему и денег, и оружия, и лошадей, сколько и каких он хотел. Филис, получив все по своему желанию, прежде всего ласками и разного рода повышениями возбудил в войске воинственный жар; в то же время он дарил деньги, лошадей, оружие и кубки; а однажды даже снял с себя пояс и подарил его одному воину, а другому — свой кинжал; ничем не отличал себя от воинов и обещал им после войны почести и подарки, смотря по трудам каждого. Потом умолял их удерживаться от всякой обиды. Он раздал множество денег и священникам, чтобы они молились пред Богом за войско и за него самого. Сверх того он нашел нужным, прежде чем выступить из столицы, отправить нарочитых тайно осмотреть неприятельский лагерь, чтобы не произвесть движения наобум. Узнав же, что Халил третьего дня послал {258} на грабеж 1000 пеших воинов и 200 конных, все людей отборных, и что они опустошили все поля около Визии и возвращаются назад с огромною добычею, он выступил со всею поспешностью, имея в виду напасть на неприятелей, пока они еще в дороге вместе с добычей и пока не соединились с своими. На третий день по выходе из предместий столицы он приходит к реке, которая у туземцев зовется Ксирогипсом. Здесь было поле ровное и очень удобное для расположения палаток и для сражения. Поэтому, расположившись лагерем здесь, он отдал надлежащие приказания полкам, ротам, передней и задней частям войска с их начальниками. Постоянно ободрял он воинов ласковым словом, провозглашал за них заздравные тосты и делал все, чем можно возбудить в человеке хорошее расположение духа. Прошло два дня, и вот в полночь являются лазутчики с известием, что неприятели идут неподалеку со множеством награбленной добычи, которая состоит из мужчин, женщин, детей и скота. С восходом солнечным появились и неприятели; еще издали они увидели лагерь своих противников, сверкающий блеском оружия, и потому, остановившись на месте, начали готовиться к сражению. Прежде всего они поставили свои повозки вкруг, и внутри его вместе с остальною добычею поместили связанных пленных. Потом, посыпав головы землей и воздев руки к небу, взялись за {259} оружие. Тут они увидели, что и римское войско в порядке идет на них; Филис следовал позади пехоты и конницы, воодушевляя войско к сражению

всевозможными увещаниями. Первый бросился на фалангу варвар, предводитель правого крыла, с следовавшею за ним фалангою. Поразив насмерть попавшегося ему под руку врага, он сбросил его с лошади, за ним другого; потом, когда конь под ним пал, вышел из строя. Это на некоторое время смешало римскую фалангу, а неприятели ободрились и, подняв неистовый крик и гам, бросились преследовать римлян. Но Филис предотвратил несчастье; он объезжал ряды и ободрял словами и приказаниями как пеших, так и конных воинов; и в то время, как он с горячими слезами призывал божественную помощь, чтобы она не оставила римскую империю, находящуюся на самом краю гибели, и толпы пленников с рыданиями и воплями, с глубокими вздохами и слезами, призывали свыше поборающую Десницу, римская пехота вступила наконец с пехотою варваров в рукопашный бой; воины поражали и терпели поражение, рубили и сами испытывали тоже; битва между пехотою шла жестокая и жаркая; и та и другая сторона боролась со всем упорством. Филис между тем с большею частью конницы обогнул варварское войско, и с теми, которые надежнее других были вооружены, разорвал с боку всю фалангу варваров, ворвался в самую ее средину, спу- {260} тал и смешал ее так, что варвары не могли далее стоять и не знали, что делать, так как были окружены со всех сторон и поражаемы беспощадно. Римляне, перебив там всех, кроме немногих всадников, бросились потом преследовать остальных и гнали за ними до самых ворот Херсонеса, чтобы, загнав варваров туда, как в западню, без труда потом их истребить. После такой победы римляне расположились здесь лагерем, довольные трофеями, почестями и наградами от царя. Царь тотчас отправил пять триир, чтобы они, разъезжая по Геллеспонту, сторожили, как бы Халилу не подана была помощь от варваров, живущих на противоположном берегу. Таково было положение дел, как явилась и давно прошенная помощь от триваллов,— две тысячи отборных всадников. В это время подошел к Геллеспонту и потестат галатских латинян, сам предложивший свою помощь римлянам и имевший в своем распоряжении восемь триир и стенобитные орудия. Таким образом сошлись здесь и римские, и триваллские войска, и бывшие на триирах. Они расположились отдельно, по племенам и народам, вокруг крепостных стен и рвов, за которыми укрывались варвары. Римляне и латиняне, знакомые с искусством вести осаду и разбивать стены, расставили вокруг их разного рода стенобитные орудия, посредством которых метали множество камней и наносили величайший вред как скоту варва- {261} ров, так и им самим, и не переставая действовали днем и ночью. Гибель варваров была уже пред их глазами. Не имея открытого места, куда бы могли убежать, потому что отовсюду были окружены многочисленными войсками, они для спасения жизни решились сделать такую попытку: тайно ночью напасть на войско, и лучше всего на римское, так как римлян они привыкли побеждать и воображали, что запугали их прежними поражениями. Они думали, что, напав на римлян, они напугают и другие войска и чрез то прервут на время осаду. Но тогда в первый раз они заметили, что имели ложное понятие о римлянах: от последних не утаилось даже первое движение варваров; римляне были вооружены, бодрствовали и были настороже, сменяясь для этого целую ночь. Поэтому варвары, бросившись на них, как на крепкую башню, были отражены и возвратились с большим посрамлением. Однакож они на том не остановились; но сильно теснимые осадю, решились снова попытать счастья, на этот раз уже на стороне триваллов. Но встретили и от тех тоже, и пришли в совершенное отчаянье. На следующий день, около полуночи, они бросили оружие и побежали к триирам с полными пазухами и кошельками. Они полагались на одних только латинян и не ожидали от них никакого зла, так как сами прежде не делали им никакого зла. Но в ту безлунную и темную ночь многие из них по ошибке попали на римские {262} трииры, что называется — из огня да в полымя, то есть, в руки римлян, которые, отняв у них деньги, тут же беспощадно их и изрубили. Латиняне же убили не всех, убежавших к ним, но только тех, которые принесли с собою большие деньги, чтоб об этих деньгах не узнали и не потребовали их римляне. Остальных же, оставив в живых, заключили в оковы, а потом часть представили царю, а часть разделили между собою и обратили в рабство. Так шли дела.

11. В следующем году низвержен был с патриаршеского престола и Нифонт, потому что позволял себе святотатство во всевозможных видах и, при своем корыстолюбии, открывал такие источники доходов, которые унижали патриаршеский престол. По низложении, он занял

помещение в той части монастыря Перивлепта ¹, которая обращена к морю. Между тем по истечении года на патриаршеский престол возводится Иоанн Гликис, бывший тогда логофетом дрома и имевший жену, сыновей и дочерей. Это был человек ученейший, выдававшийся из ряда всех благородным афинским выговором и сохранивший его во всей его первоначальной божественной чистоте. Он далеко превосходил всех рассудительностью, готовностью на все полезное и чистотою жизни. Потому-то получил и патриаршеский престол, как заслуженную на-^{263}граду, а жена его тотчас же облеклась в монашескую одежду; из уважения к патриаршескому престолу он и сам хотел принять монашество, но царь его удержал. Незадолго пред тем в его членах развились какие-то злокачественные соки, от чего он в известные времена года жестоко страдал; врачи находили, что ему необходимо употреблять мясо; потому принять монашество ему и не было дозволено. И я имел удовольствие быть знакомым с ним, и своим знакомством пользовался так часто, как только мог; я бывал у него в свободное время и ночью и днем, и от его разумных речей приобретал много пользы. Тогда у меня любовь к красноречию была во всей силе; от роду мне было тогда 20-й год на исходе. В то время у царя был в большой силе и заправлял всеми делами Феодор Метохит, занимавший тогда место логофета государственной казны ². Царь столько был к нему привязан и расположен, что не скрывал от него ничего ни важного, ни неважного; делал все, что тот хотел, и ничего не делал против его желания. Он дал ему в зятя своего племянника, — разумею Иоанна, единственного сына своего Порфирородного брата. При жизни отца, из ненависти ^{264} к нему, царь не любил сына; но по смерти отца принял сына к себе и полюбил особенно тогда, когда тот вышел из детства. Тогда он немедленно почтил его саном паниперсеваста ³, который теперь, из любви к племяннику, сделал гораздо почетнее, чем был прежде; он позволил ему употреблять одежды, сандалии и попоны для лошади — все желтого цвета, чтобы между сановниками, окружающими царя, он отличался от всех. Его-то, к которому питал такое благорасположение, царь дал в зятя логофету Феодору, любя последнего за те прекрасные качества, которыми тот был богат. Ростом, соразмерностью членов и частей тела и приятностью взгляда он привлекал к себе взоры всех; а при своем природном красноречии, трудолюбии, крепкой и верной памяти он достиг до самого верха всякой учености. На каждый вопрос о делах давно минувших или о позднейших он мог отвечать во всякое время, и говорил, как по книге; так что его собеседникам почти вовсе не нужны были книги. Это была живая библиотека, в которой легко было наводить необходимые справки, — так далеко он оставил за собою всех, когда либо занимавшихся ученостью. Одно только мог бы кто-нибудь поставить ему в упрек, что он не хотел ни подражать слогу кого-нибудь из древних риториков, ни смягчать важность ^{265} мысли приятностью и легкостью изложения, ни наконец сдерживать некоторою уздою свою природную плодовитость. Следуя каким-то своеобразным и странным требованиям, он разливается бурным морем слов. От этого он царапает и терзает слух принимающих за его сочинения, как шипы царапают руку срывающего розу. Всякий, кто хочет, может убедиться в силе слова этого человека из множества книг, написанных им и заключающих в себе много разнообразия и пользы. Но более всего стоит подивиться в этом человеке тому, что при таком смутном и тревожном положении общественных дел, при самых разнообразных заботах, наполнявших его душу, он всегда еще находил досуг читать и писать. Он так распоряжался временем, что с утра до вечера всецело и горячо был предан занятиям по общественным делам во дворце, как будто ученость была для него дело совершенно постороннее; ночью же, возвратившись домой, весь погружался в литературу, как будто был какой схоластик, которому ни до чего другого нет дела. Остальное, очень многое, что нам хотелось бы сказать об этом человеке, оставляем до будущего времени.

12. В это время царице Ирине, проживавшей уже давно в Фессалонике по высказанным выше причинам, вздумалось переехать в городок Драму. Это дельвала она и прежде ради приятного препровождения времени, когда надое-^{266}дало ей жить в Фессалонике. Спустя немного по приезде туда, ее схватила жестокая горячка и не замедлила исключить из списка

¹ См. Анны Комн. т. 1, стр. 129.

² В Константинополе было четыре казны: царская (βεστιάριον), военная (στратιωτικο;`v), государственная (γεμικο;`v) и частная (ιδικο;`v). Первая заключала в себе то, что принадлежало царю, вторая — содержание для войска, третья — доходы со всего государства, четвертая — доходы собственно Константинополя. Meurs. Glossar.

³ См. Никиф. Вриен. стр. 11.

живых. На похороны своей матери прибыла и тривалльская королева. Тело государыни перевезено было в Константинополь и положено в обители Пантократора. Из принадлежавших ей больших денег, часть царь раздал ее детям, а часть отделил на поправку великой церкви святой Софии; потому что слышал от опытных зодчих, что две ее стороны, одна обращенная к северу, другая к востоку, от давности осели и грозят скоро упасть, если их не поправить. Поэтому царь, как мы сказали, отсчитав зодчим немало тысяч из денег (покойной) государыни, вывел на глубоких основаниях эти видимые теперь нами пирамиды, посредством которых совершенно предотвратил угрожавшую опасность. Здесь стоит указать на побуждение, каким в этом случае руководился царь. Другие цари воздвигали новые Божии храмы, с примесью честолюбивых видов, почти из тщеславия и хвастовства; а где только подобное побуждение берет над другими верх, там оно лишает поступок его значения, точно червь, засев в яблоке, уничтожает его красоту. Но царь Андроник находил, что гораздо лучше — поправлять уже давно существующие храмы, приводить их в надлежащий вид и предотвращать необходимыми мерами опасности, каким они подвергаются от времени, {267} нежели допускать их до паденья, чтобы потом для славы и хвастовства воздвигать с основания другие. Вот в чем он поставлял всю свою славу. Кажется, в этом деле принимает иногда участие и зависть; она внушает допускать паденье зданий, построенных древними, чтобы с исчезновением зданий исчезла и память о созидавших, и чтобы новые постройки, при глубоком молчании о других, живее напоминали того, кому они обязаны своим появлением, как новые отпрыски указывают на приятность и силу наступающей весны. Но теперь восседал на престоле ум степенный и прямо смотревший на дело, державший скипетр рассудительности, не любивший лицемерия и взвешивавший все по совести, как перед Богом. Вот почему царь заботился о древних храмах, восстанавливал и возобновлял их, и тратил на то денег гораздо больше, чем бы их потребовалось, если бы он вздумал воздвигать новые. Мы не станем говорить о городках в Азии и Европе, которые он возобновил и воздвиг с самых их оснований, а упомянем о делах его в одном Константинополе, которые, благодаря этому царю, существуют и до сего дня. Это во-первых находящийся у ворот Евгения величайший храм великого Павла; потом другой храм 12 учеников и Апостолов Христовых; дальше — константинопольские стены, которые он возобновил и воздвиг из развалин; и наконец этот громадный и преслову- {268} тый храм святой Софии, который он еще более хотел поправить, но его намеренье прервало, точно внезапно набежавший вихрь, раздробление и нестроение царства, о чем мы скажем ниже, а теперь на короткое время займемся другим предметом. Во втором году патриаршества Иоанна Гликиса и в 6825 (1317) году от сотворения мира, случилось, что от сильных порывов северного ветра упал медный крест, находившийся в руке статуи, утвержденной на колонне, которая стояла на площади великого храма святой Софии. Царь приказал со всею поспешностью поставить крест на прежнее место. Окружив вплоть всю колонну деревянными подмостками, достигли самого изваяния. Мастера, поднявшись по этим подмосткам, нашли, что все железо, поддерживавшее с той и другой стороны лошадь статуи, глубоко переедено ржавчиною; так что нужно было опасаться, чтобы когда-нибудь не упали подставки, а вместе с ними не погибла и статуя, это диво столицы, которое только и осталось из множества подобных ему и равных, избежав неистовства пожаров и жадности латинян. Итак, вместо прежних подставок, под конем статуи утвердили другие, лучшие и более крепкие на которых статуя и оперлась прочно и твердо. Потом, сняв с головы статуи символ царского величия и еще шар находившийся в руке, покрыли их более прочною позолотою и придали более блеска. Затем и всю колонну, которая сверху до низу имела {269} поверхность изрытую по отсутствию в своих местах гвоздей, выданных латинянами вместе с медью, ее покрывавшею, покрыли крепкою штукатуркою и все ее углубления закрыли и сгладили. Я счел непростительным упустить такой необычайно редкий случай подняться к статуе и вместе с другими насладиться таким удивительным зрелищем полнее; поднявшись туда, я высмотрел и вычислил все во всех подробностях. Говорить о высоте колонны, которую желающий всегда может вымерить по ее тени, я считаю лишним ¹. О том же, о чем едва ли кто может сказать, мы, как очевидцы, скажем обстоятельно. Окружность головы статуи равняется шести футам. Так же велико пространство

¹ Бондельмонций говорит, что высота колонны простиралась до 700 локтей, что невероятно. Конечно, вместо 700, надобно разуметь 70. Boivin.

и от плечей ее до самого верха царской короны на голове. Длина каждого пальца на руках пядень ¹; длина ступней — три и две трети пядени, или четыре пядени без одной трети. Длина креста на шаре — четыре пядени, а ширина — три пядени; вместимость сферы — три городских метра, от груди коня до хвоста — три обхвата. Окружность шеи его также около трех обхватов; от края морды до ушей — один обхват, голень ноги в окружности пять пяденей. Плащ на всаднике усеян звездами, испещрен листьями и ветками и очень похож на те одежды, какие привозили некогда из Сир ².

15. На следующий год ³ царь женил внука своего, царя Андроника, на Ирине, родом из алеманов, которых у нас издавна принято называть западными галатами. После этого царь Михаил с своей супругой, царицей Марией, отправился в Фессалонику, где, по истечении ровно года, кончил жизнь. Когда он отправлялся, ему было предсказано, что он умрет там. Однакож несмотря на страх, который навело на него такое предсказанье, он отправился по причине поднявшихся тогда смут между фессалийцами, и пеласгами, о чем мы сейчас расскажем. Предсказанье же было такого рода. Во дворце, находящемся в Адрианополе, открыт был над дверями, немного повыше верхнего косяка круг, и в его окружности изображение четырех животных: льва, барса, лисицы и зайца, а над ними стихи, загадочно указывавшие на кончину в городе Фессалонике одного царя из дома Палеологов, после того как он поселится там. Этот круг находился от пола на высоте двух мужчин; так что становится сомнительным и почти невероятным, чтобы это написал человек, который не мог иметь ни времени ставить лест-^{271}ницу, ни необходимого досуга, чтобы подниматься туда для писанья, во время пребывания царя и при несчетном множестве входящих и выходящих. И так как никто из людей, не писал, то я советую припомнить то, что я говорил об этом прежде очень пространно. Но поведем речь о Фессалии и тамошних делах, чтоб, изложив их, приняться потом за предметы, имеющие более значения и веса. Мы сказали, что власть над фессалийцами и пеласгами перешла к последнему Дуке, Иоанну. Будучи молод и имея крайне расстроенное здоровье, он видел, что от этого идут дела дурно, и боялся за свою власть, чтобы кто-нибудь из окружающих его знатных лиц не отнял ее у него насильно. Поэтому чрез посольство он выпросил себе руку побочной дочери царя Андроника, Ирины. Но прожив с нею только три года, умер бездетным. Когда таким образом преемника его власти не оказалось, тамошние владения с селами и городами были разорваны на клочки: одна часть их отошла к царю с его вышеупомянутой дочерью, другая подчинилась некоторым из тамошних знатных лиц, а третья была порабощена каталонцами, сделавшими тогда на нее набег из Беотии. Тогда от божественного и священного Синода часто отправлялись одно за другим послания к фессалийцам, фтиотам и пеласгам с увещаниями к ним и вместе страшными епитимиями тем из них, которые не согласи-^{272}лись бы на подданство царю, чтобы вместе с другими составлять одно государство римское, как было в прежние времена. Но все эти послания пропали даром, первые также, как и последние. Таковы были дела.

КНИГА ВОСЬМАЯ.

I. Теперь мы намерены заняться изложением важнейших и позднейших событий; а для связи и порядка в повествовании, считаем необходимым припомнить нечто из того, что было уже давно, чтобы речь, будучи неясною, не наскучила и не надоела слушателям. У царя Михаила от его супруги Марии, происходившей из армян, было две дочери — Анна и Феодора. Из них первая вышла замуж за Фому, правителя Эпира и Этолии, а потом ее взял за себя убивший Фому его племянник граф ⁴. Феодора же вышла замуж за пра-^{273}вителя

¹ Как будто могли быть одинаково длинны пальцы. Boivin.

² Сиры или Серы — главный город, обширнейшей страны в Азии Сирики, занимавшей некогда большую часть нынешней Монголии. Hofm. Lexic.

³ В 1318 г. Ducang.

⁴ Фома, знатный галл, был граф Кефалонии и Закинфа, сын Иоанна, правителя острова Закинфа, которому, в приданое его супруги Марии Комниной, дочери правителя Этолии Никифора Ангела, был отдан тестем остров Кефалония; по смерти тестя из-за Кефалонии завязался спор между Иоанном и его шурином, деспотом Фомаю

болгар, Святослава. И так у царя Михаила были эти две дочери. Но столько же было и сыновей: царь Андроник и деспот Мануил. Царь Андроник — дед так горячо любил этого Андроника и так восхищался им, что всех первородных и непервородных, сыновей, дочерей и внуков, ставил после него на второй и на третий план и, если бы представился случай, не затруднился бы променять их всех на его одного. А любил его так и за то, что он был надежнейшим преемником его власти, и за его душевные качества, и за красивую наружность, а, может быть, и за одно с ним имя. По всем этим причинам воспитывал его по-царски при себе, и постоянно, днем и ночью, любовался им и восхищался. Потом когда младший Андроник пришел в юношеский возраст, в котором молодость неудержимо ищет удовольствий и ничем не стесняемого раздолья, особенно — если с цветущей юностью соединяется и царский сан; тогда сверстники его получили полную возможность руководить его по своему желанию во всем, что только может взбредить на мысль людям, измеряющим все своею прихотью и совершенно разнузданным. Прежде всего они начали завлекать его к прогулкам, театрам и псовой охоте; а потом и к ночным похождениям, которые не очень идут к лицу царей. Все это требовало больших денег, которые добывать было нелегко; потому что царь-дед отпускал ему дневное содержание {274} весом и мерою, так что при этом содержании не очень можно было кутить и удивлять других своей роскошью. Отсюда — дружба с латинянами, жившими в Галате, особенно с теми, которые владели большим богатством. Отсюда — займы, долги и поиски за деньгами. Отсюда — замыслы и порывы к тайному бегству. Он видел, что дед его Андроник долгое время держит в своих руках власть, а по смерти его самодержавная власть перейдет к его отцу, царю Михаилу, — и начал отчаиваться и совершенно терять надежду сделаться когда-либо самодержавным. К таким порывам подстрекало его не совсем благородное, усилившееся от времени, нетерпение отвесть лакомства, какое обещала ему верховная власть. Не желая быть в детском повиновении у деда-царя и выполнять чужую волю, подобно дитяти, он искал царской самостоятельности и довольства, чтоб иметь достаточно и про себя и дарить других, как дарит царь подданных. Но в тоже время он видел, что это невозможно при жизни деда и отца. Потому-то и простирали свои виды на другие страны и владения: то мечтал об Армении, принадлежавшей ему по матери, то о Пелопонесе, то о Лесбосе, Лемносе и других островах, наполняющих Эгейское море. Эти мечты тайными путями доходили до слуха то отца, то деда, и были рассеиваемы то тем, то другим. Однажды (очень многое я прохожу молчанием) он отправился ночью к одной женщине, которая родом бы-{275}ла не из знатных, а поведением гетера. У ней был любовник, ею любимый, второй Адонис, — молодой и статный мужчина. пылая ревностью, царь Андроник, расставлял вокруг дома гетеры стрелков и меченосцев. Однажды около полуночи брат его, деспот, отыскивал его и должен был случайно проезжать мимо дома гетеры. Лазутчики царя, заметив, что кто-то спешит, и за темнотою не распознав, кто именно, вообразили, что это приятель гетеры, и пустили в него дождем стрел. Получив смертельную рану, он упал с лошади. Его тотчас окружили и, узнав, кто он, отнесли на руках во дворец еле живого. Известие об этом на другой день повергло деда-царя в глубокую и сильную скорбь, — тем больше, что он смотрел не на настоящее только, а умно догадывался и о будущем. Когда же деспот Мануил умер от полученной раны и молва о том дошла до царя Михаила, проживавшего в Фессалонике; тогда — что и говорить? — она поразила его сердце глубже всякой стрелы, так что, подавленный неотвязчивыми мыслями о несчастном приключении, он подвергся страшной болезни, которая, спустя немного, свела его в могилу ¹. Все это так взволновало и возмутило душу Андроника старшего и произвело такое замешательство в его делах, что мы не можем указать в прошедшем ничего подобного. — В это время произо- {276}шло немалое волнение и смятение между жителями Генуи. Генуя — один из приморских городов на западе Италии, лежащий между Тирренами и Альпами. Она еще в давние времена заселена была двумя родами, из которых один носил название Гвельфов, другой — Гибеллинов. Долгое время удерживал там за собою первенство чести и власти род Гибеллинов. Потом марка перевернулась: стал сильнее род Гвельфов и все влияние на дела присвоил себе, а другой род решительно выжил из Генуи, чтобы со временем он не вошел в силу и не возвратил себе прежнего значения. Молва об этом,

Ангелом, — и Фома был убит Иоанном в 1318 г. Так рассказывает дело папа Иоанн XXII в посланиях, а о сыне Иоанна, Фоме, совсем не говорит того, что говорит Григорий здесь и в 6 гл. Vid. Hist. Franco-Byzant. I 6. n. 27. Ducang.

¹ В 1320 г. Ducang.

разошедшись всюду, где только ни жили выходцы из Генуи, заставила и их делать тоже, что делалось в митрополии. Отсюда повсеместные стычки и войны у генуэзцев одних с другими. Подвергшиеся изгнанию, набрав войска на стороне, всячески вредили изгнавшим.— Между тем, так как, и после похорон царицы Ирины, ее дочь королева хотела долго оставаться в Византии; пришли от ее супруга, то есть, от короля сербского, послы с угрозами римской земле, если его супруга не отправится к нему как можно скорее. Питая к ней пылкую любовь, он доставлял большую безопасность ближайшим областям и городам римским; но в отсутствии супруги, он ревновал и сильно подозревал ее. Царь испугался, чтобы зять не привел своих угроз в дело (а ему удобно было это сделать, {277} при множестве военной силы, которою владел), и немедленно отослал дочь. Ей шел тогда 22-й год от роду. Боясь, чтобы муж, который всегда ее подозревал, а теперь еще кипел на нее гневом,— не убил ее, когда явится к нему, она решилась пострижением в монашество избежать сожительства с ним. Но пока жила у отца, этого сделать не хотела, чтобы прямо не навлечь на него подозрения, будто он знал о ее намерении, тогда как он вовсе не знал, и чтобы не возбудить короля к открытому восстанию против отца. Поэтому до самого городка Серр ¹ она ехала в обыкновенном платье; а там, промедлив довольно, тайно купила у кого-то монашеское рубище и однажды ночью надела его. На другой день, явившись неожиданно в таком виде, она поразила бывших с ней триваллов и так встревожила, что они, видя себя в крайности и боясь своего государя, хотели было поступить с ней решительно: или разорвать рясу и отвезти ее против воли к мужу, или же умертвить ее, чтобы, оставаясь в живых, не мучила и не терзала его сердца тоской, как бы далеко от него ни жила. Но ее брат по отцу, деспот Константин ² (был здесь и он) поправил {278} дело, зная, что король примет эту историю равнодушно. Подбежав, он насильно разорвал это рубище, одел сестру опять в обыкновенное платье и, передав триваллам, велел как можно скорее возвести ее домой, несмотря на ее нежелание и слезы. Таков был ход дел.

2. Патриарх Иоанн Гликис видел, что здоровье его ненадежно и что отправление обязанностей, соединенных с его духовною властью, требует большой крепости телесных сил, тогда как его больному телу нужен покой. Он видел, что его душе, страдающей вместе с телом и страданиями тела, необходимо продолжительное успокоение от внешних занятий,— тем больше, что отсюда происходило двоякое зло: ни текущие дела не могли иметь быстрого и безостановочного движения, ни народ не мог им быть доволен и не роптать. Поэтому патриарх, утомившись делами, решился дать себе наконец отдых, и искал себе свободы от этих больших и разнообразных хлопот. Царь согласился с его желаньем, и указал ему для жительства монастырь Кириотиссы. Сюда он и удалился на 4-м году своего патриаршества, отрекшись навсегда от патриаршеского престола. Принимая и здесь, по возможности, меры против своей болезни, состоявшей в совершенном расслаблении рук и ног, он ждал своей смерти со дня на день. С патриаршеского престола он принес с собою немного денег, потому что не был корысто- {279}любив, как большая часть других патриархов; нет, его деньги легко было сосчитать, да и те он истратил на поправки в монастыре. Между тем, призвав он удостоил меня чести изложить на бумаге его последнюю волю, потому что ему очень нравился мой слог. «Все люди, говорил он, должны помнить о смерти и зорко смотреть на настоящее, чтобы в нем видеть не более, как тень,— должны помнить, как иногда неожиданно недра земли поглощают того, кто был жив еще вчера и третьего дня, прежде чем он успел распорядиться своим домом и прежде чем предусмотрел удар судьбы,— как опять иногда человек, полный неисчислимых надежд, утром выходит из дому, точно солнце восходит, и на праздник жизни является с торжеством; а в полдень исчезает в тайниках тьмы и забвения, во цвете лет, а часто и во время самой улыбки на лице, когда меньше всего можно ожидать беды. Но гораздо более необходимо помнить о смерти тем, у которых бывает какая-нибудь болезнь; вследствие повреждения и расстройства вещественной природы, тело человеческое страдает многими и разнообразными болезнями, которые, исходя от различных причин, смешивают его составные части и уничтожают между ними взаимную связь. Люди последнего рода одною рукою уже ударяют в дверь смерти, и, оставив надежду жить позади себя, одним глазом уже заглядывают на дно могилы; поэтому им решительно необ- {280}ходимо подумать о своей душе и, так как она

¹ Архиепископский город Македонии у Амфиополя, между Филиппами и Фессалоникой. Hofm. Lexic.

² Константин происходил от брака Андроника с Анной, а Симонида — от брака Андроника с Ириной. Ducang.

бессмертна, всячески позаботиться о приобретении для ней и благ бессмертных, чтобы не подвергнуть себя двоякой смерти — и по телу и по душе. И это мне нужнее, чем кому-либо: жестокая и тяжкая болезнь почти совершенно истощила мое тело. Она давно уже напала на меня со всею силою и до сих пор не хочет оставить меня; постоянно таится в моих внутренностях, как будто нашла там свой собственный дом; как пиявка какая, не перестает высасывать соки из моего тела, и мало по малу, обеими, как говорят, руками переводит мое имущество в карманы врачей, как будто в свои кладовые. Лечить ее было пустою заботою и бесплодным трудом; мы, по пословице, только толкли воду ¹. Но кто расскажет, сколько она мешала во время моей жизни моим делам и во дворце и дома? Случилось так, что едва только я кончил свое образование и вышел из юношеского возраста, как поступил во дворец и от августейших гусударей был удостоен немалых почестей. Не говорю о том, что было в промежутке времени,— наконец я был призван на патриаршеский престол, и взошел на него и по собственному желанию и против желания: против желания потому, что принимал на себя бремя почти не по силам: по желанию, потому что надеялся на выздоровление. Этою надеждою {281} я постоянно льстил себя, припоминая себе все древние и позднейшие чудеса Отца небесного, совершившиеся в одно мгновение; быть может, думал я, одно из них повторится и надо мной, если Господь человеколюбиво воззрит на мое рукоположение и помазание для этого высокого архипастырского служения. Но хотя мы и переменяли сенаторское кресло на патриаршеский престол, внутри нас однакож остались те же страдания болезни и ни откуда не видно было ни малейшего облегчения. Мы поняли, что это суд Божий, подвигающий нас решительно к смерти, и, может быть, умеренное наказание за то, в чем, греша, мы не знали меры. Надежда на выздоровление исчезла и сменилась, как мы сказали, ожиданием кончины. Да и на что оставалось надеяться, когда я видел, что тело мое лишилось уже почти всех соков, а питомцы врачебной науки, несоответствующие своему имени, пользуют меня нисколько не лучше, как и всех вообще? И так страшнув с себя лишнюю тяжесть дел и сплетни злых языков, я решил остаток жизни провести здесь» ². Но желающие знать об этом обстоятельстве, будут удовлетворены нами в другом месте; а теперь мы станем говорить, о чем следует, по порядку. {282} В это время на патриаршеский престол был возведен иеромонах манганского ³ монастыря, Герасим, человек покрытый сединою, но простой и почти совершенно потерявший от старости чувство слуха. Он даже и ногтем никогда не касался эллинской учености; зато по своей необразованности и простоте был послушным орудием воли царя. Цари на такие высокие места и выбирают таких людей, чтобы те беспрекословно подчинялись их приказаниям, как рабы, и чтобы не оказывали им никакого противодействия. Но об этом человеке пока довольно; о нем мы скажем впоследствии.

3. Деспот Константин, сын царя Андроника от первой его жены, происходившей из Венгрии ⁴, сначала был женат на дочери протовестиария Музалона, девице. Она хотя и много времени прожила с ним, но умерла бездетною. Между тем она имела красивую служанку, по имени Кафару. От тайной связи с ней у деспота родился сын, которого он и назвал Михаилом Кафаром. По началу деспот не хотел даже мельком взглянуть на него, ненавидел его, питал к нему отвращение и приказал воспитывать его где-нибудь подальше от себя. Этому причиной было то, что любовь деспота к его матери Кафаре неожиданно была вытеснена другой любовью, го- {283}раздо более сильной и страстной. Получив от царя-отца в свое заведывание дела Македонии и самой Фессалоники (жил он большею частью в городе Фессалонике), он пленился там одною знатною женщиной. Она была дочь протасикрита ⁵ Неокесарита, супруга Константина Палеолога. Она так отличалась от всех и красотою лица, и увлекательностью разговора, и очаровательной нежностью характера, что не только люди знавшие ее неизбежно запутывались в сетях любви к ней, но весьма многие начинали чувствовать к ней пламенную любовь по одному слуху. Природа к этой женщине была необыкновенно щедра; ее наружность

¹ В тексте: εἰς πῶρ ξάινοντες — расчесывали или колотили огонь.

² Здесь помещено только предисловие к завещанию патриарха. In Cod. Reg. 3229 есть два произведения одного содержания и изложения; из них одно надписывается: τοῦ πατριάρῃ κυροῦ Ἰωάννῃ τοῦ Γλύκεος ἡ παράκλησις τοῦ πατριάρχῃ, другое: τοῦ αὐτοῦ πατριάρχου ὁ πομπηστικός; εἰς τὸ ἐν βασιλεῖα τοῦ αὐτοῦ γίον. Βοϊνίν.

³ См. Никит. Хониат. т. I, стр. 7.

⁴ См. кн. 7, гл. 1.

⁵ См. Ник. Хониат. т. I, стр. 423.

она одарила редкой стройностью очертаний; ее ум наделила редкою проницательностью; ее языку сообщила необыкновенную убедительность, увлекательность и изворотливость, ее говору — мелодичность. Она не была лишена и светского образования; при случае она свободно разговаривала обо всем, что сама читала или что слышала от других; так что наши ученые называли ее пифагорянкой Феано¹ и второй Ипатией². Всеми этими ее качествами деспот {284} Константин, как мы сказали, был совершенно очарован, так что пытался соблазнить ее и войти с ней в тайную связь. Но она или опасаясь мужа, или отвращаясь самого дела, как незаконного, держала себя в должных границах. Между тем чем больше он замечал в ней холодности к себе; тем больше пламенел страстною любовью к ней. Здесь оправдывались слова Платона, что душа влюбленного живет в чужом теле. Когда же спустя немного ее муж умер, деспот сделался настойчивее и, как говорится, горы рыл, чтобы сделать ее своей законной супругой. Достигнув цели, он тотчас забыл всех других женщин и всякую другую любовь, даже упомянутого сына, Михаила Кафара, который родился от служанки; весь пыл любви он сосредоточил на Евдокие, вдове Палеолога. Этого Михаила Кафара, на 15 году его жизни, царь Андроник старший вытребовал к себе и причислил к мальчикам³, прислуживавшим во дворце: во-первых, чтобы он, оставленный без всякого попечения, не умер с голоду; а во-вторых, быть может, и для того, чтобы чрез него, как происходящего от царской крови, породниться с каким-нибудь из соседних народов и таким образом употребить его в орудие для заключения союза с кем-либо и для пользы римлян и {285} римского государства. Поселившись во дворце, Михаил Кафар в короткое время приобрел себе такое расположение царя, что даже царские сыновья с завистью стали на него поглядывать. Более других гневался и досадовал на это царь Андроник младший; он видел, что прежняя исключительная любовь к нему деда царя остывает, а любовь к этому выскочке, приемышу, со дня на день усиливается и возрастает. Теперь мы намерены сказать о более важных причинах скорби, гнева и многообразных забот Андроника,— о причинах, от которых произошли волнения в государстве и поднялись бури и волны бедствий. При таком, как мы сказали, незавидном положении государства, когда, между тем, умер и царь Михаил, царь Андроник старший всем велел присягнуть: во-первых в том, что все будут с благоговеньем почитать его, как царя и своего государя; а во-вторых и в том, что они также будут смотреть и на того, кого он назначит наследником своего престола. Неопределенность этих слов возмутила почти всех, и особенно внука, Андроника младшего, который был уже назначен наследником престола. Тотчас все,— как будто согласились,— подозрительно взглянули на приемыша Михаила. Отсюда родилось большое волнение умов, и один за другим пошли заговоры. Присягнули только некоторые, уступив чувству опасения власти; большая же часть подданных явно отказалась от такой присяги {286} ги. И царь находил неудобным, при таком смутном положении дел, прибегать к силе и принуждению. Он видел, что и царь внук его задумывает о побеге по причине неопределенности присяги, какой потребовали от подданных. Поэтому царь на время успокоился и перестал требовать присяг. Он начал подумывать уже о том, как бы удержать от побега своего внука-царя. Он боялся, чтобы тот, отправившись и получив от латинян в помощь себе морское войско, не возмутил римского государства и его самого не лишил власти. Поэтому поставил тайно наблюдать за ним Сиргианна, только что выпущенного из тюрьмы. Этот Сиргианн незадолго пред тем содержался в страшной тюрьме за вины, о которых следует рассказать, начав несколько раньше, чтобы не знающие истории этого человека узнали ее.

4. Его мать принадлежала к царскому роду и была женщина красивая и степенная; отец был знатный человек между команами, которые, как мы сказали, гораздо раньше переселились к царю Иоанну⁴ от иперборейских скифов. Сиргианн, при бойких дарованиях, еще прежде чем вышел из отрочества, сделался уже известен своими познаниями в науках. Потом, прилежно

¹ Феано метапонтская или тарентинская, жена пифагорейца Бронтиня. По свидетельству Свида, она написала в стихах: περὶ Πυθαγόρῃ, и αὐτοφθέγματα Πυθαγορείων. Hofm. lexic.

² Ипатия была одна из знаменитейших последовательниц неоплатонизма. Как дочь первого математика своего времени, Феона, она получила обширное образование и своими лекциями собирала к себе большое число слушателей. В 415 г. По Р. Х. александрийский народ, приписывая ее влиянию неприязненные отношения своего префекта Ореста к св. Кириллу, растерзал ее. См. Филос. лекс. Гогоцкого т. 2, стр. 380.

³ Ὑπηρετικοὶ παλδάριοις. Иначе они назывались архонтопулами. О них см. Анны Комн. т. 1, стр. 342—342.

⁴ Дуке. См. выше кн. 2, гл. 5.

изучив военное дело, он выдался из ряда других и здесь — телесною силою, глубоким умом и, что на-{287}зывается, дьявольской сметливостью. Не исполнилось ему еще и 25 лет, как царь послал его военачальником и правителем одной македонской области, с которой находились в ближайшем соседстве иллирийцы. Так как он был весьма щедр, не любил приобретать и отнюдь не хотел иметь более, чем имели его соратники и сподвижники в битвах; то до такой степени расположил к себе всех, что все готовы были скорее умереть за него, чем жить и смотреть без него на солнце. Притом он был необыкновенно находчив в затруднительных обстоятельствах; умел, при самом крайнем положении дела, найти разнообразные средства поправить его, и мог во всех случаях сохранить присутствие духа; так что все только дивились, глядя на него. Одна только слабость была в нем, которая, как какая-нибудь злая болезнь, растлевала все его дела и приводила его к тому, к чему мог бы придти человек красивый, бодрый и отважный, но лишенный зрения. Во-первых, нарушив мирные условия, он навел хлопот с соседями триваллами, этолянами и акарнянами. Потом удаленный оттуда, о чем еще расскажем, он стал смущать царей и расстраивать их дела. Таким образом сам накликал на себя беду. Лишенный предоставленной ему прежде власти, он деньгами обошел тех, которые имели вес у царя, и спустя немного опять получил прежнюю власть и удостоился звания пинкерна. На прежнее место {288} он отправился с мыслью отложиться, и в скором времени обнаружил ее; было узвано, что он думал обратить область, которою управлял, в свою собственность и тайными проделками сделаться независимым от царей. Поэтому Мономах Мистик хитростью схватил его и в цепях препроводил к царю. Этот Мономах, по поручению царя, управлял некоторой частью Македонии и, по близости областей, часто бывал у Сиргианна; причем выведывал его тайны и под видом дружбы продолжал сменять одну хитрость другою, пока, как мы сказали, не схватил его и не отправил к царю. За эту вину посаженный в тюрьму, Сиргианн пробыл там долгое время. Между тем мать его не переставала с воплями и слезами упрашивать приближенных царя, умолять их и усердно просить за сына, ручаясь за него всем; наконец, ей как-то удалось освободить его из тюрьмы, впрочем не прежде, как он представил царю письменную клятву пред святой иконой пречистой Богородицы Одигитрии, что впредь никогда не дозволит себе ничего, вопреки повелениям царя. Освободившись от всякого подозрения, он успел заслужить к себе полное доверие своего благодетеля, и сделался поверенным его тайн, так что поручена была ему и эта тайна, т. е. присматривать и наблюдать за внуком царя, царем Андроником, чтобы тот не убежал, о чем мы уже и замечали. Между тем Сиргианн, если следует верить слухам, хо-{289}дившим в народе, как человек властолюбивый, но до сих пор еще не имевший случая осуществить свои планы, вообразил, что сама судьба доставляет ему случай вооружить царей, одного против другого, и, таким образом совершенно расстроив дела государства, самому захватить в свои руки скипетр, или же, отрезав часть от целой римской империи, в ней утвердить свою власть. Он пришел к царю Андронику младшему и открыл ему тайну деда-царя, говоря: «мне, будто какой собаке, поручил царь следить за тобой. Он готовит тебе петли и кандалы; а ты, ничего не зная, сидишь себе, занятый детскими затеями. Что тебе пользы отплыть тайно в чужую сторону, где придется, как рабу, ожидать подачки с чужого стола, если даже и не будешь убит чужестранцами, и не попадешься в сети и путы деда-царя? Забудь эти детские затеи и доверься мне; я подам тебе добрый и спасительный совет; если ты его примешь, то без труда и в короткое время получишь скипетр самодержавия. Я нахожу, что самое действительное для тебя средство в настоящем случае одно — бежать из Византии и удалиться во Фракию. Люди от природы расположены к новостям,— и бедные фракийцы, обремененные большими налогами, если только, явившись к ним, ты объявишь им облегчение и свободу, все охотно пойдут за тобой куда угодно, легко сбросив с себя долговременное рабство деду-царю и стряхнув его с себя, как какую-нибудь Тан-{290}талову ношу. Если тебе нравится мой совет; то я готов быть для тебя помощником и руководителем в этом деле,— согласен весь труд взять на себя и надеюсь покончить все в скорейшем времени. Только и ты должен обещать мне с верными ручательствами, что получишь от тебя награду по своим трудам и заслугам. Какую же награду? Большие почести и поместья, которые могли бы доставлять мне ежегодно большой доход. Кроме того, ты должен дать мне слово, что никто не будет у тебя иметь веса больше меня и что ты без моего ведома не будешь делать никакого государственного распоряжения. Видишь, как я готов разделить с тобою случайности и с какою охотою подвергаю себя вместе с тобою опасности из любви к тебе,

забыв все те клятвы, какие давал царю. Если бы даже жестокая судьба решила мне поплатиться головою; я приготовился спокойно принять и это решение. Имея это в виду, не скупись же и ты своими обещаниями на мои требования, если хочешь быть цел. А так как время не позволяет долго медлить, и медленность грозит крайнюю опасностью; то сообщим-ка о нашем намерении и другим лицам, которые, будучи недовольны царем, не выдадут нас, ни наших тайн и могут нам очень пригодиться». На этих условиях царь письменною клятвою обязался выполнить все его требования. Поверенными их тайн должны были сделаться Иоанн Кантакузин и Феодор Си-{291}надин, из которых первый в то время имел сан великого папия¹, второй — сан доместика при царском столе, а третий, Алексей Апокавк, был также доместик западных областей и правитель в ведомстве соляного производства. Последний был не из очень знатных, но человек умный, изобретательный и чрезвычайно хитрый. А двое первых доводились в родстве царю. Кроме того Кантакузин с детства рос вместе с царем Андроником, и при прямоте, искренности и мягкости своего характера сделался его душевным приятелем. Синадин между тем был в подобных отношениях к отцу Андроника, царю Михаилу, пока тот был жив. Они сделались таким образом участниками в тайне, точно хлебнули вина из одного кубка, и стали для Андроника тем, что факел для разведения огня и что лошадь для езды по открытому полю. Они составили одно нерасторжимое братство, и как с одной стороны даны были страшнейшие клятвы, так с другой получены обещания больших вознаграждений за усердие и труды. После того принялись за дело с полным рвением и усердием. Прежде всего Сиргианн и Кантакузин подбились к приближенным царя и купили себе управление городами и областями во Фракии — первый над большею частью областей, лежащих внутри {292} материка и над всем взморьем до вершин Родопы, а Кантакузин над небольшою частью лишь внутри материка, лежащею около Орестиады. Потом стали они стягивать войска, заготовлять вооружение и набирать новых воинов, частью из пришельцев, частью из таких людей, которые, при недостатке пропитания, и не находились на службе и жили без всякого дела. Кроме того охранение городов предоставили людям самым верным и преданным их видам. Всех же тех, в которых думали встретить сопротивление своим намерениям, под разными предлогами, выпроводили из городов. Это они делали, разглашая предварительно о нашествии то приирийских скифов, то морских сил азиатских турков, чтобы, прикрываясь завесою таких слухов, оставаться свободными от подозрения и удостоиться похвал от царя за свою распорядительность и свое усердие. Сиргианн между тем продолжал маскироваться и не переставал тайно извещать молодого царя о том, что делалось и что следовало делать.

5. Между тем царь, видя, что внук на его внушения отвечает неповиновением и пренебрежением и не оставляет своей обыкновенной вольности, решил сперва изобличить его пред патриархом и сенатом, а потом в оковах отправить в темницу. Впрочем тогдашний логофет государственной казны, Феодор Метохит, удержал его от этого намерения, представив ему, что тогда шли празд- {293}ничные дни и было время не такое, чтобы приниматься за подобное дело. Тогда была сырная неделя, в продолжении которой люди предаются роскошным пиршествам и попойкам и становятся от вина способнее к мятежным порывам. Нужно опасаться, говорил он, чтобы не случилось того, что совершенно противно твоему намерению; судьба часто ветреничает и нередко встречает тем, чего по-видимому нельзя было ожидать. Между тем логофет государственной казны около этого времени кончил возобновление монастыря Хоры ² и, сколько нужно было, отделал его внутри. Поэтому он любил иногда отстоять там всенощное бдение вместе с монахами. Но вот наступила суббота первой недели четырехдесятницы, и на следующий день имело быть поминовение всех православных царей и патриархов; и он, по обыкновению, пришел на всенощное бдение, начавшееся с вечера. Около полуночи, когда мы стояли с ним вместе и слушали славословие, пришел кто-то от царя с новостью и требованием от логофета мнения о ней. Когда окружающие царя алебардщики ³, часовые и меченосцы хотели идти спать, тогда раздалось

¹ Великий папий был смотритель дворца и жил во дворце. Его должность была в числе первых. Meurs. Glossar.

² Это сначала был молитвенный дом, который был построен Юстинианом. Впоследствии Крисп, зять имп. Фоки, образовал из него обширный и красивый мужской монастырь во имя Христа Спасителя. Он находился в селении (χωρίον), за стенами Константинополя к северу; отсюда получил и свое название. Anselm. Bandurii Comment. in Antiqu. CP. I. 3, p. 530; cfr. Antiquit. CP. I. 3, p. 48.

³ Πελεκυφόρων — Варяги. Ducang.

такое ржание около дворца, что все в нем встревожи- {294} лись. Это случилось в глухую полночь и тогда, как не было ни одной лошади ни царской, ни сенаторской ни внутри дворца, ни у ворот. Такая странность смутила души тех, которые слышали ржание, и все друг друга спрашивали: что бы это значило? Не успело еще пройти первое смущенье, как снова раздалось ржание, сильнее прежнего, так что дошло и до ушей царя, который послал узнать, откуда оно в такую позднюю пору. Посланный узнал, что ржание раздается не от другой какой-либо лошади, а от той именно, которая написана на одной из дворцовых стен против молитвенного дома (προ; τοῦ εἰς τὴν ἐκκλησίαν) во имя Богородицы Никопеи¹ (Победительницы). Я разумею ту лошадь, на которой знаменитый в древности живописец Павел² превосходно написал едущим мученика Христова Георгия. На это логофет, в веселом тоне, как обыкновенно отвечал на вопросы царя, сказал: «поздравляю тебя, царь, с будущими трофеями. Я думаю, что ржание означает не другое что, как твой царственный поход против агарян, опустошающих нашу Азию». Выслушав это, царь тотчас послал к нему другого мальчика сказать: «ты или по привычке дал мне веселый ответ, или почему-нибудь другому; только видно, что не понимаешь дела. А я тебе дам настоящее объяснение. Эта лошадь, как {295} передали нам наши отцы, ржала также точно и прежде, когда мой отец царь задумывал отнять у Балдуина, правителя латинян, этот пышный город. В самом деле, и он однажды встревожен был этим странным звуком. Он нашел в нем себе дурное предзнаменование, а потом спустя немного и самым делом убедился, что предзнаменование было на его голову, когда увидал, что этот пышный город опустошают римляне». Не зная, что на это ответить, логофет сказал посланному: «сегодня ступай, а завтра я дам ответ царю». Кроме этого, и колонна, стоявшая в восточном акрополе, на которой, говорят, когда-то находилась статуя Византа, основателя Византии, много дней тому назад начала колебаться и много дней колебалась явно, на что все стекались смотреть. На другой день великий логофет пришел к царю, но о чем они рассуждали наедине друг с другом, никто не мог узнать; только по некоторым признакам мы могли после заключить, что они сперва просмотрели какие-то гадательные книги, в которых неизвестные авторы, темно и загадочно говорят о будущем, а потом сделали астрономические выкладки, посредством которых люди узнают течение звезд и догадываются о своем будущем,— и из них вывели такое заключение, что надобно ожидать нашествия неприятеля, смут в государстве и опасности для царской власти. Они и не воображали, что всему этому будет причиной царь Андро- {296} ник младший: Бог скрыл это от них по неисповедимым судьбам. Они сильно встревожились и смутились. Возвратившись из дворца домой с головой озабоченной, логофет долго сидел молча, не говоря никому ни слова; от одной мысли он постоянно перебежал к другой, и, будучи весь погружен в размышление о будущем, походил на глухого, совершенно бесчувственного ко всему окружающему; тогда как его супруга, дочь паниперсеваста и сыновья сидели по обыкновению около него и ожидали какой-нибудь веселой и приятной речи. Наконец его супруга потеряла терпение. И так как сама не отличалась находчивостью на словах, то дала знак дочери паниперсеваста, чтобы та заговорила о чем-нибудь кстати и к случаю. Последняя была еще очень молода, но отличалась большим умом и наделена была от природы таким даром слова, который годился бы скорее Платону, Пифагору или другому какому мудрецу, чем ей. Подняв глаза на отца, она заговорила так: «Батюшка, быть может, тебе покажется дерзким и безрассудным, что такая юная дочь свободно начинает говорит с отцом и такая несведущая обращает свою речь к мудрецу Олимпийцу. Но и мать мне поручает, и самое время и обстоятельства требуют, чтобы я сказала, что могу. Отчего ты, мудрее кого нет на свете, так долго молчишь? Ты находишься в глубоком раздумье и чем-то сильно озабочен; а чем, не хочешь сообщить нам, тогда как мы {297} разделили бы твою печаль, облегчили бы твои страдания. Твой смущенный вид и твое молчание ясно показывают, что в твоей душе находится глубокая печаль, которая, овладев твоим сердцем, как бы каким-нибудь акрополем, или как бы каким корнем и основою жизненных сил души, и укрепившись там, помрачает светлость ума, путает мысли и подавляет эту правительственную часть души. Как масло, воск, хворост и сено служат пищею для огня, так молчанье, когда в душе скопились уголья печали, служит пищею и горючим веществом для печали; кроме того оно не позволяет

¹ Здесь должно разуметь храм во имя Богородицы Одигитрии. Ducang.

² Об этом живописце упоминает один лишь Григора. Boivin.

дыму, отсюда подымающемуся в душе, выйти наружу чрез уста. Очнись же, Бог с тобой! — и приободришься, чтобы твоя печаль, усилившись от времени, не принесла вреда, какого и не ожидаешь. Тебе совсем не к лицу — свою философскую твердость духа унижать малодушием и вместо мужества обнаруживать в себе слабость. Вред, какой приносит печаль, только усиливается, когда упорно молчат. Она мало по малу проникает в самую глубь души, подобно загнившей ране, и не перестает пожирать все, что ни встречается, пока не дойдет до самых, можно сказать, мозгов души и пока не заразит самых жизненных ее членов. Если есть у тебя какая-нибудь тайна; то пусть она и остается тайной для других, но уже никак не для нас, твоих родных». Такими и тому подобными словами, такую искусною речью эта достойная дочь по- {298} действовала на слух отца, заставила его придти в себя и вывела из глубины забвения, подобно тому, как рыбаки острогами вытаскивают из моря рыб, а фокусники из чащи — змей. Несколько успокоившись, он дал свободу своему языку и начал говорить тоже, что некогда говорил и Иов, и почти теми же словами: «О, если бы, сказал он, погибли те дни, когда я стал мужем и отцом. Если бы их не было, я легко распорядился бы собой. А теперь заботы толпою осаждают меня, и я не знаю, как избежать бедствий, которые грозят, неизвестно откуда, и которых следует ждать с минуты на минуту. Угрожает нам страшное нападение врагов, не знаю с которой стороны, — с моря или с суши, которые восстанут против нас и произведут сильное замешательство во всех наших делах — тоже, что делает бушующий ветер, когда в открытом море, напав на большое грузовое судно, лишенное якорей, рвет его паруса и заливают волной». Сказав это, он опять замолчал, как бы подавленный теми мыслями, забыв о себе самом и о своей способности говорить. Потом встал и, в совершенном упадке духа, пошел в спальню, где и уснул; впрочем долго не мог заснуть. Пришедши к нему, что было не редкость, на другой день, я узнал все; а я очень часто ходил к нему на беседу. Он много сделал для меня, поместил в возобновленном им монастыре Хоры, всегда выражал ко мне большую любовь и {299} доброе расположение и ставил меня почти наравне с своими детьми, так что, один зная тогда науку астрономии в совершенстве, не отказался уделить от этого богатства и мне; даже часто при царе и ученых хвалился мною, говоря, что меня сделал наследником своей учености. Это он еще яснее показал в своих письмах ко мне и в стихах, написанных им впоследствии во время ссылки ¹. Обстоятельнее об этом скажем ниже. Будучи так одолжен этим человеком, и я старался, по возможности, отблагодарить его. Я впрочем часто ходил к нему не ради разумной только его беседы, но и для того, чтобы оказать ему какую-нибудь приятную услугу. Я учил его сына и дочь, о которой мы сказали, причем объяснял им загадочные и трудные места, встречающиеся в книгах как светского, так и духовного содержания, и ночь этих мест обращал в день. Его дочь была и даровита и любознательна; первым качеством она обязана была природе, а последним своей доброй воле. Услышав о тех обстоятельствах, я оцепенел от испуга; однакож рассудил, что не следует молчать. Пришел к нему запросто, и начал говорить: «неудивительно было бы в трудных обстоятельствах падать духом кому-нибудь другому, кто не привык в жизни утверждаться на философских основаниях. Но я не могу похвалить тебя, — дивный ты человек, за то, что ты позволяешь себе тоже, что и другие, — тебя, которому следовало бы при таких обстоятельствах быть непоколебимой башней и образцом для других по твердости духа. Если философу следует быть мужественным даже и тогда, когда несчастье на виду и уже над головою; то что сказать, когда его еще нет и когда оно только предполагается в темном будущем! Многое зависит от воли Божьей ²; чего ожидают, то не исполняется, и чего никто не ждал, то Бог совершает. Предсказания будущего в сновидениях и других бесчисленных видах, как мы знаем, заключают в себе много темноты, и под своей обоюдностью, точно под покровом, скрывают свое значение, чем многих уже сбили с истинного пути и ввели в заблуждение. Одни сверх ожидания достигали счастливого окончания дел, другие — напротив. Ты знаешь между прочим, что когда Александр

¹ Таково напр. начало поэмы Метохита надписывающейся — εἰς τὸ νῦν σοφοῦ νικηφόρον τοῦ νῦν Γρηγόρα, ὃν υἱὸς ποθήκαί, καὶ περὶ τὸν οὐρανὸν συνταγμάτων

Φίλα Νικήφορε μοι, κεφαλαί, τοῦ νῦν εἰς γῶγ' εἰς ἱραμαί
 Κατα, ῥε, μαζὶ σοφίης, ἡ, τίς ποτ' αἰ, νῦν εἰς, ἡ, λιπέσθαι
 Ἐξ αἰ, ῥα διάδοχον, πάντων αἰ, σὺλκ κλήροιο,
 Κρέσσονος ω, νῦν αἰ, ῥ μοι, θεο, εἰς αἰ, πάντων πόρε πᾶλλω, νῦν

² Πολλά, γὰρ κρίνεται θεός. Еврипид в Медее, Альцестиде и др. Boivin.

Македонский выступал против Тира, ворон, пролетая случайно, уронил кость и попал ею Александру в голову. Птицегадатели и предвещатели приняли это за дурное предзнаменование и советовали Александру о- {301} ставить поход. Но он пошел, принял на себя труд осады и взял город. Греки некогда, при нашествии персов, думали, что их корабли пойдут ко дну при Саламине, где им грозила конечная гибель; но сверх всякого чаянья, они одолели противников и рассказами о своих трофеях наполнили целые книги. Крез Лидиец рассчитывал, перешедши реку Галис, разрушить великое царство Кира, но потерял и свое. Карфагенянин Аннибал некогда выжег всю Италию, не удалось только разрушить самый Рим пред глазами римлян; между тем, сверх всякого ожидания, они сделались владыками вселенной. Август, второй после Кесаря властитель Рима, совершенно отчаивался, когда Антоний и Клеопатра с большим войском, морским и сухопутным, шли на него; но, сверх чаянья, и победил врагов и получил их владенья, т. е. Ливию и Азию. Да и к чему исследывать судьбы божественного Промысла? Управляя нашими делами, Он обыкновенно приводит их к известному концу, без нашего ведома: то согласно с нашими надеждами, то вопреки им, то так, то иначе. Это походит на то, как если бы кто, вышедши из Пирея, думал переплыть Эгейское море, между тем силою северных ветров, сверх ожидания, был бы отнесен к Криту и Сардинии. Такого непостоянства полны и суша и море. Может быть, и ты, ожидая нерадостных событий, дождешься отрадных и с печального посева соберешь веселый уро- {302} жай. Необходимо уравнивать ожидания, не давая перевеса одним пред другими, неприятным пред приятными. Наконец следует взять в расчет и то, что, как думает мудрый Эврипид ¹, «одна и та же речь производит не одно и то же действие, произносит ли ее человек неизвестный или знаменитый». Все другие, что бы ни говорили, встревожат одного, много — двух. А ты, поверенный тайн царя и первый из астрономов, легко можешь повергнуть всех в глубокое отчаянье. Поэтому если не для себя, то для всех других, будь веселей и в душе и на словах. Возьми пример с тех мужественных кормчих, которые, несмотря на видимую и явную опасность, отнюдь не показывают унылого лица. Зная, что все пловцы возлагают на них надежду спасения, они успокаивают последних веселыми словами, утешают и ободряют, в то время как море бушует, волны поднимаются горами, дождь льет как из ведра и каждая минута грозит гибелью». Этими словами я пристыдил этого человека, так что, оставив, сколько мог, свою печаль, он по-прежнему стал являться в общество с лицом приятным, веселым и приветливым.

6. На шестой неделе св. čtyрeдeсятницy, царь, призвав патриарха Герасима и архиереев, какие случились тогда, хотел при всех обличить внука и сделать ему внушение, чтобы {303} он оставил думать о побеге. Он, думал царь, смирится и почувствует стыд в присутствии стольких свидетелей; в противном же случае будет наказан, и наказание будет явно справедливое. Внук Андроник пошел к деду, имея при себе несколько человек, скрывавших оружие под одеждой и имевших кинжалы; да и сам не был вовсе безоружен. Они согласились между собою, что если царь-дед обратится к нему с отеческими и кроткими внушениями; то они отнюдь не дозволят себе какой-либо грубости или дерзости, но останутся совершенно спокойны. Если же тот придет в гнев и станет грозить наказанием; то тотчас бросятся на него, убьют его на царском троне и сделают самодержцем одного Андроника младшего. И так, внук, вошедши, сел подле деда царя на обыкновенном своем троне, а своих сообщников оставил у дворца. Увещания и внушения показались ему отеческими, проникнутыми искренним желанием ему добра. И никакого беспорядка не произошло; собрание было распущено и разошлось с миром; а цари дали друг другу клятвы: дед поклялся, что не сделает наследником своего самодержавия никого кроме своего внука, царя Андроника; а внук, — что никогда ничего не будет ни замышлять, ни позволять себе ни против власти деда-царя, ни против его жизни. Когда Андроник младший вышел, то его сообщники, с которыми он был связан клятвою, обступив его, начали {304} с криком выговаривать ему и обвинять его в нарушении данных им страшнейших клятв и в том, что он явно их выдал. «Может ли, говорили они, несправедливость быть больше? Ты чрез нас сделался страшен, непобедим и легко устроил все по своему желанию; а нас оставил под ножом и на краю гибели». Тронутый и пристыженный этими и подобными упреками и словами, царь позвал к себе великого логофета и, когда тот пришел, просил его, чтобы он уговорил деда-царя дать клятвенное обещание

---

¹ Vid. Hecubam, v. 294.

безопасности упомянутым сообщникам внука. Но логофет не дал и договорить ему, и сказал: «и ты не дивишься, не воссылаешь Богу благодарений, не ценишь, что, сверх всякого чаянья, ускользнул из самых челюстей ада и спасся? Или не знаешь, что ты обязан мне и моим детям благодарностью по гроб, потому что решение, составленное против тебя, пред самым его выполнением, разрушил я, и только по моей милости ты теперь видишь это солнце? А ты, упуская это из виду, становишься ходатаем за этих потерянных людей. Бог с тобой! Не сообщайся с ними. Станут ли они соблюдать данные тебе клятвы, когда, не видя никакой опасности себе, не затруднились изменить твоему деду-царю и не побоялись ни молний небесных, ни срама людского»? Выслушав такие неожиданные речи, царь долго молчал, потом сказал: «ступай!»— и снова принялся за прежние свои намеренья и затеи. Настала великая и святая {305} седмица, в течение которой мы празднуем спасительные страдания Христовы; царь опять увидел, что внук ведет себя несогласно с его внушениями, не показывает постоянства в своих действиях и ровности в своем характере, и остается все таким же легкомысленным, как и был. Это его огорчило и повергло в глубокую скорбь, так что раза два-три, не будучи в силах скрывать переполнившей его душу скорби и впадая как бы в забытие, говорил присутствующим: «в наше время нет больше уважения ни к царской власти, ни к святой Церкви». Тот между тем с своими сообщниками горячо принялся за выполнение своей мысли — бежать; разъезжал туда и сюда и готовил все, что было нужно. Старик, не зная его затей, скучал и в недоумении впадал в раздумье. Впрочем по некоторым признакам и по некоторым подозрительным действиям внука он догадывался и сам о том, что делалось. Поэтому решился схватить его, и о своем намерении сообщил по секрету патриарху Герасиму. Патриарх бросился к царю, Андронику младшему, и выдал тайну. Последний теперь уже окончательно решил бежать. Настал день Светлого Христова Воскресения, а у него было решено вечером этого дня привести свое намерение к концу. По обыкновению он потребовал и получил ключи от ворот, ведущих в Гиролимну; так он всегда дельвал, собираясь охотиться в утреннее время. Таким {306} образом в самую полночь, когда все улеглись спать, он уходит со всеми своими сообщниками. Сев на лошадей, они на другой день приезжают к войскам Сиргианна и Кантакузина; последние находились при Адрианополе, в готовности сделать торжественную встречу беглецу. Это было 20-го апреля 6829 (1321) года.— Но стоит заметить, что в делах человеческих ничего не бывает без божественного Промысла, а все совершается по Его неисповедимым судьбам; хотя мы и остаемся в неведении и придумываем событиям объяснения недостойные Промысла и несоответствующие действительности. Желая наказать кого-нибудь в искупление старых или новых грехов, Господь, подобно сведущему врачу, употребляет против трудно излечимых ран и сечение и прижигание. Плодоносная земля не получает благорастворенного воздуха; против людей восстают морские воды; начинают дуть буйные и противные их желаниям ветры; расходятся по дорогам моровые язвы. Подвергаются бедствиям люди, украсившие себя добродетелями и образованием и достигшие в своей жизни, выражусь так, дорийской гармонии ¹; все, что ни сделают они, оканчивается {307} несчастным образом и совершенно вопреки их желаниям; сам Бог свыше дает такое определение. Между тем люди, прежде бедствовавшие, темные, полупомешанные, питомцы Фурий, начинают благоденствовать; глупцы берут верх над мудрецами; негодяи и рабы получают власть над людьми честными и благородными. Тогда легко заметить, что и демагоги, и правители городов, и отцы семейств, и торговые старосты, и судьи, и даже руководители в жизни монашеской,— все как бы по заказу служат бесстыдству и бесчинию и не могут или не хотят сделать ничего порядочного. Справедливость наших слов подтвердит то, что мы сейчас же намерены рассказать. Нападения турков становились чаще и чаще, вследствие чего положение римского государства становилось все хуже и хуже. Все орудия обороны, и свои и получаемые царем со стороны, по воле Божьей, оказывались совершенно ничтожны. Тогда царь пошел другим путем,— правду сказать,— скользким, но, по тогдашнему трудному и тяжелому

¹ Dorica harmonia magnifica olim, sublimis, gravis, contenta, nihil habuit fusum, nihil solutum, nihil molle, sed plenum, vehemens, paucis modicisque flexibus bellicis conveniens numeris et motibus, Pannorum et Getarum Scytharumque... talem audivimus in Dalmatia ac Transilvania et Mysia superiore. Exultationem addiderunt Aeoes, tumidamque fecerunt atque audacem: quanquam veterem simplicitatem retinere, neque fregere, sicut Jones. Talis est Germanorum et bello apta, nec inepta convivii, neque ab amoribus aliena... utrisque affinis (v; ὑπόδωρος)... Jones autem suis moribus similem effecere mollem fluxamque et cetera. J. C. Scalig. *Poët.* I. 1, c. 19, ubi de Modis et Tibiis.— Hofm. lexic.

времени, не очень несоответствовавшим цели. Он нашел нужным увеличить ежегодные поборы с своих подданных, чтобы одну часть ежегодно употреблять на разные нужды, а другую тратить на врагов-соседей и на нее покупать мир {308} с ними. В этом случае впрочем он поступил точно так, как если бы кто, желая подружиться с волками, перерезал себе во многих местах жилы и дозволил волкам пить его кровь и насыщаться. Друг перед другом стали являться охотники поступить в сборщики податей, причем каждый обещал доставлять доходов больше другого. Отсюда, конечно, величие государства римского с каждым днем стало упадать; зато в короткое время ежегодные доходы так возрасли, что сборщики их отправляли деньги миллионами в царскую казну. На эти деньги старик-царь имел намерение постоянно содержать двадцать триир против морских и приморских врагов, постоянного сухопутного войска в Вифинии тысячу всадников, да еще во Фракии и Македонии две тысячи. Остальную сумму намерен был издерживать на прием тех или других послов, на ежегодные дани соседним народам и на другие бесчисленные нужды государства. Но это неугодно было Богу по причинам, Ему одному известным,— и внезапно все в государстве, расстроилось от смут, точно марка перевернулась. Нельзя однако же не удивляться несказанной попечительности называющего за всем Бога. За долговременную греховную жизнь нам следовало бы поплатиться бесчисленными и притом одновременными бедствиями. Но он послал их нам с снисхождением и человеколюбием. Он предал нас в руки не инозем- {309} ных и иноплеменных врагов — варваров, но в руки единоплеменников, людей связанных одними и теми же выгодами, знакомых друг другу и более милосердных, чем те, чрез которых нам следовало бы принять наказание. Из числа последних, со всех сторон стремившихся погубить нас, он многих поразил смертью,— чтобы они, напав на нас, изнуренных междоусобной войной, и совершенно подобных надломленной трости, не повергли нас всех до одного в бездну погибели. В это время умер король Сербии ¹. Умер и правитель болгар, Святослав. Деспот Этолии и Акарнании был убит своим племянником по сестре, графом Кефалонии². Умер также и последний наследник фессалийского престола из дома Ангелов. Но возвращаюсь назад.— Еще до солнечного восхода старик-царь узнал о побеге своего внука, и в тот же день созвал находившихся в Византии архиереев (патриарх умер накануне побега). Он приказал им подвергнуть внука письменной анафеме, как изменника, равно и тех, которые ушли вместе с ним, как и тех, которые вздумали бы бежать или принять его сторону. Это очень легко было исполнено собором архиереев. Святое Евангелие носили всюду — по царским палатам, по дорогам, по площадям, и пред ним приводили народ к присяге в {310} том, что он не будет содействовать младшему Андронику ни в мысли, ни в словах, ни на деле, и еще крепче будет держаться старика-царя. Вот что делалось в это время в стенах царствующего города. Между тем сторонники молодого царя Андроника, провозгласив свободу от налогов фракийским селам и городам, немедленно приобрели себе там людей, готовых на все, что угодно. Все фракиане до самого Христополя тотчас вооружились за молодого царя, с полной готовностью устремиться против старика. Первым делом — они стали смело бить объезжавших Фракию сборщиков податей, отнимать у них царские деньги и, нисколько не стесняясь, делить между собой. Не прошло и недели, как из Орестиады поднялось многое множество конницы и пехоты, стрелков и пращников, и отправилось к столице, в уверенности тотчас же взять ее (так как она была возмущена и взволнована разногласием народа) и в надежде на поживу, какую доставляют бессовестным людям такие смуты. Всем движением заправлял Сиргианн. После четырехдневного пути они достигли Селимврии ³, и расположились лагерем в виду этого города. Они намеревались уже идти далее. Тогда старик-царь, понимая, что городская чернь не останется в покое, а взбунтуется, если увидит перед городскими воротами войско, предупреждает {311} появление войска посольством к нему. В главе посольства находился епископ филадельфийский, Феолит, муж не только украшенный всевозможными добродетелями и внушавший каждому, кто встречался с ним, полное уважение к себе, но и отличавшийся редкою рассудительностью. Была послана и мать Сиргианна. Надеялись, что она скорее всех тронет сына и убедит его не подходить к стенам столицы, что грозило

¹ Урозий. Ducang.

² См. выше гл. 1.

³ Город на берегу Мраморного моря.

византийцам междоусобием, и вместе гибелью всему их богатству, домам, мужчинам, женщинам, правителям, управляемым, и что должно было пасть на совесть виновного таким тяжким укором, от которого он не освободился бы целую жизнь. Убеждения матери, думали, вынудят у него согласие отступить дальше и, уже отступив, вести переговоры. И действительно, пристыженный присутствием филадельфийского епископа, в тоже время тронутый мольбами матери, он возвращается к царю, находившемуся тогда около Орестиады; сюда отправляются и послы от старика-царя; отсюда же получают и необходимые ответы на те или другие вопросы. Наконец оба царя сошлись на том, чтобы молодой самодержавно управлял Фракией, начиная от Христополя до взморья около Регия и до предместий Константинополя, и вместе получил те земли в Македонии, которыми он решил пожаловать своих приверженцев. Земли эти были велики, и каждому должны были приносить годового дохода многие ты-^{312}сячи. За стариком остались Константинополь и македонские села и города, находившиеся по сю сторону Христополя. За ним также осталось преимущество — принимать послов от окрестных народов и давать им необходимые ответы. Это — потому, что такие хлопоты были не по душе молодому царю. Он расположен был больше к жизни праздной, к охоте, и тому подобным занятиям; поэтому те дела казались ему несносным бременем и ни к чему не ведущим изнурением. Условия охотно были приняты молодым царем, но не очень охотно стариком. Даже сказать правду, он был совершенно против них и хотел выдержать себя против такого неожиданного поворота дел, но, не имея к тому средств, уступил и исполнил волю своего внука, как бы волю, изреченную с делфийского треножника.

7. В это время и я, оставив риторические и философские книги, нашел полезным бывать у старика-царя и добиться короткости в беседе с ним; так как его беседа была умна, благородна и вполне достойна слуха людей образованных; ученые хотя и добивались ее, но не легко и не всякому это удавалось. Беседую великого логофета (он почтен был от царя уже и этим достоинством), беседую его, говорю, я был удовлетворен вполне, после того, как выслушал от него науку астрономии. Сначала впрочем он не без сдержанности говорил со мною, и не хотел передать ^{313} мне полного учения астрономии; потому ли, что еще не знал моих способностей, или (в чем был совершенно справедлив) потому, что держался мнения несравненного Синезия и пифагорейца Лизиды. Они запрещают сокровища философии сообщать людям, нисколько не очистившим свою душу. Несправедливо было бы тотчас же всякого наделять тем, что достается после больших трудов. Притом от публичного преподавания философии, говорят они, божественные предметы подверглись бы большому презрению от людей. Потому-то я пришел к нему, когда у него никого не было; указал ему на безукоризненность своей жизни и просил — не считать меня наравне с большинством. Далеко, говорят, от Фригии до Персии. Затем, чтобы сильнее подействовать, я произнес лестную для него речь и сказал ему вот что: «если бы природа разделяла поровну все наслаждения жизни; то приобретение их не было бы заманчиво и дорого, и тогда легко могло бы случиться, что не стало бы и побуждений ко взаимной любви. Но на деле приятное перемешивается с неприятным, и, как говорят греки, третья бочка у Юпитера бывает не без примеси горечи; бедняк горюет, но в тоже время утешается надеждою на лучшие дни, и бедность возбуждает в нем отвращение к любостыжательности; один требует, другой дает, и наоборот; так постоянно идет между людьми взаимный обмен. Это служит основанием любви и самую крепкую связью меж-^{314}ду людьми. Всякий, надеюсь, согласится, что на этом основании земля тесно связана с морем и море с землею; Танаис поэтому же самому в своем далеком течении достигает Еллады, Истр доходит до Египта, и Нил смешивает свои воды с водами Меотиды. А кто скупится передавать свое добро другим, тот забывает, что, при повсеместном распространении такого правила, зло разлилось бы повсюду и все погрузилось бы в тьму и бездну мрака,— забывает, что держаться такого правила значит быть явным обидчиком тех, ради которых Создатель природы даровал ему известное благо. Всякому хорошо известно, что Промысл никому никакого блага не дает с тем, чтобы получивши пользовался им один; так и солнцу дает свет не для того, чтобы оно светило только себе самому. Если бы предметы существовали вечно и всегда оставались в одном положении; то, может быть, другой по чему-нибудь и мог бы уклониться от обязанности делиться своими сокровищами с другими. Но теперь это совершенно невозможно. При таком положении дела, некоторые, если не по другим побуждениям, то из желания заслужить бессмертие и приобрести себе неувядающую славу,

сами вызываются на то, чтобы делиться с другими, понимая, что здесь заключается источник славы. И Пифагор, побывав у египетских мудрецов и быв посвящен в их таинства, захотел от еллинов похвал, для чего тор- {315} жественно прибыл к ним из-за моря, и, сделав известными всей Елладе свои душевные богатства, увековечил свое имя в потомстве. А вот и еще один — стремится из Азии к дельфийскому лавру и к олимпийской маслине, зная, что в увядающих ветвях этих деревьев находится неувядающая слава, и что эта слава гораздо долее удерживается в памяти людей, чем все луга, источники и все красоты тамошней растительности. И так, им и многим другим людям удалось различными способами оставить по себе память в потомстве; но о нашем веке, — не распространяясь много, — замечу только, что он чрезвычайно беден мудрыми людьми и, без преувеличения сказать, представляет, собою бесплодную и ничем непокрытую степь. Такой век, говорят, настал некогда в Фивах вместе с Александром; но и в нашем теперешнем положении находится много такого, что годилось бы для трагедии. Только ты один из всех представляешь собой прекрасный образец человека. Ты тоже, что луна между звездами и что огонь, разведенный во время мороза и стужи. Ни храмы наши, ни стены, ни рощи, ни портики, не могут доставить нам столько украшения, сколько ты и краса твоего душевного богатства. По сознанию всех, ты доставляешь великую пользу государству, — ты помогаешь великому царю, как наблюдающие за Полярною звездой и Большой Медведицей помогают кормчим. Но что говорить? Был у эл- {316} линов и Фидий, прославившийся пчелой и кузнечиком, хотя и не так, как олимпийским Зевсом. Но и его слава вместе с его жизнью пропала скорее, чем пропадает полевая трава. Но если ты откроешь нам сокровища мудрости, таящиеся в твоей душе, то имя твое уже не будет предано забвению, подобно именам тех людей, которые, по выражению Платона, хромали в жизни. Нет, тогда ты вслух всей вселенной провозгласишь о своем величии и не только будешь иметь удовольствие слышать о себе восторженные отзывы долгое время, но и приобретешь славу, которая не ограничивается этою жизнью и никогда не стареет. Передай же, мудрейший во всей подсолнечной, своему отечеству то, чем ты украшен, как некогда поступили Ликурги и Солоны. Сделай честь этому славному городу, как некогда Сократы и Платоны — Афинам. Открой зеницы нашего ума. Покажи со всею ясностью, кто устроил вселенную и откуда в ней эта стройность. Научи, кому мы обязаны такими благами, — неотразимому ли влиянию звезд, как говорят языческие писатели, или Виновнику всего. Много времени и о многом я недоумевал, но еще не встречал ни одного ума, который бы освободил мою душу от недоумений. Научи же нас, если не ради-чего либо другого, то ради этой цели. Можно ли дойти до более жалкого положения, чтобы в то время, как небеса поведают славу Божию, оглашая всю вселенную, оставаться в отношении к {317} ним глухими и бесчувственными и ограничивать знакомство с ними общедоступными сведениями о звездах. Притом отказать нам в нашей просьбе было бы крайнею несправедливостью, когда для ее удовлетворения нет нужды, подобно Пифагору; плыть из Египта в Аттику, или нет также нужды, подобно Платону, разъезжать по Ионийскому морю из Аттики в Сицилию и к тиранам, и оттуда обратно в Академии и места собраний перипатетиков. Вместо Лицея и Стои ты можешь из обыкновенного твоего помещения распространить на весь мир свою мудрость. Может быть, ты предпочитаешь всему этому что-нибудь другое, и потому оставляешь в покое свой несравненный язык. Но не нужно упускать из виду то, что все неверно и непостоянно, и что судьба не дает ничему оставаться в одном и том же положении. Одни из людей в самый полдень скрываются в тайниках мрака и забвения; а другие сряду после сна и ночи переходят к сну и ночи, бросая навсегда позади себя все заботы. Да и сама мудрость перебивалась во многих местах. Египет, говорят, был первым ее местопребыванием. Потом она перешла к персам и халдеям. Потом посетила афинян; оттуда же наконец улетела и, как птица, спугнутая с гнезда, уже давно блуждает, не находя себе места. Но теперь она или перестанет блуждать и останется здесь у нас, если тебе это будет угодно; или окончательно оставит нас, поднявшись к небе- {318} сам. Не досадуй на меня за мою настойчивость. Меня побуждает говорить между прочим и опасение, какое внушает мне ветреное время; боюсь, чтобы оно, вырвавшись откуда-нибудь, как из засады, не унесло от нас и не скрыло столько добра. Следует прибавить и то, что мы заботимся не столько о себе самих, сколько о твоей славе в потомстве; хотя, без сомнения, если бы желающему можно было достигнуть того, чего он пожелает, я от всей души пожелал бы тебе жить вечно, чтобы нам постоянно радоваться, глядя на тебя, как на какое-нибудь неоцененное сокровище. Конечно,

ты раскроешь нам свои богатства, если только наши просьбы к тебе не пропали даром». Сказав великому логофету такую речь и тем высказав ему свой образ мыслей, я добился того, что он охотно стал руководить меня во всем; пока наконец, беседуя с ним, я незаметно достиг полного удовлетворения.

8. Тогда стал я домогаться более совершенной беседы с царем, потому что я и сам часто видал и слышал от всех тех, которые были в коротких отношениях к нему, что он свой дом сделал не только училищем благопристойности, благочестия и всякой добродетели, владея при своей многолетней опытности и природных дарованиях богатыми сведениями по этой части, но и превосходнейшею гимназиею умственного обучения и, выражусь так, полем для состязания людей ученых. Как любитель просвещения, и я явился {319} к нему. Одиночное изучение наук, какое получается при посредстве книг, будет ли оно коротко или обширно, по моему мнению, походит на телесный организм, не имеющий еще души и только снабженный внешними чувствами, или лучше — походит на смешение в желудке различных яств, нуждающееся в теплоте для сварения. Это — та теплота, которая приобретается по мере смены времен и по мере ознакомления с частными предметами жизни и опыта, которое приводит уже к общим выводам. Можно видеть, как некоторые вследствие жизни праздной, одинокой, несообщительной и совершенно отрешенной от того, что делается вне их стен, притупили свои душевные силы, заглушили свои природные дарования и сделали себя решительно неспособными действовать в обществе. Но вот я отправился к царю, имея на исходе уже 27-й год от рождения. Так как сверх всякого ожидания, я был им принят, то тотчас же в похвалу его красноречия и мудрости произнес пред ним следующую речь: «Если бы я видел, державнейший Государь, что в наше время есть такие люди, которые могут достойно прославить твое величие; то я никак не осмелился бы высказать то, что хочу высказать,— никак не решился бы говорить, и речи предпочел бы молчание; я охотно уступил бы эту честь тем, которые могут говорить тебе похвалы, равные твоим достоинствам. А так как предобилием твоих достоинств оказывается бедным {320} слово каждого, кто бы он ни был, и так как нет решительно никого, кто бы мог достойно восхвалить тебя или был хотя близок к тому; то, думаю, мне не поставится в вину, если я, на сколько у меня станет сил, выполню свой долг. Если же с одной стороны странно, что я решаюсь на дело, превышающее мои силы; то с другой нет ничего и удивительного, если я окажусь бессильным наряду с другими. Я вполне убежден, что тому, кто намерен достойно прославить твои дела, прежде всего нужно пожелать такого же дара слова, каким владеешь ты; иначе это будет соединено с большим трудом для всякого. Своим красноречием ты далеко превзошел других, и совместил в себе все достоинства, которых не имел в равной мере никто ни при нас, ни прежде нас, хотя бы кто пересчитал всех от самого начала. Достигши этого места, я останавливаю свое слово, не смея ни восхвалить всех твоих достоинств, ни опустить некоторые из них. Причины тому явны и очевидны: мое бессилие и требование долга. Они, будучи противоположны, влекут мою мысль в разные стороны,— и мне грозит опасность, при соглашении противоположностей, не сделать ни того, ни другого. Если бы на моем месте были те, чьи имена прославлены за мудрость; то и они оказались бы бедными пред богатством твоих достоинств. То же самое случилось бы и с нашими современниками. На что же мне остается {321} решиться, как не на то, чтобы, опустив большую часть твоих достоинств, ограничиться только некоторыми, и притом, такими, которые мне по силам? И так я бросаюсь на опасность, и, быть может, не останусь в стыде, подобно неискусным борцам на олимпийских играх. Я совершенно убежден, что мне следует только наблюдать за предстоящей мне опасностью и за самим собою, чтобы не поступить подобно тому, как если бы дитя, прежде чем его отняли от груди, захотело бы питаться хлебом. Если бы это случилось, оно бы заболело. Я нахожу необходимым сделать тоже, что делают, входя в чертог, украшенный множеством разнообразных произведений ваяния или живописи: — из множества достоинств царя, из которых одно спешит смениться другим, остановиться на одном или двух. Говорить же о большем числе их, конечно, можно, но как бы после не пришлось раскаться. Если нелегко воздать должное двум достоинствам, то тем более труда потребуется при большем числе. Пусть же другие говорят, как я сказал, о прочих достоинствах царя, а я стану восхвалять величие его ума и силу его красноречия. Об них я знаю и по собственному опыту и по отзывам других. Все об них говорят, все им удивляются. Я и сам никогда не вспоминаю об них иначе, как с удивлением и недоумением, которое, из них

восхвалить прежде и которому отдать преимущество. Я знаю, что {322} чем больше говорить о тебе, тем больше остается сказать. Обращаясь к самому себе, я нахожу себя в том же положении, в каком бывают хватаящиеся руками за гладкие вещи. И теперь, царь, если бы мне позволено было, я не преминул бы назвать тебя солнцем земным; потому что, как все потоки света сходятся в солнечном диске, и оттуда, как из общего вместилища, расходятся, доставляя всем возможность видеть; так точно и в тебе соединяются все роды мудрости, которые, как будто с неба, несутся на все страны земли, заставляя всех удивляться. И как нет и не будет никого, кто бы не видал солнечных лучей, исключая слепых; так точно нет и не будет никого, кто бы не слышал о твоей мудрости, кроме глухих. Так, назвав тебя солнцем земным, я не сказал ничего особенного, и если кто скажет больше, я не стану противоречить. Я думаю, что уже тем самым, что небесные тела постоянно находятся в одном и том же положении, уменьшается удивление к ним; между тем дела человеческие постоянно меняются и один человек превосходит ими другого. После этого не заслуживают ли особенного удивления твои дела, которые и лучше всех и прочнее всех? Так и должно быть. В какой мере превосходишь ты всех своею властью, в такой же следует тебе превосходить всех и своею мудростью. Один софист в похвалах Димонакту ¹ удовольствовался {323} одним перечислением некоторых остроумных изречений Димонакта, чтобы показать, как велика была его мудрость, это достоинство, высоко ценимое людьми. Но был ли он наделен и красноречием, не показал. Конечно, тот и не имел этого дара. Потому что если бы имел, то софист, предположивший себе целью восхвалить его, не умолчал бы. Что же касается до тебя, то, положим, кто-нибудь и описал бы лабиринт твоей мудрости, и изложил бы на доске твои суждения; но твоего красноречия никак не изобразил бы, разве употребил бы какое-нибудь сравнение, напр. уподобил бы его разлитию Нила, которое египтяне вымеряют локтями, или разнообразным отпрыскам винограда. Подлинно, оно локтями возвышается, наполняясь невидимыми потоками ума, или, подобно винограду, разрастающемуся из плодovitого корня, делает множество оборотов и постоянно за одним отпрыском дает от себя новые и прекрасные отпрыски. Твое красноречие не таково, чтобы истощаться в своем течении, или чтобы приносить плоды, отзывающиеся недозрелостью мысли, и смутно изображать тайны великого ума. Оно не таково, чтобы в нем заметить некоторый недостаток упражнения, и не обратить внимания на явный отпечаток глубокой проницательности. Нет, оно так обильно, что из него всякий во {324} всякое время и сколько угодно может черпать полными чашами. Впрочем должно соблюдать известную меру и иметь точный расчет; так как оно обременит того, кто почерпнет больше, чем сколько ему требуется, и укрепит лишь того, кто заботится об одном подкреплении своих сил. Но и необработанная твоя речь столько же имеет значения, сколько необтесанные камни, приготовленные для будущих стен храма. В твоих словах так много приятности, что, подумав, в твоих устах живет бог любви. Слушатели твои приходят в восторг, когда слушают, и чувствуют в своих ушах приятнейшие отголоски, когда удаляются; ощущение удовольствия остается в них надолго, точно вкус меда на языке, когда его отведаешь. Рощи, луга, пустыни только во время весны оглашаются приятнейшим пением птиц: здесь и определенное место и определенное время. Но твое мелодическое слово звучит не весной только, а круглый год, во все четыре времени; им оглашаются не луга только и рощи, а вся суша,— ее я не ограничиваю геркулесовыми столбами, а разумею всю, сколько ее ни находится во вселенной; она лучше всякого аттического пепла ² обрисовывает твои достоинства. Я уверен, что слава о тебе достигла крайних пределов земли кельтов, дошла до народов, обитающих при океане, и до самых {325} индов. Но главное то, что ты обилием мудрости своей превосходишь всех людей в мире. И так слава о тебе, точно на кораблях, расходится во все концы и всю землю наполняет удивлением к тебе. Я имею и доказательства своим словам. Нет ни одного народа на всей земле, от которого не приходили бы к тебе на голос твоей громкой славы; притом все считают за счастье явиться и узреть тебя, К тебе стекаются подобно потокам со всех концов вселенной; тебя постоянно окружают как Пифагора

¹ Димонакт Кипрянин (D. Cyprius) принадлежал к цинической философской школе. Он жил во 2 в. по Р. Х. и известен только из того, как его описал Лукиан — тот самый софист, о котором говорит здесь Григора, не называя по имени. См. Фил. Лекс. Гогоцкого, т. 2, стр. 559.

² Πέλλος — пепл — широкая одежда, закрывающая все тело; ее носили больше женщины; у аттиков носили и мужчины поверх остального платья.

его ученики; с напряженным слухом и сдержанным дыханием ловят твои слова, как ответы людей свыше вдохновенных. С таким усердием внимают твоей беседе, без сомнения, потому, что она удивительна. А что ты свободно отвечаешь на всевозможные вопросы, дивно рассуждаешь о предметах, неизвестных у нас и в нашем краю, и достойным образом говоришь о вещах, требующих полного внимания и сосредоточенности; то этим ты, не затрудняясь сказать, далеко превзошел Периклов и Несторов. Их речи, случалось, имели и несчастный конец; а речь твоя всегда сопровождалась соответствующими ей последовательностями; притом много значения отнимало у их слов народное хвастовство, подобно тому, как червь отнимает красоту у яблока. А твои уста, чуждые всякого хвастовства, вполне безукоризненны. Я думаю, греки, чтобы только придать больше важности себе, {326} сказали об Орфее, что он своей цитрой приводил в движение и неодушевленные предметы, хотя такое действие он производил своей игрой только на простаков. А если бы и мы захотели истину возвести в миф, то поставили бы себя в большое затруднение: как можно представить в более возвышенных чертах то, что составляет верх совершенства! Если поэты многое возводили в мифы, то это делали или потому, что не доставало сил у тогдашних людей для такого совершенства, или потому, что сами поэты находили удобным прибегать к мифам для большей ясности. А что все, что они выдавали за чудо или миф, нисколько не превышает человеческих сил, это ты доказал самым делом. Прежде слушая то, что говорили об Академии, Лицее, Стое, я воображал, что в них заключается все великое и прекрасное, благодаря Платону, Сократу, Зенону и всем тем, которые составили себе известность философствованием. А теперь я и думать забыл о них, как проснувшийся о своих сновидениях; и нахожу, что их дарования не так редки, чтобы не нашлось подобных им, и что они скорее посредственны, чем велики. Я иначе и не могу сказать, видя, что ты на столько превосходишь их, на сколько я чувствую бессилие выразить свое удивление к тебе. Много значило бы и то, если бы твои достоинства только равнялись достоинствам тех прославленных людей; но ты еще превосходишь их, сколько в рапсодиях Стен-¹тор ¹ превосходит других глашатаев. Своими речами ты делаешь из своего дворца и Академию, и Лицей, и Стою, и его справедливее было бы назвать жилищем всевозможного образования. Нет никого, кто бы, послушав твоего голоса, или только увидев твое лицо, не получил величайшей пользы для себя, будем ли иметь при этом в виду нравственное преуспеяние, умножение знания, усовершенствование в красноречии, или приобретение искусства рассуждать. Те, которые не слышали твоей беседы, ничего не слышали. Конечно, найдутся и такие, которые, будучи щедро наделены дарами природы, приносят прекрасные плоды при твоём влиянии, подобно тому, как птицы прекрасно поют при утреннем зефире. Все такие люди гораздо больше ценят того, кто помнит твои изречения, чем кто помнит рапсодии Гомера. Говорят, в древности сирены доставляли большое наслаждение своим пением, которое чрез слух проникало в самую душу. Но это наслаждение было небезопасно и стоило жизни. Каждый неизбежно умирал, если только не затыкал уши воском и не делал себя глухим к мелодии сирен. Когда же ты говоришь, то не только не хотят затыкать уши воском, но соблюдают мертвую тишину, потому что природа не наделила всех частей тела слухом, {328} как мифология наделяет свои существа глазами. Каких Димосфенов* не превзошел ты искусством и силою речи! Каких Платонов не превзошел глубиною и благородством мысли! На кого из людей не подействовал ты так, что тебе более удивляются, чем некогда в самое цветущее время в Аттике — Сократу! Да и возможно ли иначе, когда все находят в каждой твоей беседе и приятность и силу убеждения, как в полевых цветах разнообразные краски? Таким образом ты всех делаешь страстными поклонниками твоей Каллиопы. Никто, конечно, не усомнится, что своими достоинствами ты соперничаешь с Соломоном, и никто не скажет, что Соломон превосходит тебя. Нельзя сказать, чтобы там было много свидетельств, а здесь немного, или что там немного, но важные, а здесь много, но неважные. Удивляющиеся Соломону не имеют у себя другого свидетельства, кроме свидетельства южной царицы, совершившей путешествие в Палестину. А для тех, которые прославляют твои дела, как всякий согласится, представляют свидетельства и север и юг и остальные концы земли, чем уничтожается всякое подозрение в справедливости их слов.

¹ Стентор был голосистее всех греков; так что его голос равнялся по звучности 50 голосам. Hom. Iliad. 5, v. 784. Hofm. lexic.

* Так напечатано. — Ю. III.

Анаксагор говорил, что тот ум мудр, который всем управляет и всему бывает причиной. Но и ты, при всей удивительной мудрости, управляешь всеми делами государства и всей империей, и, при необыкновенном уме, так верно ведешь все к совершенству, что от века не было тебе равного. Притом же, мне кажется, много правды в словах того, кто сказал, что о делах нужно судить по намерению, благоразумию и мужеству, с какими они совершаются, а не по их численности. Как превосходный музыкант производит приятнейшее сочетание звуков, то напрягая струны, когда нужно напряжение, то ослабляя, если это лучше, и соблюдая точный размер и преемственность звуков; так и ты, при своей мудрости, всем своим делам сообщая музыкальный размер и чудесную гармонию, причем все дела остаются в полном соответствии одно другому, и все приходят к убеждению, что чрез тебя все премудро устроит сам Бог. Таким образом все люди считают тебя каким-то божественным человеком, человеком выше человека. Светлым взглядом ты проникаешь в расположения и намерения своих подданных, и отлично узнаешь, к каким добродетелям или к каким порокам они более склонны; и потому держишь себя так, как следует всем людям; управляешь, как говорит Пиндар ¹, разнообразнейшими стремлениями всех и каждого; направляешь их к тому, что лучше всего. Всякому известно, что ни Фемистокл никогда не достиг бы такой славы, если бы Ксеркс не двинулся на эллинов; ни Мильтиад, конечно, не приобрел бы такой известности, {330} если бы персидские сатрапы с оружием в руках не проникли из Азии в Аттику и Марафон. Но их доблести были, можно сказать, домашние; они подобны сокровищам, которые лежат где-нибудь незаметно в углу дома. А твой ум, достигающий до неба, дает о себе знать в бесчисленных делах, которые не страшатся и самых перемен времени. Это яснее всякого пробного камня показывает, что произведения твоего ума все из чистого золота. Ты принял государство в самое смутное время, подобное тому, когда над нашими головами проносятся облака, гонимые северным ветром. Тогда хлынули на нас все народы с такою же стремительностью, с какою, говорят, разливается Нил. И ты один выдержал этот напор, при твердости своего духа, точно скала, которая остается неподвижною, несмотря на удары громадных волн. Укротив бури опасностей, ты ввел нас в спокойную пристань. Ты так распоряжаешься всем и так выполняешь свои планы, что решительно никто не догадывается о них прежде, чем они будут выполнены,— и так легко, что для других труднее изобразить на словах твои дела, чем тебе их совершать. Отсюда выходит, что если бы кто захотел перечислить все твои полные мудрости слова и дела и все твои трофеи; то он сделал бы тоже, что решившийся пересчитывать часы каждого дня; потому что не проходит ни одного часа без того, чтобы он не был свидетелем твоих {331} дивных слов или дел. Одно твое изречение смягчает и укрощает самого неукротимого и зверского человека легче, чем гусли Давида укрощали демона Саулова. Благодаря тебе, мы теперь свободны от всякого страха. Видя, что ты сидишь, так сказать, на корме нашего государства и неусыпно бодрствуешь, мы по прошедшему с уверенностью заключаем о будущем,— что и теперь грозящие нам бедствия будут отражены прежде, чем наступят, и что они только доставят тебе, при твоей мудрости, новые трофеи. Быть может, некоторые, пока не узнали о твоей удивительной мудрости, и обнаруживали в себе малодушие; но теперь ты и для них стал тем же, что зефир для людей, палимых солнечным зноем. Но к чему я, человек способный на малое, погрузился в бездну твоих достоинств? Это же самое я говорил и в начале речи, чувствуя себя не в силах превознести тебя похвалами. Я воображал, что для выполнения долга для меня достаточно будет сказать лишь о немногом, остальное же могу я легко оставить, если захочу. Но я и не догадывался, что, поступая так, жестоко ошибаюсь. Предположив себе говорить о самом важном предмете — о твоей мудрости, без тех дел, которые чрез нее совершаются и за нею следуют, как за судном лодочка; я потом увидел себя в положении человека, который, взяв в руку цепь за одно кольцо, вообразил бы, что может унести ее так, что прочие кольца не будут {332} двигаться. Это свидетельствовало бы о большом безрассудстве, как и моя решимость. Впрочем она не такова, чтобы не заслуживала извинения, если только заслуживает некоторого извинения тот, кто, будучи незнаком с морем, плавает около берегов, а в морскую даль никак не осмеливается пуститься. Наконец я считаю делом благоразумным, проплыв, сколько силы позволяли, мимо,— выразусь так,— берегов твоих доблестей, ввести свое слово в пристань

¹ Не Пиндар, как говорит здесь Григора, а Платон (I. 1, de Republic.). Boivin.

молитвы. Господь Бог, воздвигший в твоём лице для настоящего времени мужа, какого только мы могли бы пожелать, да хранит вечно и твоё царское Величество и весь твой дом, чтобы вместе с тобою всегда благоденствовать и нам».

9. И так вот что мне удалось тогда. Потом чем дальше подвигалось время, тем больше я приобретал расположение и благосклонность царя. Он вздумал даже возвести меня на первые ступени церковной иерархии, и на первый раз принуждал меня принять сан хартофилакса, как какой-нибудь залог будущих повышений, чтобы таким благовидным средством заградить уста тем, которые завидуя чести, какой я был от него удостоен, наговаривали ему на меня, так как я не был ещё в летах и не имел, как другие, ни седого волоса, да и никакого иерархического сана. Он приготовил для меня даже и приличные предназначенному мне сану одежды, как будто дело было уже решено. Но я, сознавая свою {333} молодость и то, что мой возраст не соответствует таким высоким обязанностям, пришел к нему, и сказал: «Я нахожу нужным кратко объяснить твоему Величеству, что моя молодость не позволяет мне принять иерархической должности. И мои лета не таковы, чтобы принимать на себя дела, соединенные с ней; притом и страсть к спокойному занятию науками ещё кипит во мне и крепко уверяет меня, что не прежде меня оставит, пока не будет насыщена вполне. Тогда душа моя будет уже свободна и готова на служение Богу. А теперь дерзновенно коснуться таинств для меня дело слишком трудное, чтобы я легко мог его себе позволить. Если это странно для другого; то не странно для меня, потому что я понимаю себя лучше всякого другого. Сколько это дело требует опытности, столько во мне неопытности, по крайней мере, в настоящее время. И если такой несведущий человек дерзнет взяться за дела божественные и неприкосновенные; то он поступит так, как если бы кто бросился в море, не выучившись плавать. Это несвойственно человеку здравомыслящему, и я изумился бы, если бы кто-нибудь, находясь в здравом уме, только помыслил дозволить себе что-либо подобное. Каких молний, каких морских пучин не заслуживала бы такая дерзость? И скажу, что благосклонность ко мне твоего Величества, твоё попечение обо мне и твоё живейшее желание облагодетельствовать меня, так меня удивляют, как {334} ничто и никогда не удивляло. Я решительно не могу понять, чем руководишься ты, царь, по отношению ко мне? Разве только подражая общему всех Владыке, как первообразу, ты обращаешь внимание не на причины, по которым благодетельствуешь, а лишь на то, чтобы как можно больше оказывать благодеяний. Это всего естественнее и приличнее для каждой власти. Когда благодетельствуют за что-нибудь, тогда благодеяние принадлежит благодетелю не больше, чем тому, кто его заслужил. Но для тебя привычка благодетельствовать обратилась во вторую природу. Известно, что все существующее действует своеобразно, согласно с своею природою: вода делает предметы влажными, огонь жжет, и все другие вещи во все продолжение своего существования удерживают те свойства, какими каждую из них наделила природа, и никогда ни в каком случае и никакая сила не может лишить их этих свойств. Точно так и ты, рожденный для благодеяний, никогда и ни в каком случае не перестанешь благодетельствовать,— как будто это сделалось неизменным и постоянным свойством твоей природы. Я желаю возблагодарить тебя, но не имею сил сделать это достойным образом; поэтому столько же порицаю свою речь и время, сколько и себя самого; так как, мне кажется, и то и другое заслуживает порицания. Речь, когда возвышается над материальным и касается душевных качеств, не должна, по моему мнению, походить на изменяющее- {335} ся время, но должна быть всегда равна самой себе, чтобы всегда служить верным изображением действительности. Но она незаметным образом изменяется, как скоро встречает громадное сокровище твоих доблестей. Она такою оказывается слабою, что никто, прибегая в ней, не может воспеть твоих дел достойным образом, хотя на это давно уже покушались и покушаются. Поэтому и я никак не мог быть уверен, что в состоянии буду выполнить своё намерение достойным образом, хотя и желал того более, чем каких бы то ни было сокровищ. Чрез это я своим словам сообщил бы величайшее значение, какое касающиеся святых тайн сообщают своим рукам. Но как в книгах встречаются пословицы ¹, говорящие о многом таком, что для нас невозможно; так здесь встречается дело, которое можно назвать невозможным, да таково оно и есть. Здесь мне приходит на память один аттический миф, в котором Момос ²

¹ «Найти напр. птичьего молока, эфиопа сделать белым» и др. Boivin.

² Один из богов, вымышленных поэтами,— сын Ночи и Сна, как говорит Гезиод в своей Феогонии; он сам ничего не делал, а только смеялся над недостатками в произведениях других богов. Μῶμος букв. с греческого значит:

досадует на Зевса и смеется над ним за то, что тот, сообщив всему пышную и дивную красоту, не произвел того, кто бы мог быть достойным хвалителем всего. Так точно и мне теперь приходится смеяться над временем и досаждать на него. Если бы оно, произведши в твоём лице такого совершенного человека, какого прежде не бывало, произвело вместе и таких людей, которые могли бы достойным образом восхвалить тебя; то, благодаря ему, явилась бы и достойная тебя речь. А теперь тому, что составляет верх совершенства, воздается честь только вполчину. В древности воздавали честь мудрецам, не имея для этого достойных такой чести дел. А теперь есть достойные удивления дела, но нет людей, которые бы достойно восхвалили их: эти дела остаются недоступными похвалам, каковы они и есть по своей природе. Речи одинаково оказываются неудачными: и тогда, как для них не бывает приличных предметов, и тогда, как есть приличные предметы, но нет людей, которые знали бы им всю цену, или могли бы их увековечить в потомстве. Поэтому ныне те только должны быть благодарны времени, о мудрости которых и других достоинствах ходит молва; потому что время вместе с молвою обыкновенно придает делам большие размеры. Последнее зависит от того, что вместе с смертью человека прекращается то, что могло бы служить ему обличием, как прекращается и обыкновенно встречающееся равнодушие к настоящему. Время любит поселять в нас равнодушие к настоящему и пресыщение, потому что настоящим мы можем наслаждаться посредством всех чувств, иметь его под рукой и пользоваться им по произволу. Прощедшее напротив никогда не производит пресыщения, потому что сообщается нам скудно и доходит до нас чрез одно только из всех чувств — чрез слух. А кому надоели мед, мясо и другие принадлежности богатого стола, у того иногда является желание сыру и луку, не потому, чтобы это было лучше, а кажется лучше от редкого употребления. Хотя это верно и хотя пресыщение настоящим бывает всегда; но твои дела, принадлежа и настоящему, которое мы и видим и слышим, не производят в нас ни малейшего пресыщения, а еще больше привлекают к себе, подобно речной воде, которую видят истаевающие от жажды. Так, ты стоишь выше и того, что говорится в притчах св. Писания¹. Всякий может сообщать о тебе не какие-нибудь давно минувшие дела, к которым можно прибавить и небывалые подробности, когда для повествования оказывается недостаток содержания; так поступают мореплаватели при недостатке груза; они наполняют пустые места корабля морским песком. Но твои дела, точно на сцене, находятся на виду у всех и провозглашаются тысячами языков, которые перебрали для них всевозможные похвалы. Впрочем для них нужен язык, обработанный в Академии и Стое, при Демосфеновых свечах; потому что пред твоими достоинствами уничтожаются все {338} языки настоящего времени. После этого мы не поступим безрассудно, если, удержав свой язык, ограничимся одним только созерцанием твоих дел. Мы одарены для развития нашего ума многими чувствами, чтобы ничто существующее в мире не скрывалось от нас и чтобы приобретения одного чувства пополнялись другим. Те доблести, которые доходят до нас чрез слух, на который не всегда можно полагаться, справедливо требуют при повествовании и объяснений; а те, которые находятся пред глазами, несмотря на то, что составляют неслышимый голос, провозглашают о своем значении лучше всякого слова и не нуждаются в объяснениях. А если бы кто потребовал объяснений, то поступил бы также, как если бы кто в самый полдень, когда солнце находится над головою, потребовал для объяснения, что такое солнце, маленького угля. Особенно если дела необычайно велики и возвышенны, лучше всего молчать и удивляться, чтобы, вместо изображения их достоинств, не унизить их. Вот, например, на небесах какая дивная вещь — солнце, которое с таким блеском совершает свой путь; и никто даже поныне не решился, согласно с законами похвальных слов, явно воспеть его величие, красоту и прелесть. Во всем мире не находя ничего, с чем бы можно было сравнить солнце, всякий боится сказать об нем что-нибудь определенное. Но гораздо более боится всякий решиться на то, чтобы приличным языком из- {339}ложить твои дела; потому что ты в одном себе соединяешь все, что есть возвышенного и прекрасного во всех людях. Если бы законы, по которым составляются похвальные слова, были взяты с тебя; то они были бы не только разнообразнее, многочисленнее и строже, но и ближе к жизни, и искреннее, и правдивее. А нынешнее, будучи подобны розе, увядшей и потерявшей свою красоту, при

насмешка. Hofm. lexic.

¹ Здесь, может быть, разумеются слова Екклезиаста: *всем время, и время всякой вещи под небесем* (гл. 3, ст. 1).

похвалах другим, может быть, и годятся; но в приложении к тебе оказываются столько же странными, сколько странны были бы для летающих в воздухе птиц льняные одежды. Таким образом, находясь в недоумении и не зная, к какому обратиться примеру в своей речи, я решаюсь воспользоваться тем, который далеко ниже требуемого. Впрочем в человеческих делах и не бывает ровного течения; они идут то хорошо, то дурно. Поэтому в них не одни и те же принимаются меры, но многообразные; отсюда вошло и в пословицу: ο; δέυτερος πλοῦς (вторая попытка). Когда не удастся первая попытка, тогда мы прибегаем ко второй, и даже к третьей. Между всеми вещами есть какое-то сродство и подобие; потому что, будучи составлены из одних и тех же стихий, они как будто происходят от одной матери и от одного корня. Например: когда все освещающая лампада удаляется от нас, мы употребляем лампы и факелы, и ночью искусственным образом делаем второе солнце. Также когда хотим изобразить весь мир, то на небольших {340} шарах отмечаем круги и движения неба и его отношение к земной окружности. Далее, если мы обратимся к живописи; то и здесь найдем множество образов и примеров, и сцену с декорациями и представлениями, соответствующими действительности. Но подражая как природе, так и самому Творцу вселенной, живописцы не могут однакоже вдохнуть жизни в свои тени с действительности, ни дать животворного солнца для семян; они производят только игру красок, и то извлекают из земли пшеницу, еще зеленеющую и только что наливающуюся, то изображают уже отяжелевшую от спелых зерен, которые не хотят далее оставаться ни на стебле, ни в колосе, и только что не зовут серп; и это живописцы делают, не дожидаясь известной поры, или появления и исчезновения звезд; нет, в один день у них пшеница и вырастает, и становится готовою для гумна. Вот и мы, не имея возможности исследовать дело надлежащим образом, прибегаем ко второй попытке, и обращаемся к примерам для объяснения дела, хотя эти примеры и далеко не соответствуют ему, а впрочем внушены искренним чувством. Теперь следовало бы небесным звездам, отличающимся своей величиной и красотой, собравшись в одно какое-нибудь место на небе, описать и изобразить все великие дела твои, чтобы как небеса поведают славу Божию, так и они живо напоминали о тебе каждым своим оборотом и указывали в тебе бу- {341} дущим родам самый светлый образец самодержавия. Теперь следовало бы всем людям, собравшись в одно какое-нибудь место на земле, вознести единодушную молитву к Даровавшему тебе царство, чтобы Он даровал тебе бессмертную жизнь и хранил тебя, как учителя всех желающих царствовать, как подвижника всякой добродетели и всемирного элланодика ¹. Теперь следовало бы и всякому человеческому языку присоединиться к нашему желанию, чтобы таким образом составилось всеобщее торжество и единодушное празднество всего мира ради тебя и ради твоих дел. Но мы уже провозгласили, что величие твоих дел выше похвал и недостижимо даже для многих ораторов. После этого мы поневоле должны здесь остановиться и отказаться от своих усилий изобразить твое величие; было бы явным безумием домогаться решительно невозможного». Когда таким образом я отказался от предлагаемых мне почестей, царь хотел было принудить меня принять их; но потом рассудил, что этого делать не следует, и успокоился, отложив дело до другого времени.

10. В это время в Константинополь по пути зашли люди, которые знали какое-то чудное искусство и которых никто никогда не {342} слышал и не видал. Их было не менее 20 человек. Они вышли первоначально из Египта и сделали как бы какой круг, прошедши к востоку и северу Халдею, Аравию, Персию, Мидию и Ассирию, а к западу Иверию, лежащую у Кавказа, Колхиду, Армению и другие государства, идущие до самой Византии, и во всех странах и городах показывали свое искусство. Все, что они делали, было необычайно и чудесно; впрочем не было дьявольским наваждением, а было делом естественным, плодом долговременного упражнения в этом искусстве. Не распространяясь слишком, мы расскажем из числа многих о некоторых из их действий. Например: взяв две или три корабельных мачты и вертикально поставив их в земле, они укрепляли их нетолстыми канатами, так чтобы не могли наклоняться ни на ту, ни на другую сторону. Потом от вершины одной мачты натягивали веревку до вершины другой. После того брали еще веревку и ею обвивали одну из мачт снизу доверху, чрез что образовывали некоторого рода вьющиеся ступеньки, по которым

¹ Элланодиками назывались первые, девять судей на олимпийских играх; также у лакедемонян, во время войны, судьи, разбиравшие споры между соединившимися для войны народами. Ксен. Лак. Респ. 13, 11.

бы можно было всходить. Всходя по ним, один становился на самой вершине мачты то на одной ноге, то на другой, то поднимал обе ноги вверх, а головой упирался в вершину мачты; потом, сделав неожиданный прыжок, одной рукой крепко хватался за веревку и уцеплялся за нее, после чего быстро и безостановочно начинал вертеться и кружиться коле- {343} сом. Затем, вместо руки уцепившись за веревку голенью и повисши головою вниз, снова начинал вертеться и кружиться. Потом став прямо на середине веревки и взяв лук и стрелы, стрелял в цель, поставленную очень далеко, и стрелял так метко, как не мог бы другой, стоя на земле. Потом, зажмурив глаза и взяв на плечи мальчика, он совершал по веревке воздушное путешествие от одной мачты до другой. Вот что делал один. А другой, поднявшись на лошадь, погонял ее, и на всем бегу стоял прямо то на спине, то на гриве, то на одной из ягодиц, постоянно и смело перебирая ногами и принимая вид летящей птицы. Иногда вдруг соскакивал с бегущей лошади, хватался за ее хвост и неожиданно появлялся опять на седле. Или еще: опускался с одной стороны седла и, обогнув брюхо лошади, легко поднимался на нее уже с другой стороны и снова ехал. Занимаясь такими фокусами, он не забывал в тоже время подгонять коня бичом. Такие чудеса делал второй. Третий, поставив на голову палку длиною в локоть, а на верхний конец ее — полный сосуд воды, ходил так, что сосуд долго оставался неподвижным. Иной ставил на голову свою длинное копье, не меньше трех сажень, снизу доверху обвитое веревкой, образовавшей выступы, за которые мальчик ухватывался руками и ногами и, поочередно передвигая руки и ноги, в короткое время достигал самой верхушки копья, с {344} которой потом и спускался вниз. В тоже самое время, имевший на голове копье, безостановочно прохаживался взад и вперед. Другой бросал вверх стеклянный шар, и потом ловил его или мизинцами, или локтями, или другим каким способом. Я уже не говорю о различных видах скачек и разных фокусах, какие они выделяли перед нами. Притом каждый из них знал не одно что-нибудь, но каждый знал все, и не только то, на что я указал, но и многое множество другого. Впрочем такие фокусы не всегда сходили с рук счастливо и без вредных последствий: нередко, обрываясь, эти люди ушибались до смерти. Из отечества их отправилось больше сорока человек, а достигло Византии в добром здоровье меньше двадцати. Мы сами видели, как один упал с мачты и тут же умер. Несмотря однакож на то, собирая с зрителей большие деньги, они продолжали ходить всюду, как для прибыли, так и для того, чтобы показать свое искусство. Оставив Византию, они чрез Фракию и Македонию достигли до Гадир, и таким образом почти всю вселенную сделали зрительницей своего искусства.— В это время турки, узнав, в каком расстроенном и позорном положении находятся дела Греции, начали строить корабли и в большом количестве безбоязненно пускаться в море,— стали нападать на грузовые суда, шедшие к месту назначения и возвращавшиеся назад, и делать набеги на Македонию и Фра- {345} кию, также, на большие и малые острова и повсюду более и более умножать бедствия. Дело дошло до того, что царская казна решительно опустела, и в крайности пришлось продавать украшения древних царей.

11. Между тем великий дук Сиргианн, видел, что дела идут несогласно с его желанием. Он прежде воображал, что будет разделять верховную власть и направлять дела, как захочет, и что ничего, ни малого ни великого, не будет совершаться без его ведома. Вопреки такой мечте, расположение царя обратилось всецело к одному великому доместику Кантакузину. Потому-то он кипел в душе гневом, был пасмурен и придумывал средства отомстить царю, который даже и не упоминал ни об одном из своих прежних обещаний, но поступал совершенно вопреки им, пренебрегая Сиргианном в числе многих других и отстраняя его от участия в своих намерениях. И вот он решился принять сторону старика-царя и в короткое время ниспровергнуть все предначертания и дела молодого царя. Он видел не в Боге причину событий, но думал, что дела непременно примут то именно направление, которое он им сообщит. И так он послал тайно одного из своих приятелей с поручением открыть старику царю свои намерения и объяснить, в каком положении находятся его дела. Для большего удостоверения, он прибавлял: не могу видеть молодого царя, который соблаз- {346} няет мою жену. Такой перемене в мыслях этого человека старик-царь так обрадовался, как палимые летним зноем бывают рады веянию зефира и истаяющие от жажды прохладительному питью. Он и сам не мог далее терпеть, чтобы его презирали, чтобы им играли и чтобы приближенные к нему люди, и низшие и высшие, быв лишены своих поземельных участков, едва не умирали с голоду. После страшных клятвенных уверений, тайно данных тою и другою

стороною, Сиргианна заставили в скорейшем времени собраться и отправиться в столицу. Дело было устроено так скоро, что о нем и не догадался никто. Но потом распространилась молва, которая наполнила радостью души весьма многих, обнадежив их, что вся верховная власть снова перейдет к старику-царю также скоро, как скоро оборачивается марка, и что земли, находящиеся во Фракии и Македонии, снова перейдут к прежним их владельцам. Но это не было угодно Богу, и все усилия, направленные к осуществлению этих надежд, вскоре оказались тщетными, как покажем ниже. Молодой царь, зная издавна, что византийцы преданы ему всей душой и даже тайно приглашали его к себе, пользуется нарушением спокойствия, идет к столице со всем фракийским войском и, пришедши, располагается лагерем вблизи космидийского монастыря ¹. Отсюда на расстоянии 50 стадий он {347} мог видеть даже царский дворец. Здесь он оставался двое суток, несмотря на то, что дул холоднейший северный ветер, в самое суровое время зимы; а стража, расставленная всюду, наблюдала за дорогами, чтобы как-нибудь не перехитрил их Сиргианн, который находился тогда в Пиринфе ¹ и добивался щедрыми обещаниями привлечь на свою сторону окрестные крепости. На третью ночь Сиргианн, отобрав 500 ратников, вечером выехал и еще до солнечного восхода прибыл в Византию, перебив всех царских досмотрщиков, расставленных по дорогам и, конечно, спавших. Он хотел даже сделать нападение на молодого царя и его воинов, пока они не узнали о приключении с их стражей, только старик-царь не позволил. С наступлением дня те услышали о неожиданном и внезапном нападении Сиргианна, в тоже время видели, что ни византийцы не могут ничем тайно помочь молодому царю, ни старик царь не помилюет их, если обратятся к нему с раскаянием,— и удалились со всею поспешностью. Вслед за тем старик-царь посылает деспота Константина морем в Фессалонику, чтобы он жил там в качестве правителя Македонии, препроводил оттуда в Византию государыню, мать молодого царя, Ксению ², и кроме того на- {348}брал там войско. Подвигаясь отсюда с македонским войском, тогда как Сиргианн должен был подвигаться оттуда с турецким и вифинскими ратниками, деспот с Сиргианном мог отрезать отступление со всех сторон молодому царю и в скорейшем времени поймать его с его спутниками. Деспот готов был уже выйти из византийской пристани, как вдруг увидел, что один из его слуг уронил все золото и серебро, собранное со стола, и все оно пошло ко дну. Эта случайность глубоко опечалила его, не столько потому, что он лишился вещей, сколько потому, что на первом же шагу повстречалось дурное предзнаменование, которое не обещало в будущем ничего доброго. Как бы то ни было, явившись в Фессалонику, деспот тотчас схватил всех, бывших при государыне Ксении, и ее саму и, со всею бесцеремонностью посадив их на триеры, отправил в Византию. Насильно доставленная сюда, царица помещена была под присмотром стражи в восточной части дворца. Это было первым и самым важным делом деспота Константина, по прибытии его в Фессалонику; вторым то, что, собрав все войско, какое было в Македонии, он отправился против своего племянника-царя. Прибыв к Христополю, он послал гарнизону этого города требование, чтобы ему по доброй воле дали пропуск, пока он не открыл себе дороги силою. А так как требование не было уважено, то {349} он разломал часть длинной стены, пресекавшей дорогу, и все войско провел беспрепятственно. Молодой царь, вникая в свое положение, видел, что дела его принимают дурной оборот, и потому, дав протостратору Синадину фракийские войска, посылает его охранять обращенные к Византии границы находившейся под его управлением земли и отбивать нападения Сиргианна. А сам решился действовать хитростью против своего дяди деспота; и прежде всего велел, как можно скорее и больше, написать указов с клятвенными обещаниями наград, денег, подарков и почестей тому, кто схватит деспота-дядю. Все эти указы он отдал каким-то прохожим ремесленникам и велел разбросать и рассеять около войска деспота и всюду по дорогам; потом приказал им распустить молву о смерти деда-царя, о том, будто византийцы возмутились и убили его. Способные на такие дела, эти люди ходя всюду распускали эту молву, а многие из них даже клялись, что они сами были свидетелями и очевидцами несчастной кончины царя, и, чтобы совершенно уверить других в справедливости своих слов, показывали белую шерсть с овец, как будто это были волосы с

¹ См. Анн. Комн. т. 1, стр. 100.

¹ Пиринф, иначе Ираклия, фракийский город у Пропонтиды. Hofm. Lexic.

² Пока не стала вдовою, она называлась Марией (кн. 6, гл. 8; кн. 7, гл. 6 и 13; кн. 8, гл. 1). Не переменила ли она образа жизни (мирского на монашеский) по смерти супруга? Boivin.

головы и бороды старика-царя, вырванные и разбросанные руками народа. Такие слухи, ходя по селам, городам и особенно по войску деспота, ставили всех в нерешительность. Упомянутые царские указы, находимые и передаваемые деспоту, привели его в страх, за {350} что его нельзя слишком осуждать. Он поэтому уступил убеждениям приближенных к нему людей, которые говорили: «смотри, чтобы не выдало тебя войско»!— и уехал в Фессалонику. Это было под конец зимы. А в начале весны старик-царь посылает в Фессалонику трииру и тайное письменное приказание деспоту Константину, чтобы он со всею поспешностью на той же триире выслал узниками в Византию двадцать пять человек возмутителей, возбуждавших фессалоникский народ к бунту. Но об этом повелении они узнали прежде, чем оно было приведено в исполнение; тайно взволновали народ и, взошедши на колокольни, ударили в набат. Это было условным знаком к бунту. Весь народ тотчас бросился к дому деспота, но не нашел его,— деспот, почуяв беду, ускользнул в акрополь. Между тем возмутители одних, попавшихся им под руку, убили, других ограбили и заключили в темницу, а дома их разрушили, растащив все богатство, какое было внутри. Затем тотчас бросились к воротам акрополя и подожгли их. Видя это, деспот в отчаянии садится на лошадь и несется вон из акрополя в монастырь Хортаита. Здесь он был схвачен и нехотя должен был облечься в монашескую одежду, чтобы только избежать явной смерти, которою неожиданно угрожало ему настоящее положение дел. Отсюда в узах приводят его к племяннику-царю. Тот оказался гораздо челове- {351} колюбивее всех, которые тогда имели у него силу и ратовали за него. Они, можно сказать, жадно хотели отвесть плоти и крови деспота и готовы были в одну минуту разорвать его. Но царь обнял его и защитил от всякого оскорбления. Впрочем на другой день, убежденный своими приближенными, он отправил деспота в Дидимотих, для заключения в страшную и недоступную ни для каких утешений темницу. Дидимотихская крепость выстроена на одной цельной скале; выламывая из нее, когда нужно, камни, жители крепости образовали в ней ямы и колодцы, в которых стекалась дождевая вода. Вычерпав всю воду из одного такого-то колодца, спустили туда по лестнице деспота и одного мальчика из его прислуги. Посмотреть туда не позволяли никому; закрыв колодец, держали страдальца в тесноте и невообразимо несчастном положении. Я не говорю уже о других неудобствах, разумею мрак и удушливый воздух; а скажу лишь об одном, более важном, которое приводит меня в содрогание, при одном представлении о нем. Место, где находились заключенные, было слишком тесно; отсюда по необходимости должны были находиться на ближайшем расстоянии и горшок для испражнения и хлеб для утоления голода. Представьте же себе, что должно было быть на душе у заключенных, во время еды при таком отвратительнейшем запахе! Но этого еще мало: горшок, подымаемый вечером сторожами на веревке, часто опро- {352} кидывался деспоту на голову, потому ли, что сторожа издевались над ним, или без всякого умысла с их стороны. Но духовные лица стали сильно просить за него царя, и он был переведен в более сносную темницу. При таких неудачах, старик-царь терялся и решительно не знал, что предпринять и как выпутаться из этого дурного положения,— он видел, что все, что ни предпринимает, неожиданно обращается на его же голову. Для разрешения своих недоумений он решился прибегнуть к Псалтыри и, раскрыв ее, сейчас же остановился на первом, попавшемся под руку, стихе, который читается так: «когда Небесный разъединит царей, находящееся на Селмоне покроется снегом» (Пс. 67, 15). Отсюда он понял, что все, что ни происходило в то время, происходило по воле Божьей, хотя для людей и остаются неизвестными пути Проведения, и немедленно обратился к внуку с предложением мира и условий, подобных прежним,— действуя таким образом вопреки советам Сиргианна. Внук давно желал такого оборота дел и, ни мало не медля, отправился в путь. Выше мы говорили, что он домогался сделаться самодержавным. Теперь он и наружно и внутренне бросил эту мысль; и если бы приближенные не возмущали его и не подстрекали добиваться полновластия, он удовольствовался бы условиями уже бывшего однажды договора. Как бы то ни было, в настоящее время в ответ на {353} приглашение деда, он прибыл в Регий, и нашел, здесь свою мать государыню, которая была освобождена из темницы и послана туда по поводу имевших открыться переговоров. Здесь же вместе с матерью и ради ее он согласился на все, на что следовало. Проведши несколько дней внутри города, он потом выступил оттуда, и пред стенами Византии имел свидание с дедом-царем. Между тем как царь-дед не сходил с лошади, внук на расстоянии одной стадии от него сошел и, хотя дед сильно останавливал и удерживал

его, подошел к нему пешком и поцеловал у него руку и ногу, тогда как тот сидел на лошади. Потом и сам сел на лошадь, обнял деда и крепко поцеловал. Затем, обменявшись несколькими словами, они разъехались. Старик-царь возвратился в Константинополь; а молодой расположился лагерем при храме Пречистой Богоматери «Источника». Живя здесь долгое время, он иной раз бывал и в Константинополе и опять возвращался. Его мать государыня жила также близ храма Пречистой Богоматери, отчасти по причине какой-то болезни, отчасти же для того, чтобы быть вместе с любезным сыном. Вместе с государыней была там и дочь царя, королева Симонида, только что приехавшая из Сербии, по смерти своего мужа. Она подробно передавала своему отцу-царю, что тайком говорили там и здесь. Спустя немного, возвратился и он в Орестиаду и Дидимотих. {354}

12. В это время появился в Византии один монах с горы Афонской. Он был слишком семидесяти лет, не имел никакой иерархической степени и не умел правильно читать, даже по складам. Его-то за особенную простоту нрава царь возвел на сиротствовавший тогда патриаршеский престол, несмотря на то, что многие смело и громко обвиняли его во многом, что издавна и препятствовало ему получить какую-либо иерархическую степень. Но так как эти люди действовали не из благоговения к правде Божьей, а по своекорыстным расчетам; то Бог и попустил, чтобы этот необычайно простой человек лишил власти тех, которые так несправедливо ссорились из-за него,— как покажут это события дальнейшей истории. Вступив на патриаршеский престол, новый патриарх не замедлил приобрести большую благорасположенность у царя и возратить давнее его благоволение пинкерну Филантропину, который, как мы говорили уже, лет за тридцать восемь назад был лишен зрения завистливой рукой. Он немедленно оказался таким мудрым советником в государственных делах,— особенно при тогдашнем смутном и беспокойном положении их, что вместе с ним, казалось, появились тогда мудрейшие люди древности, Сципион и фиванец Епаминонд. Многие удивлялись, как он, при таком непостоянстве и непрочности всего человеческого и при таком могуществе судьбы, которая играет жизнью людей, и также про-{355}изводит в ней перемены, как они делаются на сцене,— как он умел сохранить во всей целостности свою добродетель и стать выше судьбы, которая, унизив его завистников, извела его из бездны унижения. Справедливость того, что мы говорим о его добродетели, может подтвердить не хуже пробного камня и самое время, в которое он показал себя. Именно: в это время осадили Филадельфию окрестные и соседние турки. Не вынося продолжительной осады совне от неприятелей, внутри от сильного голода, туземные жители, какие там оставались, были готовы уже сдаться туркам с своим городом и жилищами. Это чрез несколько дней и случилось бы, если бы Алексей Филантропин не поспешил избавить их от такой беды. Находясь в тесных обстоятельствах и решительно не зная, что делать (у царя не было заготовлено ни оружия, ни в достаточном количестве войска, которое бы могло защитить город, удаленный на много стадий от моря и окруженный такой силою), царь посылает туда Филантропина, без всяких средств — без войска, без оружия и без денег, с одним его природным смыслом и опытностью. И не успел он еще подойти к Филадельфии, совершив только половину пути, как сатрапы и военачальники осаждающих, услышав разнесшуюся о нем молву, тотчас же полагают оружие и снимают осаду, пристыженные добродетелью этого человека. Они встречают его с распростертыми объятьями, принимают с {356} видами примирения, припоминают теперь доставленные им когда-то услуги, благодарят его и обещают поступить во всем по его желанию. Некоторые из них, при его помощи, спасли некогда свою жизнь от явной смерти; а другие под его руководством научились владеть оружием и приобрели знание военного дела. Но к чему распространяться? Он в самое короткое время довел Филадельфию до такого цветущего состояния, что медимн ¹ пшеницы верхом стали продавать там по одной драхме. Между тем согласие царей было не по душе Сиргианну, наводило на него уныние и делало его угрюмым, — тем более, что при мирном состоянии государства, он оказывался лишним и бесполезным в деле управления. Поэтому он стал вкрадчиво входить в беседу с теми лицами, которые были недовольны почему-либо общественными делами, и везде, в домах, на площадях и на улицах, жаловался пред ними на царей, которые, будто бы, крайне несправедливы к нему, тогда как он в смутное время оказывал весьма важные услуги то тому, то другому. Между прочим он узнал,

---

¹ Медимн равняется нашему четверику.

что столько же недоволен и Андроник Асан, который во время ссоры царей был владыкою и правителем пелопонесских римлян, а потом, быв изгнан оттуда с бесчестием молодым царем и пришедши к старому, не встретили здесь ни малейшего утешения в своем печальном положении, несмотря на то, что заслуживал великих почестей — не только сана севастократора, но и более высшего сана, по своей воинской опытности, которою превосходил многих других, и по знатности своего рода. Узнав об этом, Сиргианн сближается с ним и прикидывается его другом, указывая основание для дружеской связи в одинаковости их обидного положения. Таким образом положившись на его сочувствие, Сиргианн дал полную волю своему языку высказать все, чем был недоволен. Но Асан обходился с ним весьма хитро; впадал сам в тон его речи и разделял его жалобы на царей, но в тоже время все слова Сиргианновы скрывал в тайниках своей души; потому что и прежде ненавидел его за властолюбие, да и теперь не мог терпеть, как врага своего зятя по дочери, Кантакузина,— разумею великого домашнего, который пользовался величайшим значением при молодом царе, и в частых письмах к Асану подавал ему лестные надежды. Наконец вся драма разыгралась тем, что Асан, пришедши тайно к дяде своему, царю, сказал ему: «если ты не поспешишь захватить Сиргианна, добывающегося царской власти, то скоро будешь им убит». Царь тотчас же заключил его в оковы, а его дом со всем имуществом разграбила и растащила чернь; так что его виноградники и пространство, какое занимал дом, обратились в поле для выгона овец. Таковы были дела. {358}

13. Считаю долгом упомянуть теперь о бывшем в это время рассуждении касательно праздника Пасхи. Пришедши однажды по обычаю во дворец, я занялся там разговорами. Прочее я прохожу молчанием; потому что и долго было бы рассказывать, и много в том есть такого, что не слишком важно для людей деловых, хотя и любопытно и достойно внимания людей ученых, а сообщу только важнейшую часть беседы. Царь завел речь об астрономии, о небесных светилах, о движении звезд блуждающих и неблуждающих, чтобы дать мне случай говорить, так как питал ко мне большую благосклонность. Воспользовавшись случаем, я превознес похвалами науку. Она, сказал я, просветляет умственное зрение и расцветивает все другие науки яркими красками; так что без нее все прочие известные людям искусства и знания представлялись бы нам в неясных и неопределенных очертаниях. Между прочим зашла речь и о Пасхе; среди разговора об этом предмете я заметил, что и Пасха временем своего празднования входит в эту науку,— тем более, что мне давно хотелось обратить внимание царя на этот предмет, совершенно неизвестный для большей части людей, как я убедился на деле, исключая только тех, которые занимались астрономиею. И так воспользовавшись случаем, я решился удовлетворить теперь своему желанию, впрочем достиг цели не без больших затруднений. Присутствующие навели мне много хлопот, нелегко понимая, в чем дело, и, если бы царь (он один понимал, что я говорил, и воспользовался случаем ясно обнаружить пред всеми свою редкую сообразительность) если бы, говорю, он не оказал мне особенного внимания и не доставил полной свободы моему слову; то, вероятно, я вскоре вышел бы отсюда с насмешками и бесчестием, хотя это было бы крайнею несправедливостью в отношении ко мне. И так, получив, говорю, от царя полную свободу говорить, среди всеобщего молчания, я прежде всего изложил основные положения, а потом уже сделал из них и необходимые выводы. Нужно прежде всего, сказал я, в точности знать весеннее равноденствие; потому что в этом — главное основание всего дела, как увидим ниже! Потом — следующее за равноденствием полнолуние; а полнолунием мы называем то время, когда бывает видно все полушарие луны. Оно случается спустя с небольшим четырнадцать дней после того, как луна сходится в одной части зодиака с солнцем; так что к ним обоим относится один перпендикуляр. А так как наша Пасха соотнобразяется, с ветхозаветной, а эта последняя с полнолунием, следующим за равноденствием; то нам и нужно исследовать прежде всего эти вещи, чтобы дело ясно было для всех. Равноденствие бывает два раза в год: один раз в начале осени, а другой в начале весны. До осеннего {360} равноденствия нам теперь нет дела. Все внимание наше должно быть обращено на равноденствие весеннее. Оно бывает, как мы сказали, весною, когда солнце проходит первую часть знака Овна, которым у астрономов описывается равноденственный круг, но бывает не в одно и тоже время во все годы. В эпоху Набонассара оно было под конец вечера 25-го марта; в эпоху Филиппа Аридея — в полдень 24-го того же месяца; в год смерти Иисуса Христа — 23-го, гораздо раньше восхода солнечного,

или точнее, в самую полночь; а в наше время оно уже отодвинулось на 17-й день того же месяца. Я не определяю строго часа в дне и части самого часа. Это в настоящем случае не необходимо, и долго останавливаться на этом нет нужды. С течением веков отсюда происходит разница во времени, так что по прошествии известного срока весеннее равноденствие может опоздать целым днем, по прошествии другого такого же срока — еще целым днем, и так далее. Это происходит не от движения солнца, которое всегда совершает свой путь одинаково и ровно, но от нашего счета дней в году, причем мы допускаем небольшую погрешность; потому что к тремстам шестидесяти пяти дням мы прибавляем целую четверть одного дня, чего не следует. Не целая четверть, говорит великий Птоломей, а, за исключением из ней трехсотой части, должна быть прибавляема к нашему году. А я сам, по тщательном исследовании, {361} нашел, что следует исключить меньшее, чем трехсотую часть. Поверить мое вычисление когда-нибудь после предоставляю астрономам; а теперь не время мне объяснять эту частность. Итак пусть будет по Птоломею,— тем более, что разногласие между им и мною незначительное; пусть, говорю, будет по Птоломею, что к нашему году нарастает один день чрез целые тридцать лет. Эта незначительная часть может сделаться ощутительною только по прошествии многих лет; в три, четыре, пять, десять и тридцать лет она по малости своей могла бы быть и незамечена. Но с течением времени искусные астрономы ее заметили, и с точностью определили день весеннего равноденствия. Отсюда было тщательно исправлено и время празднования Пасхи: это исправление было совершено еще около 6300-го года от Адама. Но с того времени дело это остается в небрежении и без исправления даже до сих пор; православные христиане в наше время вместо того, чтобы начинать праздник Пасхи прежде 20-го марта, как бы следовало, начинают ее праздновать 22-го, что неправильно. Если день равноденствия зависит не от чего другого, как от вступления солнца в знак Овна, полнолуние от диаметрического расстояния солнца от земли, а ветхозаветная Пасха — от полнолуния; то понятно, что с переменою равноденствия переменяется и полнолуние, а следовательно и день Пасхи иудейской, с ним же необходимо — и день нашей Пасхи, которая отно- {362} сится к той, как к своему началу и основанию. Если бы мы захотели, нам легко было бы исправить эту ошибку; стоило бы только отбросить несколько более двух дней,— так находит нужным сделать астрономия после многолетних своих исследований. Если же этого сделано не будет, произойдет немаловажное заблуждение: может случиться, как уже и случалось, что мы отнесем по ошибке полнолуние к воскресенью и понедельнику наступающей недели, тогда как оно уже было за два дня назад, т. е. в шестой день прошедшей недели; таким образом будем ожидать вместо этого другого воскресного дня, и неделю пасхальную сделаем страстной неделей. Понятны следствия такой ошибки. Что эти законы указаны учеными не как-нибудь спроста и не легкомысленно, а напротив каждый из них имеет твердое основание, постараемся разъяснить. За полнолунием, следующим за весенним равноденствием наблюдают, как известно, евреи; потому что в это именно время их отцы заклали агнца и вышли из Египта. Тогда весеннее равноденствие было 29 марта, а следовавшее за ним полнолуние — в тот день, который, по их счету, составляет 14 число нисана, стоящего у них первым месяцем в году, вместо нашего марта. Счет месяцев и лет начинают не от одного и того же дня вместе с нами персы, александрийцы, египтяне, а вместе с ними и иудеи, но каждый по своему. Так: александрийцы начинают счет своего года {363} за три дня до первого числа нашего сентября. Египтяне — то от одного, то от другого дня, и каждый год иначе. Персы, мидяне и индийцы не согласны ни с ними, ни между собою; равным образом и иудеи начинают счет дней своего месяца нисана то с одного, то с другого дня нашего марта. Наблюдая периоды месяцев от одного стечения двух светил до другого, они полагали в начало всех других месяцев так называемый месяц нисан, содержащий в себе день весеннего равноденствия и не имеющий своего собственного определенного начала. Об этом так сказал Господь Моисею: «месяц сей да будет у вас началом месяцев; первым да будет он у вас между месяцами года... В десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый из сынов Израилевых по агнцу на семейство... и пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца... и заколют к вечеру и съедят... И празднуйте день сей законно, вечно в роды ваши» (Исх. 12, 1—17). Вместе с этим, по той же самой причине, в воспоминание этого дня, они ежегодно и совершают праздник Пасхи. Кроме того, вспоминая исшествие из Египта, они торжествуют под этим образом исшествие из века настоящего в век грядущий. А так как век

грядущий не вечерен, то и день праздника, служащий его образом, должен быть, говорят, в некотором смысле не вечерен. Таков именно и бывает день во время полнолуния, когда обращенная к {364} нам луна светит всем своим полушарием; потому что тогда сряду же по захождении солнца восходит луна, и не позволяет небесному своду остаться для нас темным ни на одно мгновение. Вероятно и тогда, в шестом часу того шестого дня, показалась во всем своем свете луна обращенная к нам своим полушарием и отстоявшая тогда от солнца на 180 градусов. От того-то астрономы и нашли чудесным и необъяснимым бывшее тогда затмение солнца; так как оно произошло вопреки естественным законам. Солнечные затмения бывают тогда, когда оба светила сходятся в одной части зодиака, и луна проходит мимо солнца; но быть затмению в то время, когда луна отстоит от солнца на 180 градусов и находится отнюдь не между солнцем и землей, это выше всяких законов природы. Потому-то астрономы прежде всех других людей и увидели здесь чудо, и сказали, что это Бог страждет ¹. Людям неученым это явление не казалось чудесным, а обыкновенным, которое много раз бывало и в прежние годы. И так в это полнолуние праздновали Пасху иудеи; в это полнолуние бывает и равноденствие; в это же полнолуние умер за нас {365} и наш Спаситель, что известно всем, как и то, что он воскрес из мертвых силою своего божества в третий день после ветхозаветной Пасхи, или, что тоже, в двадцать пятый день марта. От того, когда то и другое, т. е. и день иудейской Пасхи и день воскресения случались вместе, союз благочестивых христиан нарушался,— и одни считали постоянным и законным временем нашего праздника день иудейской Пасхи, а другие, пропустив сначала праздник этой Пасхи, начинали торжество наше уже на третий день. Отсюда и праздник делался непраздничным и происходило немалое волнение и нестроение в Церкви Христовой. Конечно, если бы третий день после ветхозаветной Пасхи всегда совпадал с 25 днем марта, то это было бы хорошо и праздник был бы в праздник. Но это случается очень редко и только в немногие годы; большею же частью и даже почти всегда они расходятся между собою. Отсюда одни упреждали полнолуние, следующее за весенним равноденствием, другие опаздывали, а третьи, оставив без внимания и равноденствие, и агнца и жертвы, и все ветхозаветные обычаи, разрешали пост, по истечении сорока дней, когда бы это ни случилось. Так, из-за одного дела происходило великое смятение и, так сказать, смешение и разделение языков; тогда как одни еще постились и размышляли о страданиях Спасителя, другие торжествовали и пели Ему победные песни; доброе дело подавало повод к {366} недоброму; из одного делали многое; единодушие церкви было нарушаемо, и прекрасная связь верующих была разрываемая. Поэтому пастыри и учителя Церкви, приметив это разделение и нестроение, решились пресечь его и прекратить, и постановили по поводу его каноническое правило, чтобы ни один верующий не дерзал совершать праздника воскресения прежде весеннего равноденствия, но чтобы совершал его в воскресный день, следующий за иудейскою Пасхою, т. е. за полнолунием, которое бывает после равноденствия. Таким образом каждый верующий тщательно должен наблюдать полнолуние, которое бывает за равноденствием, если не хочет нарушать уставов Церкви. Незнание дня полнолуния влечет за собой незнание и того, который должен быть днем праздничным; мы в таком случае точно плаваем в неизвестном море на сбившемся с пути корабле, который среди ночного мрака и бурь, лишившись якоря, далеко носится от спокойной пристани. Все эти мои объяснения и соображения царь выслушал с удовольствием,— и, конечно, не замедлил бы приступить к исправлению этого дела, если бы не побоялся произвести тем волнение между простыми людьми и разделение в Церкви; вот почему он оставил нерешенным и неподнятым этот вопрос. Нелегко, говорил он, согласить всех наших единоверцев, живущих на материке и на островах, и склонить на такое исправление; а и праздновать Пасху по своему, несогласно с {367} другими, тоже не очень хорошо. Таким образом он нашел более удобным оставить дело так, как оно было до нас; а, мне кажется, удобнее было бы сделать напротив. Если нельзя было бы склонить всех единоверцев к такому исправлению в один год, то можно бы сделать это в два, три года, как в древности и бывало не раз. Но по упомянутой причине, мнение царя взяло над нашим перевес. И об этом довольно.

---

¹ Здесь Григора, конечно, имеет в виду св. Дионисия Ареопагита, который в письме к св. Поликарпу, рассказывает о себе, что в бытность свою в Египте он наблюдал это чудесное затмение и, пораженный им, воскликнул, обращаясь к своему другу Аполлофану: «это или Бог страждет, или состраждет страждущему».

14. После этого царь, прибыв в Византию, венчался здесь на царство 2 февраля, 8 индиктиона ¹. Стоит заметить, что когда оба царя ехали в великий храм святой Софии для венчания на царство, старик-царь упал с коня, оступившегося в грязной луже, образовавшейся от дождевой воды. Этот случай был принят более рассудительными людьми за недоброе предзнаменование для упавшего царя. Между тем в следующем году отправилась к королю Сербии, чтобы сочетаться с ним браком, дочь паниперсеваста ². Спустя немного уехала туда же и мать ее, для свидания. Вскоре прибыл туда и сам паниперсеваст; он не хотел далее зависеть от царя, но желал сам получить верховную власть, как отцовское наследие, и потому, оставив управление Фессалоникою, он уехал оттуда к своему зятю королю, надеясь найти в нем помощника {368} при выполнении своего замысла. Быв принят им, как следует, он выступил с ним и опустошил все пространство до реки Стримона и Серров. Опасаясь еще больших бедствий, царь-старик отправил к нему посольство и вместе с ним знаки кесарского достоинства. Он надел их на себя в городке Скопиях и обещался на будущее время жить мирно и ничего больше не искать; но намереваясь уже отправиться обратно в Фессалонику, тяжело заболел и чрез несколько дней кончил жизнь. Жена его, кесарисса, любя дочь и зятя и в тоже время опасаясь римлян за дела своего мужа, не хотела уезжать оттуда. Вследствие сего отец ее убедил царя отправить посольство к королю, как по другим делам римлян, так и по делу кесариссы, — чтобы король выслал ее домой. В этом посольстве вместе с другими и братом кесариссы был и я. Много мы вытерпели на этом пути; потому что в это время разнеслась молва о скором нашествии скифов, которая взволновала Фракию, выгнала жителей из сел в крепости и заставила их бросить свои дома пустыми, — те дома, в которых мы должны были останавливаться на ночлег и отдыхать после утомления в дороге. Но я опускаю все, что случилось с нами до Стримона. Здесь же мы потерпели такое бедствие, которое стоит полного внимания, как принадлежащее к роду бедствий, возбуждающих в душе и смех и слезы. Мы допустили {369} ли такую глупость, для которой было бы недостаточно и смеха Демокрита*, и накликали на себя такую беду, для которой недостаточно было бы и слез Гераклита ¹. Все мы знали, что Стримон река непроходимая ни для конных, ни для пеших; потому что она больше всех рек, прорезывающих Фракию и Македонию и вливающих свои воды в Геллеспонт и Эгейское море. Она выходит из высочайших гор, которые тянутся непрерывно до Ионийского моря, начавшись от Понта Евксинского, и граничат на полдень и к югу Фракией и Македонией, а к северу землями мизийцев и рекою Истром; последняя в свою очередь больше всех рек, протекающих по Скифии, и вливается пятью устьями в Евксинский Понт. И так, по этому-то Стримону, образовавшемуся из многих источников и чрез то богатому водоворотами, мы вздумали переправляться на одном весьма небольшом судне. В переправе по два, по три человека, иногда и с выючными животными, мы провели большую часть дня; общее наше число, считая и животных, доходило до 40 или даже до 70. Пока переправлялись, солнце с полдня ушло далеко уже к западу и склонилось к вечеру. Следовало бы остановиться и сделать где-нибудь {370} там привал; а мы, по какому-то сумасбродству, решились еще продолжать путь, надеясь непременно найти себе удобное пристанище, прежде чем успеем сделать 15 стадий вперед. Но эта надежда обманула нас. Незадолго пред тем разбойники в короткое время разграбили эту местность и превратили ее в пустыню; так что мы вынужденны были блуждать здесь, вручив себя Богу и доверившись неверным надеждам. Наступила ночь ²; солнце закатилось, и на все легла тень. Не было и луны; она совершила только половину своего кругового пути вокруг земли и, будучи еще только в первой четверти, мало помогала нам своими лучами. В этой тьме и подвигались мы, подобно сходящим чрез Тенар ³ в подземную,

¹ 1325 г. Ducang.

² Иоанна Палеолога, зятя Метохитова (снес. Кантак. кн. 1, гл. 43). Boivin.

* Так напечатано. — Ю. III.

¹ Демокрит и Гераклит — два философа древности; из них первый, положив в основание всего существующего атомы, весело смотрел на все, а другой, взяв за начало огонь с его истребительной силой, постоянно горевал, предвидя всеобщее разрушение.

² Homer. Odysseus v. 388. Ducang.

³ Тенар слово чисто финикийское и означает скалу. Страбон говорит, что в горе Тенар были каменоломни; около ней занимались и добыванием пурпура. Hofm. lexic.

или спускающимся в пещеру Трофония ⁴. К безлунной ночи присоединилась тень от окрестных гор; их высокие вершины настолько скрывали от наших глаз небо, что мы не могли совершать свой трудный путь даже и по указанию звезд. Но вот когда замерло у меня сердце ⁵:— когда пришлось вступить в следующий тяжелый путь, которому не видно было и конца. Мы вошли в густой, {371} непроходимый лес, полный оврагов и пропастей, в котором уже не обращали внимания на то, что рвали в клочки обувь и одежду о сучья, а только защищали свои глаза, потому что ветви и сучья то и дело били нас по лицу; оставив поводья и хлысты, которыми погоняли своих коней, мы только держали руки пред глазами. Между тем сопровождавшая нас прислуга, не слишком заботясь о грозивших нам опасностях, принялась петь трагические песни и в них прославлять героев, о которых мы слышали, а самих не видали; окружавшие же нас пропасти и ущелья окрестных гор, как будто одушевленные, подхватывали их голоса и, повторяя их друг за другом, со всею точностью, отвечали поющим, как делается в хороводах, где на запева отвечают соответственным припевом. При этом я всячески старался ободрить свою душу, чтобы она не терялась среди окружавших ее ужасов. Но она не слушалась, не переставала бранить не вовремя предпринятый путь и всюду видела засады, из которых вот-вот выскочат с ножами грабители и разбойники. В то время, как мы находились в таком смущении, вдруг являются пред нами из тамошних скал и пещер люди, одетые в черные одежды, приготовленные из шерсти (которую добывают с овец, когда нужно), точно демонские привидения! Правда, они не были закованы в латы, но не были и совсем безоружны. Большая часть из них имела в руках оружие, упо- {372} требляемое на близком расстоянии, как-то копья и топоры; некоторые впрочем имели и стрелы. Сначала наши сильно оробели и испугались. Да и могло ли быть иначе, когда мы находились в месте чужом, в такую позднюю пору и среди людей, не знающих нашего языка? Туземные жители — большею частью переселенцы из пограничной Мизии, и ведут образ жизни одинаковый с нашими единоплеменниками. Мы впрочем ободрились и успокоились, когда они приветствовали нас на своем наречии ласково и добродушно и не показывали ничего разбойнического, потому ли, что далеко не равнялись нам в числе и находили неудобным померяться с нами своими силами, или потому, что Бог не допустил их до этого, что вероятнее, хотя я и не могу утверждать ни того, ни другого. Если бы они, будучи туземцами, действительно промышляли разбоем и, пользуясь непроницаемою тьмою и непроходимым лесом, вздумали напасть из своих убежищ на нас иностранцев; то так легко одолели бы нас, как легко одолеть зрячим слепых. Когда и мы также приветствовали их с своей стороны (некоторые из нас несколько понимали их язык), они тотчас же объяснили причину своего пребывания в том месте,— что они оберегают здешние дороги от тех, которые вздумали бы сделать хищнический набег на ближние деревни. Истекала уже третья часть ночи, как мы догадывались по сияющим над {373} нашими головами звездам. Наконец до нас дошел издалека лай собак, который манил нас к себе и указывал нам на присутствие здесь многолюдного села, готового приютить путников, изнуренных длинным переходом, и доставить им удобства, если не все, то некоторые. Поспешно прибыв на место, мы разбрелись, кто куда, и остановились в гостиницах, точно были выброшены после бури и кораблекрушения в какую-нибудь пристань. Голодному, говорят, бывает сладок всякий хлеб; а нам казался тогда сладким и донельзя приятным и запачканный золой. Следующий день весь мы провели в дороге и достигли крепости, выражусь так, заоблачной. Она у туземцев называется Струммицей ¹, а выстроена на высочайшей горе, так что люди, сидящие на ее стенах, если смотреть с долины, кажутся птицами. Здесь мы отпраздновали и св. Пасху, хотя отпраздновали с грустью и не так, как привыкли издавна. Для здешних жителей благолепие, стройное пение и мелодия священных песнопений ничего не значат; они привыкли к языку, почти варварскому, и к быту, приличному одним пахарям. Это язык не полуварварский, который звучит отчасти и приятно, таков напр. язык полулидийцев, или, если можно сказать, полуфригийцев, но язык чисто зверский и дикий, каким тянут {374} свои песни номады, когда в весеннюю пору загоняют свои стада в изгороди и ложбины, чтобы наполнить молоком свои дойки. Мы побыли здесь целый день, частью чтобы почтить праздник, частью же чтобы и

⁴ Трофоний — имя прорицателя, который жил в Беотии; кто спускался в эту пещеру, тот потом целую жизнь не улыбался. Отсюда поговорка: in antro Trophonii vaticinatus es. Hofm. lexic.

⁵ Homer. Odyss., 8°. v. 481. Ducang.

¹ Другие, напр. Анна Комнина, называют Струмбицей. Ducang. В древности называлась Тевериополем. Boivin.

себе дать отдых. Со стен, как с облаков, мы смотрели на долину и видели как другие праздничные игры, так и пляску взрослых мужчин, молодых людей и мальчиков. Это праздничное веселье служило для нас вместо отдыха и всякого другого развлечения и доставило нам гораздо больше удовольствия, чем доставляли афинянам игры диасийские ², совершавшиеся у них за городом, а спартанцам так называемые игры иакинфские ³. Мы тем более расположены были находить удовольствие в виденных нами играх, что и день был радостный и мы были здесь на чужбине, вдали от своих жилищ, как бы заброшенные среди обширного моря на какой-нибудь остров; а в последнем случае обыкновенно все кажется приятнее, чем есть на самом деле. Отсюда на третий день мы прибыли в городок Скопии, который лежит уже в пределах триваллских, и встретили протекающую здесь реку Аксию, величайшую после Стримона и выры- {375} вающуюся из одних с ним гор. При своем истоке она не очень велика, но в дальнейшем течении усиливается другими потоками, и, переименовав свое имя на Вардарий, становится по местам судоходною. Здесь мы встретили и короля триваллов, которому все они беспрекословно и охотно повинуются, вместе с его тещею, благородною кесариссою, которая была одета в траурное платье, в знак глубокой скорби. Она страдала от недавней и великой потери. Вся отдавшись скорби, она и в нашем присутствии со слезами и вздохами часто упоминала имя своего супруга кесаря и называла его родственником многих царей, красавцем, золотым, милым, несравненным. Грудь ее вмещала целое море страданий, глаза изливали целые ручьи слез и вся она утопала в бездне горя, представляя себе, что находится здесь на чужбине, как-будто в пустыне и на реках вавилонских, вдали от друзей, родителей, родственников, даже просто единоплеменников, и лишена всего, что могло бы хотя сколько-нибудь утешить душу, подавленную глубокой скорбью. «Зачем, говорила она, свет находящимся в горе и жизнь находящимся в душевных муках» ¹? Говоря эти и подобные слова, она царапала себе щеки и ногтями извлекала из них струи крови; так что, кажется, бездушным вещам нельзя было не ответить ей вздохами и слезами. Мы представляли ей {376} многое, надеясь угасить пламя печали водой утешения, и утешали — то ее любимый брат, то послы — я или другой кто, или же все вместе. Наконец однакож мы успели успокоить ее, правда, не в такой мере, в какой нам хотелось, все же успокоили, — тем больше, что она была женщина умнейшая из всех, которых только видело наше время, в высшей степени рассудительная и готовая во всякое время принять добрый совет. И так, при помощи наших утешений, она перестала царапать себе лицо и плакать, но ее душа не перестала страдать, несмотря ни на какие утешения: подперши правой рукой голову, она вся погрузилась мыслию в свое горе, приводила себе на память образ супруга, вдумывалась в свое настоящее положение и представляла себе между прочим то, как недавно она была выше кедра, цвела роскошнее полевых цветов и превосходила счастьем всех своих сверстниц, и как потом скоро увидала, что ее цвет попал под серп и совсем засох ². От того-то она и испускала из груди своей глубокие вздохи, как большая печь извергает горячий и пронизанный полымем дым. Наконец наше собрание кончилось, и каждый отправился туда, где пристал. По истечении десяти дней, и правитель триваллов, живший неподалеку отсюда, дав надлежащий ответ одному из послов и приказав ему отправиться {377} обратно, явился с своею женою утешать тещу и вместе выполнить и последнюю статью посольства, то есть, отправить кесариссу домой с почетом и подобающим уважением — и как свою родственницу, и как невестку великого царя, и наконец, как пораженную великим несчастьем. Это он вскоре и исполнил, как казалось ему, хорошо, а на самом деле далеко не так, как бы следовало. Но обезьяна, как говорят, обезьяна и есть, и муравей муравей и есть; им никогда не бывать орлами и львами, потому что они уже от природы отличаются глупостью и лишены смысла. Потому-то мудрец был тот (Фалес ли то Милетский, или Платон, сын Аристонов, или и тот и другой вместе, если один позаимствовал у другого), кто провозгласил себя блаженным за то, что родился не варваром, а эллином. Подобная мысль, весьма верная, как взятая из опыта, пришла теперь и в мою голову. Впрочем,

² Диасийские, т. е. совершавшиеся в честь Дия или Юпитера. Hofm. lexic.

³ Это были у лакедемонян священные игры; совершались они в ночное время в честь отрока Иакинфа, которого убил Аполлон диском (железная или свинцовая плитка) в игре (*Ovid. Metam. I. 10, v. 219*). Продолжались три дня. Hofm. lexic.

¹ Иов. 3, 20.

² Hom. *Odyss. IV. Boivin.*

не распространяясь много, обратимся назад. Проведши вместе только один день в дороге, мы расстались. Кесариссе необходимо было отправиться с другими в Фессалонику, чтобы отдать последний долг своему супругу, который, находясь при последнем издыхании, завещал перенести его тело в этот город. На меня же она возложила необходимые поручения и велела скорее отправляться в Византию, дав и проводника из триваллов, который, ведя нас по неровным дорогам, чрезвычайно затруднил наше возвращение домой. {378}

15. В это время скончалась бездетною супруга молодого царя, Ирина, происходившая из земли алеманов; и потому он взял другую из Ломбардии, которую и переименовал в Анну³; от ней имел и детей, как скажем далее. Между тем, когда царь однажды охотился в Херсонесе, сюда были выброшены после кораблекрушения семьдесят турков. Они долго и с большим мужеством защищались против царских телохранителей и, прежде чем их изрубили всех до одного, не только ранили стрелами многих римлян, но и самого царя в ногу; от этой раны он страдал долгое время. В это время, при нерадении римлян об областях восточных, отошли во владение турков многие города и села Вифинии; между прочим взят был и город Пруса, доведенный до этого голодом. В это же время к православной Церкви присоединился вместе с своими последователями один манихейский учитель, который, сам отличаясь умом, имел у себя таких же и последователей; всю душою отрেকшись учения своих единоверцев, они приняли святое крещение. Если бы я вздумал теперь изложить догматы этой секты, то насмешил бы своих читателей; но они уже были изложены и опровергнуты во многих сочинениях прежде нас, поэтому мы их оставляем, и, заботясь о предположенном повествовании, {379} обращаемся к нему. Стоит сказать о тогдашних предзнаменованиях будущих несчастий. Знамения явились в начале этого года, и ясно предрекали, что быть беде в этом же году. В начале 6836 (1328) года, первого сентября было полное лунное затмение; оно началось еще ночью и продолжалось до тех пор, пока солнце не взошло совершенно и луна не скрылась за горизонтом. Это знамение предрекало на тайные козни, не совсем впрочем непредвиденные, следствием которых должно было быть великое смятение в делах общественных. В четвертом часу того же дня, когда по древнему обычаю царем, патриархом и архиереями принесены были святые иконы к порфировой колонне¹, на которой водружен был святой крест и когда совершалось священное песнопение, вдруг откуда-то ворвалась в самую средину поющих, свинья, вся в грязи, и долго металась то туда, то сюда, пока наконец не ушла. Это, по мнению людей рассудительных, предзнаменовало некоторое смятение в церкви Божией. Чрез шесть {380} месяцев снова произошло помрачение лунного света; начавшись с южных частей луны, оно закрыло ее на десять пальцев. Это означало, что угрожающая беда вскоре начнется с южной стороны римской империи. Спустя немного явилось на небе и еще знамение. Когда солнце достигло до самой высшей своей точки в полдень, в западной стороне на большом пространстве неба, явилось облако в виде креста, составленное из белого и черного цвета. Но возвратимся к тому, о чем мы уже начали говорить.

КНИГА ДЕВЯТАЯ.

1. Лица, окружавшие молодого царя Андроника², видя, что жизнь старика царя может еще очень продолжиться и по своей нетерпеливости будучи не в состоянии далее сносить разделение власти, спешили всю власть присвоить себе самим, а старика царя разными

³ Кантак. кн. 1, гл. 40, 42. Это была Иоанна, дочь Амедея V и его второй супруги, Марии брабантской. Ducang.

¹ Порфиновая колонна была перевезена Константином В. из Рима. На ней он поставил огромную медную статую Аполлона, назвав ее своим именем. От головы статуи шли лучи; в правой руке, по словам Анны, был скипетр, по словам же Кедрина, копье; в левой, по словам Никифора Каллиста, находился шар с водруженным на нем крестом; статуя фигурой походила на Константина, как он изображается на монетах. На этой статуе Константин положил много священных вещей. Об одном из гвоздей, которыми был пригвожден Спаситель, на голове статуи упоминают Кедрин, Зонара и Безыменный писатель. О частице древа крестного — Сократ, Павел Диакон. Anselm. Bandurii comment. I. 1, p. 372.

² Григора не посмел сказать просто — Андроник, а — лица окружавшие Андроника; но это одно и то же. Boivin.

кознями и хитростями совсем лишить ее, или даже вместе с нею и самой жизни. Для достижения своей цели они не упустили ничего, что только могло вести к ней и что могло содействовать осуществлению их замысла. И во-первых они отправляют посольство к Михаилу ³, принявшему власть над болгарами за Истром по смерти Святослава, для заключения прочного и ненарушимого союза. Андроник видел, что король Сербии сильно расположен к старику-царю, как связанный с ним родством чрез супружество с дочерью кесаря, и боялся встретить помеху последнему своему замыслу с этой стороны. Потому-то и примкнул к Михаилу, сделавшемуся недавно зятем его по сестре ⁴, бывшей пред тем женой Святослава. Михаил, получив власть над болгарами, тотчас же стал искать себе более знатной супруги и, отвергнув первую, с которою сделался и отцом семейства (она была сестра тогдашнего короля Сербии) ⁵, вступил в брак с сестрою царя, которая жила вдовой в Тернове. Около этого времени проживала в Дидимотихе и государыня, мать царя; поэтому к Михаилу отправлены были послы с просьбою, чтобы он вместе с супругой прибыл к царю и к матери своей супруги по многим причинам. Государыня давно уже горит желанием повидаться с дочерью, — они не видались уже больше 25 лет; царь же пламенно желает повидаться с сестрой, которую никогда прежде не видывал, а вместе и с ее супругом, и как своим зятем, и как человеком, которому хочет поверить некоторые тайны. По этим-то причинам Михаил и прибыл с супругою в Дидимотих, где в течении многих дней, и частным образом и публично, пользовался всевозможным почетом и радушием от государя и от государыни матери. Тогда же они заключили между собой и условия:— чтобы Михаил помогал внуку-царю против деда-царя, а тот Михаилу против короля Сербии; в случае, если сделается обладателем всей римской империи, лишив деда-царя власти, он обещал заплатить Михаилу множество денег и отдать ему часть земель и городов римских, и как приданое своему зятю, и как плату своему союзнику за труды. По заключении этих условий, Михаил отправился обратно с супругою в свое государство, получив от своей тещи государыни множество подарков и лестных обещаний в будущем. Молодой царь, будучи обнадеживаем таким положением дел и видя, что к нему расположены жители как других городов, так и самой Византии (последние уже приглашали его к себе тайно, соскучив долгою жизнью и недеятельностью его деда), начал думать и хлопотать о том, нельзя ли какими хитростями и уловками победить деда и сделаться самодержцем римским. А так как для осуществления его замыслов требовались деньги, то он силою отнимал их у чиновников, посылавших стариком царем во Фракию для сбора податей, говоря, что эти деньги необходимы ему, что и он также царь; а для царя и вполне, естественно и вполне справедливо общественные деньги употреблять на нужды, не терпящие отлагательства. Потом, показывая вид, будто хочет отправить посольство к властителю Египта для каких-то переговоров и выгодных условий, он отправился в Византию, чтобы здесь сесть на большой корабль и сделать путешествие в Александрию. Но он отправился не просто, а прежде собрал большую силу, обошел все фракийские города, расположил их к себе, укрепил, всех людей подозрительных изгнал, а поселил там все своих приверженцев и единомысленников. Но во время этих занятий, кто-то из его приближенных тайно убежал к царю деду и явившись во всех подробностях раскрыл ему все козни, какие строились там против него; между прочим сказал: приближенные твоего внука положили или лишить тебя самой жизни, если станешь противиться, или если дело пойдет легко и успешно, вместе с верховною властью лишить тебя и знаков этой власти и, облачив в монашеское рубище, отдать под стражу. Поэтому нужно смотреть, чтобы он не проник как-нибудь в город, придав своему вступлению самое обыкновенное значение,— нужно тебе озаботиться, что бы принять меры против него, потому что грозит опасность. Выслушав и сообразив это известие с тем, что слышал от многих других, и убедившись, что все это справедливо, царь встал и с воплем к Господу сказал: «суди, Господи, обидящих меня, да постыдятся восстающие на меня; сохрани мне царскую власть, которую Ты мне дал, а тот, кого я родил и превознес, вырывает из моих рук» ¹. Потом принялся за дело. Прежде всего он послал внуку, находившемуся еще на половине пути, запрещение вступать в Византию;

³ По прозванию Стастимиру. Ducang.

⁴ Феодоре. См. кн. 8, гл. 1. Boivin.

⁵ Неда или, как называют некоторые, Доминика, сестра короля Сербии Урозия, дочь Стефана. Ducang.

¹ Псал. 34, 1; 108, 28; снес., Исайи 1, 2.

«странно было бы, говорил он, тому, кто так открыто нарушает условия и позволяет себе то, от чего расстраиваются общественные дела, странно было бы ему скрытничать». Посланным было поручено раскрыть ему, для возбуждения его совести, сколько поводов подал он к тому, чтобы деду прервать с ним мирные отношения и оскорбиться. Во главе их были следующие: во-первых, он задерживал всех царских сборщиков податей и отнимал у них деньги, тогда как в них никогда еще не бывало такой нужды, как в настоящее время, которое по причине разделения империи требует огромных издержек; во-вторых, он высылал с бесчестьем посылаемых дедом в разные города начальников и правителей и на место их ставил других по своему произволу; в-третьих, принудил к незаконному смещению королеву, которая доводится ему теткой по отцу ², была {385} уже облечена в монашескую одежду и с негодованием противилась ему. Были и другие причины, по которым воспрещался ему въезд в Византию; их очень много, но они уже не так важны. При этом царь-дед послал тайные письма к королю Сербии с просьбою о помощи, и к своему сыну деспоту Димитрию, управлявшему тогда Фессалоникою и ее округом, с приказанием — взять с собою двух своих племянников, протовестиария Андроника и Михаила Асана, начальствовавших тогда над Белградом и остальною Македонию, а также и македонские полки, и сначала укрепить, сколько нужно, македонские города, удалив при этом из них людей подозрительных, а потом, двинувшись оттуда и соединившись с союзным войском короля Сербии, идти, как можно скорее, против молодого царя Андроника. Из писем же посланных к королю Сербии, к деспоту и к другим лицам, состоявшим на царской службе, одни были перехвачены досмотрщиками, расставленными от молодого царя по дорогам, — это те именно, которые были написаны на бумаге ¹; другие ускользнули и дошли по назначению, — это те, которые были написаны на тонком и белом {386} полотне и тщательно зашиты в одеждах почтарей. У сообщников молодого царя были расставлены досмотрщики во всех узких проходах и особенно у ворот, находящихся у Христополя ²; они осматривали всех, кто попадался на дороге, не несут ли писем из Византии, и потому трудно было кому-либо от них увернуться. Таким образом от них не скрывалось ничего, что думали и делали в Византии; здесь напротив не знали ничего, что думали и делали там. Все добровольно передавались на сторону последних, одни открыто и душой и телом, а другие если не телом, зато всей душой; сюда надобно отнести не только весь почти простой народ византийский, но и таких лиц, которые принадлежали к сенату и придворным вельможам и даже находились в кровном родстве с стариком-царем; тщательно следя за тем, что делал он, они сообщали обо всем молодому царю. К числу их принадлежал и сын царя, маркграф Феодор. Он, как мы уже и говорили, за много лет пред сим был отправлен матерью в ее отечество, чтобы нашел там себе жену; затем по легкомыслию и беспечности наделал со временем долгов и, по смерти матери, возвратился к своему отцу царю, бросив там жену и детей; с тех-то пор и проживал в Византии. Здесь он пользовался полным {387} расположением и благосклонностью царя, как и содержанием из царской казны, и имел возможность из царских денег уплатить все свои долги. Обо всем этом он забыл по своей бессовестности и, потеряв всякое уважение к отцу, поступил, как Иуда, — сделался предателем царя-отца. Дело в том, что он сам бредил о власти над римлянами, в случае смерти законного наследника престола, которого отец не хотел передать ему по многим причинам — потому что он и душою, и верою, и одеждою, и бритой бородой и всеми обычаями был чистый латинянин. Чтобы отплатить отцу за это, он и присоединился к молодому царю; таким образом из кровного родственника он сделался самым злым врагом своего отца-царя. В следующем месяце, именно в ноябре ³, Димитрий Деспот, получив в Фессалонике царские письма, тотчас же повестил протовестиария и Асана. Соединившись вместе, они начали собирать войска и разделять между воинами все имущества лиц, державших сторону молодого царя, которые

² Симониду, дочь Андроника Старш. от его второй супруги, Ирины об ней смотр. у Григоры кн. 7, гл. 30, также кн. 3, гл. 1. Ducang.

¹ Григора здесь различает два вида бумаги: один, который называет *χάρτης*, и другой, который представляет приготовленным из тонкого полотна. В первом случае он, кажется, имеет в виду египетский папирус, который позднейшие греки называли *ξύλοχαρτίον* в последнем — то, что они называют *χόρτινον χάρτην*. Vid Gloss. med. Graecit in h. voc. Ducang.

² Этот город Андроник Мл. избрал для себя местом убежища. Кант. кн. 1, гл. IV, VII, VIII. Ducang.

³ 1327 г. Boivin.

находились в македонских городах и селах; открыли винные погреба и хлебные магазины, и отдали все это на расхищение желающим; тех, в которых не встречали нисколько сочувствия, подвергали ссылке, а их имения продавали с публичного торга. Такие делались там вещи; между тем с часу на {388} час ожидали прибытия союзного войска от короля. Впрочем не сидел сложив руки и молодой царь Андроник: по морю и суше, во все города и на все острова, в Византию, Фессалонику и Македонию, он тайно рассылал указы, в которых объявлял народу свободу от податей и налогов, а воинам большие выгоды и прибавку жалованья. Эти указы, делаясь известными, волновали, легко увлекали и располагали всех предаться ему всецело — мыслью, словом, делом, всем сердцем, так что к нему одно за другим шли тайные письма, в которых писавшие приглашали его к себе и просили поспешить прибытием.

2. При таком положении дел, молодой царь достиг Регия ⁴, и отсюда отправил послов к царю-деду с предложением одного из двух, — или впустить на время его самого в Византию, или же выслать к нему из Византии некоторых из членов сената, предстоя- {389} телей церкви и наиболее образованных людей из народа, которые бы могли передать царю и всей Византии то, что он скажет им. Находя, что это предложение все проникнуто коварством, старик-царь долго молчал, не зная, на что решиться. И вступление внука в город, думал он, не обойдется без убийств и пролития крови, так как византийцы готовы присоединиться к нему тотчас же, как только увидят его у ворот внутри города, и допустят своему царю умереть горькою смертью; и отправление к нему византийцев также не обойдется без смут, так как внук имеет в виду склонить их на свою сторону явно лстивыми речами, а тайно подарками и богатыми обещаниями, чрез них же и всех византийских граждан. Впрочем из двух этих зол он избирает меньшее, и отправляет к нему двух сенаторов, двух архиереев, двух знатных священнослужителей и четырех почетных граждан. Приняв их в общем собрании всех, которые были там при нем, он произнес очень искусную речь. «Всякий знает, говорил он, что я вас, моих подданных, люблю больше, чем себя, и что иду против воли деда моего отнюдь не для того, чтобы самому сделаться самодержавным. Вы видите, что я не щаю своей жизни, не ищу неги и покоя, не вожу за собой ни копьеносцев, ни секироносцев ¹, как делают обыкновенно не только цари, для охранения своей власти от завистников, но и те, которых судьба, оторвав от родителей и родственников, пустила скитаться там и сям, в постоянном страхе за свою жизнь. Если не так то пусть скажет мне, кто хочет, из-за чего я ношу эти раны на своем теле, которые получил в борьбе с врагами римскими, — разумею тех, которые делают высадки из Азии во Фракию, также варваров, живущих по Истру и в свою очередь отсюда делающих набеги на ту же несчастную Фракию? А я скажу пред вами всю истину: когда я вижу, что царь от старости дошел до крайней недеятельности и бесчувственности, так что его нимало не трогают страдания христиан, которых варвары постоянно и днем и ночью закаляют, как жертвенных животных, забирают в плен, уводят в рабство и нагими изгоняют из сел и городов (я не говорю о других более тяжких бедствиях Азии и тамошних городов, которые взяты варварами, благодаря беспечности и недеятельности царя), — когда, говорю, я вижу это, то тяжело страдаю, не могу выносить терзающей мое сердце тоски, и вот решил на одно из двух: или умереть и проститься с своей жизнью и с своей скорбью, или же по силам помочь римскому государству. Притом же невозможно, решительно невозможно, чтобы человек, который так долго пользуется властью, не наскучил тем, которые ему повинуются, и не нажил себе недоброжелате- {391} лей. Сам Бог положил, чтобы ничто в жизни не оставалось неизменным и постоянным. От того-то мы и видим, что все земное имеет свое время, когда оно веселит и радует, а потом это время проходит. Если же кто вздумает упорно и насильно держать себя в одном положении, то он будет извращать естественный порядок вещей. А все,

⁴ Под этим названием Леунклявий (in priore Onomastico Turcico) замечает два города. Один, который называет 'Ρήγιον μέγα, помещает между Селиврией и Малым Понтом; его турки называют Буюк-Зекмеге. Леунклявий думает, что Регием он назван потому, что здесь земля, разорванная напором морских волн, образует залив (ρήγιον — разрываю), как назван Регием и город итальянский, находящийся там, где была отделена землетрясением Италия от Сицилии. Другой Регий по-гречески называется μικρο;`ν, а по-турецки — Кучук-Зекмеге (Малым Понтом); он находится между Большим Понтом и Константинополем. Далее Леунклявий замечает, что упомянутые города греки называют 'Αθῦρον μέγα и 'Αθῦρον μικρο;`ν. Но Ортелиус, на основании слов Прокопия, справедливо думает, что 'Αθῦρα был город, отличный от Регия; о нем мы нечто заметили (ad Villharduinnum n. CCXX). У византийских писателей часто упоминается Регий фракийский. Ducang.

¹ Варягов. Ducang.

что выступает за естественные границы, теряет свое свойство доставлять удовольствие и приятность в естественных границах. Сюда-то относятся мудрые изречения древних: «ничего лишнего», и «мера самое лучшее дело». Вы видите, что и моего деда, когда он достиг глубокой старости, владея верховною властью столько лет, сколько не владел, конечно, никто из всех когда-либо бывших царей, наконец ненавидят все подданные за то, что он не предпринимает никаких мер к тому, чтобы уничтожить эту ненависть или поддержать римское государство, и нимало не скорбит, видя, как умирают прежде его наследники престола. Так умер мой отец-царь, не получив ничего, что следует царям, кроме одного имени. Так умерли и другие из самых близких кровных его родственников, младших возрастом. Умру, может быть, и я, прежде чем сколько-нибудь воспользуюсь царской властью. Чего легче умереть, особенно когда человек постоянно подвергает себя опасностям и не щадит своей жизни? Может быть, некоторые подозревают меня в властолюбии, {392} видя, что я восстаю против деда-царя и не хочу ему повиноваться. Я и не отвергаю этого вполне, но не вполне и признаю. Если бы я видел, что римское царство возрастает и наши пределы расширяются, то я охотно, сколько угодно, хранил бы спокойствие и довольствовался бы такими надеждами, какими довольствуются те, которые смотрят, как их повара долгое время занимаются приготовлением разнообразных кушаньев для большого стола. Но когда я вижу, что положение римских дел с каждым днем становится хуже и хуже и что неприятели только не перед самыми воротами столицы хватают и режут несчастных римлян,— что, вы думаете, я чувствую? Люди по большей части утешают себя в скорби надеждою, хотя бы она была и ложна; а мне и ложной надежды не остается, чтобы утешить себя по крайней мере ложью. Еще: вы дивитесь Александру Македонскому, который по малодушию негодовал и досадовал на своего отца, за то, что тот постоянно прибавлял к одной победе другую и, как другой сказал бы, подрезал крылья у честолюбивого сына, оставляя ему менее и менее случаев к трофеям. А я, вы видите, терплю совершенно противное, и не только теряю всякую надежду на получение власти, но даже то, что обыкновенно составляет счастье жизни; и ужели по-вашему мое негодование несправедливо? Не будучи в состоянии сидеть, сложа руки, я встал и просил царя-деда дать мне только тысячу ратников, {393} обещая ему с твердою надеждою на Бога обойти с ними и обезопасить вифинские города, а вместе и прогнать врагов как можно далее, пока они, овладев этими городами и перешагнув укрепления, не осадили Византии. Но дед не дал мне войска и считает меня врагом, желает мне гибели и вносит на меня обвинения, которые могли бы оправдывать его ненависть ко мне. Первое из них, что я, пользуясь властью, отнял у одного сборщика податей общественные деньги. Но я не нахожу ничего неприличного в том, что, будучи царем и терпя большую бедность, позволил себе, при помощи солдат, взять небольшую сумму денег, в которых отказал мне царь-дед,— для удовлетворения настоятельных нужд. Второе обвинение,— что я, посылаемых им начальников во фракийские села и города, выгоняю оттуда ни с чем. Но и это я делаю не в обиду ему, как мне кажется, а даже очень справедливо. Добившись власти над несчастными фракийцами за большие деньги, эти господа поступают с ними жесточе, чем с рабами; а последние, вынуждаемые крайностью и бессильные избавиться от своей горькой доли, бегут ко мне со слезами и воплями. Принимая участие в их бедственном положении, я естественно старался избавить их от него. Впрочем я оставляю многое и требую сегодня одного,— чтобы отсчитаны были мне восемь тысяч золотых в уплату долга моим воинам, которые уже давно ведут со мною скитальческую жизнь. {394} Если это будет исполнено, я больше ни в чем не буду противиться деду-царю». Сказав это, он встал с трона и провожал посланных, сказав каждому ласковое слово и очаровав их богатыми обещаниями. Таким образом они возвратились оттуда глашатаями его достоинств и, разошедшись во все концы столицы, еще больше расположили в его пользу народ.

3. Царь-старик, видя, что его оставили почти все, даже бывшие в счете друзей, и боясь, чтобы, сбежавшись, не наложили на него рук, почти совсем отчаялся. Однакож счел за лучшее сперва вывести расположение к себе патриарха Исаяи и вместе с ним других архиереев. Таким образом, собрав их чрез одного из сенаторов, он сказал: «если бы я знал, что, если сниму с себя порфиру, опасность минет и для подданных наступит хорошее управление; то, будь я лишен наследия Христова, если бы от всей души не предпочел спокойствия царской власти. В самом деле, что всего скорее ведет к душевной радости, как не совершенное удаление от забот и опасностей? Когда за грехи мои, моего народа и моих предков, по Божию

попущению и в наказание нам, поднялась на нас свирепая буря и грозила совершенно ниспровергнуть государство; я несмотря на то, что был юношей, несмотря на то, что принял государство, страдавшее и от церковного волнения и от соседних народов, с Божьею помощью все {395} легко утишил. С тех пор прошло много времени, я приобрел в делах опытность, какой только можно пожелать, но при такой буре и волнении я и сам теряюсь. Как же я могу вверить в таком положении государство внуку — человеку молодому и неопытному до такой степени, что он не умеет порядочно располагать собой, но всю власть и все царское богатство отдал каким-то молодым и несведущим людям, а сам живет в бедности и не хочет ничего знать, кроме кормленья собак и птиц,— собак, которых у него не меньше тысячи, и птиц, которых столько же, да почти столько же при них прислуги? Как же я доверю такому человеку свою жизнь, или царское служение, вверенное мне от Бога? Я вовсе не хочу добровольно сделаться предателем ни моих подданных, ни самого себя. Я любил своего внука не только больше детей и жены, но больше и себя самого,— это вы сами знаете,— и я воспитывал его заботливо и внимательно, желая оставить в нем наследника моей славы и преемника моего царства, любезного Богу и людям. А он, ни во что считая мои внушения, проводил ночи с приятелями в пирушках и бесчинствах; во время их убил и своего брата. Наконец восстал и против меня,— своего благодетеля и родителя, решившись на такой поступок, какого от века еще не видало солнце. Поэтому и вам следует возревновать против его бессовестности, принять меры против его наглости, пре- {396} кратить провозглашение его имени по церквам и пригрозить ему отлучением от Бога, чтобы он, смирившись и образумившись, возвратился добрым туда, откуда вышел злым, и снова сделался наследником моего царства и моей славы. Говорю так потому, что никому не желал бы передать свою власть, кроме его, если только он захочет относиться с должным уважением к моим внушениям и увещаниям. Но что касается до заключения, какое он сделал в своей речи, то оно полно притворства и лицемерия. Вы слышали, сколько порицаний против меня он рассеял во всей своей речи; с ними, конечно, никак не вяжется заключение. Так заключена речь, очевидно, лишь для того, чтобы восстановить слушателей против меня». Выслушав такую речь, те из архиереев, которые украшались умом и образованием, согласились с сказанным и решили объявить по всем церквам, чтобы предано было совершенному молчанию имя молодого царя, пока он не обратится. Но патриарх, некоторые архиереи и клирики нашли речь царя неосновательною. Поэтому они, встав, разошлись по домам, не сказав ни слова, по свойственному ли им безрассудству, или уж не знаю почему. Затем, собираясь раз и два в патриаршеских покоях, они поклялись действовать заодно против старика-царя. Слух об этом, проникши в народ и в высший круг, произвел то, что и здесь весьма многие тайно вошли между собою в подобное же со- {397} глашение и дали друг другу письменные клятвы стоять твердо, до последнего издыхания и вытерпеть, если будет нужно, всевозможные истязания. Отсюда на третий день после того патриарх, колокольным звоном созвав великое множество народа, объявил отлучение всякому, кто бы решился умалчивать имя молодого царя и отказывать ему в чем бы то ни было, что следует царю. Кроме сего он провозгласил особое отлучение против архиереев, державшихся другой стороны. Известие об этом, которого старик-царь никак не ожидал, поразило его и огорчило. «Если уж учитель мира, сказал он, так взбесился против нас из видов корысти, обещанной ему моим внуком, и, потеряв всякий стыд и совесть, не затруднился сделаться предводителем возмутителей; то кто же сдержит направленное против нас движение необузданной черни, если только иметь в виду человеческую помощь? Да, патриарх, сколько от него зависело, сделался нашим убийцей». Между тем архиереи другой партии, узнав о бессовестности патриарха и о провозглашенном им отлучении, собрались и сами, и провозгласили отлучение против него с его единомышленниками, как против виновника возмущения и составителя заговора, действовавшего из видов корыстных. Они привели и церковные правила и гражданские законы, по которым он подлежал тяжкому наказанию. В изложении своей истории мы считаем достаточным ограничить- {398} ся ссылкой на 18 правило Собора халкидонского, которое и приводим буквально. Подобные дела воспрещает и четвертое правило шестого вселенского трулльского собора, и еще четвертая глава тридцать шестого титула законов. Вышеупомянутое правило читается так: «заговор или стачка всячески воспрещается и гражданскими законами. Тем более прилично воспрещать это в церкви Божией. Если же окажется, что некоторые из клира или монашествующих составляют

заговоры или стачки или строят козни епископам или клирикам; то да будут они совершенно низвержены с своей степени». На этом основании общество архиереев рассудило: если правила так строго наказывают клириков и монахов, составляющих заговоры и стачки против епископов и клириков; то тем строже должно поступать с архиереями и патриархами, замышляющими тоже самое против царя,— с ними, поставленными быть учителями мира, внушать любовь к спокойствию, единодушию и т. п. добродетелям и отвращать особенно от того, что воспрещают и древний закон и Апостол Павел: *князю людей да не речеши зла; царя чтите*¹. Старик-царь, видя, что дела дошли до такой неурядицы, и опасаясь, чтобы зло не сделало больших успехов, приказал взять патриарха под стражу, не налагая впрочем на него оков²; так он и жил пока в манган- {399}ском монастыре³, не имея возможности выходить за ворота.

4. Чрез два дня молодой царь подошел к стенам Константинополя, желая узнать, как его дед принял принесенные ему оттуда известия, и сильно просил, чтоб ему было позволено одному взойти к деду — отдать ему почтение. Но ни его, ни его речей решительно не допускали до слуха старика; находившиеся при зубцах стен прогоняли его, бросали в него град камней, и не только не хотели прислушаться к его голосу, но еще нагло оскорбляли его словами и неуважительно отсылали прочь, говоря, что его и намерения и слова коварны. Встретив себе такой прием, он отошел несколько от стен. Но вот наступила ночь и некоторые из возмутителей, принадлежавших к городской черни, в значительном числе тайно собрались в одном месте и дали ему знать, чтобы около полуночи, когда все византийцы погрузятся в сон, а стража на стене делается не так внимательна, он подошел, как можно ближе, к стене, а они будут наготове поднять его на веревке на зубцы стен. Если бы это случилось, то всем его стараниям и долгим домогательствам был бы конец. Те были убеждены, что византийцы тотчас примут его сторону, лишь только он явится среди столицы. Наступила и полночь. Царь видел, что сторожа, сменяясь в про- {400}должение всей ночи, постоянно подают голоса друг другу, возбуждая себя к бодрствованию. В таком затруднении он ввергает себя вместе с великим доместиком Кантакузином и протостратором Синадином маленькому судну и, обогнув южную часть Константинополя, тихо скользит вокруг стены, выходящей к морю, отыскивая, где бы пробраться в город. Но стенные сторожа, заметив их, начали громче кричать и шуметь и, так как те ничего не отвечали, принялись бросать в них камни, так что, испугавшись, они поворотили назад и уехали. Вот что тогда было сделано. С наступлением месяца декабря¹, тайно была доставлена молодому царю от фессалоникийцев грамота, которой его призывали к себе в скорейшем времени. А у них с общего согласия всего простого народа, очень многих знатных лиц и самого их епископа, было положено — как только явится он у стен, отворить ворота и выйти к нему. Узнав об этом, царь поручил протостратору с большим числом воинов в некотором расстоянии обходить и как бы осаждать столицу, не позволяя византийцам выходить далее Регия, а между тем тайными письмами и обещаниями, применительно к каждому, привлекать их на свою сторону. Сам же с небольшим числом поехал в Фессалонику. В это время деспот Димитрий, протовестиарий Андроник {401} и Михаил Асан² с македонскими полками римлян и с союзным войском триваллов находились вне стен; потому что было опасно, чтобы они не произвели смут. Они были заняты взаимными распрями, разгоревшимися от их тщеславия и раздражительного самолюбия, или лучше вследствие попущения Божия, чтобы они сами расстроили свои дела и сами сделались виновниками своей гибели. Итак, когда они заняты были такими делами, находясь между Фессалоникою и Серрами, царь вошел в Фессалонику, скрыв под одеждою частного человека все знаки царского достоинства, но взошедши внутрь стен, он тотчас скинул с себя эту одежду и явился пред всеми, как царь. Тотчас же сбежался к нему почти весь народ, и все отдали ему царскую честь, и все приветствовали его радостными кликами и торжественными благожеланиями. Нашлось впрочем очень небольшое число и таких, которые ненавидели его и от всей души были преданы старику-царю. Убежав, они завладели акрополем, укрепили его, и

¹ Исход. 22, 28; Деян. 23, 5; 1 Петр. 2, 17.

² Снес. Кантак. кн. 1, т. 50.

³ См. Анн. Комн. т. 1, стр. 146.

¹ Снес. Кантакуз. кн. 1, гл. 31, 53, 54. Ducang.

² Первородный сын болгарского царя Иоанна Асана. Ducang.

оттуда мужественно отражали осаждавших — и царя и всех, собравшихся около него, его обожателей. Бросая камни и стрелы, они многих ранили; много стрел пущенных оттуда вонзилось даже в щит царя. На следующий день, собрав кучи хвороста, приверженцы царя подожгли ворота и таким образом взяли акрополь. Под-^{402}нявшись оттуда, царь пошел к крепости Серрам, где находилось союзное войско триваллов. Они поначалу хотели было поднять оружие против царя, но видя, что деспот Димитрий и другие, протовестиарий и Асан, постыдно рассеялись, а следовавшие за ними воины перебежали в войско царя, и сами, переговорив с царем, сдали ему крепость, после чего отправились домой. Царь видел, что судьба с улыбкою протягивает ему руку и в прекрасном расположении духа шел вперед, полный блестящих надежд. Чтобы много не распространяться, скажем, что в течение немногих дней он прошел все македонские городки, легко и без труда покорил их и вместе с собою забрал деньги, жен и детей деспота, протовестиария, Асана и других сенаторов, которые там проживали.

5. Старик-царь, потеряв и эту надежду и впад в крайнее недоумение, хотел было уже отправить посольство к своему внуку для переговоров об условиях мира, прежде чем внук выступит из Македонии. Но к несчастью, тогда же его посетила другая надежда и отвлекла его от этого намерения. Правитель болгар Михаил ³ в надежде больших выгод, тайно дал знать старику-царю, что, если угодно, будет помогать ему против внука. Царь, подобно человеку, сверх ожидания попавшему в пристань после бури и страшного ^{403} кораблекрушения, крепко ухватился за это предложение. С той и с другой стороны открыты были переговоры о планах действий, обещаниях и условиях, чего впрочем никто не знал, за исключением двух—трех самых верных людей и еще королевы, постоянно ободрявшей отца светлыми надеждами, которыми она сама была обязана знахарям и чрево вещателям. Великий логофет Метохит, видя, что счастье изменило старику-царю и так издевается над государством, больше всех боялся за себя; потому что больше всех разделял с царем и тайны и то, что не было тайной, и намерения и дела. Он поэтому был озабочен и все думал о будущем, в котором видел не очень счастливый исход дел. И вот в одну ночь увидел он во сне, будто у его постели стоит какой-то странный человек, очень похожий на вора и лесного разбойника, и протягивает руку под изголовье за ключами от кладовой, где находилась его домашняя утварь, драгоценные камни и лежали деньги. Пробудившись с напряжением и еще полный страха, он закричал и велел слугам бежать за вором, пока тот не успел скрыться с деньгами; он еще не догадывался, что это видел во сне, а не наяву. Слуги тотчас поднялись и, нашедши все двери запертыми, уверили его, что это было делом его фантазии и следствием дневных забот. Тогда Метохит, лишь только пришел в себя, глубоко вздохнул и решил, что виденное не столь-^{404}ко следствие дневных беспокойств, сколько предзнаменование и предвестие того разорения, какое имеет постигнуть его дом. С наступлением дня большую часть имущества он вынес из своего дома, как будто его судьба была уже решена, раздал его по рукам вернейших друзей для сбережения, а сам, оставив дома жену и служанок, поселился во дворце, где и жил остальное время безвыходно, опасаясь, чтобы не вспыхнул в народе против него бунт. Между тем посланные стариком-царем для управления сел и городов македонских, как мы выше сказали, были взяты в плен вместе с женами и детьми и, разделенные, наполнили собою все тюрьмы в Фессалонике и Дидимотихе. Деспот Димитрий беглецом удалился к королю Сербии, оставив своим преследователям жену и детей; протовестиарий Андроник некоторое время следовал за деспотом, но не мог подобно ему вынести положения — жить тунеядцем и пользоваться чужим столом. Представляя себе, сколько богатства, скота, имений и славы со всеми своими надеждами лишился он вдруг, и беспокоясь за жену, чтобы и она не потерпела бесчестия, какому неприятели подвергают пленных женщин, он впал в отчаянье, отдался беспредельной скорби и скоро кончил свою горестную жизнь скитальцем в стране чужой и пустынной. Михаил Асан ускользнул в городок Просиака, и, выгнав оттуда жителей, приобрел было себе там надежное ^{405} убежище; но вскоре почуяв измену, выпросил у короля Сербии гарнизон и, сдав последнему городок, сам ушел к королю. В это время правителем и начальником крепости Меленика и ее окрестностей был Никифор Василик ¹. Он был благородного

³ Кантак. кн. 1, гл. 56, 57, 58. Ducang.

¹ Трудно сказать, собственное ли имя Βασίλικο;`ς, или имя достоинства. Vid. Ducang. Glossar. med. Graecit. in v. Βασίλικο;`ι. Jt. ejusd. Glossar med. Latin. in *Basilicus*. Boivin.

происхождения, но по суду некоторых, вовсе не умеющих правильно судить, был человек простоватый и решительно неспособный к делам. Время однакож показало, что он на самом деле был умнее всех. В то время как одни не знали, что делать, и с отчаяния горько окончили жизнь, другие силою были взяты и подвергнуты бесчисленным страданиям, а третьи сами выдали себя,— он один, возложив крепкую надежду на Бога, устоял против такой бури обстоятельств, сохранив до последнего издыхания искреннее расположение и неизменную верность к старику-царю. Он и не прельстился блестящими и пышными обещаниями молодого царя и отнюдь не испугался страшнейших его угроз и приступов. Считая все это большою нелепостью, он прочно укрепил свою крепость и держался в ней до тех пор, пока не услышал о кончине старика-царя; до сего времени сопротивление он считал делом справедливым, а после делом бесчестным, которого уже ничем нельзя оправдать. Поэтому он немедленно вошел с молодым царем в переговоры и, {406} получив от него большие награды, сдал ему крепость; впрочем по воле царя опять остался ее правителем и начальником, получив и это в награду и воздаяние за свою верность и преданность прежнему своему государю. Добродетель возбуждает к себе уважение и в неприятелях, если они понимают дело. Так и Димосфена афинянина, который был одним из заклятых врагов Филиппа, последний превознес похвалами, говоря: «если афинянин, живя в Афинах, говорит, что он предпочитает меня своему отечеству, то я куплю его ценою денег, но не дружбы; а если кто ненавидит меня из любви к отечеству, то я воюю против него, как против крепости и стен, как против флота и ровов, но удивляюсь его добродетели и считаю счастливым город за то, что в нем — такое сокровище». Но об этом когда-нибудь после, а теперь возвратимся к тому, от чего уклонились. С началом весны, на шестой неделе св. четырехдесятницы, войска обоих царей сразились близ Мавропотама ¹, под начальством с одной стороны Константина Асана, а с другой Протостратора. Противная сторона и здесь взяла верх; из наших пало в сражении не более десяти человек, зато множество высших чинов с главнокомандующим Асаном взято в плен; другие же, будучи ограблены {407} донага, в жалком виде возвратились в Византию. Молодой царь, видя, что судьба благоприятствует его усилиям, устроил в Македонии и Фракии все по своему усмотрению, и среди весны спешил явиться в Византию пока болгарское войско не успело ворваться туда. Он боялся вот чего: болгаре, нашедши, что столица не имеет в достаточном количестве войска, и видя, что она изнурена кроме того голодом, которому подверглась вследствие прибытия туда венецианского флота, могли умертвить царя и всех, кто подвернулся бы им под руку, и составить под властью своего предводителя одно государство, простирающееся от Византии до Истра; если же не то, по крайней мере могли доставить старику-царю неожиданно свежие силы, а для молодого сделать Византию недоступною. Тогда у самой цели своих стремлений он попал бы в ров, и у самой пристани потонули бы его надежды. Таким образом несчастной столице одновременно грозили тогда три опасности. О каждой из них мы скажем порознь. Венецианцы отправили сорок длинных, блестящим образом вооруженных кораблей против живущих в Галате генуезцев за то, что последние не хотели добровольно возвратить им деньги, отнятые генуезскими пиратами с одного их грузового судна на самой середине Нижнего Моря. Из них тридцать два вошли в Рог, находящийся пред Византией, и, выстроившись в ряд, грозили галатским генуезцам оса- {408} дою, если те будут уклоняться от выдачи денег. Остальные же пред Иером, восемь кораблей, прошедши вперед, сторожили пролив, который в этом месте называется шеей Понта. Нашедши здесь четыре круглых корабля, готовых уже отплыть, они захватили их, посадили на них войско, вооружили их и дали им назначение действовать против генуезских купеческих судов, возвращавшихся из Понта. Таким образом в несколько дней было захвачено столько римских и латинских кораблей, что они заняли почти весь пролив. Они забирали и римские корабли для того, чтобы генуезцы, уходя на эти корабли, не ускользали во множестве. И вот когда подвоз хлеба был остановлен, в Византии открылся немалый голод; потому что эта осада продолжалась дней пятнадцать. В течение этого времени сражений не было; так как генуезцы, не отказываясь от выдачи требуемых денег, только обещали ее и отсрочивали, а венецианцы никак не могли отправиться в обратный путь с пустыми руками. Впрочем военная дисциплина, благородство и справедливость венецианцев изумляли всех. Никто из них не брал решительно ничего чужого иначе, как за деньги, несмотря

¹ Кантакюзин говорит (Ист. кн. 1, гл. 18), что Мавропотам называли — Μέλαν ποταμό;`v. Boivin.

на то, что они составляли многочисленную и разнородную толпу. Все они повиновались власти начальников, как стада пастухам, и в продолжение всех тех дней оставались на кораблях, терпеливо подвергаясь сильному солнечному зною. Лодки римлян во {409} множестве кружились около них, доставляли им в изобилии все необходимое и получали платы больше, чем стоили сами вещи. Из того, чем наполнены были корабли, захваченные венецианцами, они не взяли решительно ничего. А были наполнены корабли — одни пшеницей и ячменем, другие соленой рыбой, какая водится в водах Копайдских ² и Меотидских и в реке Танаис. Все это венецианцы сохранили вполне неприкосновенным, а потом, когда генуэзцы отдали им должное, возвратили назад. На этом и остановилась первая опасность, грозившая тогда городу; но было бы гораздо хуже, если бы при этом осуществился тайный замысел молодого царя. Он отправлял к ним от себя тайное посольство с обещанием денег, если они скрытным образом помогут ему взять город. Но этого не случилось, потому ли, что венецианцы отвергли такое посольство, или потому, что нашли предлагаемое дело неудобным, так как стены и ворота Византии повсюду защищены были стражею. Вторая из грозивших городу опасностей состояла вот в чем: правитель болгар, отобрав по условию три тысячи всадников, послал их на помощь к старику-царю против молодого царя; но им, как поговаривали некоторые, в тоже время было приказано, {410} если найдут удобным, произвести в Византии возмущение. Однакож когда эти воины пришли, им не дозволили войти в ворота, кроме одного их предводителя. Поэтому, удалившись от столицы стадий на девяносто пять, они расположились лагерем. Между тем одним днем раньше молодой царь, с весьма немногими спутниками подкавав к Византии из скрытого места, хотел было нечаянно проникнуть в город. Но привратники, заметив это, заперли ворота. Такая неудача расположила его горячо просить деда-царя о примирении и обещать, что он беспрекословно будет повиноваться деду во всем, как покорный раб; помириться нам, говорил он, необходимо, пока не пострадали мы оба от междоусобия, достигшего таких размеров. Но надежды на болгар еще сильно поддерживали дух в старике-царе и не позволили ему согласиться на просьбу внука. Да он и не мог доверять его искренности после всего, что произошло между ними. И так из этих трех опасностей, грозивших городу, ни одна не сопровождалась последствиями, каких было можно ожидать. Молодой царь удалился оттуда, сильно озадаченный неудачею в своем предприятии; он бранил такой ход дел и, по-видимому, потерял всякую надежду. Прошедши вперед, он остановился в одном укрепленном месте, называемом Логами, откуда отправил посольство к предводителю болгар, стоявшему лагерем неподалеку. Он {411} послал ему и дары, обещая и другие, если он, сняв свой лагерь, удалится домой.

6. При таком положении дел, к молодому царю, стоявшему лагерем в упомянутом месте, явились двое из стенных сторожей столицы, по имени Камарис и Кастеллан, люди сведущие в строительном искусстве. Представившись царю, в то время как при нем не было никого, кроме великого domestика Кантакузина, они предлагают царю предать город и требуют, чтобы он письменно обещал им деньги и богатые имения. Получив все это легко и определив время и способ действия, на следующий день они ушли, опасаясь, чтобы не впасть в подозрение у своих соседей по караулу. А царь, промедлив четыре дня, приготовил веревочные лестницы, наподобие тех, какие прикрепляются к мачтам больших кораблей. С наступлением вечера назначенной ночи, предатели закупив большое количество крепкого вина, напоили им соседних сторожей, так что те погрузились в глубочайший сон и, если бы не дышали, ничем не отличались бы от мертвых. В полночь имевшие при себе лестницу подступили к стене; предатели посредством веревки, опущенной сверху, тотчас же подняли лестницу на стену и по ней приняли к себе восемнадцать вооруженных воинов. Последние, спустившись вниз, легко выломали ворота называемые Романовыми ¹, после чего и остальная {412} часть войска вместе с царем беспрепятственно вошла в город. Но я едва не опустил вот чего. Когда солнце почти уже зашло и византийские ворота были заперты, кто-то из ближайших мест прибежал, едва переводя дух, и, стуча в ворота, обращенные к Гиролимне, громко звал кого-нибудь из находящихся внутри; когда же увидел, что вышли к нему, сказал что сейчас только видел множество воинов молодого царя, поспешно приближающихся к

² Здесь разумеется Копайдское озеро, находящееся в Беотии и получившее название по городу Копам, о котором упоминают, Гомер, Страбон, Стефан и др. Boivin.

¹ От храма св. Романа, находившегося вблизи. Boivin.

городским стенам и в направлении к Романовым воротам. Эта весть привела в величайший страх и смущение старика-царя. Он хотел было, отворив ворота, выслать как можно больше воинов, чтобы они сторожили всю стену, обращенную к суше от одного взморья до другого. Но великий логофет помешал этому, представив, что недостойно великой души доверять таким пустым слухам и вестям внушенным трусостью; так как или известие несправедливо или глупы те, которые хотят сделать такую попытку, когда и стены и ворота так защищены. Неприятеля, говорил он, если решатся теперь проникнуть в город, испытают тоже, что испытал бы каждый, ударив ногой в гвоздь. Логофет говорил так или потому, что был несведущ в воинских делах, или потому, что сам Бог на этот раз отнял у него разум, чтобы исполнилось наконец божественное определение о старике-царе и его делах. Не прошла еще {413} третья часть ночи, как снова к гиеролимнийским воротам прибежала толпа подгородных поселян и объявила сторожам, что за Романовыми воротами собралось множество людей. Эта весть опять и еще с большею силою привела царя в страх и смущение; он сердитым голосом сказал великому логофету: «ты просто железо. Вот от чего ты не боишься и не чувствуешь окруживших нас опасностей. Разве ты не видишь,— дело такого рода, что не дает мне ни сидеть, ни спать? Возмущение моего внука, точно сильный треск, раздражает мой слух, смущает душу и поднимает во мне море ужасов, колебля все мои мысли, волнуя и затопляя мое сердце». Но логофет был настоящий Маккавей; он остался при своем мнении и не обратил никакого внимания на слова царя, точно морская скала; он встал и пошел спать, показывая самым делом, как напрасно беспокойство и как бесплодны должны быть усилия врагов вне стен. Царь, оставшись один и кроме дворцовых мальчиков не имея никого, кто бы разделил его скорбь, и сам склонился на царскую кровать, не снимая с себя ни одной одежды. Кроме того одеждою для него служило еще полное отчаяние. Он лежал, теряясь во множестве горьких и разнородных мыслей и поворачиваясь беспрестанно с боку на бок, как будто под его постелью были кратеры, пылающие огнем. В это время на улице около царского дворца и дворцовых ворот, послышался силь- {414} ый шум, дававший знать о вступлении сюда молодого царя, и сильный стук оружия, так как воинов вошедших с царем было более восьмисот человек; при этом отовсюду раздавались приветствия и поздравления молодому царю ¹. Старик-царь, услышав шум и крик встал с постели; он был поражен ужасом и не имел никого, кто бы поспешил к нему на помощь, ни воина, ни военачальника; дворец был совсем пуст, если не считать прислуживавших в спальне мальчиков. Царь прибегнул к святой иконе пречистой Богородицы Одигитрии, которая задолго пред тем была перенесена во дворец и служила для него верным утешением; к Ней-то прибегнул он и, пав на землю, с великою скорбью и слезами, горячо молил, чтоб Она не презрела его, находящегося в опасности сделаться жертвою кровавых мечей. И молитва его была услышана; пречистая Богородица, сильная совершить все, что захочет, даровала ему скорую помощь. В то время, как он в своих покоях воссылал мольбы Богородице, молодой царь, находившийся вне, созвав всех бывших с ним генералов и полковников, строго наказал им, чтобы они ни убийственною рукою, ни обидным словом не касались ни деда-царя, ни кого-либо другого. «Не мы, сказал он, а Бог даровал нам эти трофеи. {415} Воля Божия движет всем и все ей повинуются: звезды, воздух, море, земля, люди, громы, молнии, язвы, землетрясения, дожди, неурожаи и тому подобное, что служит или для благополучия, или для злополучия, а лучше сказать — для нашего научения и вразумления. И так Он даровал нам победы и трофеи лишь для того, чтобы мы послужили для Него орудием наказания, определенного Им с целью вразумления. И как мы будем обращаться с теми, которые преданы в наши руки для вразумления; точно так поступят и с нами те, которым мы будем преданы. Поэтому если не из милосердия и сострадания к людям родственной и единоплеменной нам крови, то из заботливой любви к самим себе нам лучше теперь обнаружить в себе человеколюбие, чтобы после не испытать на себе более тяжкого Божьего наказания». Между тем кто-то, вышедши из внутренних покоев, отворил двери молодому царю и передал ему такие речи от деда: «так как сегодня, сын мой, Бог отнял у меня царство, и скипетр даровал тебе; то я прошу у тебя одной только милости за все множество тех, какие я оказывал тебе с самого твоего рождения (не говорю уже в настоящем положении о том, что после Бога я был виновником и самого твоего рождения и появления на свет): подари мне мою

¹ Константинополь взят Андроником Младшим в 1328 г. 19 мая (Кантак. кн. 1, гл. 59). Ducang.

жизнь, пощади родительскую голову, не обагрят убийственного меча в крови, от которой получили начало токи твоей жизни. {416} Люди видят небо и землю; но ведь и небо и земля видят дела людей. Не позволяй себе незаконных поступков, каких от века никто не смел себе позволить пред лицом неба и земли. Если некогда кровь братняя вопияла против Каина к Господу, то не гораздо ли громче возопиет к Нему кровь отцовская? Не возвестит ли она о таком злодеянии земле, солнцу и звездам, и не будет ли провозглашать о нем во услышание всех царей и народов? Уважь мою жалкую старость, которая обещает мне скорую смерть, а тебе успокоение от долговременных беспокойств. Уважь эти руки, которые так часто обнимали тебя, когда ты был еще в пеленках и на груди у кормилицы; уважь эти уста, которые так часто и с такою горячею любовью лобызали и называли тебя второй душой. Сжался над тростью, которую надломила судьба, и оставь ее, как она есть. Помни, что ты человек и не полагайся на теперешнее счастье. Смотри, как судьба изменчива и непостоянна: я живой тебе пример; смотри, каков конец долголетней жизни. Подивись, как одна эта ночь из меня, царя, царствовавшего многие годы, сделала подданного». Растроганный этими словами почти до слез, молодой царь вошел в царские покои, с большой заботою о неприкосновенности деда, и прежде всего воздал должное поклонение святой иконе Богородицы, а потом отшел деда, который держался за икону, обнял его, поцеловал и ободрил ласковыми словами. Отсюда отправился он в манганский монастырь, где, как мы раньше сказали, содержался под стражею, хотя и не в узах, патриарх Исая. Взяв его оттуда и посадив в одну из царских колесниц с пурпурными украшениями, он возвратил его на патриаршеский престол. В этой процессии никто ни из епископов, ни из пресвитеров не шел ни впереди, ни позади; шли же с веселыми песнями флейтички и флейтищицы, танцоры и танцовщицы. Одна из флейтищиц, выдававшаяся из всех красивою наружностью, сев на коня в мужской одежде, ехала то впереди воинов, то впереди патриарха, причем бесстыдными и пошлыми шутками легко возбуждала нескромный смех как в патриархе, так и в других. В тот день с утра до вечера шел грабеж; великолепнейшие дома опустошены дочи́ста и в самое короткое время представили из себя развалины, на посмешище черни. Но более всех пострадал великолепнейший дом великого логофета; было расхищено все богатство, какое в нем скрывалось, даже и то, которое он прежде отдал на сохранение друзьям; потому что был найден список друзьям логофета, что-либо получившим от него. Таким образом все было расхищено, и логофету решительно ничего не осталось из всего его богатства; часть его поступила в царскую казну, а часть была растащена руками черни. И вот, тот, кто считался счастливее всех после царя, {418} вдруг стал нищим с своими детьми; тот, кто многие годы наслаждался полным благополучием, в один день выпил до дна чашу безутешного горя. Тогда слышны были голоса недовольных, которые говорили между прочим, что богатство логофета было кровь и слезы несчастных, что оно составилось, благодаря тем, которым поручалось управление римскими городами и областями; они задобривали логофета всем, чем могли, чтобы, при их жестоком обращении с несчастными римлянами, как с покупными рабами, он преграждал последним доступ к царю, а ужасающие дела первых защищал от наказания. Но правосудное око не дремало; его взор поразил наконец неправду должным наказанием. Напевы в этом роде, доходя до слуха логофета из многих уст, еще более усиливали горечь его несчастья. Но кто исчислит тогдашние междуусобия всех римлян и особенно византийцев? Несогласие двух царей естественно отражалось и на подданных и восстанавливало их друг против друга: детей против родителей, родителей против детей, братьев против братьев, соседей против соседей, и, что еще важнее, епископов и пресвитеров против епископов и пресвитеров, и монахов против монахов. И если бы царь, движимый живейшим чувством человеколюбия, не остановил буйства воинов и народа; то, быть может, храмы и дома византийцев {419} скоро сделались бы добычею мизийцев ¹,— быть может, совершилось бы и множество убийств, потому что если кто-нибудь делал оскорбление другому при этой неурядице, то последний непременно хотел отплатить тем же. «Если я, говорил царь, совершенно простил тех, которые или нагло ругались надо мною или коварно поднимали на меня меч; то вы тем более должны поступить так с теми, которые такие же рабы, как и вы. Вы с меня должны брать пример; притом же вы знаете, что неодинаковые бывают следствия, когда убивают подданного и когда — царя». Если же и мы, справедливо

¹ См. Киннам. стр. 35 примеч.

держа сторону старика-царя, подверглись несколько ударам волн во время этой бури; то тут нет ничего особенного. Было бы несправедливо не держаться ни той, ни другой стороны, как тоже утверждает и Солон. Притом совершенно естественно, когда поражен пастырь, страдать в известной мере и всему стаду.

7. Все это произошло 24 мая 11 индиктиона. Поздно вечером, того же дня, когда царь возвращался во дворец, его встретил бывший некогда патриарх Нифонт и спросил: как он намерен поступить с дедом? Когда же тот отвечал: человеколюбиво и как с царем, Нифонт остался сильно недоволен ответом царя, что и выразил. Этот человек чувствовал отвращение и зависть ко всякому, {420} у кого только дела шли благополучно; особенно же он питал в себе давнюю и глубокую вражду к старику-царю за то, что тот не защитил его, когда его низлагали с патриаршеского престола, как человека, явно уличенного в святотатстве и других преступлениях. Это первая причина. Вторая же заключалась в том, что он снова начал бредить патриаршеством и надеялся, в случае удаления старика-царя, найти беспрепятственный доступ к этому высокому достоинству. Он сказал царю: «если хочешь царствовать безбоязненно, не давай другому своей славы; отними у деда все знаки царского достоинства и заставь его надеть волосяное рубище; а затем отправь или в тюрьму или в ссылку». Этот негодный Нифонт пламенно желал, чтобы не одного его звали отставным патриархом, а и этого царя отставным царем. Он думал тем удовлетворить своей ненависти; а и не подумал, пустой человек, что это-то царь и вывел его из неизвестности и ничтожества, и окружил его всем почетом, и поставил на самую высшую степень славы, богатства и блеска. Как бы то ни было, но с его словами были согласны и некоторые из приближенных к царю, которые и убеждали его оставить человеколюбие в отношении к деду; правда, они не вполне достигли своей цели, однако же поколебали царя и отклонили его от намерения сделать деда участником в правлении. После многократных рассуждений, было решено — царю-деду {421} носить знаки царского достоинства, но оставаться в дворцовых покоях безвыходно и без участия в делах, а на содержание его и назначенной ему прислуги отпускать ежегодный доход с рыбной ловли, производящейся пред Византией,— доход, простиравшийся тогда до десяти тысяч золотых; великого же логофета Метохита отправить ссылкой в Дидимотих. Что же касается до патриарха Исаяи, то он, видя, что низвержен с престола и почти посажен в темницу такой престарелый царь, не болел душой, а еще прыгал от радости и говорил речи, обличавшие в нем жесткость души и сумасбродство, или лучше сумасшествие: «возвеселится, говорил он, праведник, когда увидит отмщение (Пс. 57, 11)», себя называя праведником, а низвержение царя отмщением. Потом он принялся мстить и преследовать епископов и пресвитеров, и одним запретил священнослужение на несколько лет, другим до самой смерти; на некоторых впрочем он наложил епитимии более умеренные; словом сказать, из лиц, сочувствовавших старику-царю, никого не оставил без наказания. В числе их был и Иоанн, после Бога мой первый попечитель с самого детства, мой дядя по матери. Он кончил жизнь в своей митрополии, достигши глубокой старости. Несмотря ни на старость свою, ни на болезнь ног, он до самой кончины нимало не ослаблял для себя строгостей подвижничества, требовавшего свежих сил. Митрополией его была понтийская {422} Ираклия. Ираклийцы и прежде ¹ видели в нем милостивого отца, исполненного божественной благодати мужа,— не необразованного человека, не легкомысленного учителя, который с кафедры говорит речи неблагоприятные, безрассудные, трескучие, шумные и не заключающие в себе ничего полезного, но учителя такого, который с юных лет прекрасно образовал и язык свой, и слух, и ум, науками и духовными и светскими. Он приобрел все необходимое для учителя настолько, что в своей жизни и учении преподавал своим пасомым такие законоположения и правила, которые сообщают человеку нравственную красоту, сдерживают в нем излишние порывы, приучают умерять желания и останавливают всякое нескромное движение. Но кто хочет узнать подробнее, как велик и как добродетелен был этот человек, тот может обратиться к его жизнеописанию которое нами составлено.

8. Не прошло еще тридцати дней, как царь услышал, что правитель болгар, Михаил, сделал набег на соседние римские села и города и что он немедленно думает проникнуть до Дидимотиха и Адрианополя, имея при себе наемное войско из приистрийских скифов.

---

¹ Вероятно прежде, чем сделался у них епископом. Boivin.

Поэтому он выступил со всею поспешностью и явился в Адрианополь. Отправив отсюда послов, он чрез них требовал от Михаила-423} ла объяснения, почему тот нарушил мирные отношения, и получил объяснение такого рода: «тебе было бы решительно невозможно войти в Византию и облечься властью самодержца, если бы я захотел быть союзником твоего деда; он обещал мне дать денег и подарить мне пограничную страну, но я всем этим пренебрег ради тебя и твоих обещаний. Ведь ты знаешь, что ты дал мне большие обещания,— больше, чем твой дед, не потому только, что ты хотел иметь во мне союзника, но и потому, что я тебе родственник по твоей сестре». Царь, не желая показать, будто струсил этих угроз, нашел нужным порешить дело войной, хотя его войска и силы не были равны неприятельским. Он во всех случаях руководствовался больше природною отважностью, чем холодною рассудительностью. Таким образом и с той и другой стороны начали готовиться к войне, и римскому государству грозила большая опасность. Но мать государыня ², боясь за сына, вошла в переговоры с тем и другим, чтобы примирить их, и действительно оказалась примирительницею, как мать обоим, которая смело могла делать им, какие угодно, внушения. Так заключен был мир, и Михаил, получив большие деньги, удалился домой. Между тем великий логофет Метохит, которого отправили в ссылку, 424} нимало не уважив его заслуг, подвергся каменной болезни; она мучила его гораздо больше, чем все, что он испытал,— разумею заключение в темницу, лишение значения, потерю денег и оскорбительные толки и ругательства глупых людей. Царь-дед от печали потерял прежнюю бодрость тела и сперва стал худо видеть одним глазом, в котором потускнел зрачок, а спустя немного заметил потерю зрения и в другом. Таким образом он очутился среди непрекращающейся ночи, стал в полную и постоянную зависимость от других и, по словам св. Писания, свое питье растворял плачем и хлеб ел с горем ¹. Я уже оставляю в стороне остроты и бесстыдные ругательства, которыми оскорбляли его слуги и рабы. Оставляю и то, что дана была полная свобода прачкам стирать все, что угодно, в воде, протекавшей по двору дворца, и что этот двор сделался выгоном для находившихся по соседству животных — ослов, лошадей, быков и домашних птиц. Протостратор, который тогда заведывал и заправлял делами в Византии², не опускал ничего, что хотя сколько-нибудь могло служить к оскорблению и унижению старика-царя. Только великий domestik Кантакузин не позволял себе ни мыслию, ни словом, ни делом обижать царя, как и тех, которые недавно лишились почета. Украшаясь 425} природною рассудительностью и глубокомыслием, этот человек напротив следовал добрым примерам тех мужей древности, которые прославились благородством и добродушием. И вот теперь, когда так хорошо шли у него дела, он не возгордился своим счастьем, не поднял выше меры бровей и не допустил надменности в себе, но остался в пределах скромности. «Мне теперь, говорил он, нужно быть трезвым, так как другие не могут не быть пьяными». Счастливые обстоятельства служат для человека стадией и пробным камнем; они столько же делают заносчивыми людей безрассудных, сколько внушают похвальной скромности людям рассудительным. В это время был выведен из тюрьмы и Сиргианн ³, который предварительно дал страшные письменные клятвы, в удостоверение того, что не станет ничего замышлять против царя; он прибавлял, что если когда-либо неліцеприятные судьи уличат его, что он солгал, то пусть не только обрушатся на него те страшные закліятия, которые он призывал на себя, но пусть он будет предан и смертной казни. В этом и следующем году, с прекращением в римском государстве смут, междоусобий и неприятельских набегов, византийцы увидали у себя такое изобилие хлеба, какого давно уже не видывали и деды их. 9. Лишь только настала пора, когда под ру- 426} кой весны земля покрывается роскошною растительностью и украшается тысячами цветов, доставляющих величайшее наслаждение зрению, царь велел римским войскам готовиться к походу. Он хотел идти в Азию и начать войну с Орханом ⁴, владетелем Вифинии, как по другим причинам, так и из опасения, чтобы последний не овладел главным городом Вифинии, Никеей, осадив ее двоякого рода врагами — голодом и войском. На исходе весны

² Т. е. Мария или Ксения, дочь царя Армении, Льва II; она была матерью обоим, т. е. не только Андронику, но и Михаилу, как теща последнего, по своей дочери Марии. Ducang.

¹ Псал. 101, 10; 126, 2.

² Синадин. Ducang.

³ Кантакуз. кн. 2, гл. 4. Ducang.

⁴ Кантакуз кн. 2, гл. 6. 7. 8. Ducang.

войско, переправившись чрез византийский пролив, вступило в Азию вместе с самим царем. В нем было две тысячи людей отборных; большую же часть составлял торговый и ремесленный люд, который был только пародией на войско. Они имели при себе и знаки своей трусости,—разумею множество лодок и шлюпок, почти равнявшееся числу их самих и заготовленное на случай бегства. О преследовании и победе над неприятелем им никогда и на мысль не приходило. Владетель Вифинии, отобрав из турков самых опытных в деле войны, послал их охранять теснины на дороге, а сам с восемью тысячами ратников выходит навстречу царю. Царь на третий день после переправы в Азию достиг приморского городка, называемого Филокрином и, узнав, что Орхан, заняв окрестные теснины, остановился с варварским войском неподалеку, и сам {427} остановился здесь лагерем на ночь. Когда же с солнечным восходом увидел, что некоторые из варваров спускаются с окрестных гор, сперва в легком, а потом и в тяжелом вооружении и больше всего на лошадях, вооружился и двинулся против них и сам. Сперва действовали неприятельские стрелки, стоя вдаль и по-видимому не желая подойти ближе. Царь, считая такой способ сражения необыкновенным для варваров, приписал его их трусости, воодушевился и приказал по несколько человек выступать вперед и выделяться из рядов. Некоторые из окружавших его, люди более других опытные, говорили, что это не поведет к добру, но не могли его остановить. Когда, в течение такого бестолкового сражения, солнце зашло уже за полдень и когда настал самый сильный зной; Орхан, заметив с вершины горы, что римляне уже утомились частью от жара, частью от постоянных перебежек, спускается и сам с войском, которое нелегко было сосчитать. Подступив с криком и гамом, одни из его воинов посыпали на наших стрелы, другие принялись поражать их мечами. Римляне первый их натиск выдержали мужественно, долго защищались отважно и очень многих ранили или же убили. Потом видя, что скоро наступит ночь, и считая опасным для себя продолжать сражение ночью на неприятельском поле, начали поспешно отступать в свой лагерь. Тогда враги усилили свои нападения и не- {428} мало истребили лошадей и людей, пока наконец наступившая ночь не прекратила сражения. В числе других был ранен стрелою в ногу и сам царь, впрочем сносно и не очень опасно. Но в эту ночь произошло жалкое зрелище, которое было явным знаком гнева Божия. Варвар был удивлен вооружением и мужественным сопротивлением римлян, и подумал, что они здесь не остановятся, а пойдут на следующий день дальше. Поэтому, оставив на месте триста всадников для наблюдения, он со всем остальным войском двинулся вперед, чтобы заранее занять важнейшие пути. И так он пошел туда, а царь вошел в городок Филокрину для излечения ноги. Римское войско, увидав это и не узнав точно причины, подумало, что царь трусил, что, верно, Орхан намерен напасть на них ночью с многочисленным войском, а в таком случае на другой день солнце не увидит ни одного римлянина в живых. И так, те, которые запаслись шлюпками, как были, так и пустились бежать на них. Другие торопясь пройти чрез городские ворота, давили, топтали друг друга, отчего многие умерли. Иные, цепляясь друг за друга, чтобы подняться на стену, или поднимались или же, увлекаемые задними, обрывались и ушибались до смерти. Были и такие, которые испустили дух, стоя на месте, от одного страха. Солнце, поднявшись на горизонте, известило тех триста варваров об этом неимовер- {429} ном приключении с римским войском; подъехав и увидав, что в лагере брошены лошади, оружие, палатки, кроме того царские лошади с красными седлами и царская палатка, варвары забрали все это и ушли в числе двухсот человек, а остальные сто простерлись дальше и добились стрелами тех, которые не успели ни уйти на лодки, ни попасть в крепость. Видя это и не зная, как поправить дело, царь взшел и сам на судно и возвратился в Византию. Такая неудача озадачила его сильно; он глубоко призадумался, разыскивая, за что бы так прогневался Бог, что римское войско рассеялось в одно мгновение, хотя никто из врагов не преследовал его. Наконец между многими причинами он признал главнейшею — неустройство в гражданских делах и неправду в судах: этот застарелый и потому трудно излечимый недуг, разлившись по всей массе общества, производил большую неурядицу в делах и приносил много вреда государству. Болезни, случающиеся от какого-либо телесного расстройства, ограничиваются лишь некоторыми людьми и не распространяются на всех; но когда бывает заражен воздух, то необходимо заражаются и все, которые дышат одним и тем же воздухом: также точно, говорил царь, относятся между собою проступки, дозволяемые людьми частным образом, и неправды в судах. Поэтому чрез несколько дней, он отправляется к патриарху Исаяе и прежде всего

старается убедить его {430} оставить свой гнев на епископов и разрешить от запрещения народ. Если, царь, говорил он о себе, к которому явно относятся государственные преступления, прощает всем все; то патриарху, обязанному быть учителем мира, слишком неприлично питать в сердце вражду к людям, и допускать, чтобы в гневе его заходило солнце много раз, тогда как не следовало бы допускать этого ни разу. Патриарх, убежденный царем, когда настало время божественной литургии, надев священное облачение, взойшел на амвон и прочитал разрешение мирянам, и живым и умершим. Но епископов и многих из пресвитеров не разрешил. Потом, по совершении патриархом со многими епископами и пресвитерами божественной литургии, царь избрал четырех человек ¹, в которых был уверен, что они будут исполнять судебные обязанности достойным образом. Из них один был епископ ². Среди святого храма царь вручил им право суда, дав им в тоже время свя- {431} тое и божественное Евангелие, равно как и царский меч, и вместе истребовав страшнейших клятв в том, что будут творить суд нелицеприятный и неподкупный. Кроме того он назначил им имения, которые доставляли хороший годовой доход, и тем поставил их в такое положение, что они сделались бы решительно безответными в случае нарушения данных клятв. Так было улажено дело.— С наступлением осени, собрав все, какие были у римлян трииры в Византии, Лесбосе и других островах и приморских городах, равно как и монеры, и присоединив к ним еще четыре союзных трииры, принадлежавших владетелю Кикладских островов, царь отплыл на них, как разглашалось, против кораблей, принадлежавших варварам, а на самом деле против правителя хиосского Мартина ¹. Будучи из рода тех латинян, которые были известны своим богатством и славою, он получил по преемству от отца право владеть упомянутым островом и пользоваться доходами с него; но он обязан был подчиняться, подобно рабу ², римским царям и исполнять с полною готовностью все, что ни повелят они. Этот остров принадлежал собственно римлянам, и отдан был отцу Мартина, во владение и для пользования доходами, еще дедом {432} царя, за какую-то давнюю услугу. Мартин получил от отца остров вместе с братом ³, но брата какими-то хитростями успел провести, а сам, как человек деятельный и сообразительный, построил трииры и, разъезжая по морю, грабил варваров, которые населяли поморье Азии и с разбойническими видами плавали вокруг островов. В короткое время он навел на них такой страх, что стал получать с них ежегодную дань, чтобы только больше не вредить им. Быстро разбогатев и достигнув известности, он внушил римлянам подозрение, что недолго будет держать себя в подчинении царям. Потому-то царь совершил настоящее плаванье тайно, без всякого труда взял остров, схватил самого Мартина и в оковах отправил его в Византию.

10. Спустя немного времени ⁴, когда царь находился в Дидимотихе, его постигла тяжкая болезнь. Он однажды, после бани, притом в сильнейшую зимнюю стужу, не принял нужной предосторожности, и получил окоченение (πύκνωσιν) во всем теле; но болезнь сосредоточивалась собственно в голове и не только производила жестокую боль, а даже приводила царя в состояние помешательства. Болезнь уничтожала все пособия врачебного искусства, и царь однажды, отчаявшись, {433} что доживет до следующего дня, заклинал окружавших его — облечь его в монашескую мантию, пока он не расстался с жизнью. В то же время он заклинал их освободить всех узников, деспота Константина, великого логофета Метохита и других, впоследствии подпавших тому же осуждению. Затем потребовал устной клятвы от всех римлян в том, что станут воздавать должное почтение супруге его государыне (она и сама, беременная, присутствовала здесь) и почитать, как царя, ее будущего младенца, если он будет мужеского пола, и что попечителем его в таком случае будет великий домestik

¹ Они были названы καθολικοί, κριταί. Существует (in Cod. Reg. 2525². fol. 273. v.) Ὁρκωμатικοί, τῶν καθολικῶν, τῶν κριτῶν, τῶν γενομένων παρὰ τοῦ εὐσεβοῦς βασιλέως κυροῦ Ἀνδρονίκου τοῦ Παλαιολόγου, γεγονῶς καθ' οὗ, τῶν κατὰ τὴν ἐσφραγίσθησαν. Там же (fol. 274) есть Ὁρκωμатικοί, τῶν τοῦ δικαιοφύλακος καὶ ἀρχidiaκόνου τοῦ Κλειδά, который был одним из этих кафелических судей. Там же наконец (fol. 275) есть πρόσταγμα οὐρκωμатικοῦ или постановление самого царя об этом предмете. Все это, кажется, относится к этим судьям, избранным Андроником Мл. См. и ниже кн. XI, гл. 3. Boivin.

² Т. е. митрополит Апра, о котором упоминает Клида, дикеофилакт и архидиакон в своем Ὁρκωμатикῶν; Cod. Reg. 2523². fol. 274. Boivin.

³ См. Кантакуз. кн. 1. гл. 10—13; it. Hist. Franco-Byzant. I. 6, n. 25. Ducang.

⁴ Ὅσα καὶ δοῦλος; так греки обыкновенно выражаются о том, кого латиняне называют вассалом. Ducang.

⁵ Бенедиктом Захарией. Ducang.

⁶ Кантакуз. кн. 2, гл. 14. Ducang.

Кантакузин. Это только, быв изложено на бумаге, и получило силу завещания. Между тем здесь совсем не было упомянуто ни о деде-царе, ни о матери-государыне, проживавшей тогда в Фессалонике. Она глубоко была огорчена этим и питала в душе сильные опасения. Она отчаивалась даже в своей жизни, в случае смерти сына-царя и получения опеки над царством другими, помимо ее. Не может быть, говорила она, чтобы ей, государыне, оставили жизнь великий домestik Кантакузин и его мать, которые так неожиданно призваны к попечительству и управлению государственными делами и так давно питают к ней вражду. В таких стеснительных обстоятельствах не имея времени долго раздумывать, она немедленно призывает к себе и усыновляет Сиргианна, который будучи тогда правителем Фес-^{434}салоники, проживал там, и вручает ему свою жизнь и душу. В тоже время она требует клятвы от фессалоникийцев в том, что они, находясь под его управлением, будут однакож почитать ее всегда, как царицу и государыню, и стоять за нее до смерти; в случае же смерти ее сына-царя, защитят и сохранят для имеющего родиться дитяти наследие престола неприкосновенным и недоступным возмущению. От этого впоследствии произошли большие беспорядки, как и скажем ниже, а теперь обратимся к прежнему. Деспот Константин, освобожденный от уз вместе с другими, лишь только явился, как и опять исчез. С наступлением ночи, окружавшие царя вельможи заключили его в потаенные покои. Они так поступили из опасения, чтобы, по смерти царя, не произошло волнения в народе, между прочим, и из-за буквы К, о которой давно уже ходили глупые толки. Толковали, что имя будущего преемника старика-царя будет начинаться с буквы К. Константин, нося такое имя, и возбуждал подозрение относительно себя. Между тем против старика-царя придумали гораздо больше козней, которые все вели к одному концу. Ему предложили на выбор или облечься в монашескую одежду, или же подвергнуть себя другому какому-нибудь бедствию — закланию, безвозвратной ссылке, либо насильственному заключению в замок забвения ¹. Ревностнее всех хлопотал об этом ^{435} протостратор, Феодор Синадин. Старик-царь так был поражен этою, столь внезапно разразившеюся над ним, бурей несчастий, что долго лежал в постели без языка. А что было бы с ним, если бы он не был железного характера, если бы не владел адамантовым сердцем? Его окружили во множестве иноплеменные и жестокосердые воины, его придворные все были от него удалены, и не было никого, кто подал бы ему руку,— ему, который, потеряв зрение, не знал, куда ступить и куда пойти. Но что много говорить? Волею-неволею его постригают, облачают в монашескую одежду и переименовывают в Антония. Так поступили с ним. Между тем царь, находившийся в Дидимотихе, не обнаруживал в себе никаких признаков жизни, кроме короткого и самого слабого дыхания; жизненные органы его сделались неподвижны, оконечности тела омертвели, и так лежал он, точно мертвый, целых два дня. Но на третий день он как бы очнулся от глубокого сна и попросил себе воды из источника пречистой Богородицы ². Немедленно принесли воды, и, когда ему возлили ее на голову, он укрепился и принял пищи, а чрез несколько дней поправился и пришел в прежнее состояние здоровья. То, чему подвергся старик-царь, доставило величайшее удовольствие патриарху Исае. Теперь не оставалось больше ни первому надеяться на ^{436} царствование, ни второму опасаться исполнения такой надежды. Между тем патриарх прикинулся, будто не знает, как следует в церкви поминать его, если только следует поминать (прибавлял он). И вот он послал к старику двух епископов, думаю, желая посмеяться над ним и притворяясь, будто принимает участие в его горе и будто оно постигло несчастного без его ведома, и велел у него, а не у другого кого спросить разрешения недоумения. Царь, жестоко страдая душой, испустил при этом глубокий, шедший от самого сердца, вздох и, открыв уста, сказал посланным вот что. «Как над Лазарем, говорил он, совершилось двоякое чудо, потому что, будучи мертвым, он воскрес и, будучи связанным, мог ходить; так и надо мной суждено было совершиться сегодня тому же. И я настоящий мертвец, утоновший в волнах бедствий; и я связан не только по рукам и ногам, но и по языку, которым бы мог, если не о чем-либо другом, то о своих страданиях и причиненных мне обидах поведать воздуху, людям, которые захотели бы меня слушать, и густому мраку, какой окружает меня. Но стыд покрыл лицо мое. Я стал чужим для братьев моих и странником для сыновей матери моей; свет очей моих, и того нет со мной. Друзья мои

¹ 'Ες το; λήθης φροῦριον т. е. в тюрьму навсегда. Ducang.

² Кантакуз. кн.2, гл. 17 и 20. Ducang.

и ближние мои издевались надо мною. Едва ходили ноги, едва двигались стопы мои, за то, что я ревновал {437} против беззаконников, видя мир грешников ³. Некогда государи предоставили Церкви права, остающиеся за нею и доселе; в свою очередь и Церковь дала государям право назначать по их усмотрению патриарха. Вот и я не только предложил, но и избрал в патриархи и предпочел многим известным своими заслугами и ученостью людям человека, состарившегося в низкой доле и не выдававшегося ни священною степенью, ни другим чем-либо. Не говорю уже о том, сколько оказал я ему помощи и услуг впоследствии. А он теперь, вместо того, чтобы помочь мне в моем несчастном положении, действует заодно с моими мучителями, становясь по отношению ко мне жесточе самого палача. Он меня спрашивает, как я хочу быть поминаем в церкви, и притворяется, будто принимает участие в моем положении и будто не знал, что делали со мной; в этом случае он походит на египетского крокодила, который водится в водах Нила, орошающего Египет. И тот, когда задушит какое-либо животное, живущее там вместе с ним, садится потом на труп его и обливает его голову горячими слезами. Я не нахожу, что отвечать на вопрос, предлагаемый мне так коварно. Если я назову себя царем, то меня, — того и смотри, — умертвят те, которые за это и заключили меня в узы; если же монахом Антонием, в {438} таком случае мои злодеи истолкуют мои слова, как объявление, будто я не насильственно, а по доброй воле облекся в монашескую одежду». Сказав посланным это и многое другое и не дав им никакого ответа, он отпустил их; а сам, сев на свою постель, произнес: «обратись, душа моя, к покою твоему, ибо Господь облагодетельствовал тебя» ⁴; и не сказал больше ни одного скорбного слова, потому ли, что обуздывал свой язык, будучи богат рассудительностью, или потому, что его скорбь была уже выше меры, и он не мог плакать, пришедши в какое-то оцепенение, прежде чем скопившаяся в мозгу влажность успела разрешиться потоком слез. Вот и солнце, когда испускает умеренные лучи, производит сильные ветры и наполняет воздух влагой, а когда бросает палящие лучи, быстро уничтожает влагу, прежде чем она успеет скопиться. Подобным образом и душевные страдания, пока бывают для нас сносны, позволяют еще нам обнаруживать в словах огонь сжигающий сердце; когда же превышают меру наших сил, приводят душу как бы в иступление и производят что-нибудь одно из двух, хотя не следует быть ни тому, ни другому: тогда мы или обо всем говорим, кроме того, о чем должно, или ни о чем. В подтверждение настоящих слов, я приведу здесь то, что передает древность. Когда пер-{439}сидский царь Камбиз сделал поход из Суз в Египет и, овладев царством, взял в плен и самого царя египетского, последний, видя, что его детей без всякой жалости ведут на смерть, не произнес ни одного слова; безмолвно и с поникшею головою он смотрел лишь в землю. Но потом увидел он одного из известных ему людей, который прежде, при цветущем состоянии Египта, пользовался большим богатством и славою, а теперь, одетый в лохмотье, ходя, просил себе милостыни. При этом он ударил себя по голове, глубоко вздохнул, назвал друга по имени, и вслед за словами заплакал. Когда Камбиз спросил, почему он о сыновьях своих не плакал и, видя их, не говорил ни слова, а о друге заплакал и начал говорить? Тот отвечал, говорят, так: «несчастье сыновей моих было слишком велико, чтобы плакать при нем; но несчастье друга не таково и нельзя не плакать о том, кто, лишившись высокого положения, на старости лет испытал такую бедственную участь». Как бы то ни было, патриарх определил помянуть деда прежде внука-царя таким образом: «благочестивейшего и христолюбивого царя, монаха Антония». Не прошло еще четырех дней после того, как протостратор услышал, что народ толкует между собою в домах, на рынках, в воротах и всюду о старике-царе, что он пострадал несправедливо и как был, так и будет царем, по смерти внука, и именно он, {440} а не другой кто; так как нет такого закона, чтобы насильно и против воли постригать в монашество. Поэтому он постарался к оскорблению царя прибавить новое оскорбление. Он послал последнему требование — дать письменную клятву в том, что никогда не будет искать верховной власти сам, не примет ее, если станут предлагать, и не будет назначать никого преемником себе. «Если не так, прибавлял он, то сегодня же смерть тебе», — и снова приставил к нему прежних иноземных воинов. Боясь за свою жизнь, царь невольно согласился и на это. Будучи, как мы уже говорили, слеп, он при посторонней помощи, поставил на бумаге два

³ Псал. 68, 3, 8; 21, 8.

⁴ Псал. 114, 6.

креста, наверху красный, а внизу черный, и тем сохранил себе жизнь. В это время на персидской земле была найдена какая-то потаенная башня, наполненная несчетным множеством монет из чистейшего золота. Достав их немалое количество, латинские купцы развозили их всюду по суше и по морю, зная, что на чистое золото получают хороший барыш. Многие из византийцев покупали эти монеты, платя за каждую три обыкновенных.

11. В это время ¹ от итальянцев и обитателей Колхиды, составляющих отрасль персов, были присланы в Византию письма, в которых с величайшей гордостью и напыщенностью делались ребяческие и глупые пред-{441}сказания, с какими обращаются только флейтисты и танцовщицы в публичных домах к своим любезным. Нет нужды говорить, что дело крайне безрассудное — убеждать в чем-либо людей пустых и надменных и обращать внимание на все, что ни родится в их ветренных головах. Обличить и опровергнуть таких-то людей убеждали меня многие из моих друзей, не знаю, с целью ли испытать меня, как дельвали состязатели на олимпийских бегах (они предварительно в разных местах выезжали беговых лошадей) или в видах извлечь отсюда для себя какое-либо удовольствие. Известно, душа никогда так не наслаждается, как видя и слыша любимые предметы. Это все равно, как если бы кто-нибудь жаждущему подал для питья вкуснейшей воды или на истомленного летним жаром навевал прохладу зефира. Конечно, каждый из нас питает в душе те или другие расположения, смотря потому, что находит для себя лучшим, и эти-то расположения определяют направление всей нашей жизни и все разнообразие занятий, какие только имеют место под солнцем. Поэтому, если не все, то, конечно, очень многие примут сторону моих друзей. Но я это неуместное их любопытство не очень-то одобряю. Я никогда не думал отрицать, что входить в исследование всего дело прекрасное, но никогда и не допускал, что это хорошо делать во всякое время, при всяком случае и по желанию каждого. Не всякое вре-{442}мя бывает благоприятное и не всякое желание заслуживает удовлетворения, но бывает нередко и время безвременное, и желание, возбуждающее к себе отвращение. Мы впрочем нашли нужным снизить друзьям своим, коснуться того, что они находили особенно важным, и по возможности удовлетворить их; мы не заградили для них ни своего слуха, ни своих уст, и скромно обличили нечто из того, что было написано. И ни один, конечно, благоразумный человек, да и никто не упрекнет нас за это. Остальное же, что было писано, мы совсем оставили без внимания, как заключающее в себе много совершенно нелепого и пустого. А что мы сказали в форме письма к одному из своих друзей, чтобы беспощадные порицатели не приписали нашего благородного молчания нашему незнанию, то желающим знать это для истории здесь же мы и помещаем. «Речи, которые составляются под руководством ума и при полной для него свободе, заслуживают и внимания ума и требуют для своей оценки сведущего языка. Напротив те речи, которые будучи ни с чем несообразны, подобно беглянкам, уходят за границы здравого смысла, не заслуживают ни малейшего внимания и вовсе не стоят, чтобы тратить на них слова, — будучи уклонениями от естественных требований и как бы глухими звуками из надтреснувшей лиры. Поэтому я чрезвычайно удивляюсь, любезный друг, каким образом меня, своего друга, ты побуж-{443}даешь заняться такими пустыми вещами и употребить язык на изобличение таких очевидных нелепостей,— и тех, которые часто вырываются из западных бездн, подобно потокам лавы, вырывающейся из кратеров Ифеста, и тех, которые, во множестве, подобно густому снегу, сыплются с горной страны ¹. Да, друг, мы оскорбили бы и самих себя и вместе науку, если бы занялись такими вещами. Заниматься добровольно развращенными нравами и речами значит быть недалеко от порока и от опасности попасть в сеть заслуженного порицания; а каково пятно, таков же и позор, от которого избави Бог. Разве не превышает Кавказа невежество тех, из которых одни, именно обитатели нижних стран, привыкли отливать речи, далеко несогласные с истиною, а другие (это обитатели верхних стран) издают какие-то бессмысленные и ребяческие звуки, и говорят будто свое знание получили они понаслышке от персов и халдеев? Если вся ученость халдеев и персов ограничивается лишь знанием того, что небо представляет в воздушной сфере прекрасное и стройное течение звезд, и с началом весны дает доход государственным писцам, а с окончанием лета приносит болезни старикам; то что и говорить?— всякий желающий может смеяться над наукою и унижать ее — и тот, кто

---

¹ 1330 г. Boivin.

¹ Разумеется Колхида.

правит лошадьми, и тот, кто играет {444} на сцене. Мне странно и удивительно, как эти люди не предсказывают еще, что дубы принесут множество желудей, или что терновник оцарапает руку, если его коснуться, или что куница, родив детеныша, будет матерью рожденного, или что летом будет жарко, а зимою холодно, и тому подобных вещей, быть может неизвестных для животных, но совершенно очевидных для всех людей. Но чтобы ни тебе не наскучить, ни достоинство науки не унижить, вдавшись в такие крайности, пойдем средним путем, и обличим лишь отчасти этих полуденных ветрогонов ²(их лучше бы назвать земными планетами, которые много заблуждения внесли с собою в воздушную область). Стоит лишь взять за конец, чтобы распустить точно Пенелопину ткань, все, что наплетено ими. Они предсказывают движение ветров, от которого будто бы истлеют тела человеческие. А я желал бы знать, как произойдет это тление. Если бы ветер был больше, чем простое движение и рассечение воздуха; то эти слова, может быть, и имели бы какой-нибудь смысл. Вещества посторонние проникают воздух, или входя в него, таковы камень, железо и все, что тверже воздуха, или же смешиваясь с ним, таковы вещества разливающиеся и совершенно однородные с воздухом, как-то: запахи, цветы и молнии. Поэто- {445} му если бы и ветер, будучи отличен от воздуха, действовал каким-либо из этих способов — или рассекая воздух и заступая его место, или смешиваясь с ним; тогда все живое мгновенно подвергалось бы тлению. Но мы видим напротив, что воздух всегда сохраняет благорастворенность. А ветер есть не что иное, как усиленное движение и разлитие воздуха, который всегда в обилии стремится на нас отовсюду, но которым каждый из нас пользуется лишь столько, сколько нужно, как бы ни было много его вокруг нас. Быть может, и это еще нужно предсказывать, но в таком случае я не знаю уже, что и сказать. Они говорят еще, что от движения всех вместе ветров сдвинутся с своих мест и разрушатся деревья, горы и города. Но как и куда все это сдвинется с своих мест, когда по их же словам, ветры окружают все вещи с диаметрально противоположных концов? Если от сильного и порывистого движения одного ветра разрушится дом, или покачнется в другую сторону дерево; то в этом еще ничего не будет нового и выходящего из круга вещей обыкновенных. Но как скоро станут дуть многие ветры разом с противоположных концов, то уже не разрушат ничего, действие одного будет тогда умеряться и уничтожаться противодействием другого и, при равносильном взаимодействии их, все, что подвергнется их напору, будет стоять неподвижно. Притом, чтобы ветры дули все {446} вместе с диаметрально противоположных концов, такого свойства ни Аристотель не приписывает им, ни долгий опыт не подтверждает. Но вот еще, чего я едва было не опустил: такое столкновение ветров, говорят они, произойдет от стечения под одним знаком зодиака Крона и Ароя ¹ и от имеющего произойти перед тем затмения солнца. Итак если окажется ложным это основание, то уже само собою разумеется, окажутся ложными и выводы, делаемые из него; подобно тому, как если подсечь корень дерева, то оно тотчас засохнет, лишившись самой жизненной своей части. Что же? Крон и Арей не только в настоящее время не находятся под одним знаком, но и в два сряду следующие года, не могут сойтись между собою; так как Арей, оставив давно уже Крона в пятнадцатой части Льва, сам переходит в клешни Скорпиона; а затмения солнечного ни во все это лето, ни в следующую осень не может быть, хотя бы все люди и все птицы кричали о том. В этом могут вполне убедить тебя лучшие наставники время и чувство. Ничто не имеет такого значения в науке, как свидетельство опыта и чувства. «Чувство, сказано, доставляет опыты, а опыты доставляют основания для науки». Только посеяв семя в землю, можно получить колос, а без семени нельзя ожидать и прозябения; так точно и здесь. Если {447} будет затмение солнца и стечение Крона и Ароя, то, пожалуй, будет и столкновение ветров, и разрушение городов, и возвышение гор; если же не будет первого, то по необходимости не будет и последнего, и все горы и все города останутся на своих местах. Известное дело, что при отсутствии условий для известных явлений, этих явлений не может быть. Они между тем доходят до такой нелепости, что принимают за причину то, что не может быть причиной, и наоборот не видят причины в том, что действительно причина. Конечно, то или другое положение звезд может предуказывать те или другие события, частью ближайшие, частью отдаленные; но они не в силах были понять это и поставляли причиной одно вместо другого,

² Вероятно, разумеются здесь каалабрийцы; потому что Калабрия лежит к юго-западу от Византии. Boivin.

¹ Сатурна и Марса.

далеко уклонившись от надлежащего пути; как если бы кто, зная, что во время движения Фемистокла из Мегар в Афины шел дождь, последнюю случайность приписал бы Фемистоклу; или еще — приписал бы Крезу то, что, когда он переправлялся через реку Галис, в это время солнце взошло на горизонте. Фемистокла уже нет, а природа льет дожди; Лидийца давно уже не стало, а солнце постоянно, после каждой ночи, восходит на горизонте. В обличие их мы могли бы указать тысячи примеров, но, чтобы не наскучить и не надоесть, замолчим. Хорошо останавливаться на хороших предметах: тогда речь, хотя и длится, не теряет своего значения; когда же {448} она тратится на предметы пустые и нелепые, тогда не только не заслуживает одобрения, а еще легко может сделаться смешною. Говорят, и Филипп осмелел Александра, что тот искусно и приятно играл на цитре; «стыдно, говорил ему отец, благородному человеку заниматься с любовью такими пустяками».

12. Было явно, что король Сербии не успокоится, пока не отмстит Михаилу за поругание и оскорбление своей сестры, так как последний, несмотря на то, что она была законная его жена и родила ему детей, преемников его власти, без всякого повода отверг ее и женился на сестре царя. Поэтому с наступлением весны ² Михаил отправляет посольство к царю и располагает его вторгнуться чрез области римские в землю триваллов. Он собирался и сам выйти с огромным войском против короля, чтобы тот, не имея возможности отбиваться с двух сторон, сделался слабее и уступил той и другой стороне как можно больше своих владений. Таким образом они и готовились к походу до самого конца весны. С наступлением же лета, царь, так как не имел у себя сил, равных силам короля, достигнув до страны пелагонцев ³, расположился лагерем на одной равнине, по соседству с крепостями, подвластными римлянам. Он остановился там на вре- {449} мя, пока не услышит наперед, что Михаил с своей стороны сделал сильнейшее нападение на триваллов, чтобы потом уже, смотря по обстоятельствам, и самому приняться за дело. В это время случилось и затмение солнца около двенадцати часов, шестнадцатого июля, простиравшееся не меньше, как на одиннадцать пальцев, если кто наблюдал его, находясь на линии, которую можно бы провести чрез Византию; тогда солнце оставляло уже двадцать четвертую часть Рака; затмение началось с северо-западной и северо-северо-западной стороны, а кончилось почти на восточной. Между тем Михаил, двинув многочисленное войско, двенадцать тысяч своих воинов и еще три тысячи наемных скифов, напал на землю триваллов чрез самую северную часть горы Эма, где находится большая часть истоков реки Стримона. Сряду четыре дня он воевал, дерзко опустошал землю огнем и мечом, вырубал деревья и грабил всю страну, не встречая себе сопротивления нигде. Но на пятый день, с восходом солнца, явился и король Сербии, имея при себе огромное войско, блеском своего оружия ослеплявшее глаза зрителя. Когда те и другие войска выстроились и подняли знамена, король, воодушевив свои полки к отваге, сам бросился на знамя Михаила, имея при себе тысячу всадников — кельтов, которые отличались необыкновенным ростом, силою, редкою опытностью в воинском искусстве, и были закалены в боях. {450} Отняв знамя без большого труда, он устремился на строй Михаила, и, стоптав и смяв большую часть войска Михаила, берет в плен и его — живого, но раненного. Прочее болгарское войско большею частью было изрублено там же, а оставшиеся в живых возвратились домой нагими. Михаил прожил еще три дня, едва сознавая свое несчастье, а на четвертый день скончался; его тело, смертельно раненное, не могло дольше жить. Царь, как скоро узнал об этом, тотчас же отправился в Византию, и не сделав ничего и не потерпев ничего. Но, как мы уже много раз говорили, не найдется ни одного человека, который бы прожил весь свой век в неизменном благополучии и не возбуждая к себе зависти; эта роковая необходимость дала почувствовать себя и здесь. За блестящими удачами короля поднялась жестокая и страшная буря, которая отняла у него и унесла все радости жизни, даже лишила его самой жизни. Вот в чем дело. У него был от второй жены сын, имевший в это время двадцать два года от роду. Отец очень заботливо готовил его в наследники престола. Но когда женился на дочери кесаря ¹ пятидесятилетний мужчина на двенадцатилетней девочке, и прежде, чем женил своего сына, начал рождать детей от дочери кесаря; его сын смутился подозрения-

² Кантак. кн. 2, гл. 21, 25.

³ Пелагония — область, с которою к юго-западу граничит Македония.

¹ Дочери кесаря, Иоанна Палеолога, и внучке императора Михаила Палеолога, Марии. Ducang.

{451}ми и опасениями, которые в его властолюбивую душу посеяли, вероятно, его сверстники. И вот он задумал наконец отложиться и восстать против отца. Видя, что он имеет такой замысел, тамошние вельможи, полководцы, таксиархи и все, соскучившиеся продолжительностью правления его отца, тайно приходили к нему поодиночке и раздували в нем мятежные мысли. Спустя немного времени, они взяли его к себе и, вооружив его против отца, провозгласили его королем сербским. Потом, когда в течение многих дней мало по малу собрался около него весь цвет войска, они без труда заключили отца в узы и представили сыну; затем отвели в темницу. Сын, может быть, досадовал и негодовал на это, однакож молчал и не мог противиться своеволию народа. Он боялся, чтобы и самому не пострадать неожиданно-негаданно. Прошло немного дней, и короля отца задушили в темнице; такой-то горечи заставили его вкусить подданные под конец жизни за все его прежние радости и удачи, а сыну предоставили власть уже прочную и надежную и, выступив вместе с ним, немедленно завоевали римскую страну до Стримона и Амфиополя ²; тогда же взяли они и Струмницу с несколькими другими городками.

13. На следующий год ³, царь, слыша, что из-за царства болгарского идет борьба меж- {452}ду первою женою Михаила и его родственниками (сестра царя едва успела спастись оттуда бегством) и что многие там бьются и спорят из-за верховной власти, собрал в достаточном числе войско, напал на города, лежащие около Эма и почти все взял без труда, так как жители передавались ему добровольно. В числе других передался ему и приморский укрепленный и многолюдный город, называемый Месимврией. Живя здесь по большей части среди войска, царь скоро сделался угрюм; частью потому, что из-за войска город почувствовал недостаток в продовольствии, частью потому, что пришлось делать большие издержки. Когда же, после многих споров о власти, взял верх и утвердил за собою престол двоюродный брат Михаила, Александр; то, набрав войска в Болгарии и прибавив к нему еще немало наемных скифов, он вторгся в область, граничившую с римскими владениями, простерся до самой Орестиады, собрал здесь огромную добычу, взял многие города при Эме с их собственного согласия, возвратил их снова Болгарии, и веселый возвратился домой с большими сокровищами. В это время варвары взяли Никею, город обширный и знаменитый, покорив его голодом и продолжительной осадой. Они принесли оттуда в Византию множество святых икон и книг и двое мощей святых жен ¹, и все это разменяли {453} здесь на деньги. Безнаказанно поселившись в приморских местах Вифинии, варвары наложили самые тяжелые дани на оставшихся в небольших городах, которых поэтому и не уничтожили совершенно вместе с их жителями, хотя это могли сделать легко и в самое короткое время. Впрочем несмотря и на это, не оставляли их в покое, но делали на них частые нападения и забирали во множестве этих несчастных в плен и на суше и на море. Между тем, великий логофет Метохит, возвратившись из ссылки, поселился не в своем доме, который давно уже, как мы сказали, был разрушен и обобран народом дочиста, во время вступления царя в Византию; но поселился против и неподалеку от него, именно в святой обители Хоры, которую сам же некогда возобновил с большими издержками, видя, что она истерзана зубами времени ². Эта обитель сначала, при царе Юстиниане, была построена в продолговатой форме. Потом, когда от времени разрушилась до основания, теща царя Алексея Комнина воздвигла новое здание в той форме, в какой видим его теперь. Наконец, когда время опять начало угрожать ему разрушением, логофет щедрою рукою отлично исправил его, кроме среднего храма. Таким образом, когда этот человек потерял все, что радовало его в жиз- {454}ни, эта обитель оказалась спасительною пристанью для его души и для тела. Смотря на эту святую обитель, он глубоко чувствовал в душе удовольствие; а видя развалины своего дома, делался печален и сгорал в душе от мучительного пламени, какой могут возбуждать в нас тяжкие удары и несчастья. В тоже время он сам с собою дивился ненасытности судьбы,— тому, что и самый фундамент его великолепного дома не остался в прежней своей красе, но испытал то, чего от века не случалось с другим и что не могло и в голову придти; фундамент весь был разобран и отослан

² Македонский город.

³ Кантакуз. кн. 2, гл. 26, 27. Ducang.

¹ В минеях значатся под 12 июня св. Антонина и под 28 июля св. Феодота с тремя своими сыновьями, пострадавшими в Никее. Их ли здесь разумеет Грнгора остается неизвестным. Ducang.

² Конечно,— намек на Крона или Сатурна, поедающего своих детей.

в подарок владетелю западных скифов, который просил его себе для украшения своего дома. Сверх всего правительственными лицами было возбранено Метохиту переговариваться с стариком царем и лично и чрез других; это обстоятельство также приносило ему немало огорчения.

14. Но пора нам сказать и о смерти старика-царя, которую предвестили многие предзнаменования. Они были следующие. Во-первых — затмение солнца, предупредившее его кончину на столько дней, сколько лет протекло всей его жизни. Затмение солнца, было сменено затмением луны; а это затмение — землетрясением, случившимся в тот самый вечер, в который христиане, по древнему обычаю, совершали память соименного царю Антония. Потом двенадцатого февраля, в тот самый день, который вечером имела последовать его неожиданная кон- {455} чина, подул сильнейший южный ветер, и море так разъярилось, что, выступив из своих границ, оно разбило волнами во многих местах восточные стены Византии, обращенные к морю, расшибло на этой стороне много ворот и, ворвавшись в город, точно неприятель, затопило здесь много домов. Тогда же попадало много железных крестов, водруженных на храмах,— так были сильны порывы ветра. В то же время упала и колонна, с давних пор стоявшая пред храмом сорока мучеников; будучи от пожара повреждена у основания, она заставляла проходящих бояться, что вот-вот упадет, и наводила на них страх не даром. Когда однажды и этот царь проходил мимо ее, некоторые из окружавших его лиц не советовали ему подходить близко, чтобы не случилось беды. Но он только посмеялся над их трусостью и произнес тогда слова, конечно, случайно попавшиеся на язык: «о если бы мне прожить столько же, сколько простоит этот столб!» Теперь они и исполнились, как будто какое предсказание, к удивлению тех, которые помнили о них. Когда солнце склонилось уже к вечеру, я по обыкновению пошел к царю. Я часто ходил к нему, для его утешения,— дня через три или четыре. Так пришел и теперь, и сев я удостоился от него дружеской беседы. Большею частью он вел со мною ученые и серьезные разговоры, с приятностью и любезностью. В это время были {456} при нем и дочь его, королева Симонида, и некоторые другие лица, подобно мне питавшие в себе чувства расположения и преданности как к царю, так и к его дочери королеве, и одинаково пользовавшиеся близостью к ним. Наша беседа длилась до самой полночи и до первого пения петухов, причем у царя не заметно было никаких признаков болезни. Потом он сказал нам: «прощайте и ступайте домой; завтра dokonчим, чего не договорили сегодня». А. сам сел за поданный ужин. Пища на этот раз была вся очень грубая, по причине постных дней. После стола вместо того, чтобы подкрепить старый желудок вином для сварения этой грубой пищи, он напился холодной воды. Он имел привычку, когда чувствовал внутренний жар пить без меры холодную воду, чтобы никогда не иметь нужды в кровопускании. Прибегнув и теперь к этому средству, он тотчас же почувствовал себя дурно; началась боль в желудке и груди. У него затем совершенно стеснилось дыхание; видя, что сейчас же умрет, между тем не имея в такую пору никого, кто бы преподал ему божественные тайны, так как все ворота кругом дворца были заперты, он встал и начал молиться Богу о спасении души своей с обильными слезами и частыми коленопреклонениями. Потом вместо божественных тайн приложил к устам своим святую икону Богоматери, которую носил на груди, и, сев на кровать тот- {457} час скончался, ночью еще до рассвета. Здесь должно разуметь кровать не обыкновенную и стоявшую на виду, но потаенную и стоявшую у стены отхожей комнаты. С того времени, как он почувствовал себя дурно, он часто и почти каждую четверть часа ходил туда для естественной надобности. Наконец, не могши добрести до обыкновенной, стоявшей на виду своей кровати, когда у него нервы и телесные составы пришли уже в оцепенение, он сел и умер на упомянутой кровати. Теперь нам легко уже понять смысл одного предсказания, остававшийся прежде для всех тайною. Еще задолго пред тем царь нашел книгу, в которой писатель, совершенно неизвестный, загадочными письменами и таинственными изображениями обозначил всех будущих царей. Для обозначения характера и ума этого царя в ней употреблено было между прочим изображение лисицы, а для указания рода его смерти представлены были стул, поставленный в упомянутом месте, и по сторонам его два мальчика, одетые в черное платье, с совершенно открытыми головами. Эти два мальчика, в черных одеждах и с непокрытыми головами, очевидно, указывали царю на черную рясу и лишение царского венца в продолжение двух лет, потому что царь прожил так два года. Мне думается, что я не ошибаюсь в объяснении этого предсказания. С восходом солнца, тело

царя перенесли в так называемый мо- {458}настырь Лива ¹, который возобновила его мать, государыня Феодора. В девятый день здесь по обычаю совершено было и поминовение.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

1. На другой день траура, по желанию дочери царя, королевы, распорядившейся похоронами, я должен был без приготовления сказать речь приличную времени. Поэтому я выступил и при многочисленном собрании произнес следующее. «Величие несчастья, слушатели, налагает на нас молчание и приводит в оцепенение наш и язык, и слух, и рассудок; потому что наше солнце животворное погасло и скрылось под землей. В тоже время, подобно грому, поразившая и потрясшая вселенную печальная весть о нем делает молчание в настоящем случае неуместным. Прилично ли, в самом деле, нам, когда вверху величие потери провозглашают небеса тем, что помрачились их очи — солнце и луна, а здесь внизу, как видите, колеблется земля и яростно волнуется море, громко возвещая, что настоящему несчастью сочувствует весь мир,— прилично ли, говорю, нам соблюдать молчание при такой потере? Но, солнце земли, куда ты скрылось, оставив нас умирать от холода бедствий? Душа римлян, ку- {459}да ты улетела? Время, зачем ты безжалостно снесло своей косою главу вселенной, зачем ты исторгло око городов? Кто погасил великий светильник царства? Кто так внезапно лишил нас покровителя всего прекрасного? Основание государственного благоустройства улеглось теперь под небольшим камнем. О, какое пламя горести пылает в сердцах всех! Он целые ночи проводил без сна, чтобы только не допустить чего-либо вредного для римского государства; а теперь спит в гробе долгим сном. Это были благозвучные и медоточивые уста, служившие органом всевозможной мудрости, а теперь на них наложено надолго молчание. О, страшная весть, которая, быстро обтекая сушу и море, поражает души всех чувствительнее всякого меча! Он был великою славою вселенной и прекрасным примером учености; а теперь осталось только немного праха от его тела. Он был для всех народов земли приятным предметом речей и рассказов; а теперь жестокая смерть завладела им. Откуда так внезапно ринулось на нас такое море бедствий, с которым по горечи не сравнится никакое море? Откуда набежали на нас такие бурные волны несчастий, что спутали наши мысли и привели нас в состояние исступления? Что значит этот шум и волнение народа? Не внезапный ли гром с неба, разразившись множеством ударов, упал на людей, и одних поверг на землю, а других заставил бродить еле живыми? Да, и на {460} нас, бедных, собралась наконец гроза, которая поистине ужаснее многих воздушных гроз,— разумею смерть царя. Теперь следовало бы всем людям составить всемирную громовую симфонию и поднять всеобщее рыдание, чтобы вполне выразить величие этого несчастья. Теперь следовало бы отличающимся по своей красоте и величию звездам, сошедшим в одно место, изобразить и представить в самых ярких красках дивные достоинства нашего царя, чтобы, подобно небесам, поведающим славу Божию, и они постоянно показывали во всем блеске его достоинства и указывали в нем прекраснейший образец самодержавия для потомков. Он был опорой и оплотом государства; он был честью и славою священства и блистательнейшим светильником Церкви; а теперь сокрыт под небольшою крышкою гроба. Он дал устойчивость Церкви, которая, как большой корабль, обуревалась волнами; он обращал ее бурю в тишину и всегда был для ее догматов непоколебимою башнею; а теперь, увы, повержен в глубь земли. Он был правилом доброй нравственности и красотою людей; самое молчание его было гораздо убедительнее, нежели наставления, преподаваемые другими. Природа с самого его рождения наделила его наружностью царственною и полною величия, соединив в ней с красотою важность и с выражением скромности выражение достоинства. Все это завершалось в нем и скрашивалось веселостью, кото- {461}рая была привлекательна, как весенние цветы; и все это теперь обезображено и все погребено в недрах земли. О, жестокая несправедливость судьбы! О, глубокая ночь, покрывающая мраком наши глаза и не дающая нам видеть, куда идти! Откуда это налетели на нас вихри бед, и зачем они, будто вырвавшись из одного вместилища, с

---

¹ Основан Константином Ливом, в царствование Льва Философа. Anselm. Bandur. Comm. p. 526.

яростью потрясают наши души и силятся вырвать их с корнем? Кто это приходил ночью тайком и выкосил такой цветущий луг доблестей? Кто это уничтожил пристань для всякой души, в случае опасности кораблекрушения? Какие вопли, вздохи и рыдания поднимаются в настоящее время от земли к небу, подобно дыму, выбивающемуся из большой печи! Как многие хотели бы в эти минуты разлиться потоками Нила, чтобы такое обилие слез могло равняться несчастью, постигшему вселенную! О царь, ты один стяжал себе такое множество высоких имен, какого могут удостоиться лишь многие вместе. Одни называют тебя общим отцом; другие попечителем, защитником и покровителем сирот; иные спасительною пристанью и крепким оплотом; некоторые наставником и руководителем во всем хорошем, всемирным решителем всевозможных в мире дел. Дерево часто протачивает червь; наши сердца еще больше точит теперь неотвязчивая мысль о царе. Виноград и хлеб часто терпят вред от града и зноя; мы еще больше терпим от лишения царя. Это был сад полный всевозможных плодов, в котором вечно была весна; а теперь, о горе, он иссушен зноем смерти. О, строитель многих городов и в Азии и в Европе, и, не усомнюсь сказать, строитель самого царствующего города, который некогда построил Константин, великий и подобный тебе, а впоследствии, когда город пришел в упадок, ты его исправил. В самом деле, прежняя красота и великолепие под игом чужеземного рабства, уничтожились и погибли, самое даже царское жилище сделалось убежищем латинских разбойников и потерянных людей; но ты, царь, явился вторым строителем этого города; ты тотчас уничтожил в нем церковные волнения из-за догматов, ты поддержал его в его падении и привел в прекрасное состояние; ты придал ему стенами, храмами и зданиями прежнее великолепие. Какой великий и священный долг благодарности лежал на всех будущих поколениях верующих в отношении к тебе, как к общему благодетелю и покровителю нашей православной веры! Какими же судьбами, подобно полевому цветку, не стало того, кому нет равного? Какие рыдания по тебе, царь, у самых стихий! Страшно, как бы они не подавили нас. Пораженные твоею смертью и стены падают, и столбы, долгое время стоявшие твердо, низвергаются с своих оснований. Но дайте мне посмотреть, как переполняется от слезных потоков ковчег, содержащий в себе великое наше сокровище. Я думаю, что слезы, которые ручьями проливают теперь все люди, в состоянии поднять его, как некогда разлившиеся воды подняли ковчег Ноя. Но тот ковчег спас от потопления тех, которых заключал в себе; а этот напротив поверг нас в пучину бесчисленных волн. О, ужасное событие, о, странный вечер, противоположный тому, о котором говорит песнь Давида: «вечером водворился у меня плач, а на утро радость». О, безвременная перемена, наполнившая мне чашу питьем, с горечью которого не сравнится горечь полыни. О, безжалостная ночь, зачем ты явилась столь жестокою и немилосердною к этому милосерднейшему и сострадательнейшему человеку, отвергнув всякую любовь и всякую жалость! О, царь, наше бесценное и любимое сокровище, зачем ты нас оставляешь, как будто мы тебя ненавидим! Мы все пользовались твоими благодеяниями, как бы из общего казнохранилища. Чрез тебя и благородные сделались благороднее, и чин священников досточтимее, и общество ученых учение, и стены городов крепче; и все мы, коротко сказать, благодаря тебе, превзошли самих себя. О, несказанное и беспримерное сплетение бедствий! Погибает порядок мира; погибает краса городов; погибает училище, образовывавшее риториков и философов, и превосходящее всякую Академию, Лицей и Стою. О, кто даст главам нашим воду и очам нашим источники слез ¹, чтобы оплакать нам новые несчастья, которые больше иерусалимских. Дайте мне силу Орфея в трагических песнях ², чтобы и я мог подвигнуть к состраданию в нашем несчастье и бездушную природу. Дайте мне тех, которые некогда на реках вавилонских от глубины сердца плакали о Сионе, чтобы они достойно оплакали и наше горе, в которое повергла нас смерть царя. Увы! Наше солнце миновало и сверх всякого чаяния обмануло нас,— закатившись утром, вместо того, чтобы утром взойти.

¹ Иерем. 9, 1.

² Τῆς Ὀρφέως ἐν τραγωῶσι δάαις δύναιεν. Чтобы трагедии писал Орфей, этого никто не говорит; гораздо позже Орфея славился тот, о котором

Ignotum Tragicæ genus invenisse Camoenae

Dicitur, et plaustris vexisse poemata Thespis.

Boivin.

Но зачем свет находящимся в горе и жизнь находящимся в душевных муках ³? Лучше умереть, чем постоянно есть хлеб скорби и пить питье плача. Да, слушатели, он за свои заслуги принят в небесное и вечное царство, а мы оставлены здесь сиротами, чтобы непрестанно плакать и рыдать, пока будем носить в своих душах память об этом лишении. Однакож мне нужно кончить. Рыдания о царе не дают мне говорить». Когда я сказал это, отовсюду поднялся величайший вопль, в котором слышались смешанные рыдания и который, кажется, мог проникнуть в самое небо. Ибо все любили царя и оплакивали его, как отца. Вре- {465} мя,— скажет кто-нибудь при этом,— может охладить сердце, возбужденное скорбью; но тоже время и утверждает в чувствах расположенности, так как, и после разлуки с любимым существом, память о нем не погибает, но остается в душе и цветет здесь, точно весенний цветок, между тем как какие-нибудь неприязненные чувствования часто проходят и исчезают. Царь умер на семьдесят четвертом году от рождения и на пятидесятом с того времени, как принял скипетр самодержца. Он был высокого роста, красивой и весьма почтенной наружности, в которой от природы было что-то повелительное и внушающее страх. В нем было не одно доброе качество, но многие, которые соединялись в нем, подобно лучу солнечному, смешивающемуся с воздухом, или сладости, составляющей неотъемлемое качество меда. Так: в нем неподдельная кротость соединялась с очаровательной любезностью и составляла постоянное его отличие. Природа не поскупилась сообщить его лицу веселость, глазам ясность, говору благозвучие и чистоту. Вообще в приятности, соединенной в нем с важностью, было что-то особенно привлекательное, что-то неземное. Все это яснейшим образом говорило о редком его добродушии. Чтобы представить образчик того, какого он был характера, я упомяну об одном или двух его поступках. Незадолго до своей кончины, живя в бедности и крайней нужде и не будучи в {466} состоянии выносить крайнего холода (тогда была зима слишком холодная), он приказал сделать себе ночное лисье одеяло. Когда сосчитано было все его богатство, у него оказалось не больше трех монет. На них-то и надобно было сделать покупку, которая могла бы защищать его от холода. Между тем в то время, как он еще соображал это дело, к нему является один из давних его домашних людей, и трагически открывает ему свою бедность, которая, по его словам, так гнетет его, что ему ничего не остается ожидать, кроме смерти. Сжалившись над ним, царь отдал ему свои три монеты, предпочитая несчастья других своей собственной смерти. Вот одно свидетельство его сострадательного сердца ⁴. А вот и другое. Когда врачами было запрещено ему пить много холодной воды, а вина он употреблять не хотел, то держась середины, он на одну монету, впрочем не всю, и притом занятую в долг, купил было несколько сладкого напитка, обыкновенно привозимого из Египта и Аравии, чтобы тем смягчить действие холодной воды. Но не успел еще отведать этого напитка, как опять приходит к нему другой из давних его домашних людей, и просит у него чего-нибудь в облег- {467} чение своей долговременной болезни. Не имея ничего, чем бы помочь этому человеку, он велел отдать ему то лекарство, которое было приготовлено для подкрепления его собственных слабых сил. Так он был сострадателен и скор на помощь всем страждущим. По смерти у него не осталось ничего, кроме долга. Таков был его конец. Он умер в 6840 (1332) году от сотворения мира. В это время молодой царь Андроник имел на исходе уже тридцать шестой год от рождения.

2. Спустя тридцать дней после этого ¹, скончался и великий логофет Метохит, сокрушенный тремя величайшими несчастьями, постигшими его тело и его душу. Он давно уже страдал каменной болезнью. Но потом, когда и его сыновья были заключены в темницу, скорбь по ним усилила болезнь. А случившаяся спустя немного смерть царя, лишив его всякой надежды на что-нибудь хорошее, окончательно расстроила его организм, расслабив в нем важнейшие члены и поразив его жизненные силы. Он преставился, приняв монашеский образ. Принадлежа и сам, как и следовало, к числу тех, которые горько оплакивали его кончину, я поизнес над ним следующее надгробное слово. «Меня постигло, слушатели, точно такое же

³ Иов. гл. 3, ст. 20.

⁴ Благочестие и другие достоинства в Андронике так хвалит Никифор Ксантипул:

Τῆς εὐσεβείας Ἀνδρόνικος οὗ στυλός,

Ἀσὺγκριτος νοῦς, εἰς ἣν ῥημένη φύσις.

Ducang.

¹ 14 марта 1332 г. Ducang.

несчастье, как если бы корабль, внезапно встретившись с противным ветром, погрузился в воду кормой,— и прежде чем ус- {468} пел отправиться, получил новый удар от набежавшей с боку волны, отправивший его ко дну. Не успел я оправиться от первого и величайшего несчастья,— разумею смерть царя, как набежало на меня сегодня другое; волна сменившись волной и буря бурей, безжалостно потопили меня и погрузили, увы, в бездонную пучину горя. Как ты, душа моя, не вылетишь из меня, а еще остаешься в жалком теле? Как ты, тело мое, не расторглось под гнетом страданий и еще можешь выдерживать такой напор волн? О, жалкий язык мой, для каких горьких речей время сохранило тебя! О сплетение несчастий, о превратность вещей! Те, которые всегда служили для нас несокрушимым оплотом и утешением в несчастьях, те самые теперь выстроили против нас целые полки несчастий. Нам ли, после этого, сдерживаться и не давать свободы своим рыданиям? Где беседы мудрецов и благородные состязания ученых? Где торжественные собрания риторов, рукоплескания и зрелища, с которыми далеко не сравнятся панафинским? Все пропало, все рассыпалось в прах. О, жестокое время, как беспощадно ты стерло с лица земли митрополию мудрости! Как коварно ты разрушило акрополь учености! Как часто ты издеваешься над нами, не имея к нам никакой жалости, не довольствуясь никаким обилием наших страданий! Вчера ты взяло у нас великого царя, сегодня верного его служителя, советника Нестора, которого одного было доста- {469} точно для такого царя; вчера чертог Харит, сегодня его преддверие; вчера пышную весну; сегодня ласточку, указывающую на эту весну; вчера великий и беспримерный ум, сегодня приятного глашатая этого ума; вчера речи золотых и великих уст, сегодня Академию, Перипат и Стою этих уст и этих речей; вчера Муз, сегодня живой и подвижной храм Муз; вчера крепчайший оплот благочестия и догматов, сегодня догматическое сооружение; вчера правило и опору священства, сегодня хранилище священного оружия. Какие же вопли и рыдания, если их соединить в одно, могут равняться постигшим нас бедствиям! Я думаю, да, я думаю, что если бы все море превратилось в массу слез и все реки, какие только орошают землю, потекли слезами; и тогда было бы недостаточно выражено величие нашего горя. Тот был прекрасным кормчим государственного римского корабля; этот прекрасным наблюдателем Елики ² и звездного неба. Тот предусматривал ведро и ненастье городов и грозившие им бури; этот ловко распоряжался парусами, веревками и канатами. Тот был владетелем мудрости, этот верным раздателем его мудрости. Но ныне, смерть, этот вражеский ратник, о горе!— бросившись на обоих, повергла их в землю и прах. О, нынешние несчастья постигли не одну землю, но проникли до самого звездного неба и до самой {470} горней области! Подите же сюда все оставшиеся мудрецы, если только есть оставшиеся, и плачьте над этим заключенным источником красноречия. Плачьте над этим замолкшим языком; он прежде звучал чисто аттическим говором, и обильно изливал на землю сладкий нектар. Плачьте над этими устами; вчера и прежде они казались ульем, полным меда, а ныне этот улей расхищен трутнями смерти. Плачьте над тем, кто своею мудростью доставлял римлянам больше славы, чем в древности Сократы и Платоны афинянам. Плачьте над вместилищем всякой мудрости, мгновенно опустевшим. Кто это похитил из среды вселенной Геликон Муз? Кто сравнял с землею Олимп мудрости? Кто погасил светильник, светивший очам нашей души и открывший зеницы нашего ума? Кто сгубил искусство из искусств и науку из наук? Кто небесного человека низвел в глубины адовы? Некогда Эллада оплакивала жилище наук — Афины, когда лакедемонянин Лизандр, коварно напав, разрушил их; а мы теперь плачем и не можем достойно оплакать всю Элладу, вместе и с Афинами; так как этот человек один составлял все. О, поэзия, о, красноречие, о, добродетели и вся ученость, как скоро с вами произошло тоже, что бывает с полевыми лилиями, которые скоро достигают своего роста и красоты, но еще скорее склоняют свои увядшие стебли и пропадают. Вот ваш божественный храм, великое и славное ваше жи- {471} лице, теперь сравнялось с землею, сгубив с собою и вашу красоту. Этот муж превосходил всех философов и риторов, которых только прославило давно текущее время, но теперь он лежит безгласен в прахе и пыли. Он умом и языком измерял небо и землю лучше всякой меры, употребляемой людьми; но теперь небольшой камень служит мерою для него самого. Он был прекрасною диоптрою великих горизонтов и параллелей неба и земли, прекрасным самородным гороскопом. Но теперь, о несчастье!— преждевременно объят малым

---

² Название Большой Медведицы.

горизонтом земли. Он много прилагал старания к тому, чтобы молодые ученые греки не обманывались суждениями древних мудрецов; он облегчил изучение астрономии; он упростил трудности Аристотелева языка: но теперь, увы, его окружает густой мрак гроба. Он был прекрасным образцом стыдливости и воздержания; но теперь смерть бесстыдно его обезобразила. О, настоящее время в одно мгновение далеко превзошло плачем и слезами все вместе древние времена! В течение многих солнечных кругов оно не могло причинить людям такой всеобщей потери; а в наши дни оно сделало это так легко. Вчера оно отняло у нас первые и величайшие блага, а сегодня унесло и последние остатки. Вчера солнце земли оно скрыло в глубь земли; а сегодня скрыло от нас и самую денницу. Вчера уничтожило музыкальную гармонию, а сегодня са- {472} мую магаду ¹ и со струнами. О, как это случилось, что молчит теперь во гробе тот, кто эти, долго молчавшие небеса, заставил возвещать славу Божию? О, каким образом сам мертв (о горе мне), а во мне производит живое и непрекращающееся страдание, которое больнее ножа режет мое сердце, особенно в продолжение всей напролет ночи, если следует сказать и о том, когда оно особенно сильно? Днем то частые беседы с близкими людьми, то красота неба и земли с их созданиями, развлекая на некоторое время ум, облегчает страдания; а ночью, при свободе от занятий и при тишине, ничем ненарушаемой, все муки разом кидаются на меня, овладевают моею памятью и сердцем и, подобно злым собакам, нападающим на труп, безжалостно волочат меня то туда, то сюда, терзая несчастного. О, как часто, глядя на него, я воображал, что в лице его сама мудрость явилась к людям, что она восприняла на себя душу и тело и поселилась между людьми, чтобы умудрить мудрых слушателей и спасти науку от гибели! О, как часто я готов был верить в переселение душ, и думал, что все души вместе — Гомера, Платона, Птолемея и всех риториков, сошлись в одном его теле и опять стали жить, пользуясь им, как бы каким огромным кораб- {473} лем! Но теперь он, — я уже и не знаю, как лучше назвать его, — о горе мне, нисшел в гроб и стал прахом, подняв тем в моем сердце только сильное пламя. Да, он не мог жить без души и дыхания. А душою, дыханием и всем, что только дает жизнь, было для него из всего не другое что-либо, а именно этот божественный царь и человек выше человека, который при жизни еще отличал его пред другими, ясно показывая, что такому царю необходим такой и служитель, что мудрейшему из всех людей, обитающих на земле, нужен тоже мудрец, отличающийся всякой мудростью. И вот теперь, удалившись отсюда, он не судил и ему долго оставаться в разлуке с собою, но вскоре позвал его и взял к себе. Так, если, по отшествии первого, последний не мог жить без него, как тело без души; то какими же, значит, неразрывными узами единокровия связывались они оба! И если, по зову первого, последний тотчас явился к нему, бросив тело; то какую же, значит, глубокую любовь и преданность он питал, как и следовало, к своему владыке! Геркулес, если только правда, что говорят составители мифов, прошел всю подсолнечную, чтобы иметь ее свидетельницею своих подвигов; а они, оставаясь на месте, одною лишь громкою славою простерлись и за столбы Геркулесовы и обратили на себя внимание всей подсолнечной без всякого труда. Но теперь они удалились из среды людей, наперед обессмертив себя и оставив по себе {474} память, имеющую жить вечно в душах будущих родов. Итак, нам, лишившимся таких твердынь и оплотов, чего ждать хорошего? Нам нужно бояться теперь того же, что грозит винограду и молодым овощам, то есть, — чтобы кто-нибудь, подкравшись и разобрав частокол или забор, не опустошил того, что там посажено. Без сомнения, слушатели, сказанное мною только слабая тень достоинств этого человека; но едва ли слабее, чем у других, было у меня желание изобразить эти достоинства. В первом случае необходимо было его красноречие, в последнем достаточно было и моего желания». Когда я говорил это слово ¹, в кругу его родственников был большой плач. Этот человек отличался

¹ Название музыкального инструмента, трехугольного, похожего на арфу, о 20 струнах, которые были в два ряда и строились в октаву, следовательно содержали только 10 тонов; на нем играли обеими руками, левою касаясь нижних, а правою верхних струн.

¹ Григора написал и эпитафию Метохиту. Вот она (init. Codicis Regii 2541):

Ὁς πάρος εἰς σοφίαν; μέγα κῆδος εἰς; ἦν γε θνητῷ; ν,
 Βασιός ω; δι; λὰ; ας τοῦ γε κέκευθε νέκυν.
 Δη; ἴμος σελτῷ; ν Μῆσάων ο; λολύξατε πα; σαι
 Ὡλετο κείνος α; νήρ ω; ; ἔλετο σοφίη πα; σα.
 Boivin.

добродушием и всего больше воздержною жизнью. Телосложение имел крепкое и удивительно стройное, как будто природа устраивала его организм по правилу и мерке, как весь вообще, так и каждый член и каждую часть. Украшался кротким взглядом, соединенным с какою-то почтенною улыбкою. Характера был спокойного и обходительного. Красноречие ценил больше всех приобретений, что было весьма естественно при его природной сообразительности и плодовитости. Наконец по горячности благочестивого чувства и по своей богобоязненности был совершенно подобен покойному царю.

3. С наступлением лета, супруга царя, государыня Анна, проживавшая беременною в Дидимотихе, восемнадцатого июня родила сына, царя Иоанна. Извещенный об этом царь немедленно явился в Дидимотих, и в радости переменял одежды траурные, которые носил по случаю смерти деда, на светлые. Потом дал он две игры, составлявшие некоторое подражание олимпийским играм, которые он и прежде часто давал, но теперь придал им еще особенный блеск. Они выдуманы были когда-то латинянами для гимнастики тела на время, свободное от воинских занятий. Одна из них имеет вид поединка и у латинян называется *Justa* ². В ней сперва разделяются на филы, димы и фратрии; потом желающие выходят из каждой части один на один, закованные с ног до головы в латы. Далее, взяв по копью — с тремя остроконечиями, стремятся броситься друг против друга и ударяют один другого изо всей силы. Сбивший с лошади своего противника провозглашается победителем. В таких-то поединках принимал участие и царь, так что нередко получал едва не смертельный удар. {476} Люди старые уговаривали его бросить эти занятия; совсем неприлично, говорили они ему, царю получать удары от рабов не только не примерные, а еще соединенные с опасностью. Но он не слушал их, и, приписывая их увещания непохвальной боязливости, еще более склонялся на сторону воинов одних с ним лет. Другого рода игра называется *Torneamentum* ³. Она происходит таким образом. Разделяются и здесь на филы, димы и фратрии и вооружаются все вместе. Потом, по жребию, выбираются двое предводителей и каждый из них принимает начальство над своею стороною. В этой игре, которая бывала и прежде ⁴, а теперь совершалась часто, участвовал и царь, подчиняясь выбранному в предводители какому-либо воину. Когда обе стороны сходились в равном числе с увесистыми дубинами, то как царь бил, так и его били беспощадно, потому что, по условиям игры, ранивший или даже убивший другого не почитался виновным. По окончании этого боя, обе стороны, каждая имея впереди себя своего предводителя, вместе с царем, который не оставлял своего места в ряду подчиненных шли торжественно и мерным шагом попарно, {477} пока не возвращались на прежние места. Здесь царь, поднося каждому чарку вина и подавая правую руку, приказывал всем расходиться по домам.

4. Эти-то игры и теперь были в Дидимотихе. По окончании их, царь, взяв достаточное войско, идет войною против болгар, без всякого предупреждения, чтобы прежде, чем они успеют одуматься, возвратить себе призмские крепости, недавно отошедшие под власть Александра¹. Итак, вступив в неприятельскую землю, он опустошал эту страну огнем и мечом, не щадя и хлеба, сложенного на гумнах. Между тем обходил крепости и грозил им приступами и осадами, причем некоторые сдавались с условием, чтобы гарнизон, оставленный в той или другой крепости Александром, спокойно удалился оттуда. Извещенный об этом и глубоко огорченный, Александр отправляет к царю посольство о мире, говоря, что неприлично христианам так жестоко нападать друг на друга, когда им можно было бы жить в мире и согласии и соединенными силами противостать неверным, их общим врагам. Царь ему отвечал, что справедливость требует, — чтобы крепости, издавна построенные римлянами, были подвластны римлянам, и отпустил послов ни с чем. В самом деле, более пятидесяти крепостей, находившихся на возвышенностях и утесах горы {478} Эма, дед его царь Андроник частью выстроил вновь с основания, частью же надстроил старанием управлявшего тогда

² Κιντζούττρα в Вольфианском издании. In Cod. Reg. καὶ ὁ ντζούστρα παρὰ ὡς Λατίνοις καλεῖται. — Κιντζόουστρα не составлено ли из французских слов — qui justera? Vid. it. not. Ducang. ad h. loc. — Boivin.

³ Торнеме; v. То, что у галлов называется tournoi (турнир). Ducang.

⁴ Здесь Григора разумеет, конечно, не древние времена, а свой век; потому что, по свидетельству Кантакузина, упоминаемые здесь игры не были в употреблении у византийцев, прежде чем Андроник младший женился на Анне Савойской. Boivin.

¹ Снес. Кантакуз. кн. 2, гл. 26 и 27. Ducang.

Фракиею протостратора Главы, чтобы они служили помехою и преградою частым набегам скифов. Такой ответ, конечно, Александр не мог принять равнодушно и немедленно собрал свои войска в числе, простиравшемся до восьми тысяч. К ним он присоединил еще две тысячи наемных скифов. Таким образом, поднявшись из Тернова, он на пятый день прибыл и расположился лагерем близ крепости, называемой Русокастра. Он слышал, что там находится и царь. Последний был поражен неожиданным появлением неприятеля, но решился (лучшего среди вражеской земли он не мог придумать), решился и сам вывести римское войско, каково бы оно ни было; а оно не только не равнялось неприятельскому, но едва доходило даже до трех тысяч. Разделив его на три части, он выступил с ним не очень далеко за крепость; потому что хотел иметь в ней под рукой убежище для себя, в случае бегства. Но видя, что неприятель идет, широко растянув свое правое и левое крыло, в середине имея тяжело вооруженных воинов, а сзади длинный хвост, как-будто какое твердое основание,— побоялся быть окруженным врагами и тотчас же переменял свой план; он стянул все римские войска в одну общую массу, дав ей форму луны, когда луна принимает форму рога. Сам же вошел в средину {479} и громким голосом старался ободрить своих воинов, говоря так: «Подумайте, друзья, что мы воюем на чужой и неприятельской земле, вдали от отечества. Мы и не имеем у себя союзных городов, которые бы помогли нам ныне в этой неожиданной битве, да ни откуда не можем добыть себе войска и за деньги. Будем же биться так, как будто бы было уже решено нам сегодня умереть и вместе с сегодняшним солнцем закатиться. Сделаем свидетелями наших мужественных и доблестных подвигов эту вражескую землю, на которой мы готовы биться сегодня за жизнь свою, и тех из наших врагов, которые переживут нас. Пусть не смущает ваших сердец множество неприятелей; мы знаем, что часто большие войска были легко разбиваемы малочисленными. Будем и мы питать подобную же надежду, представляя себе неизреченное человеколюбие Божие, по которому, в числе других, и Фемистокл Афинянин с небольшим войском истребил в теснинах саламинских почти всю персидскую силу. Опять после него Эпаминонд Фивянин с ничтожными силами два раза победил огромные силы спартанцев при Алиарте и Левктрах: тогда Спарта потеряла Лизандра, приняла со стыдом бежавшего с поля битвы знаменитого Агезилая, и долгое время видела неприятельский дым даже у Еврота». И вот, все выступили в бой храбро и отважно, сколько у кого было сил, и принялись поражать неприятелей без всякой {480} пощады. Больше всех трудился великий domestik Кантакузин. Он много принял на себя вражеских мечей, много стрел и копий, но еще больше сам своею рукою положил неприятелей на месте и, не потеряв ни щита, ни меча, вышел из битвы невредимым; на своем коне он сидел неподвижно, как будто прикованный к седлу. Вторым по нем отличился в бою протосеваст, сын кесаря, внук Порфирородного ¹, получив несколько стрел и видя, что его конь весь изрублен неприятельскими мечами, так что едва не выходит у него наружу мозг из головы, протосеваст не хотел однакож дать тыл врагам. И конь его, как будто соперничествуя с своим господином, пал не прежде, чем отвез его с поля битвы и доставил сохранно домой, где уже у ворот господина испустил последнее дыхание. Когда наши заметили, что неприятели стараются всеми силами занять прежде их холм, чтобы, окружив их, ударить и с тыла; то обратились назад и поспешно побежали к крепости. Но ее жители, видя их поражение и вместе опасаясь Александра, заперли у себя ворота. Поэтому наши выломали ворота и силою ворвались в крепость, причем одних из жителей выгнали вон, а других предали мечу, как врагов, и снова украшал крепость. Тем не менее они были {481} озабочены и сильно тревожились, видя опасность пред самыми глазами. Внутри крепости не было ни подножного корма для вьючного скота, ни колодезя, ни другого какого-либо вместилища воды; между тем, раненые — люди и лошади, оставаясь без помощи, или умирали, или были близки к тому. Отворить же ворота было опасно, потому что в окружности были расположены лагерь во множестве неприятели, а до пределов римских было далеко. Представлялось также неудобным тайно ускользнуть из крепости и невозможным рассчитывать на помощь ближайшего приморского города; потому что Анхиал был город неприятельский, а так называемая Месемврия, услышав о поражении римлян, тотчас же отложила от них и, истребив находившийся там римский гарнизон, побросала со стен всех, кто не успел убежать,

¹ Сын Иоанна Палеолога, о котором Кантакузин упоминает в кн. 9, гл. 36, внук сына императора Михаила, Порфирородного Константина.

что сделали и все крепости, лежащие при Эме. Между тем отправить послов к Александру, для переговоров о свободе и выкупе пленных, они также не решались; потому что их предыдущие действия не оставляли в Александре места снисходительности по отношению к ним: посольство Александра о мире они презрительно отвергли, болгарские поля с хлебом предавали огню, кроме того нехорошо обходились с жителями взятых крепостей. И так царь находился в крайне стеснительном и безвыходном положении. Впрочем как прежде, так и теперь его не оставляла твердая надежда на Бога. Правда, он чувствовал себя не совсем спокойным в совести, представляя себе те огорчения, которые причинял деду-царю на старости лет, равно и другие грехи, какие обыкновенно любит позволять себе молодость, соединенная с властью. Однакож эти грехи он считал, как бы малыми рыбами, скрывающимися в великом море Божия человеколюбия. И действительно, как во многих других случаях, так особенно в настоящем беспримерном случае он чудесно избавился от беды, благодаря неизреченному промыслению человеколюбиво управляющего всем Богом. Александр, тронутый жалостью и состраданием, на другой день посылает из дома царю уверение в дружбе и вместе позволение мирно отправиться с своим войском домой, советуя ему только впредь быть осторожнее. «Один год, говорил он ему, имеет четыре времени, и в небольшой промежуток могут произойти большие перемены». В этом настоящее лето и прошло.

5. Между тем Сиргианн ², который и прежде был в подозрении у правителей по причине клятвы, которую он вытребовал от фессалоникийцев, и потому что был усыновлен государыней матерью царя, когда последний страдал известною уже нам головною болью в Дидимотихе, теперь явно уже был обвинен Цамблаком ³ в оскорблении царского величества и вызван царем к ответу в Византию. Будучи судим всеми судьями и два и три раза, он не мог однако же быть совершенно уличен, так что большинство судей было еще на его стороне. Пока еще не кончился над ним суд, царь потребовал от него поручителей в том, что он не убежит тайно, прежде чем состоится окончательное решение о нем всех судей. Это обстоятельство посеяло в его душе большой страх и возбудило в нем опасение быть заключенным в темницу; он начал приводить себе на память прежние мучительные узы, которых следы были еще очень чувствительны для его сердца. Когда же увидел, что поручителей ему очень трудно найти, начал тревожиться еще более опасениями и подозрениями. Вынужденный этим, он тайно бежал, и, несмотря на большие поиски, открыт был не вдруг. Спустя год он прислал из Эвбеи царю письмо, в котором просил оказать ему сострадание и дать ему какое-нибудь местечко на крайних римских границах в Македонии, чтобы поселиться там вместе с женою и детьми. Окружающие царя, говорил он, ненавидят его, и потому он хотел бы жить где-нибудь вдали от них, чтобы не сделаться жертвою их коварства. К этому он прибавлял клятвы, что он никогда не желал царю зла. Когда просьба его пропала даром и не имела никакого успеха; он удалился из Эвбеи к королю Сербии. Принятый им с величайшею благосклонностью, Сиргианн сделался для него ^{484} всем — близким его товарищем, искренним другом, верным советником, надежнейшим поверенным его тайн дома, деятельнейшим исполнителем его воли вне дома, вторым Фемистоклом для перса Артаксеркса. Зная о нем по слухам уже давно, король теперь видел в нем прекрасную находку для себя; доверял его обещаниям покорить триваллам римские владения в Македонии, если ему будет оказана помощь в достижении верховной власти над римлянами, и с полною охотою соглашался помогать ему.

6. Между тем скончалась и государыня, мать царя, и была погребена в Фессалонике ¹. При этом я говорил царю утешительную речь почти в таких словах. «Великий и благочестивейший Государь! Мы часто дивились твоим воинским подвигам, и, еще прежде их, твоему человеколюбию и кротости. Теперь мы имеем случай подивиться твоей твердости в настоящем величайшем несчастье, какое колеблющим все временем послано ныне твоей доблестной и мужественнейшей душе, вместо какой-нибудь гимназии и палестры. Здесь твоя крепость должна обнаружиться несравненно блистательнее, чем прежде на поле брани. Там

² Снес. Кантакузин. кн. 2, гл. 36. Ducang.

³ По словам Кантакузин. (кн. 2, гл. 27), он имел сан великого папия. Ducang.

¹ Снес. Кантакуз. кн. 2, гл. 28. Ducang.

часто игра судьбы доставляет больше славы телесной силе, чем душевной, и величие духа несправедливо заслоняется крепостью тела, отодвигаясь на второй {485} план. Здесь же напротив, одной душе и одному уму приходится бороться с великими бурями и волнами, какие подняты таким великим несчастьем. Известно всем, что во сколько душа выше тела, во столько превосходнее других подвиги в борьбе с скорбями, которые вражески восстанавливает против нас непостоянное время. Там можно найти много пособий: щит, копье и шлем часто закрывают от взоров судей, определяющих достоинство подвигов, и облачают густым мраком недостаток телесной крепости; здесь же мужество духа само по себе и без всякого прикрытия совершает подвиг борьбы; опираясь, можно сказать, не обутыми и ничем не защищенными ногами, как бы на крепкое основание, на силу характера и рассудительности, он твердо выдерживает все удары скорбей, подобно выдающейся неподвижной скале, в которую ударяет разъяренное море. Сильна была буря, поднятая трагедией, которая разыгралась с смертью твоего отца-царя; сильна была и та, которая была поднята смертью деда-царя, если только нельзя назвать ее боле сильной. Но после них оставалось еще живое лекарство, которое легко могло наполнить скорбное сердце утешением и отрадою. Несчастье же, постигшее тебя теперь, разумею — смерть твоей матери-государыни, таково, что с ним не сравнится никакое несчастье, как по особенной близости твоей к ней, так и еще гораздо более потому, что она одна оставалась последнею опорою рода и убежищем от скорбей. Понятно, что горе проникает, можно сказать, до самых твоих мозгов и костей, мужественнейший царь. Да и как иначе! Она — твоя мать, и мать августейшая, дражайшая; она связана с тобой самыми крепкими неразрывными узами природы, и, что еще важнее, она понесла ради тебя множество трудов. Ее смерть поразила скорбью не тебя одного, но и нас всех, твоих подданных. Это несчастье вдвойне велико для нас. Во-первых, оно принесло нам великую потерю, которая тем больше, что твоя мать государыня, пока была жива, служила для всех спасительною пристанью и общою утехою; а во-вторых, и это особенно важно, — оно отвлекает твой августейший зоркий ум, движущий всеми общественными делами, от необходимых забот; правда — не всецело и не вполне, но в такое трудное время и малое замешательство в делах может причинить величайший вред государственному кораблю. Настоящее наше положение походит на то, как если бы кормчий, застигнутый бурей среди моря, в то время, как снизу поднимаются на корабль волны, а сверху ветры рвут паруса, забыв об управлении кораблем, дозволил себе дремоту; тогда, конечно, ничто не помешало бы кораблю вместе со всеми людьми немедленно же пойти ко дну. Так, если не ради чего-либо дурного, то ради твоих подданных, представь дело печали другим, а сам сохрани свое обычное и царственное величие духа. Подражай в твердо-сти этой отошедшей мужественной душе. Из пламенной любви к Богу (которую она питала тайно в сердце своем с давних пор, — с тех имменно пор, как спаслась от заблуждений своих родителей), забыв о теле, забыв о славе и царских украшениях, наконец забыв и о тебе, своем любезнейшем сыне, который для нее был дороже всего мира, она поспешила отойти к Богу, — поспешила отойти к царю-супругу, не потому, что чрез него она приобщилась чистых токов православия, — поспешила наконец (прибавлю для полноты истины) к твоему отцу-царю, бывшему для ней учителем в православии. Он первый вырвал ее оттуда, как пышную розу из терновника, и очистил, как золото, от примеси посторонних металлов. Но если ты не можешь подражать ее твердости, зато далеко превосходишь многих древних царей человеколюбием и снисходительностью к падающим. Постарайся же превзойти их и царственную твердостью в горе ради двух целей: во-первых, чтобы к изящнейшей, отличающейся разнообразием красок, одежде великих своих достоинств прибавить тебе и это украшение, как самый приятный для взора цветок и как самый драгоценный из драгоценных камень; а во-вторых, и для того, чтобы достоинствами превзойти тебе весь ряд царствовавших до тебя царей и стать между ними тем, что пурпур между красками и солнце между звездами. Итак, {488} возврати слуху твоих подданных гармонию своей речи. Прогони туман от наших глаз ясностью своего взора. Прекрати бурю нашей души лучами своей веселости. Прими обычную тебе праздничную, кроткую улыбку. Будь для всех образцом, как во всех других похвальных качествах души, так и в перенесении бедствий. Нам стыдно было бы слушать о некоторых из греков, особенно прославившихся этою добродетелью, если бы мы имели в тебе царя, который, всеми другими достоинствами далеко превосходя их, уступает им однако же в этом одном. Итак, отвергнув от себя слабость Ахиллеса и Александра Македонского в

перенесении скорбей, подражай их твердости. Подражай персидским царям и сатрапам, которые в несчастных случаях отнюдь не позволяли себе малодушия. Подражай древним римским консулам и кесарям, которые также удары судьбы обыкновенно принимали с примерным хладнокровием. Да к чему нам чужие примеры?— подражай самому себе; будь таким, каким ты часто являлся пред нами во многих других печальных случаях. Как часто ты сохранял свою душу непоколебимою и невозмутимою среди сильнейших бурь, точно во время полного затмения! Как часто ты становился выше преступлений твоих подданных, которые, подобно северному ветру, по-видимому, должны были поднять в тебе волны гнева! Руководствуясь великодушием и рассудительностью, ты вместо того, что- {489} бы наказывать преступников, наказывал в себе самом гнев, а к виновным относился с обычною своею снисходительностью. Припоминая все это в настоящем случае, подражай самому себе, чтобы и мы (не будем много распространяться), дав полную свободу своему языку, легко могли переплыть моря твоих похвал и из всех цветов, украшающих тебя, выбрав самые лучшие, могли сплести тебе неувядающий венец, который в хранилищах учености будет оставаться свежим. Это слово я дерзнул сказать, уступая лишь сильнейшей и пламеннейшей любви к тебе. А ты окажи мне свое снисхождение, благочестивейший Самодержец, руководясь и здесь обычным своим человеколюбием».

7. С наступлением весны ¹, король собрал войска, а Сиргианн разослал тайные письма по всей римской империи, начав от сопредельной области триваллов и простираясь по всему приморскому краю и внутренним землям до самой Византии; в этих письмах он обещал и участки земли, и денежные подарки, и почести, и прочее тому подобное. Поэтому почти все приняли его сторону, предались ему душой всецело и побуждали его и письмами и деньгами скорее выступить в поход. Царь, давно зная об уме этого человека, о его сообразительности и находчивости в делах этого рода, сильно боялся как за себя {490} самого, так и за все государство, и думал, что его нападение будет успешнее, чем если бы напали скифы и все народы. Против полков иноплеменных врагов он мог выставить единоплеменные города, естественно питающие отвращение к ним по различию вероисповедания; но война с единоплеменником и единоверцем исторгала у царя с корнем и эту надежду, и отнимала у него всю бодрость,— он только что у ворот дворца не видел вражеского огня, устремляющегося отовсюду, и с суши и с моря. Впрочем, хотя и отчаивался, однакож принимал, какие мог, меры, возложив всю надежду на Бога. Так он и всегда поступал; это, так сказать, сроднилось и сжилось с ним; обнаруживалось же особенно при больших несчастьях. И так, прежде всего он укрепил величайшими башнями царский дворец и ворота; кроме того сложил там запасы хлеба, которых стало бы на долгое время и для гарнизона, и для него самого, в случае надобности;— он воображал, что вражеский дым проникнет и в царские палаты. Потом, намереваясь отправиться в Македонию, чтобы личным присутствием пригрозить тамошним городам, тайно замышлявшим измену, он поставил преемником патриаршеского престола, по смерти Исайи, Иоанна, происходившего из города Апров ¹ и в то время имевшего сан священника в придворном клире. Ему- {491} то пред лицом Бога, вручает царь среди великого храма св. Софии супругу-государыню и детей, поручая ему быть для них попечителем и хранителем после Бога, если государству приключится какое-нибудь неожиданное бедствие. Сделав это, он со всею поспешностью поехал в Македонию, не взяв с собою никакого войска; так как все уже стали для него подозрительными, кроме одних самых верных домашних слуг и великого доместика Кантакузина, которого время выдвинуло из ряда всех других, как человека единомысленного и преданного царю, который возбуждал к себе расположение не только царя, а и всякого. Но нужда часто бывает изобретательна. После долгих размышлений, наконец царю пришло на мысль, что меры благоразумия и хитрости оказываются гораздо действительнее оружия в большей части случаев, особенно же во время бранных тревог. Здесь он перенесся мыслью к делам древних,— к тому, как легко Дарий Мидянин чрез Зопира взял неприступный Вавилон,— как Антигон, могущественнейший из Александровых преемников, был много раз побежден Евменом, вышедшим также из знаменитой школы Александра и чрез упражнения в ней сделавшимся искуснейшим полководцем, и как он, быть может, был бы лишен Евменом не

¹ Кантак. кн. 2, гл. 24.

¹ В 1333 г. Boivin.

только своих сил, а и самой жизни, если бы не действовал на этого человека издали, посредством хитростей и тайных козней,— как {492} еще прежде их афинянин Фемистокл истребил огромный флот мидян, употребив в дело хитрые и коварные слова, когда не мог сделать ничего другого. Когда царь находился в таком раздумье, к нему приходит один из сенаторов, Сфранц Палеолог, и, отведши его в сторону, начинает тайно говорить с ним о предмете настоящих забот; на обещание же богатства и славы, данное царем, отвечает обещанием, что, прикинувшись беглецом, убьет Сиргианна. Прошло после того немного дней, и в окрестностях Фессалоники, где тогда находился царь, разнеслась молва, будто Сфранц Палеолог, распродав весь свой скот, сколько его было, с полными руками ушел перебежчиком к Сиргианну. Царь, услышав об этом и притворясь ничего не знающим, послал описать его дом, а его жену приказал с позором провести по площади. Это обстоятельство больше всего расположило Сиргианна принять Сфранца без всякого подозрения и считать его наилучшим своим советником. Некоторые из преданных ему людей тайно много раз писали ему из Фессалоники и Веррии: «не с добрым умыслом отправился к тебе Сфранц; он пошел убить тебя». Но Сиргианн не верил им, и, взяв с Сфранца страшную письменную клятву пред божественной и святой трапезой, во время совершения божественной литургии, оставался затем вместе с ним и обращался без всякого подозрения и страха. Ему следовало за то, как {493} он некогда пострадал с другими, и самому потерпеть тоже,— доверчивостью к ложным клятвам поплатиться за собственное клятвopеcтyпничecтвo, которым он оскорбил деда этого царя, царя Андроника, и, можно сказать самого Бога, потому что клятвopеcтyпничecтвo делает человека виновным в презрении к Богу. Мы уже говорили выше, как он посеял раздор между двумя царями и сделался главным виновником всех последних смут. Король уже в половине лета, взяв войска, последовал за Сиргианном, прямо направившимся к Фессалонике; к ним легко присоединялись встречавшиеся на пути города и области,— один потому, что давно желали правления Сиргианнова, другие потому, что боялись за колосившийся хлеб, так как тогда была пора жатвы. Между тем Сфранц, желая известить царя о своих действиях, а вместе избежать подозрения в глазах Сиргианна, придумал средство очень замысловатое и дьявольски хитрое. Пришедши к Сиргианну, он сказал, что у него с двумя лицами имеющими свободный доступ в спальню царя, заключены условия, по которым они обязались, при первом удачном случае, умертвить царя; поэтому ему нужно послать напомнить им об условиях. Получив на это дозволение, он чрез посланных известил царя о своих действиях. Известие состояло в следующем: привести в исполнение свой замысел, так чтоб и самому остаться вне опасности, он {494} не имел возможности; потому что Сиргианн ночью и днем окружен многочисленною толпою и никогда не остается один. Нужно поэтому поставить несколько воинов досмотрщиками в предместьях Фессалоники, чтобы они, заметив приближающиеся с Сиргианном войска, приняли меня, когда я побегу из лагеря к городу, прежде чем, быв узнан, погибну, ничего не сделав. Постыдно, после долгих выжиданий, возвратиться с пустыми руками ²; но еще постыднее, после долгих выжиданий, не только ничего не дожидаться, а еще оставить жизнь у неприятельского порога. Сиргианн, выступив вместе с королем и военными силами, без труда, одной молвой о себе покорял все. Он готов был подступить уже и к самой Фессалонике; фессалоникийский народ с нетерпением ждал его прихода и положил, отворив ворота, беспрепятственно впустить его в город; а царь терзался в душе тяжелыми заботами, терялся от мыслей, толпившихся в его голове и приводивших его в отчаяние, и из глубины души пламенно просил себе божественной помощи; он то ободрял себя надеждою, памятуя обычное человеколюбие Божие к нему, то совсем падал духом и предавался отчаянью. Впрочем он выслал за стены тридцать досмотрщиков согласно с предуведомлением Сфранца; при самом же входе в при-{495}стань он имел легкую на ходу трииру,— на нее он рассчитывал, по возвращении Сфранца ни с чем, перебраться поспешно вместе со всеми своими, и, можно скорей, отплыть в Византию. Между тем войска Сиргианна очутились неподалеку, и расположились лагерем не более, как на шестьдесят стадий от крепости, с намерением, по-видимому, на следующий день сделать к ней приступ. Сфранц совсем было отчаялся в выполнении того, о чем так хлопотал, и стал заботиться об одном лишь побеге. Придумав для этого предлог, он приходит по обыкновению к Сиргианну и говорит ему, что

² Ἀισχροῦ; ὃν γὰρ ἵ; ὥς, δηροῦ; ὃν τε μένειν κενεόν τε νέεσθαι. Hom. II. β'. V. 298. Ducang.

хочет, немного отойдя от лагеря, осмотреть часть крепостных стен, защищены ли они вооруженными людьми или нет. Тот, не подозревая в его словах никакого злого умысла, сказал: «ступай, за тобой я пойду и сам». Сфранц пошел вперед с двумя служителями, которые знали о его убийственном замысле. А Сиргианн отправился один, как будто сам Бог отнял у него разум в то время, когда он воображал, что достиг уже всего. Когда они отошли от лагеря стадий на двенадцать, то, обратившись назад, увидели, что сверх всякого чаянья сама судьба доставляет им желанный случай. Они окружили Сиргианна и изрубили мечами; а сами тотчас же, прежде чем кто-либо узнал об этом в лагере, бегом ушли в крепость. На другой же день, король отчаявшись в успехе своего дела, за-{496}ключил мир, которого просил царь, виделся и беседовал с царем, выходявшим к нему из крепости, и, приняв от него некоторые подарки, удалился домой. В таких-то делах прошел этот год.

8. На следующий год ¹ из старого Рима прибыли два епископа, посланные папою для переговоров о мире и единомыслии Церквей. Многие из народа тотчас же воспламенились ревностью не по разуму, принялись легкомысленно и без меры кричать, и самого патриарха принуждать к состязанию. Но патриарх уклонялся от состязания потому, что как сам не имел дара слова, развитого упражнением, так и о большей части епископов знал, что они живут в полнейшем невежестве. Поэтому раздумывая о том, как бы успокоить народное волнение, он нашел нужным пригласить для состязания и нас, имевших язык изощренный упражнением в красноречии, хотя и не числившихся в списке священных лиц. Я сперва настаивал и убеждал патриарха молчать и принять важный и глубокомысленный вид, будто считает не заслуживающим ни одного слова вызов латинян, так как бы здесь не было и нужды в дис-{497}путах. Но потом исходя, что полное молчание не может не показаться подозрительным и что оно поведет людей светских к разнообразным и противоречивым толкам, особенно же тех, которые не привыкли сдерживать свою мысль и свой язык, я, в частном собрании патриарха и некоторых ученых епископов, высказал им свою мысль об этом предмете, изложив ее почти в таких словах. «Что касается до меня, то я совершенно готов со всем рвением вступить в состязание; у меня вооружен уже не только язык, но еще прежде его та сила духа, которая служит корнем и источником слова, началом сообщающим тому, что говорится, определенное направление и значение. Но видя, что многие прежде времени и без нужды дают свободу своему надменному и гордому языку, воображая, что стоит только им захотеть, чтобы по их желанию тотчас расположились и времена и обстоятельства, я начиная бояться, как бы не пришлось им, когда настанут время и нужда, оказаться беглецами с поля битвы, после того как сами добровольно выдадут оружие своим противникам. Да и нет ничего удивительного, если там, где честолбие, поддерживаемое неопытностью, ни на что не обращая внимания, выступает из границ благопристойности, конец дела будет соответствовать своему началу. Эти люди, кажется, не понимают, что не от языка зависят счастливые обстоятельства, а от обстоятельств {498} получает силу язык,— что хотя трубы тирренской ¹ ни один человек не перекричит, однако и она, вместе с воздухом, ударяющим в нее слабеет и теряет силу улаживать слух, а наконец уже не издает ни одного, сколько-нибудь сильного, звука. Что людям отличающимся глубокою рассудительностью не свойственно увлекаться необдуманными порывами и тем накликать на себя опасности,— это для всякого, думаю, ясно, да мы еще и разясним. В самом деле, как в том случае, когда два войска вступают в сражение, одно из них, действуя благоразумно, уничтожает силу другого, действующего нерассудительно, и наоборот; так и здесь. Если и мы, не обдумав хорошо и обстоятельно предмета рассуждений, столкнемся с своими противниками; то и нам, к стыду нашему, придется испытать то же, что испытывают люди необдуманно принимающиеся за дело. Пусть никто не говорит, что часто многие одерживали победу и получали трофеи, благодаря неудержимой стремительности речи, при которой нет времени обсуживать то, что попадется на язык. Во-первых, случайность нельзя принимать за постоянное правило и закон действий. Затем, мы знаем, что движение не рассчитанное не включает в себе самом задатков победы:

¹ В 1333 г. Папа Иоанн XXII отправлял в Византию двух послов для переговоров о соединении Церквей. Здесь об них-то и говорится. Это были Франциск de Camerino, архиепископ босфорский, и Рикард, епископ херсонесский. Vid. Annal. ecclesiast. Odorici Raynaldi, ad an. 1333, num. 17, 18, 19, it. adan. 1334 num. 4. 5.— Boivin.

¹ Медная труба, как говорят, изобретенная тирренцами или этрусками. Virg. I.8, Aen. V. 526:

Tytrenusque tubae mugire peraequora clangor.— Hofm. leci.

только тогда, {499} когда особенная нерассудительность противников сверх ожидания доставляет возможность другой стороне действовать с полной отвагой, только тогда и глупые действия могут оказаться по своим последствиям умными. Если говорить о случайностях, то часто случается и так, что обдуманнные планы одной стороны дают ей верх даже над такими противниками, которые, по-видимому, тоже хорошо обсудили свое дело. Конечно: так как будущее неизвестно, может и с нами случиться что-нибудь подобное; но нам не следует случайность, сколько бы раз она ни повторялась, принимать за правило для себя,— особенно же теперь, когда дело идет о торжестве православия. Я хлопочу о том, чтобы добрым советом и самому послужить настоящей нужде, по мере возможности. Хорош ли будет мой совет или нет, предоставляем обсудить другим. Мы не законы хотим предписывать, не непререкаемые догматы излагать. Но, как водилось некогда в свободных городах, мы лишь считаем себя вправе представить здесь, как лепту с своей стороны, свои соображения насчет настоящего дела. Мы теперь намерены говорить вот о чем: о том, что следует запретить всякому по собственному усмотрению и желанию вступать в состязания и споры с теми, которые прибыли из Италии,— что с ними не следует вступать в прения даже лицам удостоенным первосвященнического сана, прежде чем они между собою обдумают цель состязания. {500} Им ведь известно, что всякое дело и всякое слово имеет цель, с которою и следует соображать действующему и говорящему свои слова и дела. При упущении же этого правила из виду, грозит опасность, что все хлопоты и труды окажутся напрасными. Так пловец не о том заботится и не то имеет в виду, что делает, но больше — цель, ради которой что-либо делает; он выводит свой корабль из пристани не за тем, чтобы подвергать свою жизнь опасности от волн и бурь, но чтобы получить барыши; равным образом стрелок стреляет не для стрельбы: но с целью ниспровергнуть противника. А здесь я не вижу: для какой выгоды и для какой цели стал бы всякий вступать в состязания когда:— дело решенное,— ни мы никогда не согласимся с их мнениями, ни они с нашими, хотя бы утверждали это все камни и все деревья. Притом в высшей степени нелепо и противно здравому смыслу вот что: олимпийские борцы и состязатели в скорости бега или те, которых изобличают в воровстве, все они имеют у себя элланодиков и неподкупных судей для того, чтобы требование правосудия не было как-нибудь пренебрежно, особенно же, чтобы их спор не оставался долго неконченным, при отсутствии у них меры или правила, по которым бы можно было решить дело; а те, которые хотят спорить о предметах божественных и пробежать это длиннейшее поприще, с опасностью как для своих душ, так и для тел, не име- {501} ют у себя никакого судьи, который бы, взвесив доказательства той и другой стороны, одни признал бы победоносными, а другие отверг бы, как пустые, слабые и выходящие из области истины. Они находятся в положении тех людей, которые, споря между собой из-за поземельных границ, сперва стараются порешить дело бранью, а потом за решением дела обращаются к рукам и кулакам, причем верх остается за тем, кто или разобьет другому голову камнем, или смертельно поразит другую часть кулаком, или даже вонзит нож в бок своему противнику и отправит его на тот свет. Впрочем если мы, составляя две спорящие стороны, не можем найти себе третьего лица, которое было бы правдивым судьей в нашем общем деле, и если поэтому которой-нибудь из сторон должно непременно принять на себя дело суда; то следует нам быть их судьями, а не им нашими. Это потому, что наше догматическое учение исповедуется одинаково православно обеими сторонами, и нами и ими; а допущенные ими нововведения, прибавления и уклонения от благочесия представляются безукоризненными только для них одних, но отнюдь не для нас. Таким образом пока еще не решен вопрос, — нужно ли нам разделить с ними их нововведения, наше дело судить и произносить приговор, а не их, подлежащих ответственности. Если же они величают себя преемниками и наследниками седалища великого Петра и это свое {502} преимущество бросают в нас, точно тучи молнии, воображая, что мы без всякого рассуждения должны последовать их мнениям; то об этом беспокоиться не следует. Они заслуживают презрения и отвращения с нашей стороны,— тем более, что поступали недостойно досточтимого престола. Петр заповедал Клименту и будущим своим преемникам проповедывать не то, что они захотят, но вязать, что должно вязать, и решить, что должно решить. Между тем они, преступив постановления и определения всех святых соборов, сделали то, что им одним вздумалось. Притом несправедливо пренебрегать добрым обычаем, издревле утвердившимся и издавна получившим силу и от царей и от учителей Церкви. Дело

известное: в Церкви на тот случай, когда грозят ей какие-либо волнения из-за догматов, существует обычай — общим решением и определением созывать поборников Церкви, не только тех, которые для евангельской проповеди в разных странах занимают митрополии, но и тех, которые облечены в патриарший сан, разумею предстоятелей Церквей александрийской, иерусалимской и антиохийской; в случае отстранения этих лиц, откроется между нами свободное место волнениям и раздорам, и весна Церкви легко превратится в зиму. В самом деле, если некогда Феодорит, епископ кирский, будучи один, не имея патриаршеского сана, не занимая даже почетного престола, развел такой {503} огонь споров, что множество епископов, собравшихся из Европы и Азии на ефесский собор долгое время чувствовали дым от этого огня; то не гораздо ли легче большинству отсутствующих епископов и патриархов напасть с укоризнами на наше небольшое число и поднять против нас пламя споров? С другой стороны, спорящие обыкновенно считают необходимым орудием для предполагаемой ими цели силлогизм, как плуг для земледельца и весло для пловца. Мы знаем, что итальянцы больше всего дорожат этим. Но мы с своей стороны находим, что силлогизм не имеет места ни как научное доказательство, ни как логический вывод там, где идет вопрос о Боге и о божественной Живоначальной Троице. В самом деле, если для научного доказательства нужны положения общепринятые, не требующие себе подтверждения и более имеющие достоверности, чем самый вывод из них, а такие положения приобретаются чрез наведение, ощущение, или опыт; то понятно, что здесь нельзя прибегать к силлогизмам и научным доказательствам. Учение о божественных предметах не подходит под наши теории и недоступно для нашего разумения, что засвидетельствовано как нашими богословами, так и языческими, и в числе последних особенно Платоном, сыном Аристона. «Бога, говорит он, понять трудно, а выразить невозможно». Это краткое изречение Платона великий Богослов Григорий в словах своих о Богословии поправляет так: {504} «а по моему мнению, выразить Бога невозможно, а понять еще невозможнее ¹. Понятое язык легко выразит, если не с значительною, то с некоторою ясностью для человека, у которого не совсем поврежден слух и не совсем туп рассудок. Но понимание этих предметов совершенно недоступно и невозможно не только для умов тупых и поникших долу, но и для умов возвышеннейших и боголюбивейших, как и для всякой рожденной природы, для которой этот мрак, эта грубая плоть служит препятствием в постижении истины. Доступно ли оно для горних разумных природ,— этого я не знаю. Если же так, то ни рассуждающий об этих предметах не понимает в них ничего, ни спрашивающий об них не поймет того, что услышит. Таким образом очевидно, что научный способ рассуждения о предметах не принесет здесь никакой пользы. А что бесполезна здесь и диалектика с своими вероятными и сомнительными посылками; для объяснения этого, мы обращаемся к следующим замечаниям. Григорий Нисский говорит, что способ подтверждения наших догматов посредством диалектики, методами силлогистическим и аналитическим, как способ неверный и набрасывающий тень подозрения на истину, мы должны оставить ². {505} Всякому очевидно, что употребление диалектики дело обоюдное, которое может служить столько же для извращения истины, сколько и для изобличения лжи. Отсюда происходит, что самая истина, когда доказывают ее с помощью диалектического искусства, часто становится подозрительною, как бы диалектические уловки затемняли мысль и сбивали истину с прямого пути. Но кто говорит без предварительного приготовления, не прибегая ни к каким прикрасам для своей речи, с тем мы готовы рассуждать, по мере сил представляя ему учение о божественных предметах по руководству священного Писания. Если же окажется для нас необходимость ратовать против них и писаниями святых отцов; то без особенного приготовления будем пользоваться и этими писаниями, особенно же ясными, заключающими в себе очевидный и непререкаемый смысл, а не загадочными, не такими, которые по обоюдности в них подлежащих, и по причине неопределенности и двусмысленности слов и выражений могут быть истолкованы на множество ладов. Да, мы встречаем много темных мест в св. Писании, и это очень естественно. Как царские чертоги и все вещи священные и пользующиеся благовейным уважением людей скрываются за несколькими завесами, чтобы, при открытом и свободном доступе к ним, не сделались они

¹ 2 Слово о Богословии.

² Эта мысль изложена у св. Григория Нисского в его 2 книге против Евномия.

предметом кощунства и посмеяния для черни; так точно и в священном Писании, особенно там, где излагается {506} какое-либо таинственное учение, есть множество таких мест, которых смысл скрывается, как бы под завесами, под словами, заключающими в себе много мрака и своею темнотою служащими для тайн покрывалом и шатром, окружающим их отовсюду ¹. Мы знаем, что и святые отцы, — напр., Василий и Златоуст, Максим и Кирилл, советуют не всегда понимать слова и речения в том смысле, какой они имеют обыкновенно и какой представляют с первого раза, и не всегда держаться буквально выражений, но вникать в основную мысль подлежащего вниманию писания, исследовать, как должно, его цель и назначение и соображать его с теми отношениями, какие оно имело в свое время к лицам и обстоятельствам. И Григорий Богослов ² говорит, что некоторые, воображая, что названия выражают сущность дела, приходят к мыслям совершенно недостойным предметов божественных. При такой разности в значении и лиц и названий, по которой одни и те же слова прилагаются к различным и неодинаковым предметам, так что иначе их нужно понимать, когда речь идет о Боге, и иначе, когда о рожденной и скоропреходящей природе, кто в состоянии установить их значение как следует? Если те святые отцы, органы Духа, {507} превзошедшие всевозможною человеческою мудростью всех людей, если они, как оказывается, в изъяснении священного Писания часто разногласили между собою, даже иногда противоречили друг другу, потому что божественные и возвышенные мысли ограждены густым мраком и как бы крепкими, адамантовыми пропилями; то что сказать о другом ком-либо, кто не имеет их человеческой мудрости и в тоже время подавлен этою грубою привязанностью к чувственному? Чтобы не распространяться, указываю на одно место: «Господь созда мя в начало путей своих» (Притч. 8, 22). Божественный и великий Василий говорит, что здесь сказано о премудрости, являемой в мире, так как она только что не подает голоса чрез видимые вещи, что они произошли от Бога и что такое мудрое их устройство явилось не само собою ³; как и Давид говорит, что небеса поведают славу Божию, не издавая голоса. А великий Богослов Григорий эту речь относит к лицу Спасителя и, объясняя по порядку это место, все, что находит имеющим причину бытия, относит к Его человечеству, а что несложно и беспричинно, приписывает Божеству ⁴. Но эти му- {508} жи, будучи сосудами Духа и имея в виду одну и ту же цель, таким разногласием, как бы разными путями, ведут к одному и тому же концу, именно — благочестивому и спасительному. Представители же чуждых нам ересей, пользуясь темнотою в Писаниях, святотатственно раздирают их и увлекаются в бездну богохульства. Итак, если и нам встретится надобность в настоящее время вооружить свой язык на противников, то, как мы сказали, нам нужно пользоваться не такими названиями, которые заключают в себе множество разнообразных смыслов, но такими, которые бесспорно и в одном значении принимаются обеими сторонами и которые сами собою наводят на мысль, что их следует понимать в самом простом смысле; потому что священное Писание представляет в изобилии места и такого рода. Но так как нам в настоящем случае в этом нет надобности, потому что мы стоим на прочных и непоколебимых основаниях, именно, на словах евангельских и на святом символе Веры, издревле составленном святыми отцами (такие определения и постановления имеют значение истины непререкаемой и не требующей никаких доказательств); то мне представляется приличным отвечать на их сварливые возражения и опровержения скорее молчанием, чем словами. А если бы кто возразил на это тем, что святые отцы в таких случаях часто прибегали к силлогизмам; то ему я сказал бы, что его {509} ссылка на отцов не идет к делу. Святые отцы делали это не для того, чтобы показывать, что такое Бог по своей сущности, что такое рождение Сына и что исхождение Духа, но скорее для того, чтобы остановить бесчинно вторгающихся в Богословие. Если это не так, то пусть скажет мне какой-нибудь возражатель, с какою целью великий Богослов Григорий, отвечая лицам, пытливо спрашивавшим у него о рождении Сына и об исхождении

¹ Снес. Иов. гл. 22, ст. 14: *облак покров его, и не увидим будет*. Boivin.

² См. Письм. к Евагрию о Божестве. Подлинность его подвергается сомнению.

³ Св. Василий во 2-й книге против Евномия понимает это место не так; он слово *созда* принимает в смысле рождения Ипостасной Премудрости Божией. Быть может, Григора имел в виду то, что говорится от имени Василия в 4-й книге против Евномия, в объяснении слов: *Господь созда мя* и пр., — в 4-й книге, подлинность которой сомнительна.

⁴ См. 4 Слово о Богословии.

Святого Духа, употребил такой оборот речи: «объясни ты мне, говорит он, нерожденность Отца, и я раскрою тебе свойства рождения Сына и исхождения Духа, и оба мы будем безумствовать, желая проникнуть в тайны Божии. Нам ли решаться на это, нам ли, которые не можем знать даже того, что под нашими ногами, не можем сосчитать ни песка морского, ни капель дождя, ни дней века! Где же нам проникнуть в глубины Божии и обнять разумом неизреченную и непостижимую природу» ¹! И немного ниже, когда противник его просил у него примера и подобия и говорил: «дай мне из одного и того же и Сына и не Сына и потом единосущие, и тогда я допущу Бога и Бога»; Григорий отвечал так: «дай мне и ты другого Бога и природу Божию; тогда и я дам тебе одну и ту же Троицу с одними и теми же именами и делами. Если один Бог и если поэтому одна высочайшая {510} природа, откуда возьму я тебе подобие»? Подлинно, стыдно, да не только стыдно, а и крайне нелепо с предметов дольних брать подобие для предметов горних, и с природы изменчивой для предметов неизменных и, как говорит Исайя, искать живого между мертвыми. Поэтому-то Григорий и в другом месте ² говорит: «оставаясь в наших пределах, мы вводим Нерожденное, Рожденное и от Отца Исходящее, как сказал Сам Бог Слово». В этих словах высказано не желание исследовать тайны, а старание страхом отклонить от их исследования безумно решающихся на опасное дело. В самом деле, что другое хотел этим сказать тот, который говорит, что у людей нельзя найти даже названий приличных божественной природе? «Если, говорит он, последнее из того, что может быть постигаемо — ψυχή и λόγος, не имеет для себя точных имен, но душа (ψυχή) называется женским именем, хотя не имеет природы женской, а ум (λόγος) называется именем мужским, хотя не имеет природы мужской; то как мы можем сказать, что называем точными именами то разумное Существо, которое первее всего и превыше всего» ³? Таким образом, когда над нашим разумением понятий и названий распростерт такой мрак ночи, кто в силах будет рассуждать об них? А ес- {511} ли бы кто взялся за это, тот вдвойне погрешил бы: и тем, что ничего не знает в этих вещах, и тем, что не знает о своем незнании. А человек незнающий, когда и как должно рассуждать, когда придет время, окажется не в состоянии сообразить, о чем и как следует ему рассуждать. Если же ему и удастся сказать что-нибудь, слушатели будут подозрительно смотреть на его слова и будут его остерегаться, узнав в нем человека простого и неисправимо глупого. Может быть, и святые отцы отвечали бы полным молчанием на нелепые споры известных лиц, если бы только не были поставлены в крайнюю необходимость опровергать их, видя, что народ легко может увлечься то тою, то другою появляющеюся ересью, будучи еще недостаточно тверд в вере. Но теперь, когда народ так тверд и крепок в вере, что скорее железо изменится в своих свойствах, чем он допустит незначительное отступление от отеческих догматов; какая нужда в прениях, не имеющих принести никакой пользы? Да, кстати воскликну словами Апостола: я уверен что ни смерть, ни жизнь, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не разлучит его (Рим. 8, 9) с отеческими законоположениями и догматами! Еще пусть бы уже латиняне впервые нас беспокоили своими предложениями; тогда, быть может, мы и сами охотно вступили бы в состязание, с Божиею {512} помощью. Но так как все это уже исследовано, как должно определено и давностью времени вполне утверждено, и так как они, приходя к нам много раз, столько же раз были и отвергаемы; то по какому праву мы будем теперь поднимать то, что прекрасно положено древле и трудиться попусту над повтореньем одного и того же? Для них это, конечно, не тягостно и даже очень желательно. Сменяя одни доказательства другими, которые льстят им и всегда обещают хорошее, они добиваются или нанести нам, врагам своим, когда-нибудь поражение и тем смыть с себя древний позор, или же с обычною им надменностью разлиться на соборе потоком слов, и потом, вышедши оттуда, всюду бесстыдно распускать ложную молву, как они одержали победу; такова их мелочность! Но мы не должны выдавать на посмеяние свое достоинство и допускать то, что выгодно нашим противникам, но скорее делать то, что выгодно нам. Греки, принадлежавшие к школе Пифагора или Епикура, считали-до такой степени священными и непререкаемыми их положения и определения, что каждое слово их принимали в молчании, ни в мысли не

¹ См. Слово о Св. Духе.

² См. 3 Слово о Богословии.

³ К Евагрию о Божестве.

допуская сомнения, ни на словах не выражая какого-либо противоречия. После этого не было ли бы крайнею неблагодарностью с нашей стороны не принимать без доказательств божественных законов и догматов, преподанных нам вождями нашей веры и благочестия, не ограничивать-^{513}ся положенными пределами и терпеть учителей посторонних, сомневающих, пытливых и раздробляющих мысль на мелкие части, подобно тому, как поступают неприятели с награбленной добычей. Притом надобно иметь в виду и то, что творениями святых отцов следует пользоваться не без разбора и не всеми одинаково. Некоторые из них написаны для назидания и руководства, применительно к известным лицам и обстоятельствам, хотя и все они благочестивы. Некоторые имеют характер догматический, другие панегирический, а иные полемический. Из них сочинения полемические, как написанные применительно к известному времени, не следует прилагать к другому. Точно так, если бы кто-нибудь, сражаясь с неприятелем и все свое внимание обращая на меч и щит, вытолкнул из ряда своего же воина стоящего впереди; то этого дела нельзя было бы ни принять за закон, ни вменить в вину тому, кто его допустил; потому что его мысль необходимо была обращена на другой предмет, и он не имел возможности вести дело как-нибудь иначе. Как не следует поступать с сочинениями полемическими, точно также — и с сочинениями панегирическими и ставить их для себя законом; потому что словесное искусство позволяет в похвальных словах говорить, что угодно. Что же касается догматических и истолковательных творений отцов, то им должно следовать безусловно и смело, и пользо-^{514}ваться ими в деле веры, как законами и основаниями. Таким образом я, как итальянцев оуждаю и порицаю за то, что они дерзко и надменно вторгаются в область Богословия; так точно называю постыдным и легкомысленным поведение тех из нас, которые делают противное тому, что хвалят, и почти тоже самое, что порицают. Если они дерзки и наглы в отношении к этим предметам, то не значит, что и мы должны так вести себя; если они уклонились от правого пути, то не значит, что и нам следует не обращать внимания на то, что постановлено для нас правилом. Нет, твердо стоя внутри положенных пределов, мы должны отражать от себя эти крики, как неподвижные скалы отражают ударяющиеся в них волны. Я боюсь, чтобы, бежа от дыма, не попасть нам в огонь богохульства. Древние греки рассказывают о Платоне, что когда он прибыл к сицилийскому тирану Дионисию, а на стенах дворца лежала слоями пыль, тогда очень многие принялись за черчение геометрических фигур. Тоже самое, только в другом виде, делается теперь у нас. Теперь тайны Богословия открыты для самых ремесленников, и все ждут силлогистических прений также нетерпеливо, как скот молодой травы и лугов. И те, которых православие сомнительно, и те, которые не знают ни того, как должно веровать, ни того, что значит веровать, наполнили богословствованием площади, гульби-^{515}ща, и все театры, и не стыдятся этого солнца, делая его свидетелем своего бесстыдства. Можно ли вообразить нелепость больше этой? В древности, когда догматы еллинов имели силу, существовал особый класс лиц, хранивших эти догматы; тайны, поверенные делфийским богословам, не позволялось выдавать и поверять никому, хоть бы это был Сократ, Платон или другой какой-нибудь известный и знаменитый мудрец. А у нас, исповедующих таинства истинной Веры, с божественными предметами обращаются без всякого благоговения и, кто бы ни захотел богословствовать, всякому это доступно, и всяк сам посвящает себя в богословы! Между тем великий Богослов Григорий заповедует, чтобы мы также боялись касаться языком Богословия, как боимся касаться руками пламени. Поэтому он часто делает оговорки, в которых показывает, что как сам неохотно берется рассуждать о Боге, так не одобряет и того, кто смело берется за это дело. «Не похвально, говорит он, самое желание, но и предприятие страшно»¹. Он приводит в пример и Озу, который некогда погиб, дерзнув только коснуться кивота; так, замечает он, Бог охранял святыню кивота. Если и царь тотчас исключит из списка живых того подданного, который осмелится дерзко надеть на свою голову царский венец; ^{516} то каких громов и молний не заслуживает тот дерзкий, кто так неблагоговейно обращается с Богословием! Я хочу привести здесь небольшой рассказ из давно минувшего времени, который будет здесь очень кстати. Говорят, что Александр Македонский однажды, чтобы отдохнуть и насладиться, после долгих походов и великих побед, сел на трииру и поплыл по Евфрату, осматривать местность. В это время нечаянно как-то на самой середине

---

¹ Слово о догмате и поставлении епископов.

реки упала в воду с его головы царская калиптра. Тотчас один гребец бросился вплавь и схватил ее; но так как ему неудобно было вместе и плыть и держать в руке калиптру, то он надел ее на свою голову, и так доставил царю. Царь за спасение царской калиптры подарил ему талант, но за то, что этот человек недостойно надел ее на свою голову, лишил его головы. Если человек не потерпел в живых человека, возложившего на свою голову его калиптру и не позволил ему далее наслаждаться; все освещающею небесною лампадою; то что сказать о тех людях, которые так бесстыдно вторгаются в область богословия, и не могут ни изгонять демонов, ни рассекать море, ни изводить потоки воды из камня, чтобы по крайней мере этим убеждать толпу и привлекать ее на свою сторону? Я счел нужным сказать то, что нашел полезным. Если в моих словах слушатели найдут что-нибудь достойное внимания, за то благодарение Богу, Подателю всякого бла- {517} га. Если же нет, то нужно поискать чего-либо получше». Сказав это, я увидел, что с моими словами согласны все ученейшие епископы, и в числе их особенно замечательный епископ диррахийский, который выдавался из ряда других епископов и сединою и острым умом и величием души, украшая ученостью добродетель и добродетелью ученость. Им решили последовать и те епископы, которые не были сильны в слове, они по необходимости должны были отказаться от споров.— В это время умер деспот Константин, схоронив с собою напрасные надежды народа.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ.

1. С наступлением следующего года турки, выстроив множество кораблей, не только стали нападать на острова, находящиеся на Егейском море и за Егейским, но стали также захватывать и грабить купеческие корабли. Они часто пускались и в Средиземное море, как будто оно принадлежало им, не встречая ни в ком сопротивления. Все это было губительно как для латинян, так и для византийцев и еще угрожало большими опасностями в будущем. Вследствие этого правители латинян с италь- {518} янским королем Карлом ², собрались для совещания об этом предмете, и все дали слово быть готовыми отразить неприятеля. Они отправили посольство и к царю, чтобы известить его об общем решении латинян и склонить и его вместе с ними подняться за общее дело, а не оставаться в бездействии. Невозможно, говорили они, выносить тех бедствий, какие варвары изо дня в день наносят и римлянам и латинянам и какие обещают еще нанести. К тому же нелепо и свойственно одним глупым людям,— когда есть возможность богатства, какие ежегодно грабят у нас варвары, употребить на построение флота и для отражения врагов, добровольно отдаваться очевидной и несомненной опасности, и вместе с своими богатствами, так сказать, толкать и себя в пропасть. Посольству они поручили в заключение всего сказать царю: если и ты не поднимешься вместе с нами для отражения общего врага, то мы не замедлим и с тобой воевать, как с врагом. Это поставило царя в необходимость принять участие в общем деле. А так как царская казна была скудна, то он в скорейшем времени отправил в македонские и фракийские села и города сборщиков податей, хотя эти села и города были сильно изнурены то разными поборами, то ча- {519} стыми набегами с одной стороны турков, с другой болгар. Между тем в течение всей этой зимы чинили старые корабли и строили совершенно новые. К концу весны царь изготовил к отплытию двадцать кораблей, и изъявил желание быть начальником флота, тогда как супруга государыня и все другие отклоняли его от этого на том основании, будто тем роняется царское величие. Но царь как в других случаях считал за честь себе действовать самому; так точно и здесь, и обнаруживал в себе сильное рвение побывать в сражении. Впрочем он не трогался и поджидал прибытия латинских сил. Но латиняне, занятые только что открывшимися у них волнениями и смутами, не принимались за выполнение своих обещаний и оказались лжецами. Родосцы же ¹, жители приморской Фокеи, лежащей близ Смирны, а с ними и правитель

² Григора ошибается. В то время, когда латинские государи, по совету п. Иоанна XXII, согласились действовать соединенными силами против частых нападений турок на владения христиан, т. е. в 1326 г., царствовал в Италии Роберт. Ducang.

¹ Т. е. рыцари орденов Иоанна Иерусалимского, отнявшие у турков Родос в 1310 г. Ducang.

Кикладских островов ², тайно условились напасть на римские острова и самый флот царя, боясь, быть может, чтобы царь, оставив других, не обратился на них. Поэтому с пятнадцатью кораблями они устремились на остров Лесбос и, хотя не могли пока взять всего острова, но неожиданно ворвались в митиленскую гавань и тогда же взяли город, воспользовавшись изменою. Но когда родосцы и правитель Киклад- {520} ских островов хотели было разграбить деньги, а также разделить между собою и другое достояние лесбосцев, начальник фокейцев, Катан, употребив в дело какую-то хитрость, ввел в Митилену свой гарнизон и завладел ею, обманув своих союзников. Он рассчитал, что отсюда легко может завладеть и всем островом без союзников; так как у него одного войска было более, чем у них обоих. Он один привел с собою восемь триир, наполненных генуезцами. Родосцы же привели четыре корабля, правитель Кикладских островов остальные. И так, он тогда же выгнал жителей митиленских из их родного жилища, а свою жену и детей вызвал из Фокеи сюда, оставив, в Фокее достаточный гарнизон. Фокея была его наследство, перешедшее к нему от предков, которым была отдана царем, дедом этого царя, в управление и для пользования доходами с нее. Они от времени до времени, получая преемственно над нею власть, скрепляли свое право новыми царскими грамотами, чтобы длинный промежуток времени не заставил царя, забыть об этом праве. Катан, видя, что дела римлян в дурном положении, сделался смелее в своих отношениях к царю и стал пренебрегать своими обязанностями. Но он опасался нечаянного прибытия царя; поэтому обставлял себя, как мог, и хитрил, простирая виды на Митилену. Когда же, представился случай, он и осуществил свое намерение. Родосцы, соединившиеся вместе с другими для взятия Митилены, узнав о бессовестности фокейца Катана, отправились домой. При таком положении дел, генуезцы, жившие в Галате, вследствие удачи Катана (он был генуезец) сделались более прежнего дерзкими и стали наносить римлянам крайние обиды и оскорбления. Из-за свободы от пошлин, которую они получили от первого царя, Михаила Палеолога, большая часть римского флота присоединилась к ним и приняла их обычаи. От того богатство латинян увеличилось, а богатство римлян уменьшилось. Вместе с этим генуезцы стали относиться к римлянам грубее, презрительнее и надменнее. Они окопались глубоким ровом и под видом постройки домов вывели крепкие башни; закупив же деньгами правительственных лиц, они получили полную свободу покупать виноградники и на ближайшем холме строить дома и обводить их великолепными стенами, чтобы, в случае даже войны с византийцами, им нечего было бояться и нечем было затрудняться. Но царь, как только услышал, что Митилена взята, и увидал, что земляки взявших Митилену сделались смелее, чем следует, и нарушают множество условий; нечаянно явился к ним и зажег их великие и крепкие здания, построенные на холме; в них оказалось много оружия — луков, стрел и т. п. Латиняне, сверх всякого чаянья увидев это, поражены были ужасом и перепугались до последней степени. Они думали, что царь в {522} тот же день сделает на них решительное нападение с своею необыкновенно большою морскою силою. Посему тайно стали вооружаться. Но, прождав до следующего дня и видя, что царь не предпринимает против них ничего больше, а всецело занят отплытием в Митилену, ободрились и объявили открытую войну. При этом они дерзко смеялись над византийцами и над самим царем; на своих стенах вывели деревянные башни; одни из больших кораблей погрузили на дно моря, а другие, вооружив, выстроили пред гаванью вместо укреплений и окопов. Но царь, не желая войной с ними развлекать своих приготовлений к другой войне, поступил в настоящих обстоятельствах великодушно и, вовсе не обращая на них внимания, со всем рвением готовился отплыть, собирая еще более сил. Но так как галатские латиняне уже целых семь дней были заключены в стенах, то им стала грозить опасность от своего же собственного народа, который не мог дальше терпеть выпавших на его долю лишений. Оказался недостаток как в воде, так и в зелени и огородных овощах. Торговые и бедные люди и те, которые живут барышом от ежедневной продажи, подвергаясь больше всех невыгодам такого положения, взбунтовались против латинских начальников. Поэтому последние присмирели и покорились царю, от которого и получили прощение в своей неуместной заносчивости. При начале кани- {523} кул, когда на Нижнем море начинают дуть сильные северные ветры, царь со всею морскою силою

² Николай Санут, который подписывался правителем Наккоса, иногда Эгеопелага. Vid. Hist. Franco-Byzant. I. 7, p. 20. Ducang.

поплыл в Митилену. У Катана было при Митилене семь триир. Увидав приближение морских сил царя в большом числе, нежели какого ожидали, две из них поспешили войти в гавань, а остальные пять, в отчаянии, причалили к берегу. Бывшие на последних триирах, бросив оружие, разбежались, и одни прибежали в Митилену, другие, сбившись с дороги, погибли от лесбосцев. Захватив эти пять кораблей, наполненных оружием и съестными припасами, царский флот вместе с царем поплыл к острову Хиосу, чтобы посадить на них гребцов и людей, которые бы могли сражаться с палубы. Но замедление у Хиоса послужило большою помехою видам и планам царя. Катан, получив свободу, укрепил Митилену, и поместил в ней сильное войско и большие запасы продовольствия. Кроме того, отправив в Фокею две, какие оставались у него, легкие на ходу трииры, старательно сделал и там тоже самое. После этого царь отплыл с своими силами к Фокее, пригласив к себе и правителя окрестных мест, Турка, о котором знал, что он уже давно зол на фокейских латинян, часто ему вредивших. Таким образом он окружил эту крепость и с суши и с моря, причем турки доставляли на трииры продовольствие в большом изобилии.

2. Между тем как царь с флотом нахо- {524} дился в отсутствии и во дворце поселилась большая свобода; некоторые из молодых людей составили заговор, надеясь, что к ним примкнут и галатские латиняне, вследствие недавних оскорблений. Целью заговора у них, как говорили, было захватить в свои руки верховную власть, если бы удалось убить сперва государыню и ее сына, царя Иоанна, а затем и всех, которые вздумали бы этому противиться. Но пока замысел их еще созрел и пока заговорщики хранили его в глубокой тайне, их затеи не укрылись от Кантакузины ¹, матери великого доместика, которую царь, отправляясь в морской поход, оставил при государыне, как женщину рассудительную, украшенную строгой нравственностью, богатую глубоким смыслом и чрезвычайно изворотливую в затруднительных обстоятельствах. Она одна вместе с несравненной государыней в высшей степени умно подавила это злое движение, прежде чем оно успело принять большие размеры, — конечно, не легко и не без труда, но все же подавила. Когда время приблизилось уже к зимним поворотам, латиняне, державшиеся в фокейской крепости, видя, что ни зимняя стужа не может одолеть настойчивости царя (морские силы вели осаду и днем и ночью, постоянно под открытым небом), — что на него не действуют также ни долгая разлука с домашними, ни лишение {525} удобств жизни, пришли в отчаяние, — тем больше, что почувствовали недостаток у себя продовольствия. Поэтому они отправили посольство к родосцам и просили последних не оставить их в опасности. Родосцы явились к царю посредниками и уговорили его снять осаду. Фокеяне тогда же выдали римскому союзнику, Турку, его сыновей, которых давно уже похитили у него и содержали в оковах. Дали также царю при свидетелях родосцах честное слово в том, что немедленно же отдадут ему Митилену и сделаются его подданными, по прежнему обычаю и по примеру их отцов. Таким образом, двинувшись оттуда со всем флотом, царь хотел было заехать в Митилену; но по причине смут в Византии, произведенных заговорщиками, и потому еще, что войско сильно было изнурено стужей, со всеми морскими, силами возвратился в Византию. Спустя немного ² схватив тех, которые тайно добивались царской власти, и отделив их от их участников в заговоре, он допрашивал каждого поодиночке, чтобы добраться до истины. Затем собрал всех сенаторов и всех, бывших в то время в Византии епископов вместе с патриархом, равно как и всех выборных от византийского народа, и в этом собрании вывел на середину как зачинщиков, так и участников заговора, вместе и, свидетелей. На очной {526} ставке, перессорившись между собой, они самыми несомненными показаниями уличили друг друга в своих стачках, в своих безумных и в высшей степени преступных намерениях; так что, вынужденные неотразимою силою показаний, зачинщики заговора наконец сознались в своем безумии. Они, быть может, тотчас же были бы и растерзаны народом, если бы редкое великодушие царя не сдержало его пламенного порыва. Царь и теперь выказал свою обычную кротость, свою прирожденную, развивавшуюся вместе с годами, мягкость характера, — выказал как во вступлении, так и в заключении своей речи к народу. Начало этой речи таково: «Кто имеет, господа, пастуха и собаку при стаде, тот чем больше видит усердия в них к сбережению стада от волков, тем

¹ Феодоры из дома Палеологов. Ducang.

² В 1337 г., как полагают. Boivin.

больше ими дорожит и увеличивает им ежедневно порцию пищи. Что же касается до меня, то люди самые близкие ко мне по крови, видя, как я ради всего народа римского и их самих, нежившихся дома, скитался далеко от отечества и подвергал себя опасностям на суше и на море, при том среди зимы и на стуже,— меня, говорю, они не пожалели, не подумали чем-нибудь утешить мою жестоко страдающую душу, но заглушив в себе всякое чувство справедливости, подняли оружие на мою голову и в мысли и на самом деле. Они все сделали, сколько от них зависело, чтобы обагрить землю кровью моей, кровью моей супруги, и {527} моих детей. Ниспровергнуты уставы Церкви Божией, ниспровергнуты опоры римского государства. После этого какое железо, какой адамант сохранит свою природную твердость!»! Это вступление речи царя так было трогательно, что легко могло у слушающих вызвать слезы. Но кто мог не подивиться далее, видя, как в царе великодушие было растворено нежностью! Особенно же,— когда царь остановил обвинителей, хотевших обличить и деспота Димитрия, остановил из уважения к своей тетке королеве, которая здесь же тогда сидела вместе с государынею и знатными женщинами, облеченная в божественный и ангельский образ? Тогда и мы, сидя близко, более всех прославляли кротость царя и рукоплескали ему, стараясь поддержать в нем снисходительность к виновным. Мы всегда питали в себе искреннее расположение к королеве и ее брату из уважения к блаженной памяти достоправного царя, их отца, и не могли этого не выразить особенно теперь, когда они находились в таких обстоятельствах. Царь, смягченный тем еще более, не обратил внимания на обвинения против деспота Димитрия. Сущность их состояла в том, что деспот явно сочувствовал заговорщикам. Но сам питал другие думы и притом очень умные***¹. Царь ради самой королевы устроил так, что обвинения против ее брата деспота были совершенно {528} покрыты молчанием. Впрочем не в этом только выразилась доброта царя, но и во многом другом. Он человеколюбиво довел следствие до самого конца и отнюдь не обнаружил жестокости против уличенных заговорщиков; но простил их совершенно, и только сыновей Асана заключил в тюрьму (впрочем милостиво — не налагая на них оков), чтобы, смотря на безнаказанность преступления, не принялись и все за тоже самое. Так великодушно и кротко была произнесена речь царя и было поведено им исследование дела. Когда же царь самым делом убедился, что его дядя Алексей Филантропин, о котором мы выше упоминали часто и во многих местах, по своему благоразумию в делах стоял гораздо выше многих; то глубоко пожалел, что не оставил его дольше правителем Лесбоса и тех эгейских островов, которые находились в римском подданстве. При нем, думал царь, никто из врагов не поработил бы Митилены и дела римлян на море не дошли бы до такого крушения. Поэтому царь приказал ему немедленно опять отправиться для управления этими владениями. Филантропин отправился и немедленно привел там дела в прежнее положение, прекратив волнения, бывшие в этот промежуток времени. Привел он дела в порядок, конечно, с большим трудом и потратив много ума, по причине недавних нововведений в Митилене и на Лесбосе, но все же привел. В городе Митилене находи- {529} лось наемного латинского гарнизона пятьсот человек. Призывая их к себе тайно по два и по три и отсылая с полными руками на родину, Филантропин незаметно такою хитростью освободил от них город совершенно и привел его под власть римлян. Этот человек с одной стороны, благодаря долголетней жизни, имел редкую опытность в делах, с другой эта опытность имела для себя опору и основание в его необыкновенных природных дарованиях. Таким образом в нем были двоякие плоды доблести: одни самородные, сами собой выросшие, другие возделанные в течение многих лет обстоятельствами жизни и упражнением.

3. С наступлением уже весны, множество скифов, переправившись через Истр, прошло всю римскую Фракию до самого Геллеспонтского моря. Здесь, случайно встретившись с некоторыми из тех турков, которые разбойнически часто переправляются чрез Геллеспонт опустошать всю приморскую Фракию, скифы с ожесточением напали на них, как собаки на мертвое тело, и одних связанными взяли с собой, а других изрубили. Это нашествие скифов не было подобно другим предшествующим. Прежде они, двинувшись подобно потоку, стремительно низвергающемуся с горы, и захватив все встретившееся на пути, на другой же день удалялись назад. Но теперь они так замедлили, что в течение целых 50 дней не переставали грабить и опустошать страну, доводя ее {530} до крайне бедственного положения.

---

¹ Здесь в тексте какая-то путаница.

Потом удалились, имея при себе множество пленных — более 300,000, как говорили многие. Причиною такого набега, по словам некоторых, было то, что римляне не позаботились послать обычных даров правителю скифскому и его вельможам. Это страшное нашествие предугазано было и лунным и солнечным затмением ¹, из которых одно случилось на 16-й день после другого. Именно: лунное было тогда, когда солнце находилось в первой части Рыб, а солнечное — когда солнце прошло уже пятнадцатую часть этого знака. В это время царствовал в Трапезунде Василий, сын Алексея Комнина, которого власть, как отцовское наследство, была уже прочно закреплена за ним, после продолжительной борьбы, и который имел супругою побочную дочь царя, Евдокию ². Между тем умер насильственной смертью правитель Этолии и Акарнаний, граф Иоанн ³; Божественное правосудие, видно, наконец покарало и его, как и его предшественников. Он достиг власти, убивши своего брата, подобно тому, как последний убил своего дядю по матери. А так как божественное правосудие не оставляет навсегда злодеяниям оставаться безнаказанными, то и он лишился жизни насильственно, от яда, незаметно поднесенного ему его собственной женой. Она вследствие {531} больших семейных неприятностей боясь погибнуть от своего супруга; наперед сама погубила его, и таким образом вместе с двумя малолетними сыновьями сделалась наследницею власти над этолианами и акарнаниями. Что же касается до царя, то он давно уже и много раз слышал от весьма многих лиц, что те судьи, которые клялись судить справедливо и не нарушать правды лицепрятием и о которых мы уже упоминали выше⁴, забыв свои письменно данные, страшные клятвы, забыв свои обязательства пред церковью и царем, творят суд не неподкупно, но бесстрашно берут взятки, кривят правосудием и, что еще хуже, принимая подарки с обеих прикосновенных к делу сторон, не оканчивают судебных дел, но, вручая тяжущимся одному за другим выписки из дел, содержащие судебные мнения, отпускают их с прежними обвинениями и прежнюю враждою одного против другого. Царь, говорим, от многих лиц слышал об этих и тому подобных вещах; но сперва не мог поверить, полагаясь на важность данных судьями клятв. Наконец в собрании епископов и пресвитеров, составившемся в великом и святом храме святой Софии, под совместным председательством его самого и патриарха, он предложил каждому желающему принести жалобы на тех судей. И вот было высказано множество {532} неопровержимых обвинений,— больше, чем царь прежде слышал. Оставляя прочее, что было в собрании, скажу только, что из четырех судей лишь один оказался невинным во взяточничестве. Остальные же, опасаясь быть растерзанными от народа, поспешили сами себя осудить; они обещали возвратить взятое, кому следует, и совершенно отказались от судопроизводства. Кроме того епископ из числа их был лишен сана и низвержен. Все же они определением царя были высланы из столицы.

4. С началом лета фракийцы опять подверглись прежнему бедствию от азиатских турков. Привыкши всегда прогонять римлян, они, когда бы ни захотели, смело перебирались во Фракию и жестоко опустошали ее. Из них в настоящее время оставались спокойными только те, которые владели Иониею и ближайшими местами, по причине условий, недавно заключенных с царем при Фокее, о чем мы говорили. Населявшие же землю около Трои и берега Геллеспонта переправились на множестве кораблей чрез пролив и с лошадьми, и, сильно опустошив Херсонес, отсюда вторглись во внутренность Фракии в то время, как царь находился в Дидимотихе. Не имея достаточно войска, он не решался встретиться лицом к лицу с неприятелем, но и не отказывался делать засады, проводя ночи под открытым небом и подвергаясь голоду и жажде. Наконец встретившись с некоторою частью врагов, выхо- {533}дивших на добычу, он отнял добычу и без труда истребил их, бывших в числе 130 отборных воинов. Остальные, узнав об этом, отправили к царю посольство и, заключив договор, тотчас же удалились домой. А царь на третий день после этого прибыл в Византию, спеша посетить Этолию, где дела находились в дурном положении, по смерти ее владельца графа, и куда приглашала его для получения власти супруга этого графа. Но еще в это самое лето и в то время, когда царь готовился в путь, пришла весть из Азии о другой опасности. Именно, извещали, что правитель вифинский, Орхан, сын Атумана, давно уже тайно

¹ Кальвизий полагает солнечное затмение 2 марта 1337 г. Boivin.

² Ниже в гл. 8 Григора называет ее Ириной. Boivin.

³ Hist. Franco-Byzant. I. VI, n. 27; I. VII, n. 20 et p. 320. Ducang.

⁴ Книг. 9., гл. 9.

собиравший военные силы, наконец составил у себя такое войско, которого вполне достаточно для выполнения его замысла,— что это войско, как уже вполне готовое, он намерен немедленно переправить из Азии с двух пунктов, с Иера и с Пропонтиды, к предместьям Византии, так как они до сих пор еще оставались целы от вражеских нападений. У него было предположено, истребив наперед всех городских жителей, занятых вне города уборкою хлеба и всех обитателей окрестных сел, занять потом две ближайшие к городу крепости, и отсюда, как из твердой точки опоры, действовать против византийцев. Зная, что римляне не имеют достаточных сил, будучи истощены и изнурены недостатком в деньгах и частыми набегами врагов, и кроме того имея на своей стороне га- {534} латских латинян, он надеялся без всякого труда овладеть столицею. Услышав о неожиданном нашествии врагов, царь, хотя и не имел времени сделать надлежащие приготовления, счел однакож необходимым выйти на борьбу и без приготовления, имея вместо всякого запаса оружия и войск крепкую веру и твердую надежду на Бога. И так отобрав 20 сильных и 40, какие случились, воинов, он посылает их сухим путем, отдав их под начальство великого domestika Кантакузина, а сам с тремя невооруженными триирами отплывает против вражеских кораблей. Между тем варвары имели у себя 24 корабля и, отплыв из азиатских пристаней Пропонтиды, пристали около третьего часа ночи у Регия,— местечка, отстоящего от столицы не меньше, как на 120 стадий. Высадившись здесь, они тотчас отправились на добычу и рассеялись в разные стороны прежде, чем узнали о том туземные жители. И запылали гумна, и раздались вопли жен и детей, увлекаемых насильно! Около девятого часа ночи, когда начало уже светать, прибыл сюда с 70 всадниками великий domestik и, нашедши варваров в разброде; вырезал их, как вырезают жнецы поле, готовое для жатвы. В то же время и царь, достигнув варварского флота, захватил 14 кораблей, и избил находившихся на них стражей. Остальные 10, предуведомленные некоторыми из варваров, прибежавшими к ним, предались скорому бегству. С {535} восходом солнца, вышедши на сушу, царь увидел дело величайшее, которому подобного не представляет история. Оно показывало со всею ясностью, что все зависит не от хотящего или бегущего, но от милующего Бога (Рим. 9, 16). Солнце не достигло еще полудня, как варваров было изрублено до тысячи и до 500 взято в плен; тогда как из римлян не погибло ни одного воина, а пало только значительное количество лошадей; потому что варвары, будучи пешими, не могли ничего сделать вооруженным всадникам, и в отчаянии свирепо бросались на лошадей. Римляне, долгое время находившиеся в глубоком отчаянии, при этом оправились, ободрились и укрепились твердою надеждою на Бога. Все были твердо уверены, что случившееся не было делом человеческим, но что десница Господня совершила это и мышца Его сокрушила непобедимую силу вражью. В самом деле, можно ли было ожидать этого в такое трудное время, когда дела римлян находились в отчаянном положении, а варвары, издавна привыкши побеждать, приобретали более и более дерзости? Из сражений, которым мы удивляемся в истории по огромному количеству воинов павших с той и другой стороны, не много найдется таких, в которых было бы столько убитых и столько взятых в плен, сколько теперь — от одних 70 воинов. На следующий день царь, опять вооружившись блистательным образом и на море и на суше, отплыл в залив Иера, {536} надеясь настигнуть убежавших туда, как слышно было, варваров. Но он обманулся в своей надежде; потому что варвары, узнав о поражении своих соплеменников, ушли оттуда. Возвратившись оттуда домой, царь вышел ночью из дворца и прошел пешком 45 стадий, до святого храма пречистой Богоматери Одигитрии, чтобы от всей души вознести Ей благодарственные молитвы.

5. Но я едва было не опустил кое-чего такого, на чем считаю нужным остановиться теперь. В это лето, когда солнце уже достигло летних поворотов, начала появляться комета на северной стороне горизонта, каждый вечер, тотчас по заходе солнца. Впрочем, говоря точнее, это была не комета, а Погонияс ¹, звезда с хвостом, похожая на меч. Она стала заметна у самых ног Персея, с своим длинным хвостом, обращенным к востоку и находившимся близ хребта Тельца. Потом каждый день подвигалась почти на три градуса к северному полюсу. Пройдя северный полюс и за ним Малую Медведицу и клешни Дракона, она коснулась правой ноги Геркулеса и после него венца Ариадны. Далее прошла левую руку Офиуха. А так как здесь находится широта зодиака, равноденствие и место жара; то комета долее не могла

---

¹ От πώγων — борода.

сохраняться, при своем составе из разрешившейся в пары влаги, но начала рассеиваться с хвоста, {537} а наконец и сама исчезла совершенно, так как была не звезда, а только призрак звезды. К сказанному прибавлю и другой, стоящий внимания, рассказ. В эти времена одна из скифянок, имеющих жительство по ту сторону Истра, не имевшая ни мужа, ни детей, увидев перед дверьми своего дома приведенных из Фракии пленников (а она издавна желала переселиться к римлянам и принять св. крещение), купила и взяла к себе в мужья одного из этих пленных христиан, обязав его наперед клятвой, чтобы он не оставлял сожительства с нею, даже и тогда, когда бы они переселились куда-либо в другое место. Но в ожидании удобного времени для переселения прошел целый год, в течении которого у ней одно дитя родилось, а другое зачалось,— после чего ее любовь к мужу сделалась еще сильнее и живее. Случилось же так, что на следующий год приведена была пленною и первая жена упомянутого мужа, который встретил ее со слезами. Узнав о причине слез, скифянка не только не рассердилась на своего мужа и не стала ревновать его к первой жене, но купила и ее, чтобы последняя помогала ей по хозяйству и вместе утешалась, глядя на своего мужа. Между тем, когда при удобном случае скифянка приняла св. крещение и прибыла в царствующий город; то первая жена, пришедши к патриарху, с воплем и слезами жаловалась ему на обиду от скифянки, будто бы отнявшей у ней мужа. Но когда явилась и эта {538} и обстоятельно рассказала, как было дело; то не нашлось никого, кто бы признал ее хотя в чем-либо виновною; потому что скифянка была госпожою их обоих, которая своими деньгами спасла их, можно сказать, от диких зверей. И так когда все молчали, не находя ее виновною ни в чем, она сама решила дело так. Мужу она даром предоставила свободу, имея в виду, что жила с ним и прижила детей; жене же, хотя хотела сделать тоже, но не сделала, потому что нуждалась в деньгах для содержания себя на чужбине с двумя детьми. «Пусть она, сказала эта женщина, принесет то, что я дала за нее и отправляется с мужем. А я буду жить остальное время с своими детьми, предав себя в руки милосердного Бога». Такое решение все вместе с патриархом превознесли похвалами и подивились великодушию этой женщины. Но спустя немного ее правота увенчалась соответствующим ей исходом дела, по воле человеколюбивого и вместе правосудного Бога. Та жена, отправившись для сбора выкупа к своим землякам во Фракию, где жила прежде, снова попалась в руки скифов, неожиданно напавших на Фракию, и была уведена ими в плен, а ее муж уже окончательно стал жить с этой добросердечной скифянкой.

6. Мы сказали уже, что дела этолян и акарнаний, сильно расстроенные по смерти правителя их, звали царя туда. Тамошнее управление, будучи в руках вдовой женщины и ее {539} несовершеннолетних детей, шло очень худо, как корабль без якорей, попавший под бурю. Но царь, зная, что иллирийцы привыкли к клятвопреступничеству и вероломству, что они часто опустошали римскую землю и занимались грабежом по дорогам, зная их бессовестность и коварство и предполагая, что они и теперь тайно станут мешать его поездке к этолянам и акарнаниям, призвал к себе 2000 наемных турков, населявших Смирну и Ионию. Высадившись с ними, при начале весны, в страну иллирийцев, он опустошил ее и собрал огромную добычу; так что турки в короткое время из бедняков сделались богачами и вскоре с полными руками возвратились домой. Обессилив таким образом иллирийцев, царь уже спокойно прибыл к этолянам и акарнаниям с своим войском и без труда подчинил себе всю эту страну с ее городами; потому что тамошные вельможи с их правительницей Анной, дочерью протовестиария, добровольно признали над собою его власть. В то время, как он устраивал здесь дела, была взята вифинская митрополия, Никомидия, сильно изнуренная голодом от продолжительной осады. В следующем году, не произошло ничего достойного рассказа, кроме того, что турки часто, свободно, и во множестве, приходили, и, опустошали Фракию. Но это такая история, которую мне скучно повторять постоянно. В следующем уже за этим году сын прежнего владетеля Эпира, графа Кефа- {540} лонии, бывший тогда 14 лет от роду, но развитый не по летам, видя, что отцовское наследие отошло под власть царя, а мать согласилась провожать его до самой Фессалоники, причем приказывала и сыну следовать за нею без всяких знаков отцовской власти, задумал восстание и, посоветовавшись с одним из знатных эпириан, убежал с ним в Старые Патры, к супруге умершего принцепса пелопонесского и ахайского. Между тем мать его скоро прибыла с царем в Фессалонику и, получив там от него значительные поместья с ежегодными доходами с них, решила там же провести и остальное

время ¹. Наместником Эпира был назначен от царя протостратор ², Феодор Синадин; но не прошло и одного года, как он был схвачен тамошними жителями и в узах отдан сыну графа, снова возвратившемуся в Эпир и принявшему власть отца, по желанию его подданных.

7. Прибыв в Адрианополь вместе с своею супругою государынею, царь привел к концу давно уже начатые переговоры о браке,— выдал свою девятилетнюю дочь ³ за четырнадцатилетнего сына мизийского правителя Александра. После того между римлянами и мизийцами установился глубокий мир. В это время {541} родилось в Византии дитя, имевшее с ног до пупка обыкновенный вид, но потом в плечах, груди и хребте раздвоялось и имело две головы и четыре руки. Спустя один день оно умерло. Гораздо прежде его было в Траянополе ⁴ другое дитя, которое на третьем году лепетало по-детски, но обладало силою двадцатилетнего человека, ело наравне с взрослым и имело в известных местах волосы совершеннолетнего. Но еще не достигши пяти лет, оно подверглось горячке, и умерло. Недосток свойственной детскому возрасту влажности произвел в его теле такую сухость, какая может быть разве только у двадцатилетнего. От того-то согласная с свойством телесных членов сила, развиваясь в нем, повлекла за собою нарушение естественного порядка развития и возрастания; а природа сама собою не может управлять, каковой закон положен для нее ее Создателем и Строителем. Божественный Художник так устроил живой организм, что в нем не должно быть ни недостатка, ни излишества; но как в музыке тотчас расстраивается мелодия, коль скоро одну струну ослабляют, а другую натягивают сверх меры, так и гармония животной жизни нарушается от всякого вещественного недостатка и излишества, и эта жизнь или развивается слишком скоро, или же останавливает-ся {542} в своем развитии. Подобное неестественное состояние мы замечаем в ранних цветках, которые, выросши прежде времени, обнаруживают какую-то спешность и торопливость в своем росте, но потом блекнут от молний и града, теряют свою непрочную свежесть от холода и изморози, хотя и показывают в себе явный избыток растительной силы.— В начале осени произошло возмущение в генуезской республике, где богатые и знатные граждане дошли до такой гордости и высокомерия, что прежнее равенство демократии превратилось у них в тиранию. Возмущенный этим народ восстал против них, изгнал их из города и возвел из среды себя одного человека в сан дукса республики ⁵, по примеру древнего консульского достоинства в Риме, или вернее, по примеру республики венецианской. По окончании этой зимы, когда солнце прошло уже знак Овна, показалась на небе комета в виде меча, подобная являвшейся за три года пред тем, но не на том месте и не с таким движением. Сделавшись заметною у клешней Рака, она направилась потом к колосу Девы, подвигаясь в каждые сутки до пяти градусов, и наконец, достигнув Льва, исчезла здесь совершенно. Между тем 8,000 турков, переправившись чрез геллеспонтский пролив со множеством вьючных животных, {543} опустошили всю Фракию до самой Мизии. Эту страну они сделали для римлян непроходимую пустынею; а сами грабили ее и награбленную добычу днем и ночью переправляли в Азию, не желая оставаться долго во Фракии, хотя им никто не препятствовал в том.

8. В эту весну умер, после скоротечной болезни, владетель Трапезунда, Василий. По моему мнению, его смерть была ему наказанием Божиим за то, что он, прожив короткое время с своею супругою Ириною законно и честно, в должном согласии и целомудрии, перенес потом свою супружескую любовь на одну распутницу, по имени также Ирину, и, вступив с нею в незаконную связь, воспламенился ненавистью к законной супруге. С течением времени видя, что царица не хочет переносить такого беззакония, но вопиет к небу и земле и пред всеми изливает свою сердечную скорбь, он изгнал ее из самого дворца, и даже, может быть, убил бы ее, если бы не побоялся народа, который сильно возмущился и восстал на него и за то. Впрочем и при священнослужении, и на публичных зрелищах во дни высокаторжественных праздников продолжали возглашать имена Василия и Ирины; пользуясь этим, Василий удовлетворял и своей страсти и требованию народному, обманывая народ тожеством имен. Отсюда родилось

¹ См. ниже кн. 13, гл. 6. Boivin.

² Кантакуз. кн. 2, гл. 34. Ducang.

³ Кантакуз. кн. 2, гл. 34. Ducang.

⁴ Фракийский город между Максимианополем к западу и Апрами к востоку.

⁵ Симона Букканегру. Uid. Ioann. Willaneum I. XI, c. 101, I. XII, c. 26. Petrum Bizart. I. VI. Histor. Genuensis sub an. 1339. Ducang.

даже подозрение, что Василий умер вследствие тайных козней царицы Ирины. Но так или иначе умер он, только после его смерти за-{544}конная супруга его, Ирина, вошла во дворец со всею царскою властью; тотчас же выгнала оттуда соименную себе, но распутную и незаконную сожительницу Василия и, по общему определению трапезундцев, отправила ее вместе с детьми в ссылку в Византию. Вместе с тем она отправила и послов к своему отцу-царю, чтобы они привели оттуда кого-либо для вступления в законный брак с нею и для получения от ней власти над ее царством. По прибытии в Византию, послы узнали, что царь находится в Фессалонике, и потому для свидания с ним сочли нужным отправиться туда и сами. Царь хотя еще в прошлом году перешел из Фракии в Македонию, намереваясь немедленно же двинуться в Эпир на вероломных этолян и акарнаний, но был задержан на несколько времени в Фессалонике обыкновенною болезнью селезенки (сплином). Она уже давно подверглась у него какому-то повреждению и страдала опухолью, производя расстройство и в других ближайших частях внутренностей; отчего пищеварение расстраивалось, члены тела расслабевали и делались обмороки, грозившие смертью. Оправившись несколько, он пошел в Акарнанию, где и был встречен трапезундскими послами, которые и объяснили ему свое назначение. Во время этого замедления, когда власть над трапезундцами находилась пока в руках слабой и неопытной женщины, некоторые лица стали возмущать и волновать народ. Вынужденная {545} тем, царица Ирина отправила легкую на ходу трииру с новыми послами, в числе которых был и трапезундский архипастырь, с тем, чтобы они побудили царя поспешить выполнением прежнего ее требования. Приплыв в Византию и не найдя здесь царя, эти новые послы отправили к царю только несколько самых знатных и почтенных всадников. Прибыв в Фессалонику, они не нашли здесь царя; потому что, отправившись незадолго пред тем, он пошел, как мы сказали, осаждать акарнанскую митрополию,— и потому решились, оставшись на месте, известить царя о своем посольстве письменно. Между тем заманчивость власти до такой степени увлекла женское сердце Ирины, что некоторые подпустили ее вступить в тайную связь с великим доместиком Трапезунда. Разошедшаяся молва об этом сильно возмутила народ, особенно знать, — и одни приняли сторону Цанихита ¹, человека весьма сильного в то время и своим богатством и славою, а другие сторону великого доместика. При таком волнении и разделении города Трапезунда на две стороны, дело дошло до междоусобия, в котором с обеих сторон были убиты, говорят, весьма многие и в том числе Цанихит.

9. Между тем царь Андроник, занятый осадю акарнанской митрополии, видел, что все идет по его мысли и желанию. При великом {546} доместике Кантакузине, разделявшем с ним труды и помогавшем ему в деле правления, он отнюдь не чувствовал неудобств своего положения. Кантакузин искусно развлекал его в этом долговременном пребывании на чужбине, при виде гибнущих лошадей и воинов, и умел весьма умно облегчать страдания его сплина, и рассеивать порождаемые им мрачные мысли. Какие бы дела ни томили его сердца заботами, Кантакузин легко облегчал его томление. Вдобавок он весьма искусно подавил составленный против царя его родственниками заговор, не допустив его и до слуха царя. Богато наделенный дарами природы и украшенный глубоким умом, этот человек был любим всем войском; так что не было ни одного воина, который бы не предпочитал его жизни своей собственной. При своих трудах и занятиях за границей, не изменяясь сам ни в благородном обращении с другими, ни в твердости характера, он заботился однако же о том, чтобы по возможности улучшить положение воинов, страдавших тогда от голода и язвы. Оттого и воины и военачальники, и рядовые и высшие чины, все, пережившие это трудное время, единогласно называли его своим спасителем, кормильцем, благотворителем и всевозможными именами, какие только могут делать честь римскому народу. Когда он (мы вкратке лишь изложим дела, блистательно совершенные тогда этим человеком, при его мудрости, одинаково дававшей {547} себя знать и вблизи и вдали), когда он, говорю, осаждал вместе с царем акарнанскую митрополию, были схвачены задумавшие тиранию и грозившие Византии; они составляли собою большое число и были не из незнатных, но об них обстоятельнее скажем впоследствии ¹. Был схвачен тогда и Сфранц Палеолог, убийца Сиргианна, задумавший тоже и против царя. Он

¹ Снес. кн. 13, гл. 11. Boivin.

¹ Григора не выполнил своего обещания. Boivin.

находился в лагере, вместе с царем, между тем для своих целей тайно сносился с фивскими каталонцами и соседними иллирийцами. Но он кончил жизнь прежде, чем получил здесь достойное возмездие, конечно, потому, что Бог определил этому своему врагу более тяжкое, вечное наказание. Тогда же без труда был взят римлянами город фокейцев. Четыре года назад его не мог взять царь и с многочисленными морскими силами, а теперь им овладели жившие в нем римляне; улучив такое время, когда правитель города по обыкновению уехал на охоту, и одолев небольшое число находившихся там латинян, они взойшли на стены и провозгласили имя царя. Когда здесь произошли такие дела, и акарнаны², отчаявшись выдержать долговременную осаду, сдались. Таким образом весь древний, так называемый, Эпир покорился римлянам, так что там не осталось больше никакого противодействия. Когда {548} же царь возвращался в Фессалонику, туда явился и сын умершего графа Кефалонии,— впрочем не по доброй воле, но потому, что ему не оставалось больше никакой надежды возвратить себе отцовскую власть. Итак, виновником вот каких великих дел явился великий domestik, с своим молчанием! У других слова — одна тень дел, лишь только рождаются на языке, как и умирают; а этот человек молчал, но совершал великие дела, обладая неистощимо богатым и необыкновенно глубоким умом. С наступлением весны³, отправившись из Фессалоники вместе с супругою и детьми, на 12-ый день царь достиг города, называемого Дидимотихом и, пробыв здесь много дней, отправился в Византию уже на исходе весны, жестоко страдая от сплина, который быстро приближал его к смерти. В его выздоровлении отчаялись и врачи, как римские, так и персидские, которые нарочно были призваны по этому случаю и которых было трое. Они предписали царю употреблять самую легкую пищу и всеми мерами воздерживаться от всего вредного, но он совсем не слушался их, и в выборе кушанья руководствовался единственно своим вкусом, совершенно вопреки советам врачей. Вследствие этого сплин его, быстро распространившись, простерся до самой печени, явно грозя жизни. Пробыв дней 20 во дворце, в совершенном уединении, царь {549} вздумал потом отправиться в святой храм Богоматери, находящийся в так называемом монастыре Одигов⁴; потому что всегда и во всех делах возлагал на Нее великие, твердые и успокоительные надежды. По обычаю он пришел и теперь, чтобы испросить у Богоматери одного из двух — или конца болезни, или конца жизни.

10. Но я едва было не прошел молчанием того, о чем решительно необходимо рассказать и без чего нельзя было бы мне и продолжать своего рассказа. Итак расскажу об этом вкратке. Когда власть над римлянами перешла от Андроника старшего к Андронику младшему, прибыл в Византию из Италии человек, носивший одежду римлянина⁵ и называвший себя Варлаамом. Он хорошо знал догматическую ученость латинян, впрочем отдавал и светской учености еллинов, хотя и не в такой степени, в какой сам воображал, а отчасти и, как говорится, одним ногтем. Между тем, он приобрел благоволение царя и, распространяясь в похвалах своему, {550} стал порицать и унижать византийское государство, как чуждое, по его мнению, всякого образования, чтобы, браня других, лукаво и хитро приобрести себе славу в народе и заслужить похвалы от людей простых и неученых. Но вскоре оказалось, что это был обезьяна, и почти все византийцы начали открыто осуждать и осмеивать его; а как,— это желающие могут узнать из моего разговора⁶, который я написал, по просьбе очень многих ученых людей, изложив в нем все обстоятельно. Он имеет такое заглавие: «Флорентиец, или о мудрости», и начинается так: «Каким это образом добрый Флорентиец вел нас столь долгое время в корцирскую пристань, тогда как, благодаря Бога, любезный Критовул, Саламиния и Парал, быстрые триеры афинские чрез 10 дней по отплытии доставили нас в корцирский сенат,— нас послов, возвестивших там нечто такое, чему нельзя будет не

² Снес. Кантак. кн. 2, гл. 34. Ducang.

³ Тот же Кантак. кн. 2, гл. 40. Ducang.

⁴ Безымянный писатель и Котин говорят, что храм Богоматери Одигитрии построил Михаил Мефист, убитый Василием Македонянином. Но если верить Феодору Чтецу и Никифору Каллисту, он построен не Михаилом, а супругой имп. Маркиана Пульхерией, которая поместила в нем много священных вещей и между прочим образ Богоматери, писанный евангелистом Лукою и называвшийся образом Одигитрии. Он находился у морских стен, неподалеку от ипподрома. Vid. Anonym. Antiqu. CP. p. 22; Anselm. Bandurii p. 463—464.

⁵ 'Ράκος 'Ρωμαίκο; 'ν υ; 'λοβυ; 'ς. Одежда римская, т. е. византийская или греческая. 'Ράκος означает собственно монашескую одежду. Boivin.

⁶ Находится in Cod. Reg. 3284. fol. 242. Boivin.

подивиться и тебе, как скоро ты услышишь о том»? В этом разговоре переименованы нами названия и лиц и вещей. Вместо Византии поставлены Афины, вместо вождей римских Гераклиды и Кекропиды ¹; вместо Никифора Никагора ² и т. п., что впрочем легко может быть понято челове- {551} ком догадливым. Но потерпев неудачу в своих расчетах на первой дороге, этот Варлаам пошел другой дорогой, для достижения той славы, которой не достиг там. Как скоро кто-либо в чем проговаривался, он тотчас торжественно начинал обличать, чтобы, выходя отсюда, как из укрепленного пункта, произвесть в Церкви раздоры и смуты и выставить латинские догматы, как догматы здравые ³. Он следил и бесстыдно порицал жизнь монахов, называл их еххитами, омфалопсихами и тому подобными именами и обвинял в ереси мессалиан. Я слышал, говорил он, как хвастали они и на словах и на письме, что телесными очами видят естество Божие. Не в состоянии будучи сносить его речей, они поручили вступить в устную и письменную борьбу с ним и опровергнуть его положения некоему Паламе, человеку более всех их искусному в слове. Борьба эта, в течении двух или трех лет с обеих сторон постоянно усиливаясь, достигла наконец широких размеров. Варлаам, боясь, чтобы его не растерзали монахи, во множестве собравшиеся и из Афона и из монастырей фессалоникских и византийских (они думали, что пори- {552} цание равно касается всех их), приходит к архипастырю Константинополя и собору тамошних епископов и обвиняет Паламу не только в омфалопсихии и предосудительной молитве, но и в богохульном богословствовании, именно в том, что «он вводит новые мнения в таинственное церковное Богословие и хвалится видениями, полными гордости и самообольщения». Вследствие сего положено было открыть суд в великом храме св. Софии, в присутствии самого царя, членов сената и ученых людей. Настал и назначенный день суда ⁴; на собор собрались все, — не только те, которые обязаны были к тому своим служением, но и бесчисленное множество простого народа; явился в священное судилище и сам царь, оправившись несколько от болезни и укрепившись, благодаря своей ревности о благочестии. Было решено — спорные богословские предметы пройти молчанием, как потому, что священные тайны Богословия не следует открывать неблагоговейному слуху простого народа, так и с тою целью, чтобы, когда Варлаам будет оправдывать свои нелепые слова и мысли, не оказалось, что и Палама виновен в богохульном и неприличном богословствовании, и чтобы не возникло отсюда волнений и смятений, вместо приличных делу тишины и порядка. Затем начались рассуждения о молитве. Что же касается до мессалианской ереси {553} и других обвинений, взведенных на Паламу, то рассуждения об них были отложены на некоторое время. И если бы не последовала затем внезапно смерть царя, то вскоре достигли бы своей цели его сильные меры против ереси Паламы ⁵; они истребили бы эту ересь еще в самом ее зародыше. Скажу кратко: когда Варлааму не позволено было высказать открыто богословских обвинений, по вышесказанным мною причинам, он был посрамлен и уличен на основании разных его сочинений в недобросовестности, дерзости и, предосудительном домогательстве славы от народа. Тогда и царь, возбужденный благородным честолюбием, сказал речь, умную, удивившую всех и вполне приспособленную ко времени и обстоятельствам. Он впрочем сам не был удовлетворен и опечалился тем, что не имел и меня в числе своих слушателей. Обыкновенная моя головная боль страшно мучила меня, так что я никак не мог присутствовать на соборе, хотя и был накануне приглашен многими лицами и царем и патриархом и всем собором судей и подсудимых. С наступлением вечера собрание кончилось. Варлаам, горячо приняв к сердцу срам, какому подвергся, на всех парусах поехал в Ита- {554} лию ¹, приют латинских обычаев и догматов, в которых был воспитан.

¹ Гераклиды — партия Андроника младшего, Кекропиды — Андроника старшего. Boivin.

² Также Митродор вместо Феодор Метохит, Ксенофан вместо Варлаам. Boivin.

³ Между тем в это время Варлаам писал за греков против латинян. In. Cod. Reg. 2950 существуют Варλαα;`μ μονάχῃ καί` φιλόσοφῃ λόγῳι κατα;` τῷ;`ν ε;`ξ ὧ;`ν;`ν καί;` α;`ὐτο;`ς ε;`ξ;` ἡκε το;` γένος Ἰταλῶ;`ν и пр. Этих слов числом 20; им предшествует надпись, в которой внушается читателю благодарить Бога за то, что латинянин написал эти слова против латинян. Boivin.

⁴ 11 июня. Boivin.

⁵ Подобных выражений о Паламе, который причтен Церковью к лику святых, как поборник православия, у Григория встретится еще много. Заметим однажды навсегда, что голос Григория — голос частного лица, а не Церкви, и суд его — суд современника, а не беспристрастный суд потомства.

¹ Он отправился впрочем в отечество, уже по смерти Андроника младшего (снес. Кантак., кн. 2, гл. 40). Boivin.

11. Царь снова отправился в монастырь Одигов, сильно ослабев частью от речи на соборе, частью от своей болезни. Около полуночи, поужинав здесь более, чем сколько следовало, он во весь следующий день был погружен в тяжелый сон и почти в бесчувственное состояние. На третий же день, открыв глаза, он просил царицу не плакать, а сам потребовал помощи от врачей, и в то же время послал как можно скорее узнать от меня, благоприятствует ли или не благоприятствует теперешнее положение небесных светил усилиям и мерам врачей. Но прежде чем посланные возвратились с нашим ответом, он снова впал в состояние еще более бесчувственное и лежал таким образом, едва дыша, до трех дней. Наконец пред восходом солнца, 15 июня 6849 (1341) он скончался. Всего времени его жизни было 45 лет; из них он царствовал 12 лет и 22 дня с тех пор, как силою взял царствующий город. На третий день после этого печального события, когда царица Анна возвратилась во дворец, туда в числе других явился и я, едва поправившись после своей болезни. Так как и патриарх и все кровные родственники царя тотчас приступили ко мне с просьбою {555} изложить в речи приличные времени скорбные чувства, то я вышел на средину и сказал следующее. «Мы, присутствующие здесь, надеялись воспевать победные песни, рукоплескать божественному царю и соплетать из слов венки для его царственной главы, как малую награду, как слабую дань нашего уважения к его великим подвигам, к его долгим, чрезмерным трудам и беспокойствам, подъятым для нас. Но увы! время возлагает на нас другую обязанность; оно заставляет нас вместо песней хвалебных составлять песни плачевные, вместо его трофеев исчислять наши потери, и вместо радостных надежд тревожить себя опасениями. Увы, какое несчастье! Какой Орфей, какой Гомер составит такие плачевные гимны, чтобы они соответствовали этому великому, можно сказать, всемирному горю? Источники рек, озера и моря! обратитесь в слезы и оросите ими и солнце и луну и звезды. О, кто похитил из среды вселенной этого ратника-героя? Какой гроб, какая земля, какой камень овладели нашим сокровищем? Великая среда воздушная! раскрой свои объятия, прими от нас наши рыдания и пролей с своей высоты обильные дожди слез. Он не разбирает ни лета, ни осени в своих походах; он был выше времен года и стихий; зимнюю стужу он находил для себя летним жаром, недостаток изобилием, бодрствование сном; вместо отдохновения он прибавлял труды к трудам и подвиги к под- {556} вигам, переходя то с суши на море, то с моря на сушу. А теперь, увы, его покрыла горсть земли! О, чей голос в состоянии поведать об этой потере и земле и небу и звездам и, наполнив их жалостью, соединить в одно все части мира для общего плача? Кроме других побед он одержал и эту великую и славную победу, простершуюся и на море и на сушу и представившую из себя истинное чудо и той и другой стихии. Я говорю о персидских непобедимых войсках, пришедших из Азии, которые он решительно поразил в тот же день. А теперь, увы! еще скорее его самого поразила смерть. Потрясись земля при настоящем несчастье, чтобы все люди и всех возрастов, почувствовав его, присоединились к нам и сделались участниками в наших рыданиях. При быстром своем движении, он являлся, куда хотел, прежде, чем узнавали о том, и рассеивал врагов одною молвою о себе прежде, чем успевал сойтись с ними. Но еще быстрее настигла его смерть и остановила навсегда его быстрые движения. Источник огня воздушного! сделай чтонибудь одно из двух,— или перестань рассеивать по земле животворные лучи свои, или же, сосредоточив их все, обдай землю зноем, чтобы деревья лишились своих листьев, чтобы полевые лилии поблекли и чтобы всякий злак почувствовал величие настоящей потери. Его трепетали правители триваллов и мизийцев, которых он часто, как спящих, поражал, подобно не- {557} бесному грому. А теперь он лежит бездействен и недвижим во гробе. Небо! разверзши свои врата, провозгласи громами об этом великом несчастье и потряси все создание, чтобы и бездушная природа почувствовала его и все создания разделили с нами нашу скорбь. О, каким образом эта быстрая и стремительная сила остается теперь без движения? Каким образом тот, кто так часто радовал нас своими трофеями, все сегодня извратил: весну обратил в зиму, солнечный свет в глубокую тьму,— все одел для нас черным цветом и как бы скрыл от нас сияние небесной лампы? Каким образом тот, кто так часто ради своих подданных отказывал во сне очам своим, теперь смежил их навеки? Каким образом он, скрывшись под кров каменного хитона, так неожиданно лишил нас всякого покрова? Каким образом тот, кто прежде разил и повергал тела врагов, теперь безжалостно пронзает стрелами из гроба души собственных подданных? А ты божественная царица! Где ты оставила свою славу? Каким образом, вышедши вчера из этого дворца подобною луне полной, сегодня ты возвратилась

сюда наполовину умаленной? Каким образом вчера ты цвела, подобно густолиственному дереву, а сегодня неожиданно поблекла, как трава на поле или роза в саду? Каким образом вчера ты сияла в царских чертогах своих, как луна во всем своем блеске, а сегодня покрылась множеством {558} густых облаков? Кто омрачил так скоро твою красоту? Где ты оставила свой увядший цвет? Кто взбороздил твой сад, полный прекраснейших цветов, — какой вор, какой разбойник, какой вихрь или небесный гром? Каким образом ты вчера торжественно отправилась отсюда, точно из пристани, а сегодня возвратилась точно корабль после бури и волнения, лишенный всего своего драгоценного груза? Кто обрезал твои золотые кудри? Кто лишил блеска твою порфиру? Кто похитил твой светильник? Кто погасил твоё солнце? Кто произвел для тебя это новое затмение? Кто расторг твоё славное супружество? Какая жестокая буря нарушила твою весеннюю ясность? Но присоединись ко мне сетующему весь народ римский, и будем плакать общим плачем, не о почившем впрочем, а о себе самих, оставленных им. Ведущие род свой от царственной крови! оплачьте царя, и как вашего родственника и как красу вашего рода. Обитающие в царских чертогах! пожелайте такого же светила для этих чертогов. Воины! пожалейте мудрого вождя. Рабы! оплачьте человеколюбивого господина. Привыкшие спокойно жить и засыпать в домах своих! оплачьте неусыпного стража. Судьи! сокрушайтесь о том, кто давал силу законам. Священные предстоятели Церкви! пожелайте себе такого пламенного ревнителя и любителя догматов. Обитатели гор и пещер! пожалейте об этой ограде и об этом оплоте вашей славы и доб- {559}рого мнения о вас других. Настоятели святых обителей! пожалейте об акрополе вашей силы. Подумайте о его последних подвигах за вас, когда он, от совершенного изнурения тела и вследствие ран, полученных на войне, и вследствие прижиганий врачей, уже близок был к смерти, но пренебрег своим телом; не щадя своей жизни, он со всем усердием притек к священному амвону и к святителям, и не прежде удалился оттуда, как обнадёжив в том, что, сколько от него зависит, он сокрушит ваших обидчиков с их испорченными догматами и прекратит церковную бурю. Вспомните, как много и с какою ревностью говорил он своими священными устами в защиту божественных законоположений и самой истины. Вспомните также, что говорил он прежде, чем пришел на священный собор, — о чем потом мудро рассуждал на самом соборе, подобно древним богословам, когда они, исполнившись божественного вдохновения, отдавались водительству Духа, вещавшего их языком. Вспомните наконец то, что он в то время, как его жизнь висела уже на волоске, не уступал своей болезни, но с полным усердием продолжал устраивать все к лучшему. Я думаю, что Бог вдохнул в его душу такой огонь ревности для того, чтобы ею завершить все другие его доблестные подвиги, как бы положить на них прекраснейшую печать, этими словами очистить его язык и с этими законами и догматами переселить его {560} из этого мира в другой». Этот царь имел приятное, и располагающее к себе лицо, характер мягкий и добрый, обращение добродушное и симпатичное. Он не любил ни с кем и ни о чем советываться, а полагался во всем только на свой смысл и свое знание. Был скрытен и в тоже время отличался глубокою рассудительностью. Но был неразговорчив и не любил видеть вокруг себя много народу. Поэтому он тяготился царскими заботами и занятиями и в большие праздники не делал того, что вошло в обычай у царей; разумею — зрелища, торжественные процессии, поздравления и милостивые объявления о пожаловании денег и повышении в чинах. Можно было даже опасаться, что все эти прекрасные обычаи царей, передаваемые ими преемственно от одного другому, наконец погрузятся в бездне забвения. В самом деле, очень могло быть, что с течением времени, по смерти знавших эти обычаи, трудно было бы потомкам восстановить их. Но небрежение о подобных обычаях у него находилось в связи с его страстью к другим вещам, пустым. Так, он держал великое множество охотничьих собак и птиц, и до такой степени любил их; что если кто попадался ему с птицею или собакою, наверно уходил, простившись с ней. После его смерти, Кантакузин, исчислив огромные суммы, издерживавшиеся на это, бесполезное и положительно вредное для государства дело, раздал их нуждающимся. А этих {561} сумм, говорят распорядители царских имуществ, выходило до 15,000. Но при этом он имел такую сильную и твердую веру в Бога, что ходил большею частью без стражи и без телохранителей. Часто он жил под одною кровлею и ел вместе с теми, о которых знал, что они злоумышляют и строят против него ковы. Он говаривал, что жизнь человека находится в руке Божьей, и как скоро эта рука оставляет человека, тогда открываются двери всевозможным опасностям. Этого мало: в характере царя

была еще и та особенность, что он отнюдь не был занят своим царским величием; часто становился даже ниже своих подданных. Из многих примеров я скажу вкратке об одном. Всем известно, что помост царских мест возвышается над полом до трех пяденей, именно там, где становится царский трон,— чтобы царь и этим возвышался над другими, во время ли священнослужения, во время ли беседы с своими подданными, или при приеме иностранных послов. На этом возвышении не дозволяется стоять вместе с царем никому из смертных, кроме супруги царя, его детей и братьев, к которым, я думаю, можно причислить и дядей. Но когда этот царь стоял здесь и вел отсюда беседу, то к нему всходили сюда же, кому было нужно, не только все знатные юноши, но и простые люди и рабы и вообще все, кому было угодно. Поэтому часто около него составлялась и теснила его такая толпа, что он сходил с возвышения и, становясь на пол, уступал свое место другим, нисколько не досадуя ни на кого. Что касается до головной калиптры, то у прежних царей было принято, чтобы только пожилые придворные употребляли калиптры, имеющие вид пирамид и покрытые сирической¹ материей, смотря по сану каждого; но юноши должны были иметь головы обнаженные. В царствование же этого царя упоминаемый обычай до того был заброшен, что стали носить калиптры все и юноши и старики, как во дворце, так и под открытым небом, притом калиптры, покрытые разнородными иностранными материями, по собственному усмотрению каждого. Так: носили материи латинские, триваллские, сирийские, финикийские, словом — кому какие нравились. Тоже самое было и вообще с одеждами; так что благоразумные люди в этом видели недоброе предзнаменование — какие-нибудь нововведения и даже падение царства с его обычаями и учреждениями. На эту мысль еще более наводило то обстоятельство, что некоторые дворцы и прекраснейшие здания, почти совершенно разрушенные, служили тогда известного рода местами для всех прохожих. Тоже было с обычаями и учреждениями патриархов, равно как с их огромными и великолепными домами, {563} которые составляли лучшее украшение и вместе ограду для храма св. Софии; разумею как те, которые были построены первыми зодчими, так и те, которые были прибавлены впоследствии. Все они сделались игрушкой порчи и разрушения. {564}

В заключение помещаю несколько строк о переводчике «Римской истории» Н. Григоры П. И. Шалфееве. Эти сведения взяты из «Полного православного богословского энциклопедического словаря». Репринтн. изд., М., 1992 г.: **Шалфеев, Петр Иванович** — магистр богословия и профессор с.-петербургской духовной академии, оставивший много сочинений по вопросам древней церковной письменности, истории церкви, монашества и др. Из его трудов можно указать: «Общий обзор отечественной письменности в IV и V вв.», «О монашестве против протестантов», «Христианство и прогресс», «Мысли о православии» и др. Умер в 1862 году.

Помещаю также карту Византийской империи и сопредельных стран в XIII—XIV вв. Карта взята из книги: Ш. Диль. «История Византийской империи». Москва, 1948 г.

---

¹ По городу Сирам или Серам, о котором см. выше стр. 271, пр. 1.